

ПЕТР I

Н.И. Табленко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Биография Петра Великого, преобразователя России, принадлежащая перу крупнейшего отечественного историка Н. И. Павленко, по праву признана классикой биографического жанра. Она написана на строго документальной основе, с привлечением всех доступных источников, и в то же время читается на одном дыхании, подобно добротному историческому роману. Личность Петра I, как, наверное, ни одного другого государственного деятеля в истории России, вызывает и по сей день неутраченные ожесточенные споры: благом или трагедией для России стали его знаменитые преобразования? Автор книги дает свой ответ на этот вопрос, раскрывая перед читателем все стороны многогранной, поистине титанической деятельности царя-реформатора.

Настоящее издание значительно переработано автором, а также дополнено новой главой — «Образ Петра в представлениях современников» и очерком «Историческое значение преобразований Петра».

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

-
- [Н. И. Павленко](#)
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ](#)
 - [К МОРЮ](#)
 - [НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ](#)
 - [МЕЖДУ ДВУМЯ НАРВАМИ](#)
 - [ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ И НАДЕЖД](#)
 - [МАТЬ ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛИИ](#)
 - [ПРЕСЛАВНАЯ ВИКТОРИЯ](#)
 - [ОТ БАЛТИКИ К ПРУТУ](#)

- ■
- ■
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)

- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)

- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)

- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)

- [267](#)
 - [268](#)
 - [269](#)
 - [270](#)
 - [271](#)
 - [272](#)
 - [273](#)
 - [274](#)
 - [275](#)
 - [276](#)
 - [277](#)
 - [278](#)
 - [279](#)
 - [280](#)
 - [281](#)
 - [282](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1050

(850)

Н. И. Павленко

ПЕТР I

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Издание четвертое

© Павленко Н. И., 2003

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2003

ОТ АВТОРА

Имя Петра I известно каждому с детских лет. Жизнь и деятельность этого человека, насыщенная драматизмом, огромным напряжением нравственных и физических сил, привлекала и привлекает внимание многих деятелей культуры. О Петре читатель черпает сведения из художественной прозы и поэзии, скульптуры и живописи, художественных фильмов и музейных собраний. Вспомним поэмы Пушкина, великолепный роман Алексея Толстого, фильм «Петр 1» с блестящим исполнением заглавной роли Николаем Симоновым, вспомним Медного всадника на Сенатской площади в Санкт-Петербурге и «Медного всадника» на сцене Большого театра в Москве, огромное количество скульптурных портретов Петра в городах, где ему довелось бывать и на судьбу которых он оказал влияние: в Архангельске и Саратове, Воронеже и Петрозаводске, Выборге и Полтаве. Живописцы запечатлели Петра в разнообразных ситуациях: перед нами его силуэт в «Утре стрелецкой казни» Сурикова, портрет царя на смертном одре, исполненный «птенцом гнезда Петрова» Иваном Никитиным, портрет царя, допрашивающего своего сына Алексея, работы Николая Ге.

Петр — деятель мирового масштаба. Именно поэтому о нем написано много книг и за рубежом.

Таланты Петра многогранны. Он умел держать меч, но с не меньшим успехом владел пером и охотно брался за топор и резец.

Ф. Энгельс назвал Петра «подлинно великим человеком». В его правление отсталая страна совершила огромный скачок вперед в промышленном развитии. Россия утвердилась на берегах Балтики, приобрела кратчайший торговый путь в Европу. Появилась первая печатная газета, были открыты первые военные и профессиональные школы, возникли первые типографии, печатавшие книги светского содержания. Первый в стране музей. Первая публичная библиотека. Первые публичные театры. Первые парки. Наконец, первый указ об организации Академии наук.

Детищем Петра по праву считается военно-морской флот, ранее отсутствовавший в России, а также регулярная армия, великолепно обученная и столь же хорошо вооруженная. При Петре и под его водительством они навеки прославили русское оружие.

Перечисленные новшества, вмещающиеся в емкое понятие

«Петровские преобразования», позволили России сокрушить первоклассную шведскую армию и войти в ранг великих держав. Петр занял достойное место в ряду великих предков, защищавших независимость Родины. Его беззаветный патриотизм и полководческие дарования в суровые годы Великой Отечественной войны были источником вдохновения для советских воинов.

Оценивая положительно значение преобразований Петра в истории нашей Родины, надобно помнить, что осуществлялись они за счет огромных жертв трудового населения. Это усилиями народа воздвигался Петербург, строились корабли, сооружались крепости, каналы и дворцы. На плечи народа легли новые тяготы: были увеличены налоги, введена рекрутчина, производились мобилизации на строительные работы. Русские воины проявляли чудеса храбрости в сражениях у Лесной, Полтавы, Гангута и Гренгама.

Политика Петра была направлена на возвышение дворянства. Его реформы укрепили господствующее положение дворянства в феодальном обществе. Дворянское сословие стало более монолитным и образованным, повысилась его роль в армии и государственном аппарате, расширились права на труд крепостных крестьян. Приобретенные морские гавани обеспечили помещикам и богатым купцам выгодные условия сбыта продуктов крепостного хозяйства.

Но тяготы, связанные с преобразованиями, легли не только на плечи трудового населения — все слои общества царь обязал вносить свою лепту в победу над сильным противником и нести бремя повинностей, которых ранее не было. За дворянством была окончательно закреплена роль служилого сословия, обязанного пожизненной и обязательной службой на театре военных действий, в казармах и канцеляриях, а также необходимостью учиться. Духовенство царь лишил части доходов в пользу государства и обязал его содержать школы и богадельни. Купечество непомерными налогами и повинностями было доведено почти до полного разорения, и Петру в последние семь-восемь лет царствования довелось принимать срочные меры для восстановления их благосостояния, а купцов, вкладывавших капиталы в производство, награждать небывалыми привилегиями.

В результате произвола властей, перенапряжения хозяйственных ресурсов населения, грубых форм введения новшеств в стране возникали социальные катаклизмы: три стрелецких бунта (1682, 1697, 1705–1706 годов) и выступления казаков на Дону (1707–1708 годов).

Классовая направленность преобразований не исключает их

громадной общенациональной значимости. Они вывели Россию на путь ускоренного экономического, политического и культурного развития и вписали имя Петра — инициатора этих преобразований — в плеяду выдающихся государственных деятелей нашей страны.

Преобразования осуществлялись государственной властью, возглавляемой Петром Великим. Они еще раз подчеркивают колоссальную роль государства в истории нашей страны и специфические пути ее развития, обусловленные размерами территории и природными условиями.

Автор настоящего сочинения не прибегал ни к беллетризации, ни к нагнетанию драматизма при описании жизни и деятельности Петра.

Его жизнь настолько динамична и насыщена таким обилием острых сюжетов, что отсутствовала надобность прибегать к домыслам.

Все, что здесь прочтет читатель, отражено в источниках, сохранившихся от тех бурных десятилетий: в письмах Петра, записках и воспоминаниях современников, царских указах, донесениях иностранных дипломатов, публицистических сочинениях и следственных делах. Герои сочинения изъясняются не вымышленными, а подлинными словами, запечатленными источниками. Лишь в некоторых случаях текст источников несколько адаптирован.

Само собою разумеется, что автор писал не историю России, а биографию Петра. Именно поэтому многие события истории страны остались за пределами книги.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Удары колоколов кремлевских соборов нарушили утреннюю тишину столицы. Благовест подхватили сотни колоколов московских церквей и монастырей. Веселый перезвон и торжественные молебны продолжались весь день 30 мая 1672 года — так по традиции отмечалось прибавление семейства в царском роду. Праздник назывался государственною всемирною радостью.

У отца новорожденного — царя Алексея Михайловича — были особые основания радоваться появлению еще одного сына. Первая жена царя Мария Ильинична Милославская родила ему множество детей. Но, удивительное дело, дочери росли крепкими и здоровыми, а сыновья — хилыми и болезненными. Из пяти — трое умерло малолетними. Старшему, Федору, в 1672 году исполнилось 10 лет, но он не мог передвигать опухшие ноги, около него все время хлопотали врачи, из покоев и опочивальни не вылезали бабки — доморощенные лекари. Медики тех времен считали, что он страдал «цинготною болезнью». Не отличался здоровьем и второй сын — подслеповатый Иван. Хотя ему шел шестой год, но изъяснялся он с трудом, был косноязычным и отставал от сверстников в развитии. На него отец тоже не возлагал больших надежд.

Овдовевший 42-летний царь женился еще раз, взяв в супруги молодую, пышущую здоровьем Наталью Кирилловну Нарышкину. В 21 год она и родила ему сына, которого назвали Петром.

Рождение Петра сопровождалось обычным ритуалом: царь послал объявить свою государственную радость патриарху, затем членам Боярской думы и богатым купцам. В соответствии с обычаем отец царицы, ее родственники и близкие к ней люди были повышены в чинах. Месяц спустя, 30 июня, в Грановитой палате состоялся родинный стол. Приглашенную знать и высшее духовенство угощали сладкими блюдами: огромной коврижкой с изображением государственного герба и изделиями из сахара. На столе возвышалась расписанная узорами сахарная голова весом в два с половиной пуда, из сахара же были отлиты орел, лебедь, попугай, голубь и даже макет Кремля. Гости преподносили новорожденному подарки — хрустальные кружки и кубки, золотые чарки, перстни, кресты^[1].

Воспитывался Петр по исстари заведенному обычаю. До пяти лет он находился под надзором многочисленных женщин — повивальной бабки и

кормилицы, мамки и прочих прислужниц. «А на воспитание царевича или царевен, — свидетельствует современник, — выбирают из всяких чинов из жен жену добрую и чистую, и млеко сладостну, и здорову»^{2}. Петра долго не отнимали от груди, поэтому у него оказалось две кормилицы.

Покои царевича были заполнены игрушками: деревянными лошадками, барабанами, пушечками, изготовленными по специальному заказу музыкальными инструментами, луками, стрелами, колокольцами. Вместе с отцом и матерью в сопровождении многочисленной свиты Петр совершал неторопливые выезды в монастыри, а также в подмосковные резиденции — Измайловское и Преображенское, где царь развлекался соколиной охотой. У трехлетнего Петра была маленькая крашенная под золото карета, в которую его усаживали во время торжественных выездов. В карету впрягались крошечные лошади, сопровождали ее пешие и конные карлики. Для игр к царевичам приставили сверстников, но карлы тоже непременно присутствовали в детской — они забавляли царевичей своими несуразными выходками и кривляниями.

Петру не исполнилось четырех лет, когда его отец, царь Алексей Михайлович, неожиданно занемог и скончался. Смерть отца вызвала большие перемены не столько в жизни маленького царевича, сколько в положении его матери. На престол в 1676 году вступил Федор. Точнее, его вынесли на руках бояре, объявили царем и тут же ему присягнули.

Напряженные отношения между мачехой и многочисленным потомством от первой жены царя Милославской ранее смягчались главой семьи. Теперь никем не сдерживаемая злоба быстро выплеснулась наружу. От двора были отстранены люди, близкие ко второй супруге Алексея Михайловича — царице Наталье Нарышкиной, и прежде всего воспитатель ее боярин Артамон Сергеевич Матвеев, первый министр в прежнем правительстве и ближайший советник царицы после смерти супруга. Его сначала отправили в почетную ссылку в Верхотурье, а затем подвергли заточению в Пустозерске. Опала коснулась и ближайших родственников царицы Натальи — ее старший брат Иван Кириллович тоже был выдворен из Москвы. Ключевые позиции в правительстве заняли Милославские.

В конце апреля 1682 года в возрасте 20 лет умер болезненный Федор, не оставив потомства. Его преемником мог стать либо Иван, либо Петр. За спиной обоих несовершеннолетних царевичей стояли группировки, ринувшиеся в борьбу, как только не стало Федора. Кандидатуру Ивана поддерживали все родственники первой жены царя Алексея во главе с боярином Иваном Михайловичем Милославским. Душой этой группировки была царевна Софья — умная, властная и весьма энергичная женщина,

втайне сама мечтавшая о короне. На стороне Петра находились Нарышкины, среди которых не было ни одной сколь-либо значительной фигуры.

Формально преимущественное право на престол принадлежало Ивану, поскольку он был старшим из наследников. Однако по предложению патриарха, поддержанному некоторыми боярами, царем провозгласили десятилетнего Петра. Согласно обычаю, регентшей становилась его мать — царица Наталья. По свидетельству современника, она была женщиной «доброго темпераменту, доброжелательного, токмо не была ни прилежная, и не искусная в делах и ума легкого»^[3].

Этим современником, на свидетельства которого мы будем часто ссылаться, являлся князь Борис Иванович Куракин. Свою карьеру Куракин начинал на военном поприще, он командовал гвардейским Семеновским полком в сражении под Полтавой. Слабое здоровье вынудило его перейти на дипломатическую службу.

Куракин в целом одобрял деятельность Петра, но с некоторыми оговорками: высокомерному аристократу было чуждо поведение царя, критически относился он и к его, если так можно выразиться, демократизму.

На склоне лет Куракин приступил к написанию истории царствования Петра. Это произведение, оставшееся незаконченным, примечательно тем, что содержит острые, иногда уничтожающие характеристики современников. В авторе этих характеристик видны ум, тонкая наблюдательность и беспредельный скептицизм.

Неискушенная в политических интригах царица Наталья вместе со своими бездарными родственниками не сумела взять власть в свои руки и организовать достаточно авторитетное правительство. Срочно вызвали из ссылки боярина Матвеева, на советы которого решила положиться царица. Пока он добирался до столицы из Пустозерска, противники Нарышкиных Милославские и Софья, по меткому выражению историка С. М. Соловьева, «кипятили заговор», используя в качестве вооруженной опоры в борьбе со своими противниками стрелецкое войско. Отметим, что стрельцам были чужды интересы Милославских и Нарышкиных, как, впрочем, тем и другим были чужды интересы стрельцов.

При Алексее Михайловиче стрельцы находились на положении дворцовой гвардии, пользовались рядом существенных привилегий и систематически получали от царя подачки. При его сыне они утратили эти привилегии (освобождение от городских служб, право беспошлинной торговли). Более того, бремя службы увеличивалось, а доходы, получаемые

от занятий торговлей и промыслами, которые были существенным подспорьем к их мизерному жалованью, сокращались. Недовольство стрельцов усугублялось полнейшим произволом их командиров. Полковники присваивали себе стрелецкое жалованье, подвергали стрельцов жестокому истязанию за малейшую провинность, широко использовали их для личных услуг. Глухой ропот стрельцов в любой момент мог перерасти в активный протест.

30 апреля 1682 года, то есть через три дня после смерти царя Федора, стрельцы явились во дворец с требованием выдать им на расправу неугодных командиров. Царица Наталья, застигнутая врасплох, удовлетворила ультиматум, 16 командиров стрелецких полков были отстранены от должности и биты кнутом. В дальнейшем Милославским удалось направить гнев стрельцов против своих политических противников. В стрелецких полках пронесся слух, исходивший от Милославских и Софьи, что Нарышкины «извели», то есть умертвили, царевича Ивана. Стрельцам был подброшен список бояр, подлежащих истреблению.

15 мая по зову набата стрелецкие полки с барабанным боем и развернутыми знаменами двинулись к Кремлю. Уверенные в том, что царевича Ивана нет в живых, стрельцы готовились осуществить план, подсказанный Софьей и Милославскими. Слух, однако, оказался ложным. На крыльцо вышли бояре, духовенство и царица Наталья с братьями Иваном и Петром. Так состоялась первая встреча Петра со стрельцами: внизу бушевала разгневанная толпа, а на крыльце стоял перепуганный и, конечно же, не понимавший значения происходящих событий десятилетний Петр.

Стрельцы, обнаружив, что их обманули, на некоторое время утихомирились, но затем потребовали на расправу «изменников-бояр». Князя Михаила Юрьевича Долгорукого они сбросили с крыльца на копья своих товарищей. Был убит и боярин Матвеев. Помимо нескольких бояр и думных дьяков, стрельцы изрубили Ивана и Афанасия Кирилловичей Нарышкиных, а их отца Кирилла принудили постричься в монахи. Трупы убитых волокли по земле, приговаривая: «Се боярин Артемон Сергеевич! Се боярин Ромодановский! Се Долгорукой! Се думной едет, дайте дорогу!»^[4]

Казни потрясли малолетнего Петра. Горе обрушилось прежде всего на плечи матери, но в детском сознании события 15–17 мая тоже запечатлелись на всю жизнь.

Опустошив ряды сторонников Нарышкиных, стрельцы потребовали,

чтобы царствовали оба брата, а несколько дней спустя дополнили это требование новым — чтобы правление государством при несовершеннолетних царях было вручено царевне Софье.

В итоге майских событий были перебиты Нарышкины, но Софья вместе с Милославскими приобрела лишь призрак власти, ибо хозяевами положения в столице оказались стрельцы во главе с новым руководителем Стрелецкого приказа князем Хованским. Они диктовали Софье свою волю, потребовали, чтобы стрелецкое войско называлось надворной пехотой. В категорической форме они высказали также желание, чтобы на Красной площади в их честь соорудили «столп» (obelisk), на котором были бы перечислены их заслуги во время событий 15–17 мая. Правительница пыталась успокоить стрельцов раздачей денег и обещанием наград, но вскоре убедилась, что те, кто обеспечил ей власть, могут и лишиться ее этой власти таким же кровавым способом, каким был совершен переворот 15–17 мая.

Софья стала искать себе опору в широких кругах дворянства. 19 августа она вместе с царями выехала из Москвы в Троице-Сергиев монастырь. Оттуда она обратилась к дворянам с призывом явиться под стены монастыря. Когда дворянское ополчение стало настолько многочисленным, что превратилось в грозную военную силу, Софья вызвала князя Хованского и на пути его в монастырь велела схватить и тут же казнить.

Узнав об этом, стрельцы поначалу решили дать бой собравшимся у монастыря дворянам, но сочли более благоразумным принести повинную. Роли переменялись: не стрельцы диктовали волю Софье, а, наоборот, Софья предъявила стрельцам ультимативное требование скрыть только что поставленный «столп» на Красной площади и не собираться в казачьи круги.

Началось семилетнее правление Софьи. Главой правительства стал князь Василий Васильевич Голицын, фаворит Софьи, выделявшийся среди современников начитанностью и знанием иностранных языков. Он «был своею персоною изрядной и ума великого и любим от всех» — так отзывался о нем его почитатель. Будучи руководителем Посольского приказа, Голицын в 1686 году заключил вечный мир с Польшей. Договор подтвердил присоединение к России Киева. Это был крупный внешнеполитический успех, которым Софья тут же воспользовалась для укрепления своего положения: с 1687 года в официальных документах наряду с царями стали называть имя Софьи. Впрочем, другие направления внешнеполитической деятельности правительства не только не закрепили

престиж царевны, достигнутый вечным миром, но нанесли ему явный урон.

Россия взамен приобретенного Киева обязалась вступить в антитурецкую лигу в составе Польши, Австрии и Венеции и совершить походы против крымских татар. Союзники отводили этим походам вспомогательную роль: русские войска должны были приковать татарскую конницу к русскому театру военных действий и тем самым обезопасить польские и австрийские земли от ее опустошительных набегов. Борьба с крымцами соответствовала и интересам России, южные уезды которой подвергались их разбойным вторжениям.

Первый крымский поход во главе с князем Голицыным состоялся в 1687 году. Поход не пользовался популярностью среди служилых людей. Некоторые из них явились на смотр в траурном платье и с черными попонами на лошадях, выражая этим неверие в успех дела. В мае 100-тысячное войско двинулось к Крыму. Не дойдя до него и не встретив на своем пути неприятеля, войско тем не менее понесло значительный урон от бескормицы и отсутствия воды и повернуло обратно. Неудача, однако, не помешала Голицыну отправить победное донесение, смысл которого состоял в том, что оробевшие татары не отважились вступить в бой с русской ратью.

Через два года, в 1689 году, Голицын повторил поход. Чтобы не подвергаться опасности степных пожаров и не испытывать недостатка в воде, войско отправилось на юг ранней весной. На этот раз все же состоялись стычки с неприятелем, татар отогнали. В мае Голицын достиг Перекопа, но, постояв сутки у его стен, повернул на север. Второй крымский поход, как и первый, окончился безрезультатно. Однако Софья отправила фавориту нежное письмо: «Чем вам платить за такую нужную службу, наипаче всех твои, света моего, труды? Если бы ты так не трудился, никто б так не сделал»^[5]. В том же духе была составлена официальная грамота Голицыну, в которой цари благодарили незадачливого полководца за «многую и радетьельную службу», за то, что татары «от наших ратей в жилищах их поганских поражены и побеждены и прогнаны», что одержана «никогда неслыханная победа».

Громкие слова грамоты, как и торжественная встреча участников похода, должны были создать видимость успеха. Но шум, сознательно нагнетаемый Софьей, никого не обманул. В Москве даже носились слухи, что Голицын «взял с татар, стоя у Перекопа, две бочки золотых», оказавшихся, впрочем, лишь тонко позолоченными медными деньгами. Способный дипломат и галантный фаворит оказался никуда не годным

военачальником.

...Как протекала жизнь Петра в течение этих семи лет? Вместе с матерью, царицей Натальей, он жил в подмосковных селах Воробьево, Коломенском, Преображенском. При дворе Петру, как и Ивану, отводилась декоративная роль: он участвовал в церковных церемониях, посещал вместе с двором московские и загородные монастыри, присутствовал на приемах иностранных послов. Для царствующих братьев изготовили двойной трон, за спинкой которого скрывалась правительница, чтобы подсказать им, как вести себя во время приема послов. Один из таких приемов описал в 1683 году секретарь шведского посольства. Это первая из известных в настоящее время характеристик юного Петра. «В приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое, молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью». Петр проявлял к происходившему живой интерес, был непоседливым, что приводило в замешательство степенных бояр. Одиннадцатилетний Петр по росту и развитию выглядел 16-летним юношей. Автору цитированных строк удалось уловить черты характера Петра: подвижность, детскую непосредственность, любознательность^[6].

Чем занимался Петр в промежутке между утомительными торжественными ритуалами, случавшимися не так уж часто? Обучался грамоте. Образование он получил весьма скромное, если не сказать, скудное.

Еще когда Петру пошел восьмой год, к нему приставили дядьку-воспитателя боярина Родиона Матвеевича Стрешнева. С этого времени Петра, видимо, начали обучать грамоте. Его учителями с 1683 года были подьячий Никита Зотов и Афанасий Нестеров. Оба учителя не принадлежали к числу образованных и эрудированных людей. Живой и восприимчивый ум Петра мог впитать обилие разнообразных ученых премудростей, но собственных знаний наставников доставало лишь на то, чтобы научить его читать, писать, произносить наизусть некоторые тексты богослужебных книг да сообщить отрывочные сведения по истории и географии. Петр в годы обучения не прошел даже того курса, который обычно преподавали царевичам в XVII веке.

Между тем в зрелые годы он обнаруживал глубокие познания в истории, географии, артиллерии, фортификации, кораблестроении. Этим он

обязан собственной одаренности, неутомимой тяге к знаниям и готовности всегда учиться. Впрочем, не все пробелы в образовании царю удалось заполнить — он был не в ладах с орфографией и до конца жизни допускал ошибки, которых грамотный канцелярист никогда бы себе не позволил.

Большую часть времени Петр был предоставлен самому себе. Три увлечения поглощали его энергию.

С ранних лет он проявлял привязанность к ремеслам. В Преображенское ему доставляли инструменты каменщика и плотника, столяра и кузнеца. Будучи взрослым, Петр в совершенстве владел по меньшей мере дюжиной ремесел, причем особенной виртуозности достиг в работе топором и на токарном станке. Любовь к физическому труду резко отличала Петра от предшественников и преемников. Невозможно себе представить, чтобы его богомольный отец, «тишайший» Алексей Михайлович, освободившись от пышного царского одеяния, орудовал мастерком каменщика или молотом кузнеца.

Еще больше Петра увлекало военное дело. Увлечение выросло на почве его детских забав. Со временем деревянные пушки стали заменяться боевыми, появляются настоящие сабли, протазаны, алебарды, пищали и пистолеты. Просторы Преображенского позволяли Петру производить полюбившуюся ему пальбу из пушек и вести военные игры с участием значительного числа сверстников. Там в 1686 году возникает военный городок с жилыми помещениями для Петра и потешных солдат, амбарами для хранения пушек и оружия. Все эти сооружения были обнесены деревянным забором с башнями и земляным валом. Потешные, сначала предназначавшиеся для игр, или, как тогда говорили, потех, с годами превратились в подлинную военную силу. У истоков двух полков — Преображенского и Семеновского, которые составят костяк будущей регулярной армии, стояли потешные батальоны, набранные из спальников, конюхов потешной конюшни, дворян, сокольников.

Но ни с чем не может сравниться страсть Петра к мореплаванию и кораблестроению. По признанию самого царя, истоки этой страсти восходят к рассказу князя Якова Долгорукого о том, что у него когда-то был «инструмент, которым можно было брать дистанции или расстояния, не доходя до того места», и к знакомству со старым ботиком, на котором, как сказали Петру, можно плавать против ветра.

Астролябия была привезена из Франции, а в Немецкой слободе в Москве, где жили иностранные торговцы и мастеровые, нашелся человек, умеющий с нею обращаться. Им оказался голландец Франц Тиммерман. Там же, в Немецкой слободе, Петр разыскал мореплавателя и

кораблестроителя, который взялся отремонтировать ботик, поставить паруса и обучить управлению ими. Первые опыты кораблестроения производились на реке Яузе, притоке Москвы. Позже Петр вспоминал, что на узкой Яузе ботик то и дело упирался в берега. Тогда он перевез его на Просяной пруд, но и здесь не было нужного простора. Поиски большой воды привели 16-летнего Петра на Переяславское озеро, куда он поехал под предлогом богомолья в Троицком монастыре.

Петру не исполнилось 17 лет, когда мать решила его женить. Ранний брак, по расчетам царицы Натальи, должен был существенно изменить положение сына, а вместе с ним и ее самой. По обычаю того времени юноша становился взрослым человеком лишь после женитьбы. Следовательно, женатый Петр уже не будет нуждаться в опеке сестры Софьи, наступит пора его правления, он переселится из Преображенского в палаты Кремля.

Кроме того, женитьбой мать надеялась остепенить сына, привязать его к семейному очагу, отвлечь от Немецкой слободы и увлечений, не свойственных царскому сану. Поспешным браком, наконец, пытались оградить интересы потомков Петра от притязаний возможных наследников его соправителя Ивана, который к этому времени уже был женатым человеком и ждал прибавления семейства.

Царица Наталья сама подыскала сыну невесту — красавицу Евдокию Лопухину, по отзыву современника, «принцессу лицом изрядную, токмо ума посреднего и нравом несходного своему супругу». Этот же современник отметил, что «любовь между ними была изрядная, но продолжалась разве токмо год»^[7]. Возможно, что охлаждение между супругами наступило даже раньше, ибо через месяц после свадьбы Петр оставил Евдокию и отправился на Переяславское озеро заниматься морскими потехами.

В Немецкой слободе царь познакомился с дочерью виноторговца Анной Монс. Один современник считал, что эта «девица была изрядная и умная», а другой, напротив, находил, что она была «посредственной остроты и разума». Кто из них прав, сказать трудно, но веселая, любвеобильная, находчивая, всегда готовая пошутить, потанцевать или поддержать светский разговор Анна Монс была полной противоположностью супруге царя — ограниченной красавице, наводившей тоску рабской покорностью и слепой приверженностью старине. Петр отдавал предпочтение Монс и свободное время проводил в ее обществе.

Сохранилось несколько писем Евдокии к Петру и ни одного ответа

царя. В 1689 году, когда Петр отправился на Переяславское озеро, Евдокия обращалась к нему с нежными словами: «Здравствуй, свет мой, на множество лет. Просим милости, пожалуй государь, буди к нам, не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет». В другом письме, адресованном «лапушке моему», «женишка твоя Дунька», еще не подозревавшая о близком разрыве, просила разрешения самой прибыть к супругу на свидание. Два письма Евдокии относятся к более позднему времени — 1694 году, причем последнее из них полно грусти и одиночества женщины, которой хорошо известно, что она покинута ради другой. В них уже нет обращения к «лапушке», супруга не скрывает своей горечи и не может удержаться от упреков, называет себя «бесщастной», сетует, что не получает в ответ на свои письма «ни единой строчки». Не упрочило семейных уз и рождение в 1690 году сына, названного Алексеем.

Отношения между двором Петра в Преображенском и официальным двором в Кремле, корректные в первые годы правления Софьи, постепенно, по мере того как выросл Петр, приобретали оттенок враждебности. Обе стороны зорко следили за действиями друг друга. В Преображенском не остались незамеченными участвовавшие появления правительницы Софьи в разнообразных церемониях. 8 июля 1689 года правительница совершила вызывающий поступок — она осмелилась вместе с царями участвовать в соборном крестном ходе. Разгневанный Петр сказал ей, что она, как женщина, должна немедленно удалиться, ибо ей непристойно следовать за крестами. Однако царевна оставила без внимания упрек Петра, и тогда он в состоянии крайнего возбуждения умчался в Коломенское, а оттуда в Преображенское. В окружении Петра вызывало недовольство и то, что в титуле официальных актов упоминалось имя правительницы — «благоверной царевны и великой княжны Софьи Алексеевны». Царица Наталья Кирилловна открыто выражала возмущение: «Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть, и они того дела не покинут».

Если в Преображенском на эти действия Софьи смотрели как на попытку приобрести популярность и в конечном счете произвести правительственный переворот, то и в Кремле аналогичные опасения вызывали увеличение численности потешного войска и непрерывные заботы Петра о его вооружении. Оговорим, однако, что сохранившиеся документы не дают основания утверждать, что у Петра в это время проснулось властолюбие и он проявлял такой же интерес к власти, как, скажем, к кораблестроению или военным потехам. Честолюбие на первых

порах надо было подогреть, что и делала царица-мать, руководимая советниками, более опытными в политических интригах.

О Софье, напротив, нельзя сказать, что у нее отсутствовало властолюбие. Освоившись с положением правительницы и привыкнув к власти, Софья исподволь готовила дворцовый переворот с целью лишить Петра прав на престол. Своему второму фавориту, Федору Шакловитому, руководившему Стрелецким приказом, правительница поручила разведать, как отнесутся стрельцы к ее воцарению. Шакловитый пригласил в скрытую от посторонних глаз загородную резиденцию верных стрелецких командиров и без дальних разговоров предложил им написать челобитную с просьбой, чтобы Софья венчалась на царство.

Большинству стрелецких начальников предложение Шакловитого повторить события весны и лета 1682 года показалось рискованным. Они отклонили предложение, сославшись на неумение писать челобитные. «За челобитной не станет, мочно челобитную написать», — уговаривал Шакловитый и тут же вынул готовую челобитную, составленную якобы от имени всего населения столицы, не одних только стрельцов. А если Петр не согласится принять такую челобитную? «Если не послушает, — отвечал Шакловитый, — схватите боярина Льва Кирилловича Нарышкина и Бориса Алексеевича Голицына, тогда примет челобитье». Горячей голове Шакловитого представлялось, что осуществление плана отстранения Петра от власти не встретит сопротивления. «А патриарх и бояре?» — спрашивали дотошные начальники. «Мочно патриарха переменить, а бояре — отпадшее, зяблое дерево», — успокаивал Шакловитый.

Привлечь стрелецких начальников к заговору Шакловитому не удалось: поговорив, они на том и разошлись. Осуществление переворота пришлось отложить, хотя некоторые стрельцы были готовы к решительным действиям. Одному из стрельцов смена патриарха представлялась так: «Как я к патриарху войду в палату и закричу, и он у меня от страху и места не найдет». — «Надобно нам уходить медведицу царицу Наталью». — «А за нее вступится сын!» — возразил собеседник. «Чего и ему спускать? За чем стало?» — последовал ответ. Самые решительные из стрельцов предлагали убить Петра, бросив в него гранату или подложив ее в сани. Другие собирались зарезать во время пожара — царь любил участвовать в тушении пожаров¹⁸¹.

Среди стрельцов распространялись слухи о намерении Нарышкиных «известить» царя Ивана и правительницу Софью. Использовались и кое-какие новые приемы борьбы: ночью по улицам Москвы в сопровождении вооруженных людей ездил подьячий Матвей Шошин, нарядившийся точно

в такой же белый атласный кафтан, какой носил Лев Кириллович Нарышкин. Он хватал стоявших на карауле стрельцов и зверски избивал их, приговаривая: «Убили вы братьей моих, и я вам кровь братьей своих отомщу». Один из спутников Шошина вопил: «Лев Кириллович! За что бить до смерти! Душа христианская!»^[9] Потерпевших доставляли в Стрелецкий приказ, и они там на допросах, введенные в заблуждение маскарадом, показывали, что стали жертвами Льва Кирилловича Нарышкина. Подобным способом Софья и ее сторонники пытались вызвать озлобление стрельцов против Нарышкиных.

Последнее по времени публичное столкновение Петра с Софьей произошло в июле 1689 года и было связано с торжеством по случаю возвращения Голицына из Крымского похода. Этот поход, как отмечалось выше, не принес славы ни ратным людям, ни их начальнику. Тем не менее Софья не скупилась на награды за сомнительные боевые подвиги, стремясь тем самым заручиться поддержкой стрельцов в надвигавшемся столкновении с Петром.

Петр демонстративно отказался от участия в пышных торжествах. Руководитель похода и другие военачальники, прибыв в Преображенское, даже не были приняты Петром. Эти действия Софья сочла прямым себе вызовом. Она апеллирует к стрельцам: «Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте, а буде не годны — мы оставим государство». Последней частью фразы Софья подчеркивала скромность своих намерений. В действительности в Кремле, как и в Преображенском, велась лихорадочная подготовка к столкновению. Развязка, как это часто бывает в напряженной обстановке, полной тревог и ожиданий, произошла совершенно неожиданно.

В ночь с 7 на 8 августа в Кремле поднялась тревога, стрельцы взялись за ружья: кто-то пустил слух, что потешные из Преображенского идут в Москву. Сторонники Петра среди московских стрельцов, не разобравшись в происходившем, сочли, что стрельцы готовятся не к обороне Кремля, а к походу в Преображенское. Мигом они помчались в резиденцию Петра, чтобы предупредить его о грозящей опасности. Тревога оказалась ложной, тем не менее слух вызвал цепную реакцию.

Петра разбудили, чтобы сообщить новость. Можно представить, какие мысли пронеслись в голове Петра и что он пережил в те недолгие секунды. Промелькнули события семилетней давности — разъяренная толпа вооруженных людей, бердыши, алебарды, пики, на острия которых сбрасывали с крыльца сторонников Нарышкиных. Решение, вызванное страхом за жизнь, было неожиданным — бежать. Бросился в одной

рубашке в ближайшую рощу и в ночной тишине пытался уловить гул топота двигавшихся стрельцов. Но было тихо. Лихорадочно соображал, куда бежать. Ему принесли одежду и седло, привели коня, и он всю ночь в сопровождении трех человек скакал в Троице-Сергиев монастырь, за толстыми стенами которого семь лет назад укрывалась Софья.

В зрелые годы Петр был человеком большой отваги, много раз попадал в смертельно опасные переделки. Но в семнадцать лет он оставил жену и мать, кинул на произвол судьбы близких людей и потешных солдат, не подумав о том, что стены Троице-Сергиевого монастыря, никем не защищаемые, не могли бы его спасти. Изнуренный долгой скачкой, Петр прибыл в монастырь утром 8 августа, бросился на постель и, обливаясь слезами, рассказал архимандриту о случившемся, прося защиты.

На следующий день из Преображенского к Петру прибыли потешные солдаты и стрельцы Сухарева полка, приехала и мать.

В Кремле узнали о бегстве Петра только 9 августа — весь день накануне Софья в сопровождении стрельцов была на богомолье. Новость вызвала тревогу, которую пытались скрыть наигранным спокойствием: «Вольно ему, взбесился, бегать», — сказал Шакловитый.

Софья предприняла несколько неудачных попыток примирения. Сначала она для улаживания конфликта отправила к Троице патриарха Иоакима, но тот, симпатизируя Петру, остался при нем. «Послала я патриарха, — делилась со стрельцами результатами своей неудачной затеи Софья, — для того, чтобы с братом сойтись, а он, заехав к нему, да там и живет, а к Москве не едет». Затем она отправилась к монастырю сама, но в пути получила категорическое повеление брата вернуться в Кремль.

Военные силы, на которые рассчитывала опереться Софья, таяли с каждым днем. Вместе с Шакловитым она не могла удержать в повиновении солдатские и стрелецкие полки, не рисковавшие вступить в вооруженный конфликт с войсками, поддерживавшими Петра. По его вызову в Троице-Сергиеву лавру прибывали, во главе солдат и стрельцов, командиры полков. Там стрелецкие начальники сообщили царю о тайном совещании, созванном Шакловитым, о его попытке произвести дворцовый переворот. Последовало требование выдать Шакловитого.

Призыв Софьи к оставшимся в Москве стрельцам встать на защиту своего начальника успеха не имел. Правительнице пришлось выдать фаворита. 7 сентября он был доставлен в монастырь, подвергнут допросу и пыткам и через пять дней казнен вместе с главными сообщниками.

Выдача Шакловитого означала полное поражение Софьи. Петр и его сторонники вполне овладели положением. Стрельцы вышли встречать

ехавшего в Москву царя, в знак покорности легли вдоль дороги на плахи с воткнутыми топорами и громко просили о помиловании.

Еще продолжался розыск над Шакловитым, а Петр, находясь в Троице, отправил брату Ивану письмо с решением отстранить Софью от власти. «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Далее Петр испрашивал разрешение «не отсылаясь к тебе, государю, учинить по приказом правдивых судей, а не приличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре»^{10}.

Письмо подводило итоги придворной борьбы и свидетельствовало о торжестве группировки Нарышкиных: Софья объявлялась «ззорным лицом» и в конце сентября была заточена в Новодевичий монастырь. Другим следствием переворота надлежит считать фактическое отстранение от дел слабоумного брата Ивана. Хотя в письме Петр и выразил готовность почитать своего старшего брата «яко отца», но решение всех практических вопросов сторонники Петра взяли в свои руки. К царю Ивану «не отсылались» не только в данном случае, когда формировали новое правительство, но и в последующие годы. Он номинально исполнял царские обязанности вплоть до своей смерти в 1696 году: присутствовал на приемах посольств, участвовал в церковных церемониях, его имя упоминалось во всех официальных актах.

Отстранение Софьи мало что изменило в поведении Петра. Добившись власти, он тут же проявил к ней полное безразличие. Участие в государственных делах он ограничил выполнением сложной и монотонной программы московского дворцового обихода — выходами в подмосковные и столичные монастыри и соборы, присутствием на семейных празднествах. Ничто не свидетельствовало о его стремлении вникнуть в дела управления. Его резиденцией по-старому оставалось Преображенское. По настоянию матери Петр в тяжеловесном царском облачении появлялся в Кремле лишь на публичных церемониях. Участники некоторых празднеств были поражены новшеством, несомненно исходившим от молодого царя, — тишину нарушала ружейная и пушечная пальба. Но церемонии и празднества Петр оставлял без всяких колебаний, как только заходила речь о марсовых и нептуновых (то есть военных и морских) потехах. Одну из марсовых потех царь организовал осенью 1690 года: стрелецкий полк «сражался» против потешных и дворянской конницы. Это противопоставление новых войск старым вошло в обычай, причем стрелецким полкам всегда отводилась роль побежденных. «Бои», не обходившиеся без жертв, чередовались с пирами.

К маневрам следующего года были привлечены значительные силы. Одной армией, состоявшей из потешных и солдатских полков, отрядов рейтар и драгун, командовал «генералиссимус» Федор Юрьевич Ромодановский («генералиссимус Фридрих»), другой, стрелецкой армией — тоже «генералиссимус» Иван Иванович Бутурлин. Началу военных действий предшествовала перебранка, противники, как тогда говорили, «травились», то есть задирали друг друга. Маневры завершились пленением Бутурлина, захватом обоза и знамен, а затем совместным пиром победителей и побежденных, громом залпов.

Увлечение марсовыми потехами чередовалось с забавами на воде. Зимой 1692 года царь отправляется в Переяславль. Туда доставляются в огромном количестве продовольствие и материалы для сооружения кораблей. Петр тоже участвует в строительстве корабля. Он так увлекся работой, что уговаривать его прибыть в Москву отправились виднейшие члены правительства — в столицу приехал персидский посол, и присутствия царя в Кремле требовал дипломатический этикет.

В августе корабли пустились в плавание по Переяславскому озеру. Его акватория ограничивала размеры кораблей и возможность маневрирования ими. Петра тянули морские просторы и настоящие корабли. Россия того времени располагала единственным морским портом — Архангельском. Туда в сопровождении многочисленной свиты — бояр, окольничих, стольников и 40 стрельцов в 1693 году отправляется Петр. Здесь он впервые увидел настоящие морские корабли — английские, голландские, немецкие, доставившие сукна, галантерею, краски. Другие корабли ожидали погрузки мачтового леса, кож, мехов, пеньки, икры. На небольшой яхте Петр впервые совершил непродолжительное морское путешествие.

Поездка к морю в 1693 году носила разведывательный характер. У царя созрела мысль повторить поездку в Архангельск в следующем году, причем было решено более тщательно подготовиться к ней. Здесь был заложен корабль, наблюдение за его достройкой Петр поручил воеводе Федору Матвеевичу Апраксину.

В январе 1694 года умерла мать царя Наталья Кирилловна. Смерть ее выявила две черты характера царя, с которыми мы много раз будем встречаться в будущем: пренебрежение обычаями и стремление пережить горе в одиночестве. 25 января, когда положение царицы стало безнадежным, сын простился с нею и тотчас уехал в Преображенское, где, по свидетельству современников, в уединении скорбел по поводу потери. Отсутствовал он и на похоронах матери. Можно лишь догадываться, сколько пересудов вызвало такое поведение Петра у москвичей. Ранее Петр

не участвовал и в траурной церемонии похорон своего второго сына Александра, умершего семи месяцев. Если в этом случае отсутствие Петра можно объяснить его неприязнью к жене и нежеланием находиться в обществе ее родственников и близких, то на похороны нежно любимой матери он, несомненно, не явился по иной причине — не желал показывать другим свои слабости. На третий день после похорон он прибыл на могилу и в одиночестве оплакивал ее смерть. Воеводе Апраксину о своем горе Петр сообщил кратко и выразительно: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце»^{11}.

Выезд в Архангельск из Москвы состоялся не в июле, как в предыдущем году, а в апреле. В марте Петр пишет архангельскому воеводе письмо в том шутовском тоне, который свойствен переписке царя этих лет. Он дает распоряжения не от своего имени, а от имени князя Федора Юрьевича Ромодановского, на суше «генералиссимуса», а на море «адмирала».

В Архангельск было отправлено 2000 пудов пороху, 1000 самопалов. На верфи царя ожидал готовый к спуску корабль, начатый постройкой еще в первый приезд. На нем в июне 1694 года Петр совершил плавание, едва не стоившее ему жизни, — в пути его застигла буря.

В Москву царь вернулся в сентябре и сразу же начал готовиться к марсовой потехе на суше. В окрестностях деревни Кожухово была сооружена крепость с земляным валом высотой в 3,5 метра, глубоким рвом и бойницами. Армиями командовали все те же Бутурлин и Ромодановский, причем Бутурлину во главе со стрельцами предстояло оборонять городок, а новым полкам, численность которых достигала 7,5 тысячи человек, поручалась его осада, а затем и штурм. Обе армии шли к исходным рубежам через Москву. Марш носил шутовской характер: впереди Ромодановского маршировала рота под командованием царского шута Якова Тургенева. Ей предстояло сражаться под знаменем, на котором была изображена коза. Впереди Преображенского полка шли бомбардиры, и среди них бомбардир Петр Алексеев, то есть царь. В шествии участвовали также и карлы. Вся эта процессия двигалась под шум барабанов, флейт и литавр.

Сохранилось шутовское описание маневров, впрочем, довольно точно рассказывающее о том, что происходило под Кожуховом с 30 сентября по 18 октября. После того как обе армии заняли рубежи, начали разыгрывать ранее составленный сценарий. На противоположных берегах Москвы-реки появились главнокомандующие и приступили к словесной перепалке. Их

сменил поединок двух богатырей. После этого войска Ромодановского пошли в наступление, причем быстро овладели городом, что противоречило составленному плану: штурму должны были предшествовать осада с подкопами, возведением редутов, вылазки осажденных и т. п. Пришлось вывести войска Ромодановского из городка, вернуть туда бутурлинских стрельцов и повторить все действия.

Кожуховские маневры были самыми продолжительными, в них участвовало с обеих сторон до 15 тысяч человек. Они напоминали настоящее сражение: наступавшие и оборонявшиеся стреляли из ружей и пушек, бросали глиняные гранаты, начиненные порохом, закладывали мины под неприятельские укрепления и взрывали их, упражнялись в осадных и оборонительных работах. Это была последняя военная потеха Петра.

В эти годы Петр не заглядывал ни в Боярскую думу, ни в приказы. Государством управляли люди из окружения его матери и его самого. Что это были за люди?

В XVII веке среди сподвижников царей первостепенное место обычно занимали их ближайшие родственники. При первом Романове — Михаиле Федоровиче — фактическим главой правительства был властный и энергичный отец царя — патриарх Филарет. В годы правления Алексея Михайловича такую же роль выполнял сначала Борис Иванович Морозов, воспитатель царя, его «дядька», закрепивший свое положение брачным союзом с сестрой жены царя, а затем, после падения Морозова, — Милославские, родственники первой жены царя. При малолетнем Петре возглавлять правительство должны были родственники его матери — Нарышкины, а после женитьбы — представители новой фамилии, с которой он породнился, — Лопухины.

Другим источником, поставлявшим царям приближенных, являлись их ровесники, то есть люди, с которыми они росли и воспитывались. В «робятки» к наследнику зачислялись дети знатнейших фамилий. С ними он играл, учился, они же находились у него в услужении, с некоторыми из них устанавливались доверительные отношения, не прекращавшиеся и в годы, когда наследник становился царем. Знатность этих «робяток», помноженная на близость к наследнику престола, обеспечивала им в будущем блестящую карьеру.

Родственники Петра по линии матери и жены не стали его соратниками. Нарышкины и их сторонники были истреблены во время стрелецкого бунта 1682 года. Оставшийся в живых брат царицы Лев Кириллович Нарышкин по традиции занимал высокие посты в

правительстве, но со смертью сестры оказался на вторых ролях. Он «был человек гораздо посреднего ума и невоздержной к питью, также человек гордый, и хотя не злодей, токмо не склончивой и добро делал без резону». Так о нем отзывался князь Борис Иванович Куракин.

Родственники супруги царя, Лопухины, тоже не выдвинули из своего рода сколь-либо заметных политических фигур отчасти потому, что этот род был ими беден, отчасти вследствие того, что рано женившийся Петр, быстро охладев к супруге, утратил интерес и к судьбам ее родственников.

Оставались сверстники, из рядов которых выдвинулось немало сподвижников царя. Но эти люди резко отличались от «робяток», окружавших предшественников Петра, и по степени знатности, и по психологии.

Кремлевский дворец был царской резиденцией. В юношеские годы Петра эту резиденцию занимали царевна Софья и соправитель Иван. Именно к Кремлю были прикованы взоры великородных людей, связывавших карьеру своих отпрысков с судьбами находившихся там представителей царствовавшей династии. В Кремле действовало правительство, оттуда производились назначения, там устраивались торжества и дипломатические церемонии.

Двор в Преображенском, где жила царица с сыном, находился на полуопальном положении и, хотя был расположен рядом с Москвой, представлял собой своего рода провинцию, где жизнь текла по иным законам, где придворный этикет не стеснял поведения Петра и не накладывал своим благочинием ограничений на характер его забав и развлечений. Иным был и состав двора в Преображенском. Здесь мы почти не встретим представителей знатных родов. Молодые люди, окружавшие Петра, не гнушались изнурительной работы, сопровождавшей военные забавы, во время этих забав складывались особые отношения, основанные совсем на иных принципах, чем в Кремлевском дворце.

Боярин оставался боярином, даже если он попадал в опалу и блистательно начатый в Москве жизненный путь завершал воеводой какого-либо окраинного уезда. Опала для него означала ущемление спеси родовитого человека, утрату возможности получить новые пожалования, но не означала полной катастрофы и лишения средств к существованию. Карьера сына такого боярина опиралась на чин и породу отца. У людей, окружавших Петра, не было подобной опоры, традиции преемственности отсутствовали. Меншиков, не оказавшись он в компании Петра, в лучшем случае стал бы богатым купцом. Единственным достоянием Меншикова на первых порах были его ум, сметливость, безграничная преданность Петру,

умение с полуслова понимать и даже угадывать его желания и прихоти.

Из окружения молодого Петра вышли потом военачальники и дипломаты, инженеры и администраторы. Но все это случилось позже. А пока, в первые годы правления Петра, они вместе с ним были поглощены военными играми, потешными сражениями, маневрами.

Делами управления, руководством работой правительственного механизма были заняты люди старшего поколения. Исключение составлял лишь Лев Кириллович Нарышкин, в свои 25 лет возглавивший Посольский приказ.

Внутренней политикой заправлял боярин Тихон Никитич Стрешнев, по отзыву Куракина, «человек лукавый и злого нраву, а ума гораздо среднего»^{12}.

Правительство молодого Петра было скудно талантами. Печать этой скудности лежит на поверхности — достаточно перелистать страницы, на которых запечатлено законодательство первых лет царствования Петра — в нем невозможно обнаружить ни программы, ни твердой направляющей руки. Оно плелось в хвосте событий, как-то реагируя лишь на то, что вызывалось потребностями сегодняшнего дня. Выдающимися способностями обладал лишь князь Борис Алексеевич Голицын. По отзыву многократно цитированного Куракина, он был «человек ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежной, понеже любил забавы, а особливо склонен был к питию»^{13}. Голицын стал главным наставником Петра в те дни, когда царь находился в Троицком монастыре. По советам князя он наносил неотразимые удары своей сестре.

Еще одной средой, поставлявшей Петру приближенных, являлась Немецкая слобода. Из числа торговцев и ремесленников, врачей и военных Немецкой слободы особой благосклонностью Петра пользовались два человека: шотландец Патрик Гордон и женевец Франц Лефорт. Первый выполнял роль военного наставника, он был участником потешных сражений и оказал Петру неоценимую услугу в критические для него дни единоборства с Софьей.

В иной сфере завоевал симпатии Петра Лефорт. В отличие от Гордона, добропорядочного католика и семьянина, в тонкости постигшего военное дело, Лефорт не знал ни одного ремесла. Добродушный великан и остроумный весельчак с изысканными манерами и мягким юмором, Лефорт, более всего любивший удовольствия, был незаменим в веселой компании. «Помянутой Лефорт, — писал о нем все тот же Куракин, — был человек забавной, роскошной, или назвать дебошан французской». Он

обладал способностью «денно и ношно» пребывать в забавах, общаться с дамами и непрестанно пить. Лефорт ввел Петра в дамское общество Немецкой слободы и был его поверенным в сердечных делах с Анной Монс.

Близкие Петру люди составляли так называемую «компанию», среди членов которой сложились особые отношения. Употребление царского титула между ними было запрещено. Петра называли по-русски, по-латыни, по-голландски в соответствии с его чинами: бомбардиром, капитаном, капитейном, командиром. Петр даже дважды выговаривал Федору Матвеевичу Апраксину за то, что тот, обращаясь к нему, пользовался титулом: «Пожалуй, пишите просто, также и в письмах, без великого». Когда Петр станет контр-адмиралом, то будет требовать от всех, чтобы во время пребывания его на корабле все называли его шаутбенахтом.

В «компанию» царя, помимо Апраксина, входили Меншиков, Головин, Головкин, Кикин. Особое место в ней занимал князь Федор Юрьевич Ромодановский. Мы видели, что уже в потешных играх начала 90-х годов Ромодановский фигурировал под именем «генералиссимуса Фридриха». Несколько позже он получил шуточный титул короля — «князя-кесаря». Все члены «компании», в том числе и Петр, считали себя подданными «князя-кесаря» и отдавали ему царские почести. В письмах царь называл Ромодановского не иначе как «Konih» или «Sir» и всякий раз в шуточной форме отчитывался перед ним о своих действиях.

Токарь царя Андрей Нартов рассказывает, как однажды между «князем-кесарем» и его «подданным» — царем возник «конфликт» из-за того, что Петр не снял шапки перед ехавшим по дороге «князем-кесарем». Тот пригласил царя к себе и, не вставая с кресла, отчитал его: «Что за спесь, что за гордость! Уже Петр Михайлов не снимает ныне кесарю и шляпы!»^{14}

Наряду с маскарадной должностью «князя-кесаря» Ромодановский исполнял отнюдь не маскарадные обязанности руководителя Преображенского приказа — учреждения, занимавшегося политическим сыском. Сохранилась наполненная сарказмом, но близкая к истине характеристика князя Ромодановского: «Сей князь был характеру партикулярного: собою видом, как монстра; нравом злой тиран; превеликой нежелатель добра никому; пьян по все дни; но его величеству верной так был, что никто другой». С приведенной характеристикой, исходившей от князя Куракина, вполне согласуется отзыв брауншвейгского резидента Вебера. «Он наказывал подсудимых, не спрашиваясь ни у кого, и на его приговор жаловаться было бесполезно».

К перечисленным свойствам характера «князя-кесаря» надобно добавить еще одно. Он обладал редчайшим среди современников Петра качеством: руки, запачканные грязным ремеслом, оказывались безукоризненно чистыми, когда дело касалось государственной казны — он сохранил репутацию неподкупного человека, никто никогда не заподозрил его в казнокрадстве. Это последнее качество позволило Ромодановскому сохранить расположение царя до конца дней своих. До кончины «князь-кесарь» не расставался и с пристрастием к вину. Входящий в его дом должен был отдать дань вкусам хозяина. В сенях гостя встречал хорошо обученный большой медведь с чаркой очень крепкой, настоянной на перце водки в лапе. Чарку он услужливо вручал гостю, и, если тот отказывался принять угощение, медведь срывал с него шляпу, парик, а то и хватал за платье^[15].

В письмах Петр, обращаясь к лицам, принадлежавшим к «компании», называл их попросту, причем степень фамильярности отражала степень близости корреспондента. К друзьям он пишет, как правило, собственноручно, называя их нежными именами. Знаки внимания царь оказывал не только людям, принадлежавшим к его окружению, но и плотникам, бомбардирам, солдатам, шкиперам и иностранным специалистам.

Он безотказно принимал приглашения на семейные праздники от людей, с которыми «служил» в полку или работал на верфи. Особым его расположением пользовались офицеры и солдаты двух гвардейских полков, «между которыми, — как заметил современник, — не было ни одного, кому бы он смело не решился поручить свою жизнь». Гвардейцев царь знал в лицо, многим офицерам давал ответственные поручения, способных быстро продвигал по службе.

Несомненное влияние на формы общения царя с его окружением оказывал экспансивный, подвижный, деятельный характер Петра, которому не свойственны были ни долгое пребывание в одиночестве, ни праздное времяпрепровождение.

Энергии у царя было в изобилие. Он стремился дать ей выход даже во время отдыха. Не случайно Петру нравились те развлечения, в которых он сам мог деятельно участвовать, и он оставался равнодушен к тем из них, в которых ему отводилась роль зрителя или неподвижно сидящего соучастника. Петр, например, не терпел игры в карты, считал это занятие пустым. Вряд ли, однако, более полезным было исполнение обязанностей протодьякона во «всеппянейшем соборе». Но игра в карты предполагала необходимость сидеть, в то время как забавы во «всеппянейшем соборе»

сопровождались движением. Петр не проявлял интереса и к театру. То, что происходило на сцене, не трогало его, ибо отводило ему пассивную роль, лишало его возможности непосредственно участвовать в действии. Зато его увлекали фарсовые представления или зрелища, соучастником которых он мог стать сам.

Петру показывают женщину-великана. Он не довольствуется тем, что осматривает ее с головы до ног, но просит ее расставить руки в стороны и свободно, не сгибаясь, проходит под ними. Какой-то силач держит в зубах палку и вращает вокруг себя вцепившихся за длинный конец трех мужчин. Петр тоже решает испробовать свою силу. Как ни старался силач, но сдвинуть с места царя не мог — то ли мускулатура у царя действительно была развита лучше, чем у трех зрителей-здоровяков, то ли это был жест вежливости со стороны силача.

И все же лишь воспитанием и темпераментом общительность царя не объяснить. Власть способна быстро стереть в памяти прошлое, она создает благоприятную почву для высокомерия и надменности. Подтверждение тому — Меншиков, великолепно овладевший всем арсеналом поведения вельможи, третировавший тех, кто стоял ниже его. С Петром этого не случилось.

Он окружал себя людьми, умевшими быть полезными делу, которому он беспредельно отдавался сам. Сознательно взвалив на себя обязанности капитана и плотника, артиллериста и шкипера, Петр мог их выполнять, лишь общаясь с такими же плотниками и артиллеристами, офицерами и кораблестроителями. У одних он учился, других учил сам. В одиночестве можно было вытачивать на токарном станке безделушки, но непосильно одному человеку соорудить корабль.

Широкий круг лиц, с которыми общался царь, позволял ему отыскивать способных помощников. «Короли не делают великих министров, но министры делают великих королей», — сказал как-то Петр. Он действительно умел угадывать таланты, сплошь и рядом привлекая любых способных к делу людей, игнорируя их «подлое» происхождение. Вельможей у него мог стать бывший пирожник, шотландец по рождению и лютеранин по вере.

Эту особенность царя, изумлявшую современников, запечатлел родственник знаменитого соратника Петра Я. В. Брюса генерал П. Г. Брюс: «Неизменным правилом царя было награждать за заслуги, в чем бы он их ни видел. После победы на суше или на море каждый офицер награждался золотой цепью с медалью, ценность их соответствовала чину; каждый солдат получал серебряную или месячное жалованье. Особо отличившийся

офицер первым повышался по службе. С другой стороны, за недостойное поведение солдата или офицера наказывали очень сурово. Царь не принимал во внимание высокого положения по рождению и фамилии, но в каждом случае возвышал за заслуги даже самых худородных плебеев, говоря, что высокое происхождение — только случай и, не сопровождаемое заслугами, учитываться не должно. История едва ли знает подобный пример, когда бы столько людей низкого происхождения поднялись до таких высоких званий, как в правление царя Петра, или когда бы так много людей самого высокого происхождения и богатства опускалось в жизни до самых низких чинов^{16}.

Примеров тому можно привести великое множество. Петра Павловича Шафировва, если верить историку-любителю, собиравшему в XVIII веке предания о царе и его времени, Петр обнаружил в торговых рядах Москвы, где тот торговал в лавке, принадлежавшей богатому купцу Евреинову. В разговоре выяснилось, что молодой сиделец знал немецкий, французский и польский языки, что он был сыном переводчика Посольского приказа. Шафировва зачислили на службу, он сопровождает царя в его первом заграничном путешествии, позже станет сенатором и вице-канцлером. Сын крещеного еврея получит звание барона и должность второго человека во внешнеполитическом ведомстве.

Таланты механика-самоучки Михаила Сердюкова, крещеного калмыка, тоже обнаружил Петр. Он поручит ему реконструировать Вышневолоцкий канал, и Сердюков блестяще справится с заданием, сделает канал доступным для судоходства. Такой же находкой царя был тульский оружейник Никита Демидов, известный строитель уральской промышленности. Знакомство царя с оружейником состоялось, если верить молве, при следующих обстоятельствах. Ему кто-то привез из-за границы великолепной работы пистолет, у которого сломался курок. Петр долго и безуспешно искал мастера, чтобы исправить поломку. Ему посоветовали обратиться к тульскому кузнецу Никите Демидову.

На пути в Воронеж Петр завернул в Тулу, разыскал Демидова и оставил ему сломанный пистолет. Месяца через два, на обратном пути в Москву, царь заехал к Демидову за готовой работой. Демидов вручил ему исправный пистолет. Петр, внимательно осмотрев его, остался доволен и, похвалив кузнеца, сказал:

— А пистолет-то каков! Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будут так работать!

— Авось и мы против немца постоим, — ответил Демидов.

Петр усмотрел в словах мастера пустое бахвальство и в сердцах

ударил его:

— Сперва сделай, мошенник, потом хвались!

— А ты, царь, — возразил нерастерявшийся Демидов, — сперва узнай, потом дерись! Который у твоей милости, тот моей работы, а вот твой, заморский. — Демидов вытащил из кармана иностранной работы пистолет и передал царю.

— Виноват я перед тобой, ты, я вижу, малый дельный.

Царь поручил Демидову построить в Туле оружейный завод и для этого велел выдать ему пять тысяч рублей.

Петр, разумеется, возвысил Демидова не за личное мастерство кузнеца, а за проявленные организаторские таланты, умение рационально вести промышленное хозяйство. Царь велел передать Демидову казенный металлургический завод на Урале. На его основе бывший оружейник организовал мощное промышленное хозяйство.

Можно привести и примеры иного рода, когда прежние заслуги казнокрадов и мздоимцев игнорировались царем, и те за свои преступления подвергались самому суровому наказанию. Так, обязанный бороться со взятками обер-фискал Нестеров за взяточничество был повешен, на виселице закончил жизнь казнокрад Гагарин, любимец Петра А. В. Кикин оказался в опале и ссылке, каре подвергся и вице-канцлер П. П. Шафиров и др.

К МОРЮ

1695 год можно считать переломным в жизни Петра. Позади остались годы военных забав, почти полностью поглощавших его помыслы и энергию. Вспоминая эти годы, Петр писал: «Хотя в ту пору, как трудились мы под Кожуховом в марсовой потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было, однако эта игра стала предвестницей настоящего дела».

При чтении этих строк появляется соблазн обвинить Петра в пристрастии к войне, ибо под «настоящим делом», которое было продолжением марсовых потех, он подразумевал Азовский поход, первый самостоятельный шаг своего правления. Подобное суждение было бы ошибочно. К войне он не питал отвращения, но и не считал ее своим призванием. Однажды он сказал: «Какой тот великий герой, который воюет ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателем вселенной!» Достоин подражания не Александр Македонский, а Юлий Цезарь. «Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света». Война для царя была суровой необходимостью. «Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законные причины, — наставлял царь своего сына, — но любить сие дело и всею возможностию снабдевать и учить, ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению: еже распорядок и оборона»^[17]. Ставя на первое место внутренний «распорядок», Петр все же начал свою деятельность не с совершенствования этого распорядка, а с «обороны», с военной акции. Тому были, употребляя терминологию Петра, «законные причины».

Огромная территория России в XVII веке фактически была отрезана от морских берегов, от возможности широкого использования дешевых путей сообщения. Моря, омывавшие страну с севера и востока, несмотря на колоссальную протяженность береговой линии, практически не могли быть использованы для хозяйственных нужд, ибо ресурсы Сибири, Дальнего Востока находились лишь в начальной стадии освоения. Роль единственных морских ворот выполнял Архангельск — порт на Белом море, но он замерзал на девять месяцев в году. Кроме того, морской путь в страны Западной Европы из Белого моря был в два раза длиннее, чем из Балтики. Наконец, сам Архангельск стоял вдали от экономических центров России, и доставка в порт русских товаров, как и вывоз оттуда иноземных грузов, обходились очень дорого — путь от Вологды до центра страны преодолевали гужом.

Два моря — Балтийское на западе и Черное на юге — были закрыты для внешней торговли России. Северное Причерноморье находилось в руках Османской империи и подвластных ей крымских татар. А те из года в год совершали опустошительные набеги на южные уезды, сжигали посевы, отнимали скот, уводили в плен десятки тысяч русских и украинцев, чтобы затем продать их на невольничьих рынках Востока. Некогда оживленный «путь из варяг в греки» по Днепру захирел совершенно — у его устья стояла турецкая крепость — Очаков. Устье Дона запирала другая турецкая крепость — Азов. Узкая полоса Финского залива, принадлежавшая России, была отторгнута Швецией еще в 1617 году, и попытка вернуть ее в XVII веке не принесла успеха. Борьба за возвращение выхода к морю велась в невыгодных для Русского государства условиях: оно находилось в состоянии затяжной и изнурительной войны с Польшей за воссоединение Украины с Россией. Русское государство не располагало ни экономическими, ни военными ресурсами, чтобы вести победоносную войну на два фронта. В пятилетней войне (1656–1661) русским войскам удалось овладеть рядом подвластных Швеции городов в Прибалтике (Юрьев, Динабург и др.). Но необходимость высвободить силы для войны с Польшей вынудила Россию вернуть эти приобретения шведам.

Между тем стране был необходим выход к морю, без которого она обрекала себя на изоляцию, застой в экономическом и культурном развитии, зависимость внешней торговли от иностранных купцов.

В XVII столетии Россия была отсталой страной. Причины этого заложены в неблагоприятных почвенно-климатических условиях. Если по отношению к населению Западной Европы природа, по выражению С. М. Соловьева, выступала матерью, то для русских людей она была мачехой. Суровая и продолжительная зима при слабом развитии ремесла ограничивала время занятий производительным трудом. Огромные размеры территории предоставляли возможности для освоения новых земель — население вместо поисков путей повышения урожайности на обжитых территориях сползало на юг и восток страны, что определяло экстенсивный путь развития сельского хозяйства. Отставание от передовых стран Западной Европы увеличилось еще более в начале XVII века, когда наиболее развитые в хозяйственном отношении районы были разорены польско-шведскими интервентами. Понадобилось почти столетие, чтобы залечить раны и ликвидировать ущерб, нанесенный захватчиками.

В Нидерландах и Англии ко второй половине XVII века уже отгремели буржуазные революции, и обе страны встали на путь бурного капиталистического развития. В других странах Западной Европы —

Франции, Швеции, хотя и сохранились феодальные режимы, но крепостное право давно исчезло.

В России господствовали крепостнические порядки. Основная масса населения — крестьяне — находилась в собственности помещиков, монастырей и царской семьи. Пашни, возделываемые примитивными орудиями, давали низкие урожаи. При этом значительную часть плодов своего труда крестьяне должны были отдавать светским и духовным феодалам. Только три человека из ста жило в городах, что свидетельствовало о слабом развитии торговли и промышленности. Крепостничество сковывало хозяйственную инициативу 15,6-миллионного населения, глушило все новое, что зарождалось в недрах существовавшей хозяйственной системы, и в конечном счете задерживало движение страны вперед.

Тем не менее новые явления хотя и медленно, но пробивали себе путь. В экономике это выражалось в развитии ремесла и мелкого товарного производства. Уходила в прошлое хозяйственная замкнутость отдельных районов, их изолированное существование, возникала известная экономическая общность страны. В России появились первые мануфактуры.

Происходили изменения и в политической жизни. Хотя структура органов управления оставалась прежней, но в ней все же наблюдались изменения, характерные для страны, переходившей к абсолютистскому режиму.

Высшим учреждением, как и прежде, являлась Боярская дума. Состав этого аристократического органа власти стал постепенно изменяться — в Думу начал проникать бюрократический элемент в лице думных дворян и думных дьяков, то есть людей «непородных», чья карьера была обусловлена их личными способностями. Повышение удельного веса думных дворян и думных дьяков — показатель не только бюрократизации Думы, но и роста ее зависимости от царской власти. Одновременно падало значение боярской аристократии. Оба процесса свидетельствовали об эволюции монархии в сторону абсолютизма.

Изменился и приказный строй. Приказное управление было настолько громоздким, сложным и запутанным, что историки и сейчас испытывают затруднения при классификации приказов. Название «приказ» произошло от глагола «приказать». Одни приказы действовали постоянно, и их права распространялись на всю страну. К ним относились Разряд, Поместный, Ямской, Монастырский, Стрелецкий и др. В группу постоянно действующих приказов историки зачислили и так называемые областные

приказы — приказы, управлявшие определенной территорией: Сибирский, Казанского дворца, Смоленский и т. д. Иные приказы существовали несколько лет или даже месяцев. Недолговечным приказом был, например, Приказ боярина Одоевского, занимавшийся составлением нового Уложения. Работу над ним приказ завершил в 1649 году и тогда же прекратил существование. Другим типом недолговечных приказов был Записной приказ. Он перестал действовать не потому, что выполнил поручение, а вследствие того, что не справился с ним — ему надлежало написать историю царствования Алексея Михайловича.

Всего на протяжении XVII века, а этот век считается временем расцвета приказного строя, в России насчитывалось около 80 приказов. Для центрального аппарата этого столетия характерно отсутствие четкого разграничения дел между приказами. Знаменитая приказная волокита была порождена, в частности, отсутствием уставов и регламентов, определяющих права и обязанности приказов, что вынуждало их по всякому пустяку просить указа у Боярской думы или царя.

Во второй половине XVII столетия предпринимались попытки преодолеть недостатки приказов. Иногда управление группой приказов сосредоточивалось в руках одного лица: тесть царя Алексея Михайловича боярин Милославский руководил работой четырех приказов. Другой путь совершенствования приказного строя состоял в уменьшении числа приказов, объединении нескольких родственных учреждений. Впрочем, реальное значение подобных мер было невелико — к концу столетия в стране насчитывалось свыше 40 приказов. И все же эти попытки показательны, поскольку отражали характерный для абсолютной монархии процесс централизации управления.

Эволюция приказного строя и Боярской думы протекала медленно и практически безболезненно. Напротив, установление преобладания светской власти над духовной происходило в атмосфере острой борьбы, насыщенной драматическими событиями. Кульминационным пунктом соперничества светской и духовной власти было дело Никона.

Никон, человек властный и высокомерный, ставший в 1652 году патриархом, при царе Алексее Михайловиче достиг огромного влияния. Его власть распространялась не только на духовное ведомство, он вторгался и в светские дела, носил наряду с царем титул «великого государя». Во время отсутствия царя в Москве Никон управлял Боярской думой и самостоятельно решал военные и гражданские вопросы. Патриарх Никон сравнивал архиерейскую власть с солнцем, а царскую — с ночным светилом, отражающим свет солнца. Деятельность Никона, не терпевшего

возражений, вызвала недовольство и среди духовной братии, и среди влиятельных бояр.

Исподволь назревавший конфликт завершился разрывом царя с патриархом, а затем и его низложением — в 1666 году Никона под охраной стрельцов отправили в Ферапонтов монастырь, где он жил простым монахом на скудном довольствии.

Притязаниям Никона был дан отпор. Однако низложение честолюбивого патриарха не означало полного крушения церковной власти и не исключало возможности возобновления борьбы.

Регулярную армию Петр создавал тоже не на пустом месте. Старинная организация вооруженных сил претерпела существенные изменения еще при его предшественниках. Пало значение поместного войска, созываемого на случай военных действий и распускаемого по домам, как только военные действия прекращались. Участие в войнах стрелецкого войска, составлявшего постоянный контингент вооруженных сил, тоже значительно сокращается. Стрельцы выполняли преимущественно полицейские функции, их использовали для охраны царской резиденции, сопровождения царя и членов его семьи в походах, а также для подавления восстаний горожан.

Вместо архаического дворянского ополчения и стрелецкого войска в вооруженных силах все большее значение приобретали так называемые полки нового строя — рейтарские, драгунские и солдатские. Комплектование этих полков предвосхитило будущую рекрутскую систему, введенную Петром. Оно проводилось путем привлечения на пожизненную службу крестьян и горожан от определенного числа дворов.

В полках нового строя можно разглядеть некоторые черты регулярной армии. Изменения, происходившие в организации вооруженных сил, отражали общую эволюцию государственного строя — переход к абсолютизму. Для этой государственной системы характерна регулярная армия. Однако формирование такой армии в XVII веке не могло быть завершено, ибо в стране отсутствовало развитое мануфактурное производство, способное обеспечить вооруженные силы единым вооружением, снаряжением и обмундированием.

Не приобрели устойчивости и попытки создания военно-морского флота. На верфи в подмосковном селе Дединове по царскому указу 1667 года было намечено построить несколько морских судов для защиты торговых интересов русских купцов на Каспийском море. Корабль «Орел» с незаконченной оснасткой находился у Астрахани и был сожжен Разиным в 1670 году.

Потребности времени вызывали изменения и в области культуры. Церковная идеология сохранила господствующее положение во всех сферах культурной жизни населения, но вместе с тем зарождался интерес к светской культуре. Образованные слои горожан и дворянства уже не довольствовались усвоением богословских истин и проявляли стремление к научным знаниям, к литературе, рассказывающей не о подвигах библейских героев, а о жизни обыкновенных людей. В живописи наметилась тенденция к реализму, в архитектуре пробивали путь светские элементы. В целом во всех областях духовной жизни общества было положено начало явлениям, которые принято называть «обмирщением культуры», то есть проникновением в нее светских начал.

Итак, Петр получил в наследие целый комплекс начинаний в экономической, социальной, политической и культурной жизни общества. Их принято называть предпосылками преобразований Петра. Забегая вперед, заметим, что если бы роль Петра ограничилась лишь пассивным созерцанием того, как зародившиеся задолго до него процессы продолжали развиваться, то вряд ли бы его жизнью и деятельностью интересовались художники и поэты, композиторы и сценаристы. В том-то и дело, что Петр не только постиг веление времени, но и отдал на службу этому велению весь свой незаурядный талант, темперамент, упорство одержимого, присущее русскому человеку терпение и умение придать делу государственный размах. Петр властно вторгнулся во все сферы жизни страны и намного ускорил развитие начал, полученных в наследие.

Однако все это — отдаленное будущее. А сейчас Петр жил сегодняшним днем и помышлял об одном: как пробиться к морю. Только что закончившиеся кожуховские маневры внушили ему уверенность в достаточно высокой боевой выучке русских войск и их способности овладеть морским побережьем. Было решено пробиваться к южному морю.

Подготовка к походу началась в январе 1695 года.

В зимние месяцы царь в кругу друзей обсуждал планы похода. Это был план, принципиально отличный от традиционного плана движения русских войск против крымцев. Тогда войска сосредоточивались в Белгороде и Севске и, обремененные колоссальными обозами, медленно двигались на юг, к Крыму, терпя урон от постоянных набегов татарской конницы. В соприкосновении с основными силами татар русские войска вступали в значительной мере ослабленными. Двигаясь по выжженной и безводной степи, люди и кони страдали от недостатка продовольствия и фуража. Над армией, преодолевшей Перекоп и углублявшейся на территорию полуострова, висела угроза оказаться в мышеловке. Русские

военачальники, не желая рисковать армией, ни с чем возвращались домой, причем обратный путь был еще более тяжелым.

За спиной крымских татар стояла Османская империя, в то время могучая держава, наносившая удары по своим соседям на юге и востоке Европы. Россия, заключив союз с Польшей и Австрией, а затем и Венецией, долгие годы находилась в состоянии войны с Турцией, но ограничивала свое участие в ней организацией походов на Крым. Эти походы, сковывая силы крымцев, вносили вклад в общую борьбу союзников с Османской империей, но решить исход войны не могли.

При подготовке нового похода было решено нанести удар не по вассалам Турции — крымским татарам, а непосредственно по туркам, их крепости Азову. Путь к Азову имел ряд существенных преимуществ по сравнению со шляхами, по которым шли русские войска к Крыму. Здесь армия могла двигаться по заселенной территории, и ей не нужны были обременительные обозы, освобождалась она и от утомительных пеших переходов — войско, как и припасы, можно доставить по Дону.

В распоряжении историков нет данных о том, что выбор нового направления военных действий, как и разработка плана похода, принадлежит молодому Петру. Скорее всего, эту мысль ему подсказали военные советники, возможно Гордон. За царем, видимо, оставалось последнее слово — согласиться с планом или отвергнуть его. Петр, активно участвовавший в его обсуждении, согласился.

Направление удара держалось в строжайшей тайне. Чтобы дезориентировать турок и застать их врасплох, местом сосредоточения войск были объявлены традиционные пункты — Белгород и Севск, в то время как концентрация военных сил происходила в Москве. Часть войск должна была двигаться водным путем по Москве-реке, Оке и Волге до Царицына, а другая — по Дону. В марте армии тронулись в путь.

Войска достигли Азова в конце июля 1695 года. Они были разбиты на три группы, каждая из которых имела своего командира: Головина, Лефорта и Гордона. Петр в этом походе, как и в маневрах, не брал на себя командования, оставаясь в скромной должности бомбардира Петра Михайлова. Письма друзьям из-под Азова он подписывал «бомбардир Peter», а друзья адресовали ответы «господину первому бомбардиру, Петру Алексеевичу».

Турки, после того как в 1637 году в результате лихой атаки донских казаков на пять лет потеряли Азов, долго и основательно его укрепляли. Возвращенная крепость была обнесена каменными стенами, впереди которых возвышался земляной вал, затем следовал ров с деревянным

частоколом. В полуверсте от этих основных сооружений находились еще два земляных вала, а в трех верстах от Азова на берегах Дона стояли две каменные башни, между которыми были протянуты три железные цепи, преграждавшие выход судам из реки в море.

Сохранить в секрете направление похода и его цели не удалось. Турки усилили гарнизон крепости еще до появления русских войск. Прибывали подкрепления в Азов и во время его осады — русские не имели флота и не могли воспрепятствовать подходу турецких кораблей.

Осада крепости принесла скромные результаты. Удалось овладеть лишь двумя башнями. Осажденные тревожили русский лагерь постоянными вылазками, одна из коих нанесла русским значительный урон. Голландский матрос Яков Янсен, находившийся на русской службе, перебежал к неприятелю и сообщил ему о том, что русские имеют обыкновение после обеда ложиться отдыхать. В часы такого отдыха турки организовали вылазку, стоившую русским нескольких сот человек.

Убедившись в бесполезности осады, русские стали энергично рыть траншеи, готовясь к штурму. В одном из писем Петр сообщал: «В деле нашем, слава Богу, порядок идет доброй, и уже меньше тридцати сажен от города обретаемся и, в надежде милосердия его, о благом совершении не сомневаемся»^{18}.

Оптимизм царя оказался необоснованным. Предпринятый 5 августа штурм потерпел неудачу — отчасти из-за того, что артиллерия не пробила бреши в крепостных стенах, а главным образом потому, что отряды штурмовавших действовали несогласованно. Это позволило туркам перегруппировать свои силы для отпора.

Неудача, однако, не привела Петра в уныние. По его повелению войска продолжали засыпать рвы и подводить к стенам траншеи. Как и накануне первого штурма, царь писал: «А здесь, слава Богу, все здорово, и в городе Марсовым плугом все испахано и насеяно, и не только в городе, но и во рву. И ныне ожидаем доброго рождения»^{19}.

Надежды на «доброе рождение» не оправдались и на этот раз. Повторный штурм, предпринятый в конце сентября, опять не принес успеха и сопровождался большими потерями. В начале октября осада была снята, и месяц с лишним спустя русские войска находились уже в Москве. Единственным трофеем похода оказался пленный турок, которого вели впереди шествовавших через Москву войск.

Петр во время похода совмещал обязанности первого бомбардира, обстреливавшего крепость ядрами, и фактического руководителя всей

кампании, причем руководителя, проявлявшего нетерпение, — это по его настоянию были предприняты недостаточно подготовленные штурмы.

Урок был тяжелым. До сих пор царю приходилось иметь дело с игрушечными войсками и штурмами игрушечных крепостей. Командиры осаждавших и оборонявшихся войск в промежутке между «сражениями» устраивали веселые пирушки. Теперь шла настоящая война с ее тяготами и жертвами, с ожесточенным сопротивлением противника, который не прощал ошибок. Наступило время для трезвого анализа упущений.

Петр оказался на высоте: его нельзя заподозрить в попытках затушевать неудачу. Напротив, он стремился доискаться до ее подлинных причин. В письмах к друзьям Петр иронически называл первый Азовский поход «походом о не-взятии Азова», чем признавал безуспешный исход кампании, обнаружившей множество недостатков и прежде всего слабую инженерную подготовку войск. Взрывы мин оставляли нетронутыми крепостные стены, но зато наносили урон самим осаждавшим. Нуждалась в совершенствовании система управления войсками — штурмы производились одновременно. Оставляла желать лучшего и выучка войск. Лишь подготовка Преображенского и Семеновского полков, сформированных на основе потешных рот, находилась на уровне современных требований. Наконец, у русских не было флота, следовательно, они не могли блокировать крепость и лишить ее гарнизон возможности получать подкрепления.

Легче всего было упорядочить командование войсками. Петр назначил вместо трех равноправных командующих двух военных руководителей и каждому из них поручил управление определенным родом войск. Сухопутные войска передавались в руки генералиссимуса Алексея Семеновича Шеина, а для управления пока еще не существующим флотом Петр призвал своего любимца Лефорта. Ни военных дарований, ни ратных подвигов за обоими не числилось. Боярин Шеин сделал обычную в то время придворную карьеру, ни разу не побывав на поле брани. Уроженец самой сухопутной страны в Европе, швейцарец Лефорт, весельчак и балагур, не любил утруждать себя какими-либо заботами. К Азову он прибыл позже всех и раньше всех отправился в Москву, к командованию флотом он так и не приступил. Другими военачальниками царь тогда не располагал. Но в данном случае это и не имело значения, так как фактическим руководителем похода являлся он сам, а Шеин и Лефорт были всего лишь исполнителями его воли.

Сложнее было призвать под знамена второго похода конное ополчение дворян, которое всегда распускали по домам на зиму. В этом случае

действовала хотя и тяжеловесная, но испытанная десятилетиями система мобилизации ополченцев: в уезды были отправлены указы, а в столице 27 ноября дьяк Артемий Возницын трубным голосом объявил дворянам, приглашенным в Кремль: «Стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы! Великие государи указали вам всем быть на своей, великих государей, службе. И вы бы запасы готовили и лошадей кормили». Местом сбора назначалось Преображенское, куда надлежало явиться 1 декабря.

В комплектование войск царь ввел новшество — в январе было объявлено, чтобы в Преображенское являлись все, кто имеет желание участвовать во втором походе. Туда потянулись жившие в Москве холопы, которые тут же получали свободу.

Самым трудным делом, прежде всего потому, что оно было совершенно новым, считалось строительство кораблей, причем не мелких судов для перевозки солдат, продовольствия и снаряжения — их строить умели, — а боевых кораблей. Именно здесь, на ответственном участке подготовки похода, и находился царь.

Похоронив в конце января нового, 1696 года своего брата и соправителя Ивана, Петр в феврале отбыл на верфь в Воронеж, где начал осуществлять поистине великий замысел — в дотоле сухопутной стране создать морской флот. Этот дерзкий вызов стал действительностью много лет спустя. А пока полным ходом шло строительство стругов и галер. Несколько тысяч плотников, согнанных из ближайшей округи, соорудили 1300 стругов. С топором в руках трудился и сам царь.

Дело в Воронеже спорилось, и Петр счел долгом донести об этом «князю-кесарю»: «галеры и иные суда по указу вашему строятся; да нынче же зачали делать на прошлых неделях два галиаса»^[20].

В начале мая сосредоточенная в Воронеже армия и военный флот в составе 27 судов двинулись на юг. В конце месяца войска заняли под стенами Азова прошлогодние траншеи и начали обстрел города. До штурма крепости дело не дошло — ее судьбу решил флот. Сначала казаки на мелких судах напали на разгружавшиеся турецкие корабли у стен Азова и уничтожили их, а затем в Азовское море вошла русская эскадра. На рейде стояли турецкие корабли с четырьмя тысячами человек пехоты и запасами продовольствия и снаряжения. Их попытка прорваться к Азову не увенчалась успехом. Крепость оказалась в кольце блокады, и гарнизон принял условия капитуляции. Русское командование поставило непременным условием выдачу ему «немчина Якушки», того самого перебежчика Янсена, по совету которого во время прошлогодней осады турки предприняли удачную вылазку.

Душой осадных работ, блокирования крепости и ее интенсивных бомбардировок был Петр. «Первый бомбардир» бывал на кораблях и в траншеях, стрелял по городу, не страшась появляться на виду у неприятеля. На тревожное письмо сестры, царевны Натальи Алексеевны, до которой дошли слухи, что брат подходил к крепости на расстояние ружейного выстрела, Петр шутливо отвечал: «По письму твоему я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили. Однако, хотя и ходят, только по ся поры вежливо»^{21}.

20 июня, на следующий день после выхода турецкого гарнизона из Азова, победу отмечали пиром, во время которого не жалели ни напитков, ни пороха для салютов. Радостной вестью царь делится с московскими друзьями: «Известно вам, государь, буди, — писал он Ромодановскому, — что благословил Господь Бог оружия ваше, государское, понеже вчерашнего дня молитвою и счастьем вашим, государским, азовцы, видя конечную тесноту, сдались. Изменника Якушку отдали жива»^{22}. Почти в таких же выражениях Петр информирует о победе еще двух московских корреспондентов, каждого из которых он не преминул порадовать захватом «изменника Якушки».

Крепость была почти полностью разрушена, и ее тут же начали энергично восстанавливать, а Петр, уверовавший в силу флота, занялся отысканием удобной гавани. Такой гаванью был избран Таганрог.

Оставив гарнизон в Азове, русские войска в августе отправились на север. У царя в это время появилась новая забота — организация встречи победоносных войск в Москве. Инициатива этой затеи принадлежала Петру. В одном из писем обрусевшему голландцу Андрею Виниусу Петр намекнул о желательности «триумфальными воротами почтити генералисимуса и прочих господ, два года в толиких потах трудившихся». Царь вникал во все детали готовившейся церемонии и даже определил место, где следовало соорудить триумфальную арку.

Получив известие, что арка может быть готова только во второй половине сентября, царь не спешил в столицу. По пути он делал продолжительные остановки в имениях своих вельмож, посетил несколько металлургических заводов. В конце сентября Петр прибыл в Коломенское. К этому времени сюда подошли войска, участвовавшие в походе, и была в полной готовности триумфальная арка.

Население столицы стало свидетелем небывалого зрелища. На смену церковной торжественности с молебнами и колокольным звоном пришел чисто светский праздник. Поток воинов, пеших и конных, растянувшийся

на несколько километров, двигался через всю Москву. Почетная роль в процессии отводилась главнокомандующему Шеину и адмиралу Лефорту, в честь которых у триумфальной арки произносили стихи. Более всего москвичей в этом зрелище удивляло то, что процессию открывал развалившийся в карете «князь — папа» Никита Зотов, а царь шествовал пешком за адмиралом Лефортом в черном немецком платье и шляпе с белым пером. На плече он нес протазан.

Солдаты волокли по земле 16 турецких знамен, взятых в Азове. В церемонии встречи победителей видное место было отведено Якушке. Его везли скованным на телеге с помостом, виселицей и двумя воткнутыми топорами. На шею Якушки была надета петля, на груди висела доска с надписью: «Злодей».

Триумфальная арка представляла грандиозное сооружение не менее 10 метров высоты, разукрашенное фигурами и текстами из античной литературы и истории. Здесь были и Геркулес, и Марс, и картины, изображавшие осаду Азова, и надписи, то торжественные, вроде «Приидох, видех, победих», то иронические, в адрес незадачливых турок: «Ах, Азов мы потеряли и тем бегство себе достали», или: «Прежде на степях мы ратовались, ныне же от Москвы бегством едва спасались».

Зрелище было ярким, но малопонятным москвичам, привыкшим к иной торжественности. Люди, толпившиеся вдоль улиц, молча провожали колонны войск. Во взглядах — больше удивления и настороженности, чем восторга. Не видно было ликования, не раздавались и приветственные возгласы — все это появится несколько лет спустя.

Пышность встречи победителей не соответствовала реальному значению одержанной победы. Это была дань вкусам царя, с которыми он не расставался всю жизнь. Можно сказать с уверенностью, что никаких иллюзий относительно значения военного успеха царь не питал. С овладением Азова Россия вышла к морю, но до превращения ее в морскую державу было еще далеко. Предстояла нелегкая борьба за выход к Черному морю, за право пользоваться проливами.

Было бы неверно полагать, что все эти задачи уже тогда оформились у Петра в стройную программу, которую он станет последовательно претворять в жизнь. Такой план складывался постепенно, а пока Петр был озабочен лишь тем, как отстоять завоеванное, как отразить возможные попытки турок вернуть крепость.

Царю, уверовавшему в силу флота, представлялось, что флот, обеспечив ему завоевание Азова, обеспечит и его удержание или даже поможет продвинуться дальше. Такие планы лелеял царь, возвращаясь из

второго Азовского похода в Москву. Боярской думе он составил записку, в которой развивал идеи заселения Азова и постройки флота. Боярский приговор предусматривал переселение в Азов трех тысяч стрельцов с семьями. О флоте было принято лишь принципиальное постановление, выраженное в торжественно-лаконичной форме: «морским судам быть». Однако казна не располагала суммами, чтобы финансировать сооружение флота. Скромный бюджет государства не предусматривал таких расходов. Началось введение новых обременительных повинностей. Для строительства флота были созданы «кум-панства» из светских и духовных землевладельцев, которые, как и следовало ожидать, переложили бремя новых расходов на своих крестьян.

Другая повинность, тоже новая и тоже связанная с овладением Азовом и стремлением утвердиться на морском побережье, состояла в мобилизации трудового населения на сооружение гавани в Таганроге.

Нововведения на этом не кончились. Создание флота вызвало цепь новых распоряжений царя. Флот нуждался в офицерском составе, знающем военно-морское дело, а верфи — в кораблестроителях. Ни тех, ни других в России не было. Петр принимает неожиданное решение — послать за границу стольников для изучения морского дела. Среди 35 молодых людей, включенных в список, 23 носили княжеские титулы. Несколько позже, в декабре 1696 года, царю пришла в голову мысль отправить за границу посольство с поручением собрать широкую коалицию европейских держав против Османской империи. Помимо решения дипломатической задачи, посольство должно было выполнить ряд других поручений: нанять матросов, капитанов кораблей, корабельных мастеров, закупить пушки, ружья и инструменты. Немедленно началась подготовка к отправлению посольства, получившего название великого. По дипломатическим каналам шла переписка с правительствами стран, через которые должно было следовать посольство и с которыми намечалось вести переговоры. Ассигновались суммы на приобретение дорогих подарков. Комплектовали штат посольства, из архивов извлекали документы о дипломатических отношениях с европейскими державами, вырабатывали инструкции. Одна из инструкций, предназначенная ученикам-волонтерам, была составлена царем. Программа их обучения предусматривала два цикла. Первый, обязательный для всех волонтеров, имел в виду овладение минимумом военно-морских знаний, то есть кораблевождением, управлением боевыми действиями. Второй цикл, факультативный, рекомендовал овладеть кораблестроением.

Создание флота можно считать второй самостоятельной акцией Петра,

причем эта акция оставила глубокий след в жизни страны и потребовала значительно больших жертв от ее населения, чем Азовские походы. Для народа эти жертвы были непомерно тяжелы, а требовали их беспощадно. Пока народ отвечал на это глухим ропотом. Но, одержимый идеей государственности, царь не щадил и великородных людей, вызывая недовольство даже в их среде. Благородные отпрыски Рюриковичей и Гедиминовичей беспечную жизнь при дворе и обычное для знати продвижение по чинам принуждены были сменить на полное неизвестности путешествие в неведомые края, где предстояло заниматься тяжелым физическим трудом, напрягать ум, отрешиться от удобств, привычных с детства.

В разгар подготовки к снаряжению великого посольства в столице произошли два события, непосредственно касавшиеся Петра и его начинаний.

В келье старца подмосковного Андреевского монастыря Авраамия собирався кружок. Собеседники обменивались новостями и суждениями об увиденном и услышанном. Московская жизнь тех лет давала обильный материал для обмена мнениями. Царя видели запросто шагающим в составе войск, наблюдали его увлечение кораблестроением и частые визиты в Немецкую слободу. Такое поведение считалось предосудительным, не соответствующим царскому сану. У Авраамия созрела мысль сообщить царю обо всем, что вызывает ропот и недовольство. Так возникло послание старца Авраамия. В нем старец сокрушался по поводу упрямства царя, его увлечения «потехами непотребными» и отказов от советов матери, жены, родственников и бояр. Авраамий просил царя о личной встрече^[23].

Вместо аудиенции у царя Авраамий угодил в застенок Преображенского приказа. Расследование обнаружило, что пересуды в келье не имели в виду опасных для правительства действий. Участники собеседований отделались легкими наказаниями.

Более серьезным оказался раскрытый в феврале 1697 года заговор полковника Цыклера, к которому были причастны чиновные и родовитые люди. Цыклер — честолюбивый иноземец, начавший службу в России еще в 1671 году, следовательно, вполне обрусевший. В мае 1682 года он принимал деятельное участие в стрелецком восстании на стороне Софьи и Милославских. Во время попытки произвести дворцовый переворот в 1689 году переметнулся на сторону Петра. Продвижение Цыклера по службе протекало не с той быстротой, на какую рассчитывал карьерист. Он был полковником стрелецкого полка, получил чин думного дворянина, затем его

отправили воеводой в далекое Верхотурье. После возвращения в Москву Цыклер получил новое назначение, опять связанное с выездом из столицы — в завоеванный Азов и на постройку гавани в Таганроге. По всему видно, что Петр не доверял Цыклеру, помнил о его связях с Милославскими, держал его в отдалении. У Цыклера появилось намерение убить Петра. Исполнителей замысла он искал среди стрельцов, с которыми не терял связей. «Как государь поедет с Посольского двора, и в то время можно вам подстеречь и убить», — говорил Цыклер стрельцам.

Замысел Цыклера разделяли его сообщники из родовитых людей, куда он стал вхожим благодаря родственным связям своей супруги. Среди знати непримиримую позицию к Петру занимали окольный Алексей Соковнин, боярин Матвей Пушкин и их родственники. В отличие от старца Авраамия и его собеседников, осуждавших царя по идейным соображениям, сообщники Цыклера руководствовались карьерными мотивами, игнорированием Петром их честолюбивых притязаний: Соковнин тем, что «до боярства не допущен», а Цыклер — назначением воеводой в Азов и отправкой сыновей за границу для обучения^{24}.

Как только Петру стало известно о заговоре, он принял в его расследовании живейшее участие, проявив при этом крайнюю жестокость, подогреваемую, видимо, причастностью к заговору ненавистных ему стрельцов. Долгие часы царь проводил в Преображенском, сам допрашивал обвиняемых, подвергавшихся страшным пыткам. Главным участникам заговора была определена смертная казнь, причем церемонию казни, отличавшуюся грубым надругательством, тоже разработал Петр.

Царь считал идейным вдохновителем замысла Цыклера давно умершего Ивана Милославского. Гроб боярина извлекли из могилы, положили в сани, запряженные свиньями, привезли в Преображенское к месту казни и установили под эшафотом. Кровь казненных ручьями стекала на останки Милославского. На следующий день головы казненных были насажены на колья и выставлены в Москве для всеобщего обозрения.

Казалось бы, что Петр после раскрытия заговора Цыклера, к которому были причастны некоторые боярские фамилии и стрельцы, должен был расстаться с мыслью о поездке за границу. Однако заговор несколько не нарушил подготовки великого посольства, не изменил он и намерений царя. Петр поручил управление страной князю Ромодановскому и боярину Тихону Стрешневу.

2 марта 1697 года передовой отряд посольства двинулся в путь. Русское государство еще никогда не отправляло за пределы своей страны столь многочисленного и пестрого по составу посольства. В ранге первого

посла ехал Франц Лефорт. Высоким постом он был обязан своим заграничным связям, веселому и общительному характеру, а также умению держаться в обществе.

Вторым послом значился талантливый дипломат, руководитель Посольского приказа Федор Алексеевич Головин. За плечами Головина — многолетний опыт дипломатической службы; он, в частности, возглавлял переговоры с Китаем, закончившиеся подписанием Нерчинского договора 1689 года. Этого общительного и хлебосольного человека отличала основательность в выполнении любого поручения. Английский посол Витворт извещал свое правительство, что руководитель внешнеполитического ведомства России «пользуется репутацией самого рассудительного и самого опытного из государственных людей государства Московского». Занимая вторую должность в посольстве, Головин фактически являлся главным исполнителем повелений его подлинного руководителя — Петра. На Головине лежала вся черновая работа по подготовке посольства.

На пост третьего посла Петр назначил Прокофия Богдановича Возницына — грузного и необщительного человека «с неприятным цветом лица и важной осанкой», как отзывались о нем иностранцы. За тридцатилетнюю службу он прошел путь от низшего чиновника дипломатического ведомства до думного дьяка. Возницын многократно выполнял дипломатические поручения в Турции, Польше, Австрии и Венеции в качестве участника посольств и гонца. Он постиг все тонкости дипломатического ремесла, умел защищать интересы России и сохранять при переговорах непроницаемость.

Три посла — три разных характера, они дополняли друг друга и были способны справиться с самым сложным дипломатическим поручением. Общавшийся с ними посол польского короля доносил: «Эти послы — люди большого ума, хорошо знающие состояние Европы и приятные в обхождении».

В составе посольства находилось 35 волонтеров, среди них и царь под именем Петра Михайлова. Многие члены посольства имели слуг. Штат предусматривал многочисленный обслуживающий персонал — от священников, лекарей и переводчиков до поваров, хлебников и даже четырех карлов. Вместе с солдатами охраны численность посольства превышала 250 человек. Его кортеж насчитывал тысячу саней.

Петр занимал в посольстве двойственное положение: официально он числился одним из десятников отряда волонтеров, ехавшим учиться морской науке. В то же время он был фактическим руководителем

посольства, в котором Лефорту, как первому послу, отводилась парадная роль.

В начале апреля посольство прибыло в Ригу, где ему устроили торжественную встречу. Петр, впервые переступивший границу России, жадно наблюдал окружающее. Свои впечатления он изложил в письме: «Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением. Торговые люди здесь ходят в мантиях, и кажется, что зело правдивые, а с ямщиками нашими, как стали сани продавать, за копейку матерно лаются и клянутся, а продают втрое». Петр не скрыл досады по поводу двух событий, оставивших у него неприятное впечатление от соприкосновения с заграничными нравами. Одно из них связано с поведением рижской администрации. Она проявляла внешнее гостеприимство и в то же время бесцеремонно запретила гостям поближе ознакомиться с крепостными сооружениями города — любопытным, среди которых находился и царь, караул пригрозил применением оружия. Этот инцидент Петр и передал словами: «сыты были только зрением»^{25}. Позже этот казус в Риге царь использует в качестве одного из поводов для объявления войны Швеции, во владении которой находилась Лифляндия.

Отталкивающее впечатление на царя произвело и несоответствие между внешней респектабельностью рижских купцов и их жадностью к деньгам. На улице стояла весна, надо было менять сани на телеги, и рижские купцы, по мнению Петра, очень уж нагло воспользовались затруднительным положением посольства.

Петру не удалось полностью скрыть своего пребывания в составе посольства. Уже в Риге об этом догадывались, хотя точных данных на этот счет не имели.

Царь оставил негостеприимную Ригу, сохранив инкогнито. Он не открыл своего имени и в герцогстве Курляндском, хотя, по свидетельству современника, в Митаве посольство было принято со всевозможной обходительностью и великолепием.

Зато в Кенигсберге, куда Петр прибыл на корабле, у него состоялось тайное свидание с курфюрстом Бранденбургским Фридрихом III, искавшим сближения с Россией. Петр объяснялся на голландском языке.

Среди торжественных приемов, пиров и увеселений посольство при активном участии Петра вело переговоры с бранденбургским курфюрстом относительно антитурецкой коалиции. Переговоры завершились заключением устного соглашения о союзе, но не против Турции, а против Швеции. Это был первый шаг к изменению внешнеполитической ориентации России.

На пути в Голландию царь имел свидание с супругой курфюрста Бранденбургского Софией-Шарлоттой и ее матерью. Обе курфюрстины оставили описание встречи и свои впечатления от нее. Они интересны тем, что содержат зарисовку облика царя. Это второе описание внешности Петра. Первое, как мы помним, относится к годам детства, когда Петру было 10 лет, — теперь он находился на пороге 25-летия. Обе курфюрстины — мать и дочь — были в обществе царя лишь несколько часов и, разумеется, при столь непродолжительном знакомстве могли составить весьма поверхностное представление о своем новом знакомом. «Царь очень высокого роста, — писала мать, — лицо его очень красиво, он очень строен. Но наряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы... Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы». В другом письме курфюрстина-мать отметила: «Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинств и бесконечно много природного ума». Курфюрстина-дочь обратила внимание на судороги, изменявшие лицо царя: «Что касается до его гримас, то я представляла себе их хуже, чем их нашла, и не в его власти справиться с некоторыми из них. Заметно также, что его не научили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность, он стал действовать, как дома»^[26]. Софии-Шарлотте, два года жившей при Версальском дворце Людовика XIV и усвоившей утонченные нравы французского двора, показалось странным, что русский царь не умел пользоваться салфеткой во время обеда.

От времени переезда Петра из Бранденбургского курфюршества в Голландию сохранилось лишь несколько его писем. В частности, письма Виниусу. Предметом их переписки была забота о найме мастеров для металлургических заводов. Еще до отъезда Петра за границу на Урале была найдена превосходного качества железная руда. Виниус, управлявший Сибирью, донимал царя просьбами о найме специалистов, которые умели бы строить домны, лить пушки, плавить руду. Петр обещал по приезде в Голландию «о мастерах старатца».

Границу Голландии, богатейшей страны Европы, славившейся развитой промышленностью и торговлей, Петр пересек в начале августа и сразу же направился в центр кораблестроения — город Саардам. По своему обыкновению быстро ездить Петр опередил посольство и до прибытия последнего в Амстердам имел неделю времени, чтобы обрядиться в платье, какое носили саардамцы, ознакомиться с верфями, осмотреть лесопильные

и бумажные мельницы и даже поработать топором. Плотничьи инструменты он купил у одной вдовы.

В небольшом городе царю не удалось сохранить инкогнито. Как ни старался Петр смешаться с толпой мастеровых, одетых, как и он, в красные байковые куртки и холстинные шаровары, его, очень приметного благодаря высокому росту, быстро узнали голландцы, бывавшие в Москве. Каждый шаг царя находился под наблюдением не только любопытных саардамцев, но и других жителей страны, специально приезжавших поглядеть, как русский царь ловко управлял яхтой, или строил мельницу, или сидел в гостях у саардамцев, родственники которых жили в Москве. «Повсюду, — заметил современник-голландец, — он проявлял необыкновенную любознательность и часто спрашивал о том, что значительно превышало познания тех, к кому он обращался с расспросами. Его тонкая наблюдательность и особый дар понимания не уступали его необыкновенной памяти. Многие поражались особой ловкости его в работе, которой он превосходил иногда даже более опытных в деле людей. Так, рассказывают, что, находясь на одной бумажной мельнице и осмотрев все интересовавшее его, царь взял из рук мастера форму, которой тот черпал бумажную массу, и отлил такой образцовый лист бумаги, что никто другой не сумел бы сделать это лучше»^{27}.

16 августа 1697 года состоялся торжественный въезд посольства в Амстердам. В свите посольства на второстепенных ролях, облаченный в кафтан, красную рубаху и войлочную шляпу, находился и Петр, прибывший по этому случаю из Саардама. Началась будничная жизнь посольства, работа над осуществлением целей, ради которых царь, его дипломаты и волонтеры совершили такое далекое путешествие.

Не всюду посольству сопутствовал одинаковый успех. Удачнее всего устроились дела с обучением волонтеров кораблестроению. Петр широко пользовался посредничеством Николая Витзена, бывавшего в России и знавшего русский язык. Витзен наряду с должностью амстердамского бургомистра занимал пост одного из директоров Ост-Индской компании. Это дало возможность зачислить Петра и волонтеров на верфь этой компании. Директора компании распорядились заложить специальный корабль, чтобы «знатная особа, пребывающая здесь incognito», имела возможность ознакомиться со всеми этапами его сооружения и оснастки.

Петр узнал об этом распоряжении, будучи на парадном обеде, устроенном посольству властями Амстердама. Как только кончился фейерверк в честь гостей, Петр высказал желание немедленно отправиться в Саардам, чтобы взять там вещи и инструменты и все это перевезти на

Ост-Индскую верфь. Попытки отговорить Петра от поездки в ночное время не увенчались успехом. Пришлось посылать за ключами от портовой заставы, опускать подъемный мост, беспокоить владельца дома, где квартировал царь.

Корабельному мастерству вместе с царем обучалось еще 10 волонтеров, среди них два человека позже приобретут известность в качестве ближайших сподвижников Петра: Меншиков и Кикин. Александр Данилович Меншиков выполнял обязанности казначея Петра, он присутствовал на приемах, сопровождал царя во время осмотра достопримечательностей.

Существуют две версии о происхождении Меншикова. Одна из них, не вызывающая доверия, отражена в официальном документе — грамоте о возведении Меншикова в сан светлейшего князя Ижерского, выданная ему Петром 1 июня 1707 года. В ней сказано, что новоиспеченный князь происходит из «благородной фамилии литовской», что его отец служил в гвардии. Однако все без исключения современники, оставившие записки, считали, что Меншиков — выходец из простонародья. Один из этих современников, токарь Петра Андрей Нартов, описал следующий случай: царь за какие-то провинности разгневался на Меншикова и раздраженно кричал ему: «Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был! Тотчас возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам, кричи: пироги подовые! как дельвал прежде. Вон! Ты не достоин милости моей». Не растерявшийся Меншиков подхватил на улице у какого-то пирожника кузов и явился к царю. Шутка понравилась Петру. «Слушай, Александр! Перестань бездельничать, или хуже будешь пирожника». Меншиков ушел от царя, громко предлагая свой товар покупателям: «Пироги подовые!»^[28]

Александр Васильевич Кикин — личность тоже незаурядная, хотя и менее известная, нежели Меншиков. Как и Меншиков, он начинал денщиком царя и, как и Меншиков, плохо кончил: Меншиков умер в ссылке в Березове, а Кикин с петлей на шее — в Москве. Обоих роднила страсть к стяжанию, стремление поживиться за счет казны. Если Меншикову казнокрадство сходило с рук, то Кикин оказался в опале. Но лишился он жизни не за воровство, а за причастность к делу царевича Алексея.

Меншиков и Кикин в дальнейшем совершат головокружительную карьеру, а пока они оба старательно долбили бревна и приобретали навыки, высоко ценимые царем у своих подданных.

Конец августа и начало сентября прошли в усвоении мудростей кораблестроения, а 9 сентября был заложен фрегат, полностью

сооруженный волонтерами под руководством голландского мастера Поля. Не всем волонтерам оказалась по душе тяжелая работа, необходимость следовать примеру царя, весьма неприятного и в одежде, и в пище, и в комфорте. Группа русских молодых людей, прибывшая в Голландию несколько раньше Петра, пыталась вернуться на родину, обучившись лишь обращению с компасом и ни разу не побывав на море. Эта попытка была Петром тут же пресечена. Среди некоторых волонтеров велись разговоры, осуждавшие участие царя в постройке корабля. Петр, чьей воле никто не смел перечить в России, велел заковать критиканов в цепи, чтобы потом отрубить им головы. Лишь протест бургомистров, напомнивших царю, что в Голландии нельзя казнить человека без суда, вынудил его изменить решение и вместо казни сослать их в отдаленные колонии.

В середине ноября фрегат «Петр и Павел», над сооружением которого трудились волонтеры, был спущен на воду. Ученики получили свидетельства об овладении мастерством. Аттестат, выданный царю от его корабельного учителя Поля, гласил, что Петр Михайлов «был прилежным и разумным плотником», научился выполнять различные операции кораблестроителя, а также изучил «корабельную архитектуру и черчение планов», столь основательно, «сколько сами разумеем».

Князю Куракину довелось увидеть корабль «Петр и Павел» в 1705 году. Он записал, что на этом корабле «уже ходили несколько раз в Ост-Индию и назад возвратилися»^[29].

Менее успешно великое посольство справилось с другими задачами, ради которых оно прибыло в Голландию, — с наймом иностранных специалистов и получением помощи для войны с Турцией. Виниус, озабоченный строительством уральских заводов, настойчиво напоминал Петру о найме «железных мастеров», но царь, не выпускавший из поля зрения этой просьбы, никак не мог ее выполнить. Привлечение специалистов на русскую службу усложнялось их незнанием русского языка. В конце концов удалось нанять на русскую службу 672 человека, из коих более половины составляли матросы, а остальные — капитаны, штурманы, лекари, младшие офицеры и др.

Не встретила понимания в Голландии и мысль о том, что Россия, ведя войну с Турцией, защищает интересы всех христианских государств против «бусурман» и что «такая война, всяк то может разуметь, не может быть без великих миллионов и многочисленного войска». Четыре раза послы встречались с представителями голландского правительства и всякий раз получали вежливый, но твердый отказ в помощи, мотивированный тем, что Голландия только что закончила изнурительную войну с Францией и не

располагает ни деньгами, ни лишним оружием.

Петр, работавший во время переговоров на верфи, получал подробные донесения о результатах встреч послов с депутатами Голландских штатов. На ломаном русском языке первый посол Лефорт так оценил позицию партнеров во время переговоров: «ани не хотят ничаво дать».

В промежутках между работой на верфи и руководством деятельностью послов Петр знакомился с достопримечательностями Голландии, находясь в толпе волонтеров, участвовал в дипломатических церемониях, празднествах и обедах. В Амстердаме царь присутствовал на спектакле, посетил анатомический музей профессора Рюйша. Амстердамские власти организовали в честь посольства показательное морское сражение. Царь руководил маневрами одной из яхт, отданных ему в командование. В конце пребывания посольства в Голландии хозяева пригласили Петра присутствовать на развлечении иного рода — казнили каких-то преступников. По вкусам того времени процедура казни считалась увлекательным зрелищем, так что для представителей высшего круга сооружались специальные трибуны.

Из Голландии Петр в сопровождении 16 волонтеров отправился в Англию. Там он хотел стать кораблестроителем-инженером, познать тайны теории. Много лет спустя в написанном им самим предисловии к Морскому регламенту Петр подробно объяснил цель своей поездки в Англию.

Под руководством мастера Поля он усвоил все, «что подобало доброму плотнику знать». Поль был превосходным мастером-практиком, но теории ни он, ни другие голландские кораблестроители не знали, и Петру «зело стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг». «Для чего так печален?» — спросили однажды Петра. Тот объяснил причину, и присутствовавший англичанин сообщил ему, что в Англии «сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться мочно».

11 января 1698 года яхта, на которой находился царь и его спутники, бросила якорь вблизи Лондона.

Большую часть времени из четырехмесячного пребывания в Англии Петр посвятил изучению кораблестроения. Помимо верфей, царь осматривал лондонские предприятия, побывал в Английском королевском обществе, являвшемся центром научной мысли, знакомился с Оксфордским университетом, несколько раз ездил в Гринвичскую астрономическую обсерваторию и на Монетный двор. Царь не довольствовался разъяснениями. Находясь в мастерской знаменитого часовщика Карте, он настолько увлекся техникой изготовления часов, что сам в совершенстве

овладел их сборкой и разборкой. Едва ли простое любопытство одолевало Петра, когда он зачастил в Гринвичскую обсерваторию и на Монетный двор. Интерес к астрономии был связан с мореплаванием, а интерес к монетному делу подогревался возможностью использования в России недавно изобретенной в Англии машины для чеканки монет. Знакомясь с техникой чеканки монет, Петр рассчитывал использовать изобретение англичан у себя дома.

В Англии, как и в Голландии, Петр сохранял инкогнито. Это, однако, не помешало ему значительно расширить круг знакомых. Состоялось несколько неофициальных встреч с английским королем. Среди людей, с которыми царь установил контакты, было немало знаменитостей. Первой из них надлежит считать Исаака Ньютона. Прямых свидетельств, подтверждающих встречу двух великих людей современности — ученого и государственного деятеля, — источники не сохранили, но историки считают такую встречу вполне вероятной, ибо Ньютон управлял Монетным двором как раз в то время, когда его много раз посещал Петр. Знакомство с известным английским математиком Фергарсоном и переговоры с ним завершились согласием Фергарсона переехать в Россию. Знания математика использовались сначала в Навигацкой школе, а затем в Морской академии. Царь позировал ученику Рембрандта, известному художнику Готфриду Кнеллеру, написавшему его портрет^{30}.

Портрет уместно сравнить с описанием внешности царя, сделанным почти одновременно, в том же году: «Царь Петр Алексеевич был высокого роста, скорее худощавый, чем полный; волосы у него были густые, короткие, темнокаштанового цвета, глаза большие, черные с длинными ресницами, рот хорошей формы, но нижняя губа немного испорченная; выражение лица прекрасное, с первого взгляда внушающее уважение. При его большом росте ноги показались мне очень тонкими, голова у него часто конвульсивно дергалась вправо»^{31}.

Завязались знакомства и с представителями церковного мира. Обнаружив основательную осведомленность в Священном Писании, Петр, однако, во время бесед с представителями духовенства интересовался не столько вопросами богословия, сколько выяснением отношений между церковной и светской властью в Англии. В голове царя, видимо, созревали планы церковной реформы в России, к осуществлению которой он приступил вскоре после возвращения из заграничного путешествия.

Петр установил связи с людьми, относившимися к среде, хорошо ему известной по Немецкой слободе в Москве. Это были купцы. С ними он вел

переговоры о предоставлении права монопольной торговли табаком.

Табак в России до Петра считался «богомерзким зельем», и его потребители подвергались жестокому наказанию: им вырывали ноздри, их били кнутом. Постепенно, однако, число курильщиков росло, закурил и сам царь. Преследование курильщиков прекратилось, и Петр сначала объявил продажу табака казенной монополией, а находясь в Лондоне, продал эту монополию английским купцам.

Современник Петра отметил насыщенную полезными заботами его жизнь в Англии: «Большая привязанность монарха к серьезным делам всегда удаляла его от известных удовольствий и развлечений; их он избегал очень ловко, несмотря на все усилия прекрасных придворных дам, делавших попытки понравиться ему и готовых подарить свою любовь великому монарху, прибывшему из далекой страны. Впрочем, уверяют, что одной из дам все же удалось достигнуть своей цели». Этой дамой была актриса Летиция Кросс, с которой царь имел кратковременную связь.

Когда настало время расставания с возлюбленной, Меншиков от имени Петра подарил ей 500 гиней (4000 рублей). Кросс оказалась недовольной таким подарком, жаловалась на скупость царя. Меншиков в точности передал претензии Кросс царю, и между приятелями состоялся колоритный разговор:

— Ты, Меншиков, думаешь, что я такой же мот, как ты! За пятьсот гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила.

— Какова работа, такова и плата, — ответил собеседник^{32}.

Обращает на себя внимание любопытная деталь поведения царя за границей. С одной стороны, он запросто обращался с голландскими мастеровыми, купцами, матросами, а с другой — проявлял крайнюю застенчивость и испытывал страх перед взорами любопытных саардамцев, часто выходявших даже за рамки грубой назойливости. Однажды жителям Саардама довелось слушать, как глашатай ходил по улицам, ударяя в медный таз, и выкрикивал: «Бургомистры, узнав с прискорбием, что дерзкие мальчишки осмелились бросать камнями и разной дрянью в некоторых знатных особ иностранцев, строжайше запрещают это всем и каждому под угрозой наибольшего наказания, которое установлено»^{33}. Под «знатной особой», которую мальчишки обстреливали камнями и гнилыми яблоками, подразумевался Петр. Иногда царь пускал в ход кулаки или бросал в толпу пустые бутылки. Он доставлял множество дополнительных хлопот голландской администрации, требуя везти себя кружными путями, чтобы обмануть ротозеев. Удовлетворяя желание царя,

власти удаляли всех при осмотре им достопримечательностей либо сооружали специальные ограждения. Стремление Петра оградить себя от любопытных взглядов иногда принимало курьезный характер.

В конце сентября 1697 года царь прибыл в Гаагу, чтобы присутствовать в качестве неофициального лица на приеме великого посольства депутатами Генеральных штатов. До приезда посольства его поместили в комнате рядом с аудиенц-залом, но прибытие послов по каким-то причинам задержалось, и Петр, не дождавшись церемонии, решил уйти. Так как надо было проходить через зал, в котором уже собрались депутаты, то он потребовал, чтобы все они, когда он будет идти, встали к нему спиной. Переговоры по этому поводу кончились тем, что депутаты согласились встать, но отказались повернуться спиной к царю. Петр все же придумал способ укрыться от любопытных взоров: он повернул парик задом наперед, закрыл им лицо и в таком виде выбежал из аудиенц-зала.

В Лондоне царь посетил парламент, но наотрез отказался присутствовать в зале заседаний и наблюдал за его работой через слуховое окно на крыше здания. «Это дало повод кому-то сказать, — заметил один дипломат, — что он видел редчайшую вещь на свете, именно короля на троне и императора (его называют здесь императором России) на крыше».

25 апреля 1698 года Петр покинул Англию и вернулся в Голландию, где на него обрушились новости одна огорчительнее другой.

В марте среди стрельцов четырех полков, посланных из Азова к западным рубежам, вспыхнуло восстание: 175 стрельцов направились в Москву с жалобами на тяжесть службы, задержку жалованья и наступившую вследствие этого «бескормицу». Это событие вызвало в правительственных кругах переполох. Растерянность усугублялась тем, что от царя долгое время не было писем — наступившее половодье задержало почту. В столице поползли слухи о гибели Петра.

В те времена новости почта доставляла очень медленно. Адресат получал корреспонденцию через многие недели после ее отправки, и событие, о котором шла речь в донесении, могло иметь либо благополучный, либо неблагополучный конец, и получатель донесения уже не мог на него повлиять. Так получилось и на этот раз.

Конфликт со стрельцами правительству удалось уладить 4 апреля: им выдали задержанное жалованье, и они возвратились в полки. Ромодановский отправил донесение об этом Петру 8 апреля. Почта находилась в пути от Москвы до Амстердама свыше полутора месяцев, и Петр распечатал пакет только 25 мая. Содержание пакета вызвало у царя чувство досады на то, что его друзья в столице поддались панике, и на то,

что эта паника помешала им произвести розыск: «А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались), и для того, боясь, и в дело не вступаешь... Я не знаю, откуда на вас такой страх бабей!» Царь упрекал Ромодановского в трусости, объяснил причину задержки почты, но закончил письмо миролюбиво: «Пожалуй, не сердись, воистинно от болезни сердца писал».

С подобными же упреками царь обратился и к другому своему корреспонденту — Андрею Виниусу. Петр рассуждал, что паника, вызванная продолжительным отсутствием почты, была в какой-то мере извинительна для людей вроде Ромодановского, никогда не бывавших за границей. Для Виниуса смягчающих обстоятельств царь не находил не только потому, что он, Виниус, одновременно с руководством Сибирским и Аптекарским приказами заведовал также почтой и обязан был учитывать условия, замедлявшие ее доставку, но и потому, что он много раз бывал за границей. Между тем именно Виниус настолько уверовал в слухи о гибели Петра, что свое письмо адресовал не ему, а первому послу Лефорту. Царь отвечал: «Я было надеялся, что ты станешь в сем рассуждать бывалостью своею и других от мнения отводить; а ты сам предводитель им в яму. Мы отсель поедем завтра в Вену»^{34}.

Намерение отправиться в Вену было связано со второй новостью, тоже сообщенной царю в Амстердаме.

Новость, полученная из России, хотя и оставила в сознании царя неприятный осадок, но относилась к уже благополучно закончившемуся событию. Другая новость, более тревожная, касалась не прошлого, а будущего и таила немало огорчительных следствий. Речь шла о распаде антитурецкого союза, ради укрепления которого царь и великое посольство предприняли заграничное путешествие: Петру сообщили, что союзники России Австрия и Венеция намерены заключить с Турцией мирный договор. Сразу же возникло подозрение, что мирную инициативу, предпринятую втайне от русской дипломатии, союзники будут осуществлять за счет интересов России.

Петр вместе с посольством выехал из Амстердама 15 мая. Его путь в Вену лежал через Лейпциг, Дрезден и Прагу. В Дрездене царь задержался на несколько дней, чтобы осмотреть достопримечательности столицы Саксонии. Поужинав после приезда, он в первом часу ночи изъявил желание заглянуть в королевскую кунсткамеру. До утра Петр успел изучить экспонаты только двух залов, подолгу останавливался у математических и ремесленных инструментов. В следующие дни он подробнейшим образом осматривал арсенал и литейный двор, причем обнаружил, по отзыву

сопровождаявших его лиц, глубокие познания в артиллерии.

Выходя из кареты, царь закрывал лицо черной шапочкой, местные власти принимали меры к тому, чтобы он не встретил ни одной пары любопытных глаз.

Путь из Амстердама в Вену занял свыше месяца. В отличие от Амстердама, где царь оставался в тени и дипломатические переговоры вели послы, в Вене он эти переговоры взял на себя. Состоялось свидание с австрийским императором Леопольдом I, причем Петр нарушил тщательно разработанный венским двором церемониал встречи. В то время как немолодой Леопольд I шаркающей походкой медленно направлялся к середине зала, царь большими шагами быстро преодолел отведенное ему расстояние и встретился с императором не там, где было предусмотрено протоколом. Втиснутый в строгие рамки этикета и вынужденный сдерживать себя во время 15-минутного свидания, Петр дал волю своему темпераменту, как только вышел из дворца. В парке он заметил на пруду лодку с веслами, бросился к ней бегом и сделал несколько кругов.

Результаты переговоров не принесли царю удовлетворения — убедить австрийский двор не заключать мир с турками ему не удалось. Доводы о том, что затраты на Азовские походы не окупились овладением крепостью и что необходимо с турками продолжать войну, чтобы склонить их к новым территориальным уступкам в пользу союзников, остались без внимания. Союзники твердо решили выйти из войны и уже давно вели сепаратные переговоры с Османской империей о заключении мирного договора. Чтобы не оказаться в изоляции, царь дает согласие на участие России в предстоящем мирном конгрессе. Правда, у Петра теплилась слабая надежда на верность союзным обязательствам Венеции, и он деятельно готовился к поездке туда. Венеция, кроме того, манила царя возможностью ознакомиться с развитым кораблестроением, галерным флотом и арсеналами.

15 июля, то есть в день, когда Петр собирался сесть в карету, чтобы отправиться в Венецию, была получена московская почта, вмиг разрушившая все планы. Князь Ромодановский сообщал, что те самые стрелецкие полки, представители от которых приходили жаловаться в Москву весной 1698 года, вновь отказались повиноваться начальству и на этот раз в полном составе идут к столице. Петр принимает молниеносное решение вернуться в Россию. После прощальной аудиенции он, не сообщая причин, вызвавших столь поспешный отъезд на родину, 19 июля 1698 года оставил Вену.

В Россию царь мчался день и ночь, делая кратковременные остановки

для обеда и смены лошадей. Лишь на четвертые сутки пути, то есть 22 июля, он остановился на ночлег. Как раз в этот день в Вене было получено известие о разгроме восставших стрельцов под Новым Иерусалимом. Курьер, отправленный из Вены послом Возницыным вдогонку Петру, сумел сообщить эту новость тогда, когда царь проехал Краков. Известие, однако, не внесло изменений в принятое решение вернуться в Россию.

Дальнейший путь к Москве уже не был столь поспешным — царь делал продолжительные остановки, а в маленьком городке Рава Русской задержался надолго. Здесь он встретился с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II.

У Петра I и Августа II было много общего: обоим лишь недавно перевалило за 25 лет, оба имели богатырский рост и отличались огромной физической силой, у обоих энергия переливалась через край. Различия состояли в способе применения этой энергии. Петр использовал ее в черновой и изнурительной работе, учился с топором в руках, жадно интересовался всем, что может стать полезным родине. Август II растрачивал энергию на удовольствия. Он тоже, подобно Петру, предпринял заграничное путешествие, но совсем с иными целями: в Мадриде он показывал силу и ловкость тореадора, чем пленил темпераментных испанок, в Венеции прослыл любвеобильным повесой. Но Август имел качества, которых в те годы был лишен Петр: обворожительное обхождение, умение быть деликатным и предусмотрительным собеседником, а также проявлять изобретательность в удовольствиях. Правда, Петр не разделял страсти Августа к охоте, более того, охоты он не любил, но король мог предложить множество других развлечений. Короче, оба они, хозяин и гость, воспылали взаимной симпатией.

В Рава не было той чопорности и чинности, которой так педантично придерживался венский двор при встрече коронованных особ. Царю импонировала непринужденная обстановка, где дело перемежалось с пирушками, смотрами войск и всякими увеселениями, во время которых можно было и развлекаться, и продолжать деловой разговор. Однажды артиллерийский капитан Piter продемонстрировал свое умение пользоваться барабаном: он велел подать себе драгунский барабан и, по отзыву очевидца, «бил сам всякие штучки так, что с ним ни один барабанщик не сравнялся бы».

Обмен мнениями о внешней политике Петр и Август вели с глазу на глаз, без свидетелей, так что польские вельможи даже не подозревали о предмете разговоров. Оказалось, что у них есть общий неприятель —

Швеция. Разъехались друзья, обязавшись только «крепкими словами о дружбе», не оформив эти «крепкие слова» официальным договором. Так было заложено основание будущему Северному союзу^{35}.

Поворот во внешнеполитической ориентации Петра, разумеется, не следует относить за счет обаятельности Августа II и его умения потакать вкусам коронованного гостя. Сделок, противоречивших интересам страны, Петр никогда не заключал.

Изменения во внешней политике, на которые столь решительно пошел Петр, являлись прежде всего результатом его проницательности и трезвой оценки обстановки, сложившейся в Западной Европе: морские державы Голландия и Англия были поглощены лихорадочной подготовкой к войне с Францией. Попытки великого посольства склонить их к помощи в борьбе с Турцией, как мы видели, потерпели неудачу. Рассчитывать на их финансовую и техническую помощь тоже не приходилось. Более того, морские державы сами уповали на военную мощь Австрии и втайне от великого посольства выступали посредниками в мирных переговорах между Османской империей и Австрией. Заключение мира между ними вселяло в правителей морских держав надежду на возможность использования австрийских сухопутных сил против Франции. Поскольку переговоры Петра в Вене показали, что изменить намерение австрийского правительства пойти на мир с Османской империей практически невозможно, царь решил добиваться выхода к морю не на юге, а на северо-западе и в соответствии с этим планом искать союзников не для продолжения войны с Турцией, а для войны со Швецией.

Получив заверения Августа II принять участие в антишведской коалиции, Петр обменялся с ним подарками, надел его камзол и шляпу, прицепил грубой работы шпагу и в таком виде явился в Москву 25 августа 1698 года.

НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Возвращение царя в столицу прошло незаметно, без торжественной встречи. Петр навестил Гордона, побывал у своей фаворитки Анны Монс и отправился в Преображенское. С супругой, у которой еще теплилась слабая надежда на восстановление добрых отношений, он видетсья не пожелал.

Весть о прибытии царя разнеслась по столице лишь на следующий день. В Преображенское прибыли бояре, чтобы приветствовать его с благополучным возвращением. Здесь произошло событие, поразившее поздравителей: царь велел подать ножницы и самолично стал обрезать бороды у бояр. Первой жертвой царского внимания стал боярин Шеин, командовавший верными правительству войсками, разгромившими стрельцов. Расстался с бородой «князь-кесарь» Ромодановский, затем очередь дошла до других бояр.

Через несколько дней операция с обрезанием бород была повторена. На этот раз ножницами орудовал не сам царь, а его шут. На пиру у боярина Шеина под общий хохот он подбегал то к одному, то к другому гостю и оставлял его без бороды. Этому, казалось бы, ничтожному изменению внешности русского человека суждено будет сыграть немаловажную роль в последующей истории царствования Петра^{36}.

Культ бороды создавала православная церковь. Она считала это «Богом дарованное украшение» предметом гордости русского человека. Патриарх Адриан, современник Петра, уподоблял безбородых людей котам, псам и обезьянам, а брадобритие объявил смертным грехом.

Несмотря на осуждение брадобрития, отдельные смельчаки и модники все же рисковали брить бороды еще до принудительных мер Петра. Однако окладистая борода, как и полнота, считалась признаком солидности и добропорядочности. Князь Ромодановский, узнав, что боярин Головин, находясь в Вене, щеголял в немецком костюме и без бороды, с негодованием воскликнул: «Не хочу верить, чтобы Головин дошел до такого безумия!» Теперь у Ромодановского отрезал бороду сам царь^{37}.

И все же в придворной среде с бородой расстались сравнительно легко. Но Петр возвел преследование бороды в ранг правительственной политики и брадобритие объявил обязанностью всего населения. Крестьяне и горожане ответили на эту политику упорным сопротивлением. Борода станет символом старины, знаменем протеста против новшеств.

Право носить бороду надо было покупать. Богатым купцам борода

стоила колоссальной по тем временам суммы в 100 рублей в год; дворяне и чиновники должны были платить по 60 рублей в год, а остальные горожане — по 30 рублей. Крестьяне каждый раз при въезде в город и выезде из него платили по копейке. Была выбита специальная металлическая бляха, заменявшая квитанцию об уплате налога с бороды. Бородачи носили ее на шее: на лицевой стороне значка просматривается изображение усов и бороды, а также текст: «Деньги взяты». От уплаты налога освобождалось только духовенство.

Другая мера Петра, осуществление которой, как ему казалось, не терпело никаких отлагательств, была связана с семейными делами. Решение порвать с супругой созрело у царя еще до его отъезда за границу. Уладить щекотливый вопрос он поручил оставшимся в Москве друзьям, которые должны были уговорить царицу удалиться в монастырь. Евдокия уговорам не поддавалась, о чем можно судить по переписке царя с московскими корреспондентами. «О чем изволил писать к духовнику и ко Льву Кирилловичу и ко мне, — отвечал Тихон Никитич Стрешнев на несохранившееся письмо Петра из-за границы, — и мы о том говорили прилежно, чтоб учинить во свободе (то есть добровольно. — *Н. П.*), и она упрямитца. Только надобно еще отписать к духовнику, покрепче и не одиновою, чтоб гораздо говорил; а мы духовнику и самой станем и еще говорить почасту». Петр напомнил о своем желании князю Ромодановскому: «Пожалуй, сделай то, о чем станет говорить Тихон Никитич для Бога»^[38].

Привлечение к бракоразводному делу Ромодановского, руководителя политического сыска, человека, в распоряжении которого находились застенки Преображенского приказа, свидетельствует о намерении Петра не ограничиться убеждениями — в ход пускались и угрозы, впрочем, как можно судить, не изменившие отношения царицы к своему мрачному будущему.

Свидание царя с супругой состоялось 28 августа — на третий день после возвращения в Москву. Мы не знаем, как протекала четырехчасовая беседа, но, судя по дальнейшим событиям, эта беседа не дала Петру желаемых результатов. Евдокия продолжала противиться пострижению. Если бы со стороны царицы последовало согласие, то были бы организованы торжественные ее проводы. Этого не произошло: три недели спустя из Кремля выехала скромная карета без свиты, державшая путь к Суздальскому монастырю. Там Евдокия должна была сменить имя и светскую одежду на монашескую рясу. Тем временем в монастыре готовили келью для инокини Елены.

Но неизмеримо большее значение, чем борьбе с бородой и разводу с Евдокией, Петр придавал стрелецкому розыску.

Со стрельцами у Петра сложились особые отношения, причем каждое новое столкновение с ними усугубляло чувство взаимной подозрительности и враждебности. И дело здесь не только в том, что стрелецкое войско не обладало ни должной выучкой, ни боеспособностью, что оно по своей организации являло собою анахронизм.

Занятия стрельцов торговлей и промыслами предполагали постоянное их пребывание в Москве, в кругу семьи. Между тем осуществление обширных внешнеполитических замыслов Петра требовало отрыва стрельцов от постоянного места жительства в столице на многие годы. Четыре восставших полка сначала охраняли Азов, затем их отправили в район Великих Лук. Перспектив вернуться в лоно семей, бедствовавших в Москве, а также к своим привычным занятиям — никаких. Все свои невзгоды и тяготы военной службы стрельцы связывали с именем Петра. Отсюда враждебное к нему отношение.

Стрельцы в глазах Петра являлись «не воинами, а пакасниками» — и прежде всего потому, что они многократно не только «пакостили», то есть создавали препятствия на его пути к трону, но и покушались на его жизнь. Неприязнь к стрельцам со временем переросла в фанатическую ненависть. Необузданный деспотизм сильной личности, оказавшейся победителем в этих столкновениях, завершился кровавым финалом — истреблением сотен стрельцов и фактическим уничтожением стрелецкого войска.

Что предшествовало кровавой расправе со стрельцами, когда столица была превращена в огромный эшафот?

Напомним, что правительству в апреле 1698 года удалось овладеть положением: прибывшие с жалобами стрельцы были тогда выдворены из Москвы. Но как только они появились в своих полках в Великих Луках, началось восстание. Стрельцы сместили командиров, передав власть выборным, и двинулись к Москве. Их цель состояла в том, чтобы истребить неугодных бояр и иноземцев, посадить на престол Софью и убить Петра, если он, паче чаяния, не погиб за границей и возвратится в Москву. Под Новым Иерусалимом стрельцы были разбиты верными правительству войсками. Командовавший ими боярин Шеин произвел скорый розыск, казнил главных зачинщиков, а остальных стрельцов разослал по городам и монастырям.

Петр получил известие о бунте стрельцов, находясь в Вене, и оттуда 16 июля отправил короткую записку Ромодановскому. Приведем текст ее полностью: «Min Her Kenih! Письмо твое, июня 17 день писанное, мне

отдано, в котором пишешь, ваша милость, что семя Ивана Михайловича растет, в чем прошу быть вас крепкими; а кроме сего ничем сей огонь угасить не мочно.

Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, однако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете»^[39].

В этом кратком, но выразительном послании изложена и концепция стрелецкого движения, выросшего, по мнению царя, из семени, посеянного Иваном Михайловичем Милославским еще в 1682 году, и намерение учинить жестокую расправу. Тон записки свидетельствует, что ненависть царя к стрельцам переливала через край и что он ехал в Москву с готовым решением относительно их судеб.

В Москве царю рассказывают о стрелецком движении и его подавлении, он сам изучает материалы розыска и чем больше узнает подробностей, тем сильнее им овладевает недовольство. Он считал, что следствие проведено поверхностно, что мера наказания участникам восстания была чрезмерно мягкой, что следователи не выяснили целей выступления и причастности к нему сил, которые он называл «семенем» Милославского. Более всего он был недоволен поспешной казнью зачинателей движения. Погибнув, они унесли с собой тайны, более всего интересовавшие царя.

Взвинченность царя иногда давала срывы — совершенно ничтожные поводы вызывали у него приступы раздражительности. Современники подробно описали скандал, учиненный царем во время обеда у Лефорта, на котором присутствовали бояре, генералитет, столичная знать и иностранные дипломаты, всего около 500 человек. Когда гости рассаживались за обеденный стол, датский и польский дипломаты повздорили из-за места. Царь обоих громко назвал дураками. После того как все уселись, Петр продолжил разговор с польским послом. «В Вене на хороших хлебах я потолстел, — говорил царь, — но бедная Польша взяла все обратно». Уязвленный посол не оставил этой реплики без ответа, он выразил удивление, как это могло случиться, ибо он, посол, в Польше родился, там же вырос и все-таки остался толстяком. «Не там, а здесь, в Москве, ты отъелся», — возразил царь.

Умиротворение, наступившее после обмена любезностями, вновь было нарушено выходкой Петра. Он затеял спор с Шеиным, упрекал генералиссимуса в том, что тот за взятки незаслуженно возвел многих в офицерские звания. Все более распалывшийся царь выбежал из зала, чтобы спросить у стоявших на карауле солдат, сколько рядовых получили повышение и произведены в офицеры, вернулся с обнаженной шпагой и,

ударяя ею по столу, кричал Шеину: «Вот так я разобью и твой полк, а с тебя сдеру кожу до ушей!» Князь Ромодановский, Зотов и Лефорт бросились успокаивать царя, но тот, размахивая шпагой, нанес Зотову удар по голове, Ромодановскому порезал пальцы, а Лефорту достался удар в спину. Лишь Меншикову удалось укротить ярость Петра^[40].

Подлинная причина гнева царя состояла, однако, не в том, что Шеин незаслуженно производил в чины, а в том, что он преждевременно казнил зачинщиков стрелецкого бунта.

Петр решил возобновить розыск, причем все руководство им взял в свои руки. «Я допрошу их построжее вашего», — сказал царь Гордону. Начал он с того, что распорядился доставить в столицу всех стрельцов, проходивших службу в мятежных полках. Их оказалось в общей сложности 1041 человек.

С середины сентября 1698 года непрерывно, за исключением воскресных и праздничных дней, работали застенки. К розыску Петр привлек самых доверенных лиц: «князя-кесаря» Ромодановского, которому надлежало заниматься политическим следствием в качестве руководителя Преображенского приказа, а также князей М. А. Черкасского, В. Д. Долгорукого, П. И. Прозоровского и других высокопоставленных лиц. Судьба всех стрельцов была предрешена царем еще до завершения следствия. «А смерти они достойны и за одну провинность, что забунтовали и бились против Большого полка». В свете этой исходной посылки обвиняемый стрелец, взятый в отдельности, не представлял интереса для следствия. Следователи пытались выяснить общие вопросы движения, поскольку все его участники действовали «скопом и заговором» и по юридическим понятиям того времени несли взаимную и равную ответственность за свои поступки независимо от того, что одни из них выполняли роль вожаков, а другие слепо следовали за ними. Более того, правовые нормы, определенные уголовным кодексом — Уложением 1649 года, — предусматривали одинаковую меру наказания как за умысел к действию, так и за совершенное действие. К лицам, действовавшим «скопом и заговором», как и к лицам, знавшим, но не сообщившим о каком-либо «злом умысле», применялось одно наказание — смертная казнь.

В ходе розыска с несомненностью была установлена причастность Софьи к мятежу. В результате образовались две группы подследственных: одну составили стрельцы, стоны которых раздавались из 20 застенков, где стрельцов жесточайшим образом истязали, вытягивая признания с помощью дыбы, огня и палок; показания стрельцов тщательно записывали, им устраивали очные ставки, упорствующих еще и еще раз пытали. В

другую входили две царевны — Софья Алексеевна и Марфа Алексеевна, а также лица, приближенные к ним, выполнявшие роль посредников в сношениях царевны Софьи со стрельцами. Окружение царевен подвергалось таким же пыткам, как и стрельцы.

Не избежала допроса и царевна Софья, правда без пыток. В Новодевичий монастырь Петр прибыл не один, он захватил с собой пятисотенного Артюшку Маслова и стрельца Ваську Игнатьева, а также их письменные показания с признанием, что главари движения получили письмо от Софьи.

Петр не встречался с сестрой в течение девяти лет, то есть с того дня, когда она была заточена в монастырь после событий 1689 года. Жизнь царевны в монастырской келье в эти годы не отличалась суровым режимом — Софья имела возможность общаться с внешним миром, располагала прислугой, получала от родственников подарки к столу. В этих деталях проявлялся тоже характер Петра — он не мстил своим поверженным противникам, утрачивал к ним всякий интерес. Безразличие к их судьбам можно проследить не только на примере Софьи, но, как увидим ниже, и на примере первой супруги, постриженной в монахини, но при попустительстве властей продолжавшей вести светскую жизнь.

При встрече брата и сестры столкнулись два одинаково сильных и непреклонных характера. Ни к примирению сторон, ни к раскаянию обвиняемой встреча не привела. Не помогла и очная ставка царевны с привезенными братом стрельцами. Софья, зная, что в распоряжении Петра нет прямой улики в виде письма, упорно отрицала какие-либо связи со стрельцами. Можно догадываться, что объяснение было бурным, насыщенным драматизмом, вспышками гнева, упреками, взаимной ненавистью, причем собеседники находились не в равном положении — один выступал в роли обвинителя, другому надо было парировать обвинения, изощренно защищаться. Протокольная запись этого разговора выдержана в эпически спокойном тоне: в ответ на обвинение Петра «царевна Софья Алексеевна ему, государю, сказала: «такого де письма, которое явилось в розыску от ней, царевны, в те стрелецкие полки не посылавано, а что де те ж стрельцы говорят, что, пришед было им к Москве звать ее, царевну, по-прежнему в правительство, и то де не по письму от нее, а знатно по тому, что она со 190 года (т. е. с 1682-го. — *Н. П.*) была в правительстве». Привезенные Петром свидетели говорили о другом. Они утверждали, что в полках было прочтено письмо, переданное Софьей через нищую. Софья решительно отклонила это обвинение. «И царевна ему, государю, сказала: «такова де письма она, царевна, чрез

нищую ему, Ваське, не отдаывала и его, Васьки, и Артюшки и Васьки Игнатьева не знает»^[41].

Допросы другой своей сестры тоже вел сам Петр. Царевна Марфа Алексеевна, часто общавшаяся с Софьей, обвинялась в том, что служила посредницей между нею и стрельцами, что именно через нее старшая сестра переправила письмо к стрельцам. Марфа Алексеевна призналась лишь в том, что она сообщила Софье известие о приходе в Москву беглых стрельцов, однако обвинение в передаче письма упорно отрицала.

Еще не было закончено следствие, а уже приступили к казням. Первая партия стрельцов общей численностью в 201 человек подверглась казни 30 сентября. Кorteж из десятков телег, на каждой из которых сидели по два стрельца с зажженными восковыми свечами в руках, медленно двигался из Преображенского в Москву. У Покровских ворот в присутствии Петра, высших сановников и иностранных дипломатов стрельцам зачитали царский приговор о предании «воров и изменников и крестопреступников и бунтовщиков» смертной казни. Осужденных развезли по разным районам столицы, все они были повешены.

Следующая массовая казнь состоялась 11 октября. На этот раз стрельцов вешали не только на специально сооруженных виселицах, но и на бревнах, вставленных в бойницы Белого города. Вся группа казненных, а их насчитывалось 144 человека, не подвергалась розыску, стрельцов казнили за то, что они служили в одном из четырех полков, участвовавших в мятеже.

В общей сложности в конце сентября и в октябре казням подверглось 799 стрельцов. Более половины из них казнили без предварительных допросов. Сохранена была жизнь только малолетним стрельцам в возрасте от 14 до 20 лет, которых после наказания отправили в ссылку. В казнях принимал участие Петр и его приближенные. Царь выражал недовольство, когда бояре нетвердой рукой, без должной сноровки рубили головы мятежникам.

Столица долгое время находилась под впечатлением массовых казней. Трупы повешенных и колесованных не убирались в течение пяти месяцев. Трое мертвецов мерно раскачивались у окон кельи Сусанны — так называли царевну Софью после ее пострижения. В руки стрельцов были вложены листы бумаги. Они должны были напоминать монахине о ее письме, адресованном стрельцам^[42].

Некоторые сведения о настроении Петра в разгар стрелецкого розыска и казней мы можем почерпнуть из записок иностранцев. Судя по этим

данным, Петр внешне выглядел веселым. Впрочем, за личиной веселой беззаботности скрывалось огромное нервное напряжение, которое иногда прорывалось наружу.

29 сентября, то есть накануне казни первой партии стрельцов, царь присутствовал на крестинах сына датского посланника. «Во все время обряда его царское величество был весьма весел», — заметил очевидец. Но тут же он описал эпизод, свидетельствующий о том, сколь незначительным мог быть повод, чтобы вывести Петра из состояния равновесия. «Заметив, что фаворит его Алексашка (то есть Меншиков. — *Н. П.*) танцует при сабле, он научил его обычаю снимать саблю пощечиной; силу удара достаточно показала кровь, обильно пролившаяся из носа».

Вечер после казней 30 сентября Петр провел на роскошном пиру у Лефорта, где «оказывал себя вполне удовлетворенным и ко всем присутствующим весьма милостивым». В канун второй казни стрельцов, в воскресный день 9 октября, царь находился в гостях у полковника Чамберса, командира Преображенского полка. Ужин и на этот раз прошел без происшествий. Но вот во время пира у цесарского посла, состоявшегося за день до казни последней партии стрельцов, нервы Петра не выдержали, причем это нашло иное выражение, чем на приеме у датского посла: «У царя похолодел живот и начались схватки в желудке: внезапная дрожь, пробежавшая по всем его членам, внушила опасение, не кроется ли тут какого злого умысла». Присутствовавший здесь врач предложил в качестве лекарства употребить токайское вино, и оно избавило царя от приступа. В дальнейшем «с лица его царского величества не сходило самое веселое выражение, что являлось признаком его внутреннего удовольствия»^{43}.

В истории со стрельцами Петр предстает перед нами неистово жестоким. Но таков был век. Новое пробивало себе дорогу так же свирепо и беспощадно, как цеплялось за жизнь отжившее старое. Стрельцы олицетворяли косную старину, тянули страну назад и поэтому были обречены.

Уместно сказать и о другом. Нынешние публицисты нередко акцентируют внимание на жестокости Петра, сравнивая его с кровавыми тиранами Грозным или Сталиным. Отрицать жестокость царя не приходится. Но было и одно принципиальное отличие. Названные диктаторы рубили голову всякому, кто попадал под руку, правому и виноватому, в то время как Петр свирепо расправлялся лишь со своими подлинными противниками.

После стрелецкого розыска Петр 23 октября отправляется в Воронеж.

Царя влекли верфи, где в его двухлетнее отсутствие под руководством Федора Матвеевича Апраксина, переведенного из Архангельска в Воронеж, велись работы по сооружению военно-морских кораблей. Корабельному мастеру, каким считал себя царь, не терпелось посмотреть, как идут работы, что за это время сделано, как организованы оснащение и вооружение кораблей.

Взору царя, прибывшего в Воронеж 31 октября, представилась радостная картина. Тихий городок превратился в оживленный центр кораблестроения, где повсюду кипела работа и русская речь перемежалась речью разноплеменных мастеров, прибывших из-за границы.

Своими впечатлениями царь поспешил поделиться с Виниусом: «Мы, слава Богу, зело во изрядном состоянии нашли флот и магазины обрели». Спустя месяц Петр порадовал Виниуса еще одной новостью. «Мы здесь, — писал он, — зачали корабль, который может носить 60 пушек от 12 до 6 фунтов»^{44}. Петр лично руководил постройкой корабля и работал сам с инструментами в руках.

Первое впечатление оказалось, однако, обманчивым. Вскоре обнаружились теневые стороны в организации строительных работ. Согнанные в Воронеж крестьяне и мастеровые оказались в очень тяжелом положении: без крова в зимнюю стужу и осеннюю слякоть, со скудными запасами сухарей в котомках, они месяцами валили лес, пилили доски, расчищали дороги, углубляли фарватер реки, строили корабли. Треть, а то и половина людей, приверстанных к кораблестроению, не выносила столь тяжелых условий работы и спасалась бегством. Весть о тяжелой доле на верфях проникала в уезды, где шла мобилизация работников, и население, чтобы избежать этой повинности, укрывалось в лесах. Намеченные сроки спуска кораблей не выполнялись.

Обнаружились и технические трудности организации кораблестроения в таком масштабе. К делу приступили в спешке, не имея детально разработанного плана постройки судов и снабжения их необходимым снаряжением. На верфях ощущался недостаток опытных мастеров. «Истинно никого мне нет здесь помощника», — жаловался царь в одном из писем в декабре 1698 года. Корабли строились из непросушенного леса, зачастую вместо железных гвоздей употреблялись деревянные. Поэтому качество большинства построенных судов оказалось невысоким. Сам Петр, возглавлявший одну из экспертных комиссий по приемке кораблей, отметил в акте, что «сии корабли есть через меру высоки в палубах и бортах», следовательно, недостаточно устойчивы на воде. Другая комиссия, состоявшая из иностранцев, тоже обнаружила «неискусство» мастеров,

руководивших сооружением кораблей, в результате чего «сии кумпанские корабли есть зело странною пропорциею ради своей долгости и против оной безмерной узости, которой пропорции ни в Англии, ниже в Голландии мы не видали». Главный же недостаток кораблей состоял в том, что они были сделаны «не зело доброю, паче же зело худою крепостью»^[45].

Построенные в Воронеже корабли тем не менее открывали славную историю военно-морского флота России. В Воронеже приобретали опыт первые русские кораблестроители, там же Апраксин стал впервые комплектовать экипажи не солдатами, а матросами.

К Рождеству Петр возвратился в Москву. Здесь он участвует в развлечениях так называемого «всепьянейшего собора». Шумная компания в составе двухсот человек разъезжала на восьмидесяти санях по улицам столицы и останавливалась у домов знати и богатых купцов, чтобы славить. За это соборяне требовали угощения и вознаграждения.

Возникновение «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора», или игры в «князя-папу», по времени совпадает с возникновением игры в «князя-кесаря», но точной даты появления этих колоритных «институтов» царствования Петра назвать невозможно, прежде всего потому, что начальный этап игр не зарегистрирован источниками. Одно можно сказать с уверенностью — они существовали в первой половине 1690-х годов.

Состав участников, как и правила игры в «князя-папу» и в «князя-кесаря», существенно отличались друг от друга. К игре в «князя-кесаря» были причастны ближайшие сотрудники царя, личности яркие и самобытные. Они составляли так называемую «компанию» царя.

Совсем по иному принципу комплектовался штат «всепьянейшего собора». Шансов быть зачисленными в его состав было тем больше, чем безобразнее выглядел принимаемый. Чести быть принятым во «всешутейший собор» удаивались пьяницы и обжоры, шуты и дураки, составлявшие коллегия с иерархией чинов от патриарха до дьяконов включительно. Петр в этой иерархии занимал чин протодьякона и, как отметил современник, отправлял «должность на их собраниях с таким усердием, как будто это было совсем не в шутку».

Первым титул «князя-папы» носил Матвей Нарышкин, по отзыву Куракина, «муж глупый, старый и пьяный». Невыразительной личностью был и его преемник, учитель Петра Никита Зотов, в течение четверти века носивший титул «всешутейшего отца Иоаникиты Пресбургского, Кокуйского и Всеяузского патриарха». Право на столь высокий пост Никита Зотов заслужил умением пить.

Резиденцией «собора» стал Пресбург (укрепленное место близ села Преображенского), где его члены проводили время в беспробудном пьянстве. Но иногда эта пьяная компания выползала из своих келий и носилась по улицам Москвы в санях, запряженных свиньями, собаками, козами и медведями. С визгом и шумом соборяне в облачении, соответствующем чину каждого, подъезжали к дворам знатных москвичей, чтобы славить. Петр принимал в этих вылазках живейшее участие и оказывал «князю-папе» такие же внешние признаки почтения к сану, как и «князю-кесарю». Однажды он встал на запятки саней, в которых сидел Зотов, и, как лакей, проследовал таким образом по улице через всю Москву.

Уже современники пытались объяснить смысл странных забав царя. Одни связывали преднамеренное спаивание гостей со стремлением царя выведать у них то, что каждый из них не скажет в трезвом виде ни о себе, ни о других. У охмелевшего человека развязывался язык, чем, дескать, умело пользовался Петр, направляя беседу в удобное себе русло. Другие видели в вылазках «всепьянейшего собора» попытку Петра предостеречь от порока пьянства знатных лиц, в том числе губернаторов и сановников, среди которых этот порок был широко распространен. Возможность зачисления в «собор» и угроза стать посмешищем окружающих должны были якобы удерживать сановников и губернаторов от пристрастия к вину. Третьи усматривали в учреждении «всепьянейшего собора» и деятельности «соборян» попытку высмеять подлинного папу римского и его кардиналов.

Ни одно из перечисленных объяснений не убедительно. Два из них наивны, третье не подтверждается фактами — в составе «всепьянейшего собора» не было ни губернаторов, ни сановников.

В жизни Петра бывали случаи, когда шуточные поначалу затеи перерастали в серьезные начинания, когда игра заканчивалась важным делом. Нептуновы и марсовы потехи со временем вылились в создание военно-морского флота и регулярной армии, а потешные роты послужили основой самых боеспособных в армии гвардейских полков.

Подобной метаморфозы «всепьянейший собор» не пережил. Совершенствовалась его иерархия, обзавелся он и собственным уставом, но за время своего существования он не приобрел никаких новых качеств, оставаясь формой развлечения. Скорее всего в создании «собора», как и в развлечениях «соборян», проявлялись недостатки воспитания учредителя «собора», его грубые вкусы, поиски выхода для переливавшейся через край энергии.

В следующем, 1699 году в стране произошло много важных событий. В двух из них непосредственное участие царя по документам не

прослеживается. Речь идет о Карловицком конгрессе, где участники антитурецкой коалиции вели с турками переговоры о прекращении войны. Интересы России на конгрессе представлял думный дьяк Прокопий Возницын. Напутствия послу на конгресс давал, разумеется, Петр, но вся переписка о ходе переговоров велась Посольским приказом. 14 января 1699 года Возницын заключил с турками не мир, а двухлетнее перемирие.

В том же январе был издан указ о проведении городской реформы — создании органов городского управления: Ратуши в Москве и земских изб в провинции. Инициатива этой реформы, несомненно, принадлежит царю, однако не видно следов его участия ни в составлении указа, ни в проведении реформы.

Давным-давно, еще в 1667 году, правительство обещало городскому населению организовать «пристойный приказ», который бы «от воеводских налог купецким людям был защитою и управою». Свыше 30 лет правительство не выполняло своего обещания. Указ 1699 года мотивировал необходимость организации городского самоуправления теми же причинами, что и в 1667 году, — стремлением правительства оградить купцов «от многих приказных волокит и разорений». Органы городского самоуправления изымались из-под власти воевод на местах и приказов в центре.

Поначалу правительство пыталось извлечь из реформы прямую выгоду: за предоставляемое право на самоуправление надо было платить окладные сборы в двойном размере. Самоуправление хотели предоставить лишь тем городам, население которых принимало это условие. Когда выяснилось, что горожане отказались от самоуправления, покупаемого столь дорогой ценой, правительство вынуждено было отступить от взимания двойного оклада, но зато объявило реформу обязательной для всех городов.

В представлении правительства проведение реформы связывалось с оживлением ремесла, промышленности и торговли, которые через несколько лет поднимут доходы казны и обеспечат военно-экономическую мощь государства. Другую выгоду казна рассчитывала получить немедленно. Дело в том, что реформа объявила Ратушу и земские избы ответственными сборщиками таможенных и кабацких денег. Отныне сбор этих налогов должны были производить не воеводы, а выборные купецкие люди. Тем самым правительство получало гарантию своевременного поступления налогов, причем их взимание не требовало от него никаких затрат^[46].

Роль Петра в остальных событиях года отражена в документах более

четко. В феврале состоялось шуточное освящение «всепьянейшим собором» только что построенного Лефортова дворца. Здесь на пиру Петр впервые начал борьбу с долгополым и широкорукавным платьем.

Знатные гости прибыли на пир в традиционной русской одежде: в сорочках с вышитым воротником, шелковых зипунах яркого цвета, поверх которых были надеты кафтаны с длинными рукавами, стянутыми у запястья зарукавьями. Сверх кафтана на гостях была ферязь — длинное широкое платье из бархата, снизу доверху застегнутое на множество пуговиц. Шуба и меховая шапка с высокой тульей и бархатным верхом у знати завершали наряд. Если бы съезд гостей происходил в теплое время года, то на них вместо шубы был бы надет охабень — широкий плащ из дорогой материи, спускавшийся до пят, с длинными рукавами и четырехугольным откидным воротником.

К пышной одежде, стеснявшей движения и совершенно не приспособленной к работе, царь питал отвращение. На пиру он действовал уже единожды применявшимся им способом: взял ножницы и стал укорачивать рукава. Очевидец, наблюдавший царя за этой работой, слышал, как он приговаривал: «Это помеха, везде надо ждать какого-нибудь приключения: то разобьешь стекло, то по небрежности попадешь в похлебку; а из отрезанного можешь сшить себе сапоги».

У всех кафтаны, ферязи и охабни своими руками не укоротишь, и несколько месяцев спустя москвичи читали листы, прибитые у ворот Кремля, в Китай-городе, у Чудова монастыря и в других людных местах. У листов стража, чтобы их не сорвали, а на листах царский указ: «На Москве и в городах носить платья: венгерские кафтаны верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних, тем же подобием...»

На исходе столетия не терпели отлагательства два взаимосвязанных дела: мир с Турцией и оформление союза для борьбы со Швецией. Им Петр и уделяет основное внимание.

Управление внешней политикой царь берет в свои руки и вносит в дипломатическую практику новшества. С датским послом Гейнсом, прибывшим в Москву еще в 1698 году для заключения союзного договора против Швеции, он беседует при закрытых дверях, не прибегая к посредничеству Посольского приказа. Вел переговоры царь не спеша, откладывая оформление союза до получения известий из Карловиц. Однако в Карловицах был заключен не мир, а кратковременное перемирие. Поэтому в договоре с Данией Петр обязался выступить против Швеции только после заключения мира или длительного перемирия с Турцией. Для заключения мира царь отправляет в Константинополь думного дьяка

Емельяна Ивановича Украинцева, причем не традиционным путем, по суше, а морем и на военном корабле. Этот совет Петру дал Возницын. Царь принял совет, но реализовал его с большим размахом: до Керчи морской корабль посла должен был плыть не в одиночестве, а в сопровождении воронежского флота.

5 августа 1699 года эскадра из десяти больших кораблей снялась с якоря у Азова и направилась к Керчи. Формально командовал эскадрой адмирал Федор Алексеевич Головин, а фактически — Петр. На корабле «Крепость» находилось посольство во главе с Украинцевым. Один из участников экспедиции описал удивление, перемешанное со страхом, охватившее турок при виде кораблей русского флота, бросивших якоря у Керчи: «Ужас турецкой можно было из лица их видеть о сей нечаянной визите с такою изрядно вооруженною эскадрою; и много труда имели, чтоб турки верили, что сии корабли в России строены и что на них российские люди».

Турецкие власти в Керчи никак не соглашались, 'чтобы русский посол продолжал свой путь на корабле, запугивали трудностями плавания по бурному морю, но Петр проявил твердость: «Крепость» взяла курс на Царьград и своим салютом возвестила турок о рождении в России военно-морского флота. Демонстрация вполне удалась, флот оказал влияние на успех миссии Украинцева.

Петр вместе с эскадрой возвратился в Азов, а оттуда в Москву. Здесь его ждали два посольства, прибывшие в Россию с диаметрально противоположными целями: генерал Карлович представлял интересы Августа II, цель его визита состояла в заключении союзного договора против Швеции; намерения шведского посольства были иными — оно домогалось от России подтверждения вечного мира со Швецией.

Предстояла сложная дипломатическая игра, одну из целей ее видели в том, чтобы сохранить в тайне от шведского посольства переговоры с представителями курфюрста саксонского и датского короля. Чтобы усыпить бдительность шведского посольства, ему была устроена пышная встреча и аудиенция у Петра, посольству оказывали внешние почести и знаки внимания. Переговоры завершились подтверждением прежних русско-шведских договоров.

В то время как переговоры со шведским посольством велись в официальной обстановке руководителями дипломатического ведомства, переговоры с саксонским и датским послами конфиденциально вел сам Петр. Интересы участников переговоров совпадали в такой мере, что оформление тройственного союза продвигалось вперед семимильными

шагами. 11 ноября 1699 года был оформлен союз России с саксонским курфюрстом Августом II. Оба государя решили «имети войну обще против короны Свейской за многие их неправды». Цель России в этой войне состояла в возвращении русской территории на Балтийском море — Ижорской земли — и Карелии. Август обязался начать военные действия в 1699 году, а Петр — после заключения мира с Турцией. Ради ускорения переговоров в Константинополе Петр отправил к Украинцеву гонца с дополнительной инструкцией: если турки будут упорствовать, то согласиться вернуть им четыре города на Днепре, вызывавшие спор дипломатов еще на Карловицком конгрессе. «И сие как наискорее делай», — требует царь от своего дипломата.

Борьбе России за выход к Балтийскому морю благоприятствовала обстановка в Европе, где самые могущественные державы сначала были поглощены подготовкой к войне, а затем вступили в затянувшийся вооруженный конфликт. Поводом к так называемой войне за Испанское наследство (1701–1714) послужила смерть бездетного испанского короля Карла II. В дележе обширных владений испанской короны в Европе и за ее пределами выступили Франция и противостоявшая ей коалиция в составе феодально-абсолютистской Австрии и могучих морских держав — Англии и Голландии. Начавшаяся борьба за Испанское наследство отвлекала силы борющихся сторон от конфликта на северо-востоке Европы.

Итак, Северный союз был создан, осталось терпеливо ждать благоприятных вестей из Константинополя. А пока на исходе 1699 года Петр ввел еще два новшества: указы 19 и 20 декабря предписывали счисление лет производить не от Сотворения мира, а от Рождества Христова, а новолетие начинать не с 1 сентября, а с 1 января, то есть счет времени вести так, как это делается во многих европейских странах. В день 1 января по старому летосчислению исполнялось четыре месяца 7208 года, а по введенному новому летосчислению наступал 1700 год.

Живейшее участие в праздновании Нового года принял сам Петр. Первого января он велел вывести на Красную площадь солдатские полки, а к Кремлю стянуть более двухсот пушек. Пальба из них продолжалась в течение шести дней. Сам царь хлопотал над устройством фейерверка, своей красотой поразившего столичных жителей. В торжествах приняло участие и население города: ворота были украшены еловыми, сосновыми и можжевельновыми ветками. Указ повелевал боярам и знатным купцам «каждому на своем дворе из небольших пушечек, буде у кого есть, и из нескольких мушкетов или иного мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракетов, сколько у кого случится».

В дни празднования Нового года беззаботное веселье прерывалось думами о том, что сделано и что предстояло сделать. На исходе истекшего столетия были предприняты действия, открывавшие эпоху преобразований: началась борьба за выход к морю, и было предпринято строительство военно-морского флота, города получили самоуправление, изданы указы о преследовании бороды и долгополого платья, введено новолетие с 1 января, а счет времени — от Рождества Христова. Преобразования охватывали разные стороны жизни общества, но в них нетрудно обнаружить одну цель: европеизировать страну, поднять ее до уровня современных государств.

Каким он будет, этот новый, 1700 год? Удастся ли в спокойной обстановке, без помех, продолжить начатое дело, привести его в систему и осуществлять в какой-то последовательности? Размышляя об этом, Петр усердно подпевал своим глухим баском во время молебного пения в Успенском соборе, которым открывали торжество новолетия, и отбивал поклоны, чтобы год был счастливым.

МЕЖДУ ДВУМЯ НАРВАМИ

Петр с нетерпением ждал вестей от Украинцева. Он торопил думного дьяка завершить переговоры с турками о мире.

Читая письма Петра, невольно привыкаешь к его манере требовать от адресата быстрого исполнения поручения. Редко какое из писем не содержит указаний на необходимость выполнять повеление «не мешкав», «с поспешением», «тотчас» и т. д. Иногда бывает трудно установить, в какой мере обстановка действительно требовала незамедлительного исполнения распоряжения и не носила ли повсеместно встречающиеся «не мешкав» лишь печать темперамента царя. Сам он умел мгновенно оценивать обстановку, схватывать главное, быстро принимать решение, а если под руками не было исполнителя, то и выполнять это решение.

В данном случае Петр торопил Украинцева не зря — того требовали обязательства царя перед союзниками. Еще в декабре 1699 года Петр пишет Украинцеву: «не мешкав зделай, как Бог помочи подаст». В феврале 1700 года обращение царя к своему дипломату напоминает заклинание: «Только конечно учини мир: зело, зело нужно». В ожидании заключения мирного договора Петр даже задержал ответ на письмо Августа II. «Истинно есть тому причина, — объяснял царь королю в июле 1700 года, — что не получа с другой стороны полезной весте, писать не хотели, чего непрестанно ожидаем»^[47]. Послу Августа II, специально прибывшему в Москву, чтобы поторопить русских начать военные действия, Петр сказал: «Если сегодня получу известия о мире, то завтра двину свои войска на шведов».

Слово свое Петр сдержал. 8 августа прибыло долгожданное донесение от Украинцева о том, что мир заключен на 30 лет, а на следующий день царь уже извещал Августа II, что дал приказ войскам выступить. На десятки верст растянулся обоз из 10 тысяч телег, нагруженных снаряжением, артиллерией, продовольствием. Сам царь в чине капитана бомбардирской роты Преображенского полка тоже находился в составе войск. В Твери Петр получил тревожные известия: курьер Августа II сообщил ему, что шведский король с 18-тысячной армией готовится прибыть в Лифляндию. Петр высказывает сомнение в достоверности известия: «И о том я многократно думал, истинна ль или подлог? И буде истинна, то конечно Дацкой осилен караванами соединенными»^[48].

Сведения, к сожалению, оказались верными. В тот самый день, 8 августа, когда в Москву прибыл гонец от Украинцева, одна из участниц

Северного союза — Дания — была выведена из игры. Шведский король Карл XII неожиданно высадился во главе 15-тысячного войска у стен Копенгагена. Десант был доставлен «караванами соединенными» — шведскими и английскими кораблями. Фридрих IV капитулировал.

23 сентября первые русские полки численностью в 10 тысяч человек, преодолевая осеннее бездорожье, достигли Нарвы. Остальные медленно подтягивались к крепости, и их сосредоточение в основном завершилось лишь к середине октября. Царь распорядился расстановкой батарей и осадными работами. Бомбардировка крепости началась 20 октября и без всякого эффекта продолжалась две недели — ровно столько, насколько хватило пороха, ядер и бомб.

Между тем Карл XII подошел к Нарве столь же неожиданно, как и к Копенгагену. Получив известие о приближении неприятеля, Петр тут же уезжает из-под Нарвы, передав командование армией только что нанятому на русскую службу герцогу фон Круи. Этот поступок Петра трудно объясним. Много лет спустя в «Истории Свейской войны», отредактированной самим Петром, будет написано так: «Против 18 числа государь пошел от армии в Новгород для того, чтобы идущие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо чтоб иметь свидание с королем польским»^[49]. Вряд ли, однако, у царя в эти тревожные дни могла быть более важная задача, чем присутствие в войсках накануне их сражения с неприятельской армией.

Первое, что приходит в голову, когда пытаешься понять поведение Петра в эти памятные дни ноября 1700 года, так это предположение, что царь смалодушничал. Но стоит ближе присмотреться к его действиям во время Азовских походов и в годы после Нарвы, как это предположение отпадает. Ни до Нарвы, ни после царь не отсиживался в обозе, всегда находился в гуще сражений и много раз ставил на карту свою жизнь. Скорее всего в данном случае Петр недооценил меры опасности, нависшей над русской армией, ибо знал, что ее численность во много раз превосходила войско Карла XII.

Шведская армия сосредоточилась у Нарвы 18 ноября. Сражение произошло на следующий день. Расположение русского лагеря было ориентировано на осаду Нарвы, поэтому его укрепления растянулись тонкой линией протяженностью в семь верст. Перед началом сражения повалил обильный снег, позволивший шведам незамеченными приблизиться к позициям русских войск. Стремительная атака шведов вызвала всеобщую панику. «Немцы нам изменили», — слышались крики. Шереметев вместе с конницей ринулся вплавь через Нарову, потеряв во

время переправы свыше тысячи человек. Понтонный мост, по которому бежали пехотинцы из дивизии Головина, рухнул, и многие беглецы тут же пошли ко дну. Фон Круи и иностранные офицеры, состоявшие на русской службе, поспешили сдаться в плен. Лишь два гвардейских полка и Лефортовский полк проявили стойкость и в этом всеобщем смятении сохранили боеспособность. Многократные попытки шведов смять гвардейцев успеха не имели.

Ночью наступило затишье и начались переговоры о капитуляции. Русским войскам предоставлялось право уйти из-под Нарвы со всем оружием, за исключением артиллерии. Однако король вероломно нарушил свое слово. Как только гвардейцы перешли по восстановленному мосту на другую сторону Наровы, шведы набросились на остальных русских, обезоружили солдат, отняли у них имущество, а офицеров объявили пленными.

Итак, начало войны, первое же соприкосновение с неприятелем закончилось для русских войск сокрушительным поражением. Под Нарвой русские потеряли убитыми, утонувшими, умершими от голода шесть тысяч человек и всю артиллерию в 135 пушек разных калибров. Армия лишилась почти полностью высшего офицерского состава. И это при том, что шведов под Нарвой было в несколько раз меньше, нежели русских: под командованием Карла XII находилось 8—12 тысяч человек, в то время как русская армия насчитывала 35—40 тысяч.

В распоряжении историков нет источников, из которых можно бы было извлечь сведения о душевном состоянии Петра после Нарвы: ни одного письма царя от тех мрачных дней не сохранилось, а может быть, он их и не писал; молчат на этот счет и мемуаристы. Лишь почти четверть столетия спустя, обратившись к причинам неудач русских войск под Нарвой в «Гистории Свейской войны», царь записал: «Итак шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно; но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский был (который пред тем назывался Шепелева); два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, самые были рекруты, как выше помянуто, к тому ж за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно, и единым словом сказать, все то дело яко младенческое игранье было, а искусства ниже вида. То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию?.. Но

когда сие нещастие (или лучше сказать великое щастие) получили, тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила»^{50}. Петру Нарва наглядно показала отсталость страны и низкую боеспособность армии. Нарва была жестокой школой, из которой надлежало извлекать уроки — учиться и учить побеждать.

Известие о победе восемнадцатилетнего шведского короля стало достоянием Европы и имело огромный резонанс. В насмешку над русским царем шведы выбили медаль: на одной стороне ее был изображен Петр у пушек, обстреливавших Нарву, и надпись: «Бе же Петр стоя и греяся». На другой — бегство русских во главе с Петром от Нарвы: шапка валится с головы царя, шпага брошена, царь плачет и утирает слезы платком. Надпись гласила: «Изшед вон, плакася горько».

Престиж России в западноевропейских дворах пал. Русский посол в Гааге Андрей Матвеев доносил Петру: «Шведский посол с великими ругательствами, сам ездя по министрам, не только хулит ваши войска, но и самую вашу особу злословит, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дня пошли в Москву из полков...» Аналогичное донесение прислал русский посол в Вене Петр Голицын^{51}.

У Карла XII был выбор. Он мог, развивая успех, достигнутый под Нарвой, продолжать военные действия против России и продиктовать ей угодный для себя мир либо направить армию в Польшу против Августа II. Шведский король счел целесообразным двинуться в Польшу. На выбор направления оказало влияние отношение Карла XII к Августу II. Если русского царя шведский король недооценивал, то саксонского курфюрста он люто ненавидел, ибо считал его инициатором Северного союза. «Поведение его так позорно и гнусно, — отзывался шведский король об Августе, — что заслуживает мщениа от Бога и презрения всех благомыслящих людей».

И все же не желание лишить Августа польской короны определило решение Карла XII перенести театр военных действий на запад. Отправиться в длительный поход к Москве, имея в тылу саксонскую армию, боеспособность которой была тогда выше русской, шведский король не мог. Тем более что было ясно — Польша готова воспользоваться любым благоприятным случаем, чтобы выступить против Швеции, к тому же и Дания способна быстро оправиться от недавнего поражения и возобновить участие в Северном союзе.

В то время как в лагере Карла раздавались насмешки в адрес русского царя, Петр не терял зря времени. Он не знает ни слабости, ни усталости.

Царь был не из тех людей, кто опускает руки и склоняет голову перед неудачами. Испытания, напротив, закаляли волю Петра. Как и после первого Азовского похода, неудача подхлестнула его, и он энергично и целеустремленно принялся ковать будущую победу. Об огромном напряжении его сил и до предела мобилизованной энергии свидетельствует сухая хроника его переездов. В конце января 1701 года он мчится в Биржу, возвратившись оттуда в Москву, спешит в Воронеж, где проводит два с половиной месяца, затем отправляется в Новгород и Псков. В последующие годы царя можно было встретить в Архангельске, у Нотебурга, на Олонецкой верфи, у стен Нарвы и Дерпта, в Петербурге.

Петр мчится как курьер — день и ночь, в любую погоду и в любое время года. Обыкновенная повозка или сани были для него и местом ночлега, и обеденным столом. Останавливался он только для смены лошадей. Каждое перемещение царя — не только веха в его личной жизни, но и определенный этап в мобилизации усилий страны на борьбу с неприятелем. Это повседневный труд царя, его личный, так сказать, вклад в общее дело.

В Биржу Петр ездил на свидание с Августом II. Польский король, не отличавшийся ни отвагой, ни верностью, ни желанием мобилизовать все ресурсы для борьбы с неприятелем, ничем не дороживший так, как польской короной, и поэтому готовый на любой шаг ради ее сохранения, был тем не менее для России бесценным союзником. Чем дольше Карл XII будет гоняться за Августом, тем больше времени получит Россия, чтобы залечить последствия Нарвы. Именно поэтому Петр не жалел ни усилий и времени, ни материальных и людских ресурсов для поддержания Августа. В Бирже был подтвержден союзный договор, по которому Петр обязался предоставить в распоряжение польского короля 15—20-тысячный корпус и вдобавок к нему ежегодную субсидию в 100 тысяч рублей.

В Новгород и Псков царь отправляется, чтобы руководить строительством оборонительных сооружений. По его указу на работы были привлечены драгуны, солдаты, священники «и всякого церковного чина мужеского и женского пола», так что пришлось даже прекратить службу в приходских церквях.

Архангельск привлек внимание Петра в связи с полученным известием о нападении на город шведских кораблей. Царь отправился в дальний путь, чтобы укрепить единственный портовый город, связывавший Россию с Западом.

Значение Архангельска отчетливо оценивали и в Москве, и в Стокгольме: через Архангельск шла львиная доля русских товаров в

Европу. Следовательно, порт приносил стране доходы, в которых остро нуждалась казна, опустошавшаяся войной. Для России Архангельск, кроме того, являлся единственным портом, через который поступало вооружение: английские и голландские купцы ради высоких барышей пренебрегали риском, привозили в Архангельск контрабанду. Государственный секретарь Швеции С. Океръельм писал в сентябре 1700 года: «Корыстолюбивые амстердамцы из-за своей жадности всячески поддерживают русских военными материалами и иным». Именно поэтому шведы вынашивали план разрушения Архангельска и блокирования подступов к нему путем потопления в фарватере устья Северной Двины русских кораблей.

В условиях строжайшей секретности в Швеции готовилась морская экспедиция против Архангельска — все прочие планы, предусматривавшие продвижение шведских войск по суше до Холмогор, с последующей посадкой их на корабли, были отклонены, ибо они лишали нападающую сторону внезапности, которая могла обеспечить успех операции.

Экспедиция в составе трех фрегатов и нескольких мелких судов взяла курс к Белому морю в конце мая 1701 года. Инструкция, подписанная Карлом XII, обязывала командора экспедиции К. Х. Лёве прибыть в Архангельск ранее появления там иностранных торговых кораблей, чем обеспечивалась скрытность операции. Цель экспедиции — «сжечь и разорить город и все русские корабли и суда, захватить и увезти по военному обычаю все, что смогут...». Король обещал участникам похода четвертую часть всей конфискованной контрабанды и половину добычи, захваченной у жителей города.

Три фрегата и четыре более мелких судна в общей сложности располагали 122 пушками и 828 десантниками и членами команды. Через месяц корабли военного флота под видом торговых достигли Белого моря.

Петр допускал возможность нападения шведов на Архангельск и сразу же после нарвской катастрофы, в конце декабря 1700 года, отправил указ воеводе А. П. Прозоровскому срочно соорудить на Малой Двине крепость, получившую название Новодвинской.

Сооружением крепости фактически руководил архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий, сведущий в технике и фортификации. Хотя на сооружение крепости были мобилизованы сотни людей и строительство велось достаточно интенсивно, но ко времени появления близ нее шведских кораблей готовность ее строители не обеспечили. Объяснялось это прежде всего поздним в этих краях освобождением реки ото льда, так что закладка крепости состоялась только 12 июня.

Между тем как ни старались шведы скрыть отправку экспедиции, о ее

подготовке стало известно царю, и он отправил архиепископу указ о досмотре всех кораблей, державших путь к Архангельску, и предписание «от приходу тех неприятелей быть во всякой осторожности и всякое уготовление к отпору их с боярином и воеводою со князем А. П. Прозоровским чинить с общего совету».

Двигавшаяся к Архангельску эскадра встретила судно поморов, промышлявших рыбу. В руки шведов попал лоцман Иван Рябов. «И дознались де они, иноземцы, от покручеников его, Ивашковых, что он лодейный кормщик, и муча де ево, Ивашка, всячески и саблею над головой ево стояли многожды и с корабля на веревки в воду дважды бросали». Лоцман, как надеялся командор, должен был благополучно провести корабли к стенам Архангельска.

Когда эскадра подошла к острову Мудьюгскому, на флагманский корабль прибыл небольшой отряд во главе с капитаном Николаем Крыковым. На вопрос, что за корабли, ему ответили: «Английские торговые, идут к городу для торговли». Хотя командор принял меры предосторожности, упрятав экипаж в каюты, а пушки прикрыв парусиной, совершавшие досмотр солдаты обнаружили, что это не торговый, а военный корабль. Крыков в упор спросил командора:

«Вы — шведы?» В ответ командор сначала пригласил капитана в каюту и угостил водкой, но, убедившись в бесполезности этого гостеприимства, дал команду обезоружить и взять под стражу досмотрщиков.

Продолжительное отсутствие капитана Крыкова и его подчиненных показалось оставшимся на берегу подозрительным, и на шведский корабль отправился более многочисленный отряд под командованием Г. Н. Животовского. После того как ими было обнаружено «многое число» лежавших на полу шведских солдат, они в одно мгновение оказались на своем баркасе и двинулись к крепости, понеся потери от стрелявших по баркасу шведов.

Теперь уже шведам стало ясно, что их хитрость не удалась и им ничего не оставалось как обнаружить подлинные цели своего визита. Началась тринадцатичасовая дуэль между артиллерией недостроенной Новодвинской крепости и посаженным Рябовым на мель фрегатом. Фрегат, лишенный возможности маневрировать и использовать всю мощь артиллерии, являлся удобной мишенью для крепостных пушек, и если новодвинцам долгое время не удавалось превратить неприятельские фрегаты и шняву в щепы, то это объяснялось лишь неопытностью русских артиллеристов.

Как только было обнаружено, что Рябов сознательно посадил фрегат

на мель, К. Х. Лёве велел его и переводчика Дм. Борисова расстрелять. Борисов пал замертво, а Рябов прикинулся убитым и, улучив момент, бежал с корабля. В результате сражения 26 июня шведы потеряли два корабля с артиллерией, часть боеприпасов и продовольствия.

Любопытна судьба участников эпопеи под Новодвинской крепостью. Славу победителя снискал воевода князь Прозоровский, который, услышав артиллерийскую канонаду, смалодушничал и бежал из Архангельска. Это, однако, не помешало ему отправить победную реляцию, приписав себе успех операции, а подлинный герой Иван Рябов Прозоровским был брошен в тюрьму, где его «мучили и содержали в оковах» за то, что он нарушил воеводский указ, запрещавший поморам выходить на промысел «ради опасения свейских воровских кораблей». Заслужил царскую благодарность, помимо воеводы, и архиепископ Афанасий, которому царь выразил за радение «милостивую похвалу». Что касается командора К. Х. Лёве, то он был отдан под суд, но оправдан.

Эпизод под Новодвинской крепостью, быть может, и не приковал внимание Петра, если бы он произошёл после второй Нарвы, когда победы русской армии следовали одна за другой и стали обыденными в ратной жизни страны. Но это была первая победа над шведами; к тому же хотя она и была одержана без участия русских кораблей, но произошла на море, что, конечно же, вызывало особую радость у неравнодушного к морю царя. Наконец, успешное сражение под Новодвинской крепостью обеспечило безопасность Архангельску и, похоже, отбило у шведов охоту овладеть им; слухи о готовившемся нападении на порт появились и в следующем году, но реальных мер к снаряжению новой экспедиции шведы не предпринимали — они получили впечатляющий урок.

6 июля 1701 года Петр получил донесение Прозоровского об успехе гарнизона крепости и в тот же день поделился радостной вестью с Ф. М. Апраксиным. Письмо начиналось словами: «Я не мог вашему превосходительству оставить без ведома, что ныне учинилось у города Архангельска...»

На первый взгляд странными и будто бы не вызывавшимися крайней необходимостью были частые визиты Петра в Воронеж. В самом деле, целесообразность долговременных пребываний царя в Воронеже до начала Северной войны не вызывает сомнений — там создавался флот, предназначенный для боевых действий на Азовском море. Но ради чего царь отправлялся в Воронеж теперь, когда театр военных действий переместился на северо-запад и Россия вела борьбу не с Османской империей, а со Швецией? Надо ли было пополнять Азовский флот новыми

кораблями и непрестанно подновлять быстро гнившие в пресной воде Дона только недавно спущенные галеры и фрегаты? Тем более что ни один из кораблей не участвовал ни в одном сражении, а их пушки не произвели ни единого боевого залпа. Не являлись ли эти хлопоты царя бесцельной тратой народных ресурсов и своего рода данью его пристрастия к флоту и кораблестроению?

Двух мнений на этот счет быть не может — непрестанные заботы Петра об Азовском флоте окупались тем, что они охлаждали воинственный пыл турок и долгое время удерживали их от объявления войны России. Русский посол в Османской империи Петр Андреевич Толстой так и доносил царю: «более же всего страшатся морского твоего, государь, флота».

С Турции Петр не спускал глаз, внимательно следя за изменчивыми настроениями султанского двора. Азовскому губернатору Федору Матвеевичу Апраксину, посаженному в Азов сторожить приобретение на южном море, царь пишет 24 июня 1701 года: «Извольте в том осторожность учинить как в Азове, так наипаче в Таганроге к обороне того места». Две недели спустя вновь напоминает: «Извольте держать опаску с турецкой стороны». Опасения оказались необоснованными, и в сентябре Апраксин получает от царя новые известия: «войны с турками не чаем, потому что мир подтвердил султан охотно»^{52}.

Неточность сведений, которыми царь снабжал своего губернатора, вполне объяснима — Россия тогда не имела постоянного дипломатического представительства в Турции, и в Москве должны были довольствоваться лишь слухами, доходившими кружным путем.

Петр нарушает традицию и отправляет в Адрианополь, резиденцию султана, своего представителя. Выбор пал на Петра Андреевича Толстого, человека столь же одаренного, как и пронырливого. «Эх, голова, голова, не быть бы тебе на плечах, если бы не была так умна», — сказал как-то в минуту откровенности царь Толстому, намекая на его причастность к заговору Милославских и Софьи еще в 1682 году. Старые грехи Толстой замаливал усердно. Чтобы угодить царю, он, будучи взрослым, лет сорока, имея жену и детей, добровольно отправляется вместе с волонтерами в Венецию обучаться военно-морскому делу. Теперь, в 1702 году, «умной голове» надлежало отбыть в Турцию и выполнять инструкцию, составленную самим царем. Петр хотел знать состояние турецкой армии и флота; обучают ли конницу и пехоту по старинному своему обыкновению или пользуются услугами европейских офицеров, а также не собираются ли турки засыпать Керченский пролив, чтобы навсегда отрезать русским

выход к Черному морю.

Толстого встретили в Адрианополе более чем прохладно. Рассуждали: «Никогда от веку не бывало, чтоб московскому послу у Порты жить». Не для того ли он пожаловал, чтобы сеять смуту среди подвластных султану христиан?

Несладко жилось Петру Андреевичу в Турции, но царь был доволен его службой. Когда Толстому султанский двор, то предупредительно-ласковый, то надменно-грубый, стал в тягость настолько, что он запросил перемены, царь ответил: его желание будет исполнено, но не сейчас — «не поскучь еще некоторое время быть; большая нужда там вам побыть»^[53].

«Нужда» в услугах Толстого была действительно «большой», ибо приливы миролюбия Порты перемежались с такими же приливами воинственности. Это и вынуждало Петра попечение о Воронежской верфи относить к числу важнейших своих забот. Заглядывал он туда на несколько недель либо в одиночестве, либо в сопровождении своей компании. Закладка кораблей и их спуск сопровождались веселым застольем.

В Москве, точнее в Преображенском, царь проводил зимние месяцы, то есть то время года, когда на театре войны, как правило, наступало некоторое затишье: неприятельские армии располагались в обжитых местах и устраивали своего рода передышку, с тем чтобы возобновить военные действия после весеннего половодья.

Три заботы одолевали Петра: где добыть деньги, где достать людей и, наконец, где добыть вооружение, чтобы восполнить потери под Нарвой.

Андрей Нартов записал рассказ о том, как были добыты деньги. Царь размышлял об этом в одиночестве целые сутки. Вошедшему «князю-кесарю» Ромодановскому он говорит: в казне нет денег, войско ничем не снабжено, и артиллерии нет, а сие потребно скоро. Выход один: «убавить в монастырях сокровища в золоте и серебре и натиснуть из него деньги». «Сие дело щекотно, должно придумать иное», — возразил Ромодановский и отвел царя в Кремль, где находилась тайная кладовая. Когда вошли в камору, то «к несказанному удивлению увидел его царское величество груды серебряной и позолоченной посуды и збури, мелких серебряных денег и голландских ефимков». Ромодановский поведал Петру тайну сокровищ: «когда родитель твой, царь Алексей Михайлович, в разные времена отъезжал в походы, то по доверенности своей ко мне, лишние деньги и сокровища отдавал на сохранение мне. При конце жизни своей, призвав меня к себе, завещал, чтоб я никому сего из наследников не отдавал до тех пор, разве впоследствии в деньгах при войне крайняя

нужда»^[54].

Отделить в этом предании достоверное от легендарного не представляется возможным, тем более что, по другим сведениям, царь вел этот разговор не с Ромодановским, а с Прозоровским. Доподлинно, однако, известно, что финансовые затруднения Петр преодолел столь же простым, как и мало надежным способом — повысил производительность Монетного двора: день и ночь работали станки, наводняя рынок обесцененными деньгами: до 1700 года их выпускали от 200 до 500 тысяч рублей в год, в 1700 году в оборот было выброшено около 2 миллионов рублей, а в 1702 году — свыше 4,5 миллиона рублей. Царская казна из этой операции, сопровождавшейся уменьшением доли серебра в монете, извлекла кратковременный доход и возможность заполнить пустоты в бюджете.

Этот стародавний прием увеличения доходов Петр дополнил двумя новыми.

В январский день 1699 года в Ямском приказе был обнаружен кем-то подброшенный запечатанный пакет с надписью: «поднести благочестивому государю, царю Петру Алексеевичу, не распечатав».

Автором письма, как выяснилось позже, был дворецкий Бориса Петровича Шереметева Алексей Курбатов, сопровождавший барина в заграничном путешествии. Курбатов предлагал царю использовать новый источник дохода — продажу гербовой бумаги. Петр обласкал первого прибыльщика, назначил дьяком Оружейного приказа, наградил деревнями. Так началась блестящая карьера Курбатова, будущего президента Ратуши, а затем архангелогородского вице-губернатора. Но какую бы должность Курбатов ни занимал, службу прибыльщика он не оставил. «Повели мне, — обращался он к царю, — где мочно учинить какие в котором приказе прибыли или какие в делах поползновения судьем, наедине доносить безбоязненно, в чем усердие мое обещаются являти тебе, государю, яко самому Богу».

Примеру Курбатова следовали многие другие изобретатели налогов. Им было велено, как засвидетельствовал современник, «сидеть и чинить государю прибыль»^[55].

Старания прибыльщиков, однако, не обеспечивали значительных денежных поступлений. Доходы от чеканки денег тоже были вскоре исчерпаны, и тогда Петр прибегает к введению бесконечного количества налогов специального назначения: на приобретение седел и лошадей, на приобретение амуниции и строительство кораблей, за подводы и провиант

и т. д. и т. п.

Без особых затруднений удалось решить вторую задачу — восполнить людские потери. По мере надобности определенное число дворов городского и сельского населения поставляло в армию одного рекрута. Эта система комплектования армии и флота, оформленная в первые годы XVIII века, действовала безотказно на всем протяжении Северной войны.

Наконец, в короткий срок был восстановлен артиллерийский парк. Правда, при литье медных пушек вследствие недостатка меди пришлось использовать колокола церквей и монастырей. Но в чугунных пушках недостатка не ощущалось — металлургические заводы, срочно возведенные в начале столетия, обеспечили армию превосходной артиллерией, и Петр неоднократно будет иметь случай отметить ее высокие боевые качества.

Наибольшие трудности Петр встретил при укомплектовании армии офицерским составом, и прежде всего потому, что в России до XVIII века не было специальных учебных заведений, готовивших военных специалистов. Петр в 1701 году учредил первое такое учебное заведение — Навигацкую школу, где изучались математика, геометрия, тригонометрия, навигация, астрономия. По мнению царя, «не токмо к морскому ходу нужна сия школа, но и артиллерии и инженерству».

Петр воспользовался знаниями выпускников Навигацкой школы и других учебных заведений, созданных вслед за нею, только много лет спустя. Между тем время не ждало, военные специалисты были необходимы в данный момент. И хотя царь знал, что иностранные офицеры проявили себя под Нарвой не лучшим образом, нужда заставила его вновь обратиться к найму военных специалистов за границей. В 1702 году в странах Западной Европы распространялся переведенный на немецкий язык манифест Петра, приглашавший иностранных офицеров на службу в Россию.

5 декабря 1700 года, то есть две недели спустя после нарвского поражения, царь, находясь в Новгороде, велит Борису Петровичу Шереметеву «иттить в даль, для лучшего вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, также реки и болота замерзли, неприятелю невозможно захватить. О чем паки пишу: не чини отговорки ничем»^[56].

Шереметев открыл серию побед над шведами. Действовал он пока осторожно, осмеливался вступать в сражения, располагая лишь двойным или тройным превосходством в силах, но на первых порах были важны любые победы, они поднимали моральный дух армии и постепенно

освобождали ее от оцепенения после Нарвы.

Первая значительная победа была одержана в самом начале 1702 года. Шереметев во главе 17-тысячного корпуса напал на шведского генерала Шлиппенбаха и наголову разбил его семитысячный отряд у деревни Эрестфер, неподалеку от Дерпта. Здесь погибла половина шведского войска. «Мы можем, наконец, бить шведов!» — воскликнул Петр, получив донесение Шереметева. Победителей царь щедро наградил, отметив всех от солдата до командующего. Шереметеву Меншиков по поручению Петра повез орден Андрея Первозванного и извещение, что ему присвоено звание фельдмаршала.

С осени 1702-го по весну 1703 года основные силы русских войск были заняты изгнанием шведов с берегов Невы. В этой кампании участвовал и Петр. Военные действия начались с осады Нотебурга (древнерусского Орешка), расположенного на острове у выхода Невы из Ладожского озера. Высокие стены толщиной около двух сажень, возведенные у самой воды, многочисленные пушки, господствовавшие над обоими берегами, превращали Нотебург в неприступную крепость. Для ее осады Петр сосредоточил 14 полков. После трехдневной канонады супруга коменданта крепости от имени всех офицерских жен отправила в русский лагерь барабанщика. В реляции этот эпизод описан в присутствии Петру шутивым тоном: жены просили фельдмаршала, «дабы могли из крепости выпущены быть, ради великого беспокойства от огня и дыму и бедственного состояния, в котором они обретаются». На что он, бомбардирский капитан Петр Михайлов, галантно ответил гарнизонным дамам: не отваживается передать их просьбу фельдмаршалу, «понеже ведает он подлинно, что господин его фельдмаршал тем разлучением их опечалити не изволит, а естли изволят выехать, изволили бы и любезных супружников своих с собой вывести купно»^{57}.

Дамы, однако, не вняли любезному совету бомбардирского капитана, и непрерывный обстрел крепости продолжался около двух недель. Затем горнисты протрубили атаку, и начался 12-часовой штурм, по отзыву Петра, жестокий и чрезвычайно трудный. Подвиг русских солдат вызвал удивление иностранного наблюдателя: «поистине удивительно, как русские могли взобраться на такую крепость и взяли ее с помощью одних осадных лестниц».

Русские войска овладели Орешком. Царь каламбурил: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно свое дело исправила»^{58}. Орешек —

Нотебург Петр переименовал в Шлиссельбург (город-ключ), подчеркивая этим названием ключевое положение города на Неве, открывавшего путь в неприятельские земли.

В середине марта Петр прибыл в Шлиссельбург для руководства военными действиями в кампании 1703 года. В апреле царь сообщает Шереметеву о готовности войск начать операцию: «и больше не могу писать, только что время, время, время, и чтоб не дать предварить неприятелю нас, о чем тужить будем после». Речь шла о нападении на Ниеншанц — крепость, запиравшую устье Невы. После осмотра Ниеншанца Петр поделился впечатлениями с Меншиковым: «Город гораздо больше, как сказывали; однакож не будет с Шлютельбурх. Про новой вал сказывали, что низок, который выше, неже город сам, и весь зачат и выведен равно изрядною фортификациею, только лише дерном не обложен, а ободом (т. е. окружностью. — *Н. П.*) больше Ругодева» (Нарвы). Гарнизон Ниеншанца сложил оружие, не дожидаясь штурма. 2 мая Петр писал в Москву «князю-кесарю» Ромодановскому: «Известую вашему величеству, что вчерашнего дня крепость Ниеншанская по 10 часной стрельбе из мартиров (также из пушек только 10-ю стреляно) на акорт здалась». И тут же распоряжение: «Извольте сие торжество отправить хорошенько и чтоб после соборнова молебна из пушек, что на площади, было по обычаю стреляно»^{59}.

У Ниеншанца же три дня спустя состоялось первое боевое столкновение с неприятельским флотом. Два шведских судна из эскадры Нумерса, не зная о капитуляции Ниеншанца, вошли в устье Невы. Петр решил их атаковать. Под его пером операция выглядела следующим образом: 5 мая «пришла на устье неприятельская шквадра под правлением вице-адмирала господина Нумберса; о чем уведав, наш господин фельтмаршал посылал нас в тритцати лотках. И в 7 день, пришед к устью, гораздо осмотрели неприятеля, и по нарочитом бою взяли 2 фрегата, один Гедан о десяти, другой Астрил о восьми пушках, а окон четырнатцать. Понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи; только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с восемь лодок только в самом деле было»^{60}.

Атака кораблей примитивными лодками, экипажи которых располагали лишь ружьями и гранатами, была связана с большим риском. Надо было обладать огромной отвагой, чтобы решиться на это предприятие. Петр рисковать не любил, предпочитал действовать

наверняка, и благополучно окончившаяся операция, кажется, была единственной, где царь отступил от своего правила.

В последующие годы к подобным выигранным сражениям привыкли настолько, что хотя и отмечали их салютами, но считали будничными событиями ратной жизни. Эта же победа привела Петра в неподдельный восторг, ибо была первой на воде. Он ее и назвал «никогда бываемою викториеною». «Виктория» эта положила начало славным боевым традициям русского военно-морского флота. По приказанию Петра в архиве даже производились специальные разыскания — не происходило ли что-либо подобное в давно прошедшие времена. Петр поспешил уведомить друзей об одержанной победе, отправив письма. Содержание этих, как и многих других, писем и реляций с извещением о победе раскрывает существенную черту Петра. Царь пишет «мы», «нас», «наши войска», «ударили на неприятеля», «получили викторию», причем множественное число употребляет отнюдь не применительно к собственной персоне, как это делали монархи до и после него. Для него «мы» значит «русские войска». Сам автор писем при этом оставался в тени, в тексте нет ни строчки о его действиях и распоряжениях, определивших исход победоносного сражения. Зато сообщаются подробнейшие сведения о трофеях, захваченных пленных, потерях противника и об уроне, понесенном русскими войсками. Этим сухим перечнем Петр как бы приглашал своего корреспондента оценить степень удачи, сопутствовавшей русским войскам, и размеры катастрофы, постигшей неприятеля.

План атаки двух кораблей Нумерса составил царь. 30 лодок были разделены на две группы: одна из них отрезала шведам выход к морю, а другая напала со стороны верхнего течения Невы. Петр непосредственно участвовал в атаке, командуя одним из отрядов, действиями второго руководил Меншиков. Однако по письмам Петра можно лишь догадываться, что он не был сторонним наблюдателем происходившего: «Хотя и недостойны, однакож от господ фельдмаршала и адмирала мы с господином поручиком (т. е. Меншиковым. — *Н. П.*) учинены кавалерами святого Андрея».

В честь этого события царь велел выбить медаль со следующей лаконичной надписью на ней: «Небываемое бывает».

Ни единым словом Петр не обмолвился также о своем личном участии в осаде Нотебурга. Лишь из походного журнала Шереметева узнаем, что царь, «взяв с собою несколько солдат, пришел под город к берегу реки Невы», находился под жестоким огнем неприятеля.

После овладения Ниеншанцем все течение Невы от истоков, где стоял

Шлиссельбург, до устья оказалось в руках русских. Царь нисколько не сомневался в том, что шведы считали свои неудачи на этом театре войны временными и в ближайшие месяцы предпримут отчаянные попытки отбросить русских с берегов Невы. Поэтому сразу же были приняты меры к укреплению устья реки. «По взятии Канец (т. е. Ниеншанца. — *Н. П.*), — записано в «Истории Свейской войны», — отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место удобное искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от природы), в котором положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место — остров, который назывался Луст Элант (то есть Веселый остров), где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санкт Питербург»^{61}. Так возникла будущая столица империи — Петербург. Ее колыбелью являлась наспех сооруженная силами солдат крепость с шестью бастионами. Тогда же рядом с крепостью было возведено первое здание гражданского назначения — домик Петра, сохранившийся до настоящего времени.

Строителям деревянной крепости довелось испытать на себе невзгоды сурового климата и капризы Невы. «Городовое дело управляется как надлежит, — доносил Петру в июле 1703 года Меншиков, назначенный петербургским губернатором. — Работные люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибавляются. Чаем милости Божией, что предреченное дело будет впредь поспешествовать. Только то бедно, что здесь солнце зело высоко ходит».

«Зело, государь, — писал генерал Аникита Иванович Репнин месяц спустя, — у нас жестокая погода с моря, и набивает в нашем месте, где я стою с полками, воды аж до самого моего станишку, а ночесь в Преображенском полку в полночь и у харчевников многих сонных людей и рухлядь их помочило. А жители здешние сказывают, что в нынешнем времени всегда то место заливают». А вот картина, изображенная самим царем с природы 11 сентября 1706 года: «У меня в хоромах была сверху полу 21 дюйм, а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили на лотках; однакож недолго держалась, меньше 3-х часов. И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям будто во время потопа сидели, не точию мужики, но и бабы».

Все эти неудобства не смутили Петра. В его глазах новый город представлялся «Парадизом», то есть раем. В письмах царя встречаются такие фразы: «Не могу не писать вам из здешнего Парадиза»; «Истинно, что в раю здесь живем»; «О здешнем поведении сомневаться не изволь, ибо в раю Божиим зла быть не может». Даже письмо с описанием наводнения,

когда вода затопила царский домик, а мужики и бабы спасались на деревьях, помечено: «Из Парадиза». По первоначальному плану Петра Петербург должен был быть всего лишь портовым городом: «Его царское величество не далече от Шлотбурга при море город и крепость строить велел, чтоб впредь все товары, которые к Риге, к Нарве и к Шанцу приходили, тамо пристанище имели, также бы персицкие и китайские товары туда же приходили». Однако уже осенью 1704 года у Петра появилась мысль превратить Петербург в столицу страны. 28 сентября он писал Меншикову с Олонецкой верфи: «Мы чаем кончае во втором или третьем числе будущего месяца отсель поехать и, чаем, аще Бог изволит, в три дни или в четыре быть в столицу». Чтобы адресат не сомневался, что подразумевается под «столицей», царь в скобках пояснил: «Питербурх»^{62}.

Но до превращения небольшой крепости в столицу и крупный экономический центр страны было еще далеко. Это случится много лет спустя, а сейчас, в 1704 году, предстояло защищать возвращенные земли от сильного и коварного неприятеля, не раз пытавшегося пробиться в устье Невы. Две неотложные меры предпринимает царь. Прежде всего он создает на острове Котлин, что в 30 верстах от Петербурга, крепость Кронштадт и рядом с нею искусственный остров Кроншлот с батареями. Комендант Кроншлота должен был руководствоваться инструкцией, подписанной Петром 3 мая 1704 года: «Содержать сию ситадель, с Божиею помощью, аще случится, хотя до последнего человека». Царь часто посещал остров, наблюдая за строительством укреплений. Когда дело подходило к концу, он сказал: «Теперь Кронштадт в такое приведен состояние, что неприятель в море близко появиться не смеет. Инако разобьем корабли в щепы. В Петербурге спать будем спокойно»^{63}.

Оборона территории лишь гарнизонами сооруженных крепостей отдавала инициативу наступательных операций неприятелю. Чтобы лишить противника этого преимущества, необходим был флот. Петру принадлежит образная мысль: «Всякий потентант (правитель. — *Н. П.*), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет». Зацепившись за берега Невы, Петр незамедлительно приступил к созданию флота. Уже в 1703 году на Олонецкой верфи состоялась закладка 43 кораблей разных типов, а сам царь, руководивший строительством, вернулся в Петербург на фрегате с символическим названием «Штандарт». Наименование первому кораблю Балтийского флота было дано «в тот образ, понеже тогда четвертое море присовокуплено». Ранее на царском флаге изображался двуглавый орел,

державший в клювах и когтях карты трех морей, принадлежавших России. Теперь на штандарте появилось изображение четвертого моря.

Одновременно царь закладывает верфь в самом Петербурге. Знаменитая Адмиралтейская верфь, обеспечившая к концу войны военно-морское превосходство России на Балтике, приступила к сооружению кораблей в 1705 году. Первый военный корабль был спущен на воду в апреле 1706 года.

Указа, официально объявлявшего Петербург столицей, издано не было. Принято, однако, считать датой превращения города на Неве в столицу 1713 год, когда в Петербург окончательно переехал двор, Сенат и дипломатический корпус.

Чем руководствовался Петр, перенося столицу из Москвы, географического центра страны, который располагал издавна существовавшими экономическими связями с периферией, в новое неустроенное место на окраине государства?

Отчасти это решение объяснялось личными мотивами — антипатией к старой столице, проявлявшейся хотя бы в том, что он с юных лет предпочитал кремлевскому дворцу Преображенское. С Москвой у Петра ассоциировались силы, выступавшие лично против него и против дела, которому он служил: старая столица оказалась ареной его борьбы за власть с Софьей и оплотом старозаветных традиций.

Но дело, разумеется, было не только в этом. Новая столица являлась окном в Европу, она символизировала превращение России в морскую державу, располагавшую кратчайшими путями для экономических и культурных связей со странами Западной Европы. Петербург приобрел значение не только политического центра, но и важнейшей военно-морской гавани.

Называя Петербург Парадизом, Петр имел в виду не столько настоящее города, застроенного неказистыми деревянными домами и мазанками, сколько его будущее — благоустроенную столицу с роскошными дворцами и парками, прямыми, выложенными камнем улицами. Петр умел заглядывать далеко вперед, зная: плоды его усилий пожнут будущие поколения. Как-то Петр, сажая желуди, заметил, что один из присутствовавших при этом вельмож скептически улыбнулся. Разгневанный царь сказал: «Понимаю! Ты мнишь, не доживу я до матерых дубов. Правда! Но ты — дурак; я оставляю пример прочим, чтоб делали то же, потомки со временем строили из них корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь»^{64}.

Обозревая небольшую крепость и свой скромный одноэтажный домик

с тремя покаями, срубленный из сосновых бревен и покрытый дранью, но окрашенный так, что создавалось впечатление, будто он из кирпича и с черепичной крышей, царь мечтал об оживленном городе с гаванью не хуже амстердамской. У причалов — амбары с заморскими и русскими товарами, разноязычный говор иноземных купцов, издалика прибывших за русской пенькой, льном, мачтовым лесом, смолой, полотном. «Если Бог продлит жизнь и здравие, Петербург будет другой Амстердам», — говаривал Петр. А пока приходилось довольствоваться малым. Осенью 1703 года на горизонте показались мачты иностранного торгового корабля. На радостях петербургский губернатор щедро наградил весь экипаж корабля, доставившего в новый город вино и соль. Так скромно начинала свою жизнь будущая столица империи — окно в Европу.

Петр, как видим, приступил к строительству Петербурга сразу же после овладения Ниеншанцем. Когда об этом сообщили Карлу XII, тот высокомерно заявил: «Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их».

Но царь отнюдь не собирался одаривать Карла новым городом. Напротив, он намеревался умножить свои балтийские приобретения, с тем чтобы «ногою твердой стать у моря». Кампания 1704 года принесла русским войскам две знаменательные победы, добытые при самом деятельном участии Петра, — русские овладели Дерптом и Нарвой.

Осадой Дерпта (древнерусского Юрьева) руководил фельдмаршал Шереметев, причем долгое время осаждавшие действовали впустую. Петр узнал об этом, находясь под Нарвой, и тотчас помчался к Дерпту. Прискакал он туда 3 июля, опытным глазом артиллериста и инженера осмотрел крепость и осадные работы и остался крайне недоволен увиденным. Сопровождавший царя Шереметев что-то бормотал в оправдание, но умолк, как только заметил, что распалившийся собеседник закинул голову и его лицо исказилось конвульсией — признак того, что раздражительность царя достигла высшего накала.

Недовольство Петра Шереметев заслужил вполне: вместо того чтобы сооружать апроши против обветшалой и слабо укрепленной стены, которая, по выражению царя, «только указу дожидается, куцы упасть», фельдмаршал распорядился готовить штурм самой мощной стены.

Штурм крепости начался вечером 12 июля. «Сей огненный пир пребывал от вечера даже до другого дни до 9 часов». Описание этого «огненного пира» находим у Петра. В пробитые артиллерией три бреши хлынула пехота. На рavelине штурмовавшие захватили пять пушек и тут же повернули их против неприятеля. Положение осажденных стало

безвыходным. Один за другим погибли четыре шведских барабанщика, пытавшиеся известить о готовности осажденных приступить к переговорам, — дробь барабанов тонула в грохоте сражения. Лишь трубачу удалось приостановить штурм.

Начались переговоры. Петр, надолго запомнивший поведение шведского короля под Нарвой, противопоставил коварству Карла XII великодушие и рыцарское отношение к побежденным. В условиях капитуляции комендант крепости оговаривал право на беспрепятственный выход из города всего гарнизона с офицерами, знаменами, вооружением. Солдат, офицеров и их семьи он просил снабдить месячным запасом продовольствия. Петр от имени Шереметева резонно ответил коменданту: «Зело удивляется господин фельдмаршал, что такие запросы чинятся от коменданта, когда уже солдаты его величества у них в воротах обретаются, и которые так озлоблены, что едва уняты; но когда ты хотел такой аккорд учинить, то надлежало бы наперед то чинить», то есть до начала штурма. Но в знак высокой оценки мужества осажденных Петр все же разрешил оставить офицерам шпаги, а солдатам треть оружия. Убиравшиеся восвояси солдаты и офицеры с их семьями были снабжены просимым месячным запасом продовольствия, а также и телегами, для вывоза имущества^{65}.

Наспех отпраздновав возвращение «праотеческого города» троекратной стрельбой из ружей и пушек, Петр сел на яхту, взял трофейные знамена и штандарты и через Чудское озеро поспешил к Нарве. Насколько туда торопился царь, свидетельствует то, что он вопреки обыкновению отправлять своим друзьям извещения о победе с поля боя послал к ним курьеров только 20 июля, то есть после трехдневного пребывания под Нарвой.

Вслед за Дерптом пала Нарва. Ее осада началась в последних числах мая, но шла вяло: отсутствовала осадная артиллерия. К обстрелу крепости приступили только после того, как были доставлены пушки и мортиры из-под Дерпта и Петербурга. Комендантом Нарвы был тот самый Горн, который командовал гарнизоном крепости в 1700 году. Многие изменилось с тех пор в русской армии, но у Горна, как и у его повелителя Карла XII, представления о ней оставались прежними. Нарвский комендант полагал, что у стен крепости стояла такая же плохо обученная и худо вооруженная русская рать, как и четыре года назад. Когда Горну были предложены почетные условия капитуляции с правом вывода гарнизона, он их отклонил, издевательски напомнив осаждавшим об их прошлом печальном опыте. Гордый и обидный отказ Горна Петр велел прочесть перед войском.

За высокомерие и надменность Горн поплатился дважды. Первый раз царь преподал заносчивому коменданту предметный урок еще в июне. Петр воспользовался советом Меншикова и экипировал несколько русских полков в шведское обмундирование. Они двинулись к Нарве с той стороны, откуда осажденные ожидали помощи от шведского генерала Шлиппенбаха. У стен крепости развернулось инсценированное сражение между «шведами», которыми командовал Петр, и русскими войсками. До Горна доносились звуки артиллерийской и ружейной стрельбы, и он долго разглядывал поле «боя» в подзорную трубу, но подвоха так и не заметил. Видны были синие мундиры солдат и офицеров, желтые и белые штандарты шведской армии. Уверенный в том, что к Нарве подошел долгожданный «сикурс», Горн приказал атаковать русские войска с тыла и тем самым помочь «своим» пробиться к крепости. Вместе с отрядом из гарнизона вышло гражданское население, рассчитывая поживиться всяким добром из русского обоза.

Военная хитрость удалась. Выманенные из крепости шведы были успешно атакованы и понесли значительные потери. Припомним хохот, раздававшийся в шведском лагере и в столицах европейских государств после первой Нарвы. Теперь пришел черед для веселья в русском лагере. Петр бросил крылатую фразу:

— Высокопочтенным господам шведам поставлен зело изрядный нос.

Тщетно и на этот раз искать в письмах царя сведений о его личном участии в этом эпизоде. В двух сохранившихся письмах Петр пишет о случившемся так глухо, что если бы историк не располагал другими источниками, то расшифровать их содержание было бы невозможно: «Что у нас учинилось под Нарвою, какое удивительное дело, о том подлинно уведомитесь от господина адмиралтейца, которой самовидец оному», — писал Петр Тихону Стрешневу. «Я иного не знаю что писать, — делился царь новостью с Кикиным, — точию, что недавно пред сим учинилось, как умных дураки обманули, и, сие рассуждая, не могу больше двух дел выразуметь: первое, что Бог вразумил, другое, что пред их очами гора гордости стала, чрез которую не могли сего подлога видеть»^{66}.

Другой урок комендант Горн получил после успешного окончания 45-минутного штурма Нарвы. Сопrotивление шведов было в такой же мере отчаянным, как и бессмысленным. Русские воины, разъяренные высокомерием шведов и тяжкими потерями, ворвавшись в крепость, не щадили никого, и Петр, чтобы прекратить эксцессы, вынужден был обнажить шпагу против собственных солдат. Виновником кровопролития царь считал Горна, который лишь в последний момент схватил барабан и

бил в него кулаками, сигнализируя о капитуляции. Но было слишком поздно. Не ты ли всему виноват? — спрашивал Петр у Горна. Не имея надежды на помощь, никакого средства к спасению города, мог ли ты не выставить белый флаг? Потом, вынув шпагу, обагренную кровью, Петр сказал: «Смотри, это кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтобы удержать бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством». Царь в сердцах нанес бывшему коменданту увесистую пощечину.

Лаконично, без хвастовства Петр известил друзей о победе. Используя игру слов «Нарва» — «нарыв», он написал Кикину: «Инова не могу писать, только что Нарву, которая 4 года нарывала, ныне, слава Богу, прорвало, о чем пространнее скажу сам»^{67}.

Овладев в течение месяца двумя «праотеческими» городами — Дерптом (Юрьевом) и Нарвой (Ругодевом), Петр, казалось, мог бы позволить себе передышку. Но ему не сиделось на месте. Сначала он из Нарвы в середине августа отправился в Дерпт, захватив с собою генералов и министров. Этот вояж носил воспитательно-поучительный характер, в ходе которого крепостные стены, подкопы и апроши использовались в качестве наглядного пособия. Выполняя обязанности и гида и наставника, царь подробно объяснял слушателям, как происходил под Дерптом «огненный пир». Из Дерпта Петр через Псков и Новгород держит путь на север, куда его влекли два неотложных дела: на Олонецкой верфи надо было присмотреть за строившимися кораблями, а в Петербурге ждали его распоряжений о застройке «Парадиза». Из Петербурга царь мчит в Нарву, чтобы дать там прощальную аудиенцию турецкому послу. Нарву как место церемонии Петр избрал преднамеренно: пусть турецкий посол, осмотрев мощную крепость, сам оценит силу русского оружия. Из Нарвы царь отправляется в Москву. Там он намеревался проводить счастливый для него 1704 год и отпраздновать одержанные победы. В Вышнем Волочке Петр остановился на несколько дней для осмотра Тверцы и Меты, чтобы определить место их соединения. Здесь царь распорядился рыть Вышневолоцкий канал. 14 декабря состоялся торжественный въезд победителей в столицу. Колонну пленных возглавлял генерал-майор Горн, за ним — 159 офицеров. Везли 80 пушек. «Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начал мириться с нововведениями». Эти слова принадлежат Пушкину^{68}.

У Петра было много оснований провожать 1704 год в

оптимистическом настроении. Всего четыре зимы отделяли первую Нарву от второй, но как разительно отличались они друг от друга! Тогда русская армия была способна заниматься «младенческим игранием», теперь она вступила в пору юности. Тогда она потерпела поражение, теперь торжествовала победу. То, что доводилось наблюдать Петру, радовало глаз, и в его письмах 1704 года звучат ранее не встречавшиеся оценки виденного. «Здесь обрели мы людей в добром порядке», — пишет он из-под Дерпта. Из Пскова: «У нас все добро и весело». С Олонецкой верфи: «здесь, слава Богу, все изрядно». Из Воронежа: «Здесь обрели все в добром порядке».

Вести о «добром порядке» Петр стремился сделать достоянием населения. Важнейшим средством пропаганды преобразований и военных успехов стала основанная им в конце 1702 года первая в России печатная газета «Ведомости».

В XVII веке при царском дворе выходили в одном экземпляре рукописные «куранты», сообщавшие заграничные известия для царя и его приближенных. Петровские «Ведомости» были рассчитаны на более широкий круг читателей, разнообразнее стал и перечень освещаемых вопросов. Газета печатала материалы о строительстве промышленных предприятий, поисках полезных ископаемых, военных действиях, о важнейших событиях международной жизни.

В первом номере «Ведомостей» сообщалось: «В Верхотурском уезде из новосибирской железной руды много пушек налито и железа вельми много сделано. И такого мягкого и доброго из шведской земли не привозили для того, что у них такого нет. А на Москве с привозом стал пуд в 12 алтын». А вот заметка о партизанских действиях попа Ивана Окулова в Олонецком крае, опубликованная 2 января 1703 года: «Города Олонца поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в Свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Сумерскую, и Кенсурскую заставы. А на тех заставах шведов побил многое число, и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно. А что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих, а достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег»^[69]. Читатели узнавали из газеты об овладении русскими войсками Шлиссельбургом, Дерптом, Нарвой, о том, что «московские школы умножаются», что в Навигацкой школе «больше 300 человек учатся и добре науку приемлют» и т. д.

Роль пропагандиста преобразований выполнял также театр. Это было новшеством. В предшествующее время театральные представления

смотрели лишь придворные. Теперь 104 зрелища были рассчитаны на широкую аудиторию. Общедоступный театр был создан в 1702 году. Ему Петр поручил прославить победы над шведами. Современник Петра Иван Афанасьевич Желябужский по этому поводу записал: «А на Москве на Красной площади для такой радости сделаны государевы деревянные хоромы и сени для банкета; а против тех хором на той же Красной площади сделаны разные потехи»^{70}.

«Добрый порядок» не ускользнул и от наблюдательного иностранного дипломата. Английский посол Витворт доносил в 1705 году в Лондон о блистательных успехах России, ведомой Петром^{71}.

Цель, ради которой велась война, была достигнута: отвоеван выход к морю, положено начало флоту. Однако никто, в том числе и царь, не предполагал, что салют, которым Москва 14 декабря 1704 года встречала победителей, овладевших Дерптом и Нарвой, будет отделен от салюта в честь победоносного мира еще семнадцатью годами и что ближайшие из них будут самыми тяжкими годами испытаний и надежд.

ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ И НАДЕЖД

В трехлетие, последовавшее за овладением Дерптом и Нарвой, произошло множество событий. Продолжалась война, следовательно, на театре военных действий происходили сражения и стычки, отступления и наступления, поражения и победы. Как и всегда, в условиях войны напряженно работало дипломатическое ведомство: велись поиски путей окончания войны, предпринимались шаги для привлечения на свою сторону новых союзников и удержания старых, бдительно следили за действиями неприятельской дипломатии и старались свести на нет ее усилия.

Народ нес тяжелое бремя. Напряжение его было близко к пределу. Основная тяжесть налогов и поборов легла на плечи крестьянства и городских низов. Для десятков и сотен тысяч людей жизнь становилась невыносимой. Тысячи молодых рук вместо сохи и серпа держали ружья. Ежегодно на строительстве крепостей и гаваней было занято около 17 тысяч принудительно мобилизованных крестьян и горожан. В будничную жизнь трудового населения то и дело вторгались воинские команды, приезжавшие выколачивать недоимки и взыскивать очередной изобретенный прибыльщиками налог. Издавалось множество указов о мобилизации крестьян на всякого рода работы, об очередных и внеочередных призывах рекрутов. Где-то крестьяне отказались повиноваться помещику, и туда срочно снарядили карателей, где-то мздоимец воевода довел своими притеснениями население округа до отчаяния, и оно либо убегало в леса, либо всей деревней со всеми пожитками двигалось в далекую Сибирь или на Дон — вдогонку за ним тоже направляли отряд солдат.

Три события трехлетия выделяются своей значимостью — к ним было приковано внимание Петра, они составили вехи и в его жизни, и в истории страны. На театре войны это знаменитый гродненский маневр русской армии, осуществленный по предписанию Петра, а также выработка Жолквиевского стратегического плана. Во внутренней жизни страны таким событием стало Астраханское восстание.

Год 1704-й принес немало огорчений союзнику Петра — Августу II: саксонские войска с такой же методичностью терпели неудачи, с какой русские одерживали победы. Нисколько не помогли призывы царя к Августу «сочинить» неприятелю «забаву», то есть нанести поражение. Все

попытки саксонского курфюрста добиться успеха неизменно заканчивались крахом: под Клишевом, при Пултуске, под Торунем.

Август II был прозван современниками «Сильным», но его сила никакого отношения к государственным и военным делам не имела. Он был силен физически: гнул тарелки, ударом ножа отсекал голову буйволу, произвел за свою жизнь великое множество детей от целого гарема наложниц. От участия в сражениях он уклонялся, поручая командование войсками своим бездарным генералам.

Поражения саксонских войск ослабили позиции Августа в Польше. 8 июля 1704 года Карл XII созвал в Варшаве сейм, на котором, как он сам выразился, «состряпал» полякам нового короля. Им оказался мало кому известный Станислав Лещинский, молодой человек, как принято говорить, приятной наружности, образованный, воспитанный, но безвольный. Словом, лучшего кандидата, который бы безропотно выполнял роль марионетки, и не сыскать.

Лишение Августа II короны принадлежит к числу тех бесспорных промахов Карла XII, которыми так богата политическая деятельность шведского короля. Действовал он опрометчиво, прямолинейно, не утруждал себя размышлениями о возможных последствиях предпринятого шага.

В противовес Варшавскому сейму, Август созвал в Сандомире сейм из своих сторонников. Сандомирский сейм подтвердил права Августа на польский престол и объявил постановления Варшавского сейма недействительными.

Решения Сандомирского сейма имели больше символическое, чем реальное, значение, ибо их единственным гарантом могли быть вооруженные силы, но Август ими не располагал. Саксонская армия после понесенных поражений была деморализована, и для восстановления ее численности и боевого духа требовалось время. Что касается польской армии, готовой сражаться на стороне Августа, то никто не питал иллюзий относительно ее боеспособности. Войска Августа Сильного были намного слабее войск Станислава Лещинского, который, опираясь на шведскую армию, контролировал большую часть территории Речи Посполитой.

В этих условиях Петр справедливо полагал, что Август II, с которым столь бесцеремонно поступил шведский король, будет привязан к союзу с Россией больше, нежели раньше, ибо только при ее помощи он сможет изгнать Станислава Лещинского и вновь водрузить корону на свою голову. Поэтому царь охотно заключил в только что захваченной Нарве наступательный и оборонительный союз с Августом II, выступавшим на

этот раз в качестве польского короля. Речи Посполитой была обещана ежегодная субсидия в 200 тысяч рублей и вспомогательное войско.

В Польшу русские вошли в качестве союзных войск. Генералу Аниките Ивановичу Репнину, командовавшему 12 полками пехоты и конницы, Петр велел остерегаться «двух дел: 1. чтобы не зело далеко зайти; 2. если вздумает король польский дать генеральный бой со всем шведским войском, на то не поступай, и скажи, что тебе именно дать не велено. В частных битвах содействуй во всем королю, избегая однакож излишней тягости». Вслед за Репниным в Польшу двинулся с пятью полками фельдмаршал Шереметев. Обе русские армии глубокой осенью 1704 года заняли зимние квартиры: Шереметев — в Витебске, Репнин — в Полоцке.

Январь 1705 года Петр провел в Москве, а в феврале отправился в Воронеж, где задержался на два месяца. Там он спустил на воду 80-пушечный корабль, распорядился о сооружении свыше двух десятков военных судов, хлопотал на верфи в качестве корабельного мастера и возвратился в Москву. В начале мая он собрался в Полоцк к своим войскам, но в день выезда заболел. Почувствовав облегчение на следующий день, он отправился в путь, однако оказалось, что «чрездневная лихорадка» протекала в острой форме, и пришлось задержаться в Москве почти на целый месяц.

Петр не отличался богатырским здоровьем. Болел он почти ежегодно, причем болезни приковывали его к постели на продолжительное время. Иногда он пользовался услугами врачей, но, находясь в пути, лечил себя сам и возил с собой аптечку, размещавшуюся в сундучке с многочисленными отсеками. Тут были порошки и микстуры, пузырьки, пробирки и ступки с пестиками.

Оправившись от хвори, Петр прибыл в Полоцк, где его уже ожидали министры, генералитет и два фельдмаршала: Борис Петрович Шереметев и нанятый на русскую службу барон Огильви. Отсутствовал лишь Меншиков, от которого вскоре пришло радостное известие — он успешно отразил нападение неприятеля на Петербург. По этому случаю в ставке Петра «веселились» и тут же за столом обсуждали план кампании. На военном совете было решено отправить в Курляндию 11 полков во главе с Шереметевым. Вскоре от Шереметева была получена весть, если и не вызвавшая уныния, то и не давшая повода для ликования: русские войска постигла неудача при встрече со шведами при Мур-мызе. Шведскими войсками командовал генерал Левенгаупт.

Петр отправил фельдмаршалу утешительное письмо со знаменитой фразой, позже получившей хрестоматийную популярность: «Не извольте о

бывшем нещастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободривать»^[72].

Петру были и тогда ясны причины неудачи: «нещастный случай учинился от недоброго обучения драгун», о чем он многократно напоминал Шереметеву задолго до сражения при Мур-мызе. Со свойственной ему способностью извлекать уроки из ошибок Петр велел Шереметеву довести до сведения каждого солдата и драгуна, что впредь не следует под страхом смертной казни «скакать за неприятелем» очертя голову, но преследовать его шагом.

Неприятный осадок, оставленный «конфузией» при Мур-мызе, вскоре был предан забвению — его заслонили успешные действия русских войск под Митавой и Бауском. Особенно радовало царя овладение Митавой, где русским достались богатые трофеи — около 200 пушек, среди которых были, как писал он, «мортирцы новой инвенции» (конструкции). «Сие место великой есть важности» — так оценил Петр завоеванную Митаву, обеспечившую безопасный проход в Польшу.

Митава капитулировала 4 сентября 1705 года, и не успел еще царь вдоволь насладиться победой, к которой был лично причастен, как пришло поразившее его известие с южной окраины государства: в Астрахани начался бунт стрельцов и горожан.

В советской историографии движение в Астрахани в 1705–1706 годах принято считать городским восстанием. Но к городским восстаниям его можно отнести только потому, что оно происходило в городе Астрахани, а по составу его участников и содержанию требований это был четвертый стрелецкий бунт. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на удельный вес стрельцов, привлеченных к суду. По подсчету Н. Б. Голиковой, всего было привлечено к следствию 292 человека, из которых на долю стрельцов (202 человека) и солдат (53 человека) приходилось 87 %; а на долю посадских — 22 человека или 7,5 %. При этом следует учесть, что стрельцы, стремясь придать бунту характер всеобщего возмущения, привлекали посадских людей к участию в нем силой.

У стрельцов, которых в Астрахани насчитывалось не менее 2500 человек, были серьезные причины для недовольства. Находясь в опале после подавления бунта 1697–1698 годов и последовавшей за ним кровавой расправы, будучи частично записанными в солдаты, но главным образом сосланные в окраинные города для несения гарнизонной службы, они оказались совершенно беззащитными перед хищным и жестоким воеводой Тимофеем Ржевским, а также полковниками и офицерами, большинство из которых были иноземцами.

В 1705 году стрельцам уменьшили на 40 % размер жалованья, увеличили их повинности. Особое раздражение стрельцов вызвали указы о бранобритии и ношении одежды иноземного покроя, тем более что они проводились грубыми методами: бородачей, случалось, лишали бороды прямо на улице, прихватывая при этом кожу, тут же на улице укорачивали платье. Если учесть, что многие стрельцы принадлежали к старообрядцам, то их готовность выступить против администрации становится понятной. Именно среди стрельцов возник заговор, готовивший вооруженное выступление.

Восстание началось в ночь на 30 июля 1705 года выступлением солдат и стрельцов, перебивших около 300 иноземцев и начальных людей. На следующий день на кругу восставшие избрали совет старшин. В него вошли богатый ярославский купец и астраханский рыбопромышленник Яков Носов, земский бурмистр Гаврила Ганчиков и стрелец Иван Шелудяк. На круг был приведен скрывавшийся в курятнике воевода Ржевский и здесь же казнен. Круг отменил введенные при Ржевском налоги, из конфискованной казны выдал стрельцам жалованье и принял меры к расширению района восстания. К восставшим вскоре примкнули Красный Яр, Черный Яр, Гурьев и Терки.

Астраханцы пытались поднять и донских казаков, но войсковой круг в Черкасске не только не поддержал их, но даже выслал двухтысячный отряд казаков в помощь правительству. Не встретили стрельцы поддержку и у жителей Царицына. Слишком узкой и локальной была социальная программа восставших, чтобы их лозунги могли всколыхнуть широкие народные массы. Главное внимание в своем воззвании восставшие уделили протесту против немецкого платья и бритья бороды и лишь мимоходом упомянули о произволе властей и налогах.

О начавшемся восстании в Астрахани царя известил князь Борис Голицын. Первая реакция Петра на полученное известие была такой: «Князь Борис сумасбродным письмом зело нас в сумнение привел». Однако вскоре Петр вполне уяснил серьезность ситуации и предпринял ответные меры: на подавление восстания с театра военных действий во главе пеших и конных батальонов был направлен фельдмаршал Шереметев. Петр руководствовался тут главным образом политическими соображениями.

Поначалу царь хотел уладить дело в Астрахани мирным путем. Лучшей фигуры, чем Шереметев, для исполнения этого намерения не сыскать. Восстание проходило под лозунгом защиты православной веры и против новшеств и иноземцев. В такой обстановке к Астрахани не мог быть послан во главе правительственных войск какой-нибудь офицер-

иностранец. Попытка добиться примирения не могла исходить и от человека, принадлежащего к компании Петра, — Меншикова, Апраксина, Ромодановского. Шереметев лучше всего подходил к роли миротворца прежде всего потому, что имел репутацию человека, не причастного к введению новшеств. Кроме того, он был популярен как полководец, одержавший первые победы над шведами. Наконец, имело значение и аристократическое происхождение Шереметева, оно придавало авторитет его личности в глазах рядовых дворян. На всякий случай Петр приставил к Шереметеву гвардии сержанта Михаила Щепотьева, поручив ему надзор за действиями фельдмаршала. Шереметев оказался в унижительном положении. Он прочитал указ царя: «что он (Щепотьев. — Н. П.) вам будет доносить, извольте чинить».

Еще одной заботой царя было не допустить, чтобы сведения о внутренних неурядицах проникли за пределы России. Упаси Господи, если вести о восстании дойдут до шведского короля, он, конечно же, не упустит возможности воспользоваться затруднительным положением царя. Потребовалось почти полтора месяца, чтобы события в Астрахани стали известны Петру. А если за время, пока курьеры доставляли донесения в Митаву, к астраханцам присоединилось население других волжских городов, если к ним примкнули донские казаки? В Москву следует повеление: «Почты, кои ходят за рубеж и к городу (Архангельску), извольте задержать до времени»^{73}.

В то время как Шереметев по осеннему бездорожью медленно двигался через Москву в Казань, русская армия сосредоточивалась в Гродно — на зимние квартиры. Петр в осенние месяцы 1705 года занимался устройством армии, совершая многократные переезды верхом из Тикотина в Гродно и обратно. Он жаловался: «Во все свое время столько не переездил верхом и прочие тягости понес как сей год». Одно из писем Петра так и помечено: «3 дороги Тикотинской. Писано на лошади»^{74}.

В конце декабря Петр уезжает в Москву, оставив в Гродно армию на попечение фельдмаршала Огильви, но в январе 1706 года получает пока еще не проверенные сведения о том, что шведы движутся к Гродно. Встревоженный царь, несмотря на недомогание, садится в сани и едет к армии. В Вязьме очередной курьер вручил пакет с известиями, развеявшими всякие сомнения: маршрут движения шведского короля точен, и его намерения определены — атаковать русскую армию в Гродно.

Петр сразу же оценил меру опасности, нависшей над русским войском. В Гродно был сосредоточен цвет армии: в общей сложности 40 тысяч

человек, прошедших суровую школу войны, среди них оба гвардейских полка. Потеря этой армии означала бы проигрыш не только кампании, но и всей войны. Если Карл XII, рассуждал царь, бросит под Гродно все силы и блокирует крепость, то русской армии будет грозить гибель от голода. В Гродно летят распоряжения: «Надлежит того смотреть, чтоб неприятель наши войска не отрезал от нашей границы. Лучше здоровое отступление, нежели отчаянное и безвестное ожидание». Петр требует немедленного вывода войск из Гродно, ради быстрого отступления он готов пожертвовать тяжелой артиллерией, затрудняющей марш.

Армия в опасности, и все помыслы Петра прикованы к ней. Восстание в Астрахани отодвинуто на второй план. Общее руководство подавлением восстания он поручает руководителю Посольского приказа Головину, «ибо мне, — пишет Петр, — будучи в сем аде не точию довольно, но гей, и чрез мочь мою сей горести».

До Гродно, однако, царь не добрался. Шведские войска, подгоняемые лютыми морозами зимы 1705/06 года, оказались у стен крепости раньше царя, и его дальнейшее продвижение могло закончиться пленом. Зная темперамент Петра, легко представить себе его душевное состояние. Он находился то в Дубровке, то в Орше, а его армия, с которой нет регулярной связи, не получала столь необходимых ей в это критическое время распоряжений. Петру приходилось пассивно ждать тех удачливых курьеров, которые пробирались через шведские кордоны и доставляли донесения из крепости. Повеления царя, много раз повторенные, вручил Огильви офицер, переодетый в платье польского крестьянина. Головину Петр пишет 31 января: «Бог ведает, как сокрушаемся о том, что нас при войске нет». Репнину в Гродно 6 февраля: «О, зело нам печально, что мы не могли к вам доехать; и в какой мысли ныне мы есть, то Богу одному известно».

Тревожные известия следуют одно за другим, они нагнетают обстановку. В феврале Петр получает донесение о сокрушительном разгроме саксонских войск у Фрауштадта.

Дошедшие до царя подробности сражения при Фрауштадте характеризовали союзное воинство с самой худшей стороны: 30 тысяч саксонцев разбежались при появлении 8 тысяч шведов, которыми командовал генерал Реншильд. Сначала бросилась наутек без единого выстрела саксонская конница, по пути разграбив русский обоз, а пехота, оставшаяся без прикрытия, частью была истреблена, частью охотно сдалась в плен. Соппротивление оказали лишь находившиеся здесь русские полки. Четыре часа они мужественно сдерживали натиск шведов, но силы

были неравны. Шведы проявили невероятную жестокость именно по отношению к русским, зверски убивая раненых и сдавшихся в плен.

Петр, обычно сдержанный в письмах, клокотал от гнева и не жалел эпитетов в адрес союзника. Он сообщает своим друзьям о «баталии саксонских бездельников», о том, что они «яко бездельники явились и наших одних оставили», об «изменной баталии саксонцев». Петра приводила, как он сам говорил, «в Бог весть какую печаль» не только ненадежность союзников, которые трусливо оставили поле боя, чем обрекли горстку русских храбрецов на уничтожение, но и далеко идущие последствия этого поражения: надежды на помощь союзника становились тщетными. «И только дачею денег беду себе купил», — иронизирует Петр в собственный адрес, намекая на то, что союзник дорого ему обходится: Август умел кланяться субсидии и даже при случае обращался к чисто женскому средству воздействия на собеседника — проливал слезы^{175}.

Два вывода извлек для себя царь. Один — частный: саксонцы «хотя бы пришли, то паки побегут и наших пропасть оставят». Другой вывод общий, и он свидетельствует о стремлении Петра строить свои планы на трезвой оценке происшедшего, способности предвидеть логическое развитие событий. Август II еще числился союзником России, но Петр сразу же после Фрауштадта сказал: «сия война на нас на одних будет»^{176}.

Дав выход эмоциям в письмах к друзьям, Петр все же рассудил, что порывать с союзником не следует, ибо даже такой союзник принуждает шведского короля держать против него часть военных сил, которые он бросил бы против России. Царь сделал вид, что ничего трагического не произошло, что Августа постиг всего-навсего несчастный случай. С кем в жизни не бывает? Петр проявляет дипломатический такт: щадя самолюбие «друга, брата и соседа», он поручает своему представителю заявить о верности союзу с ним, а наедине, без свидетелей, посоветовать этому незадачливому «другу, брату и соседу» заменить никчемное саксонское воинство наемными датчанами.

Итак, поражение саксонцев усугубило критическое положение русской армии в Гродно: она не могла рассчитывать на «сикурс» саксонцев и в то же время уже теперь испытывала недостаток в продовольствии. Правда, с продовольствием не лучшим образом обстояло дело и у шведов — разоренная Польша не могла обеспечить им безбедную жизнь. Потоптавшись у Гродно, Карл решил, что его сил недостаточно ни для полной блокады крепости, ни тем более для ее штурма. Он расположил свою армию в 70 километрах от Гродно и время от времени посылал под

стены крепости усиленные отряды. Они должны были препятствовать русскому гарнизону пополнять запасы продовольствия и фуража.

В этой обстановке единственно правильным из всех возможных решений было попытаться вывести русские войска из блокированного неприятелем Гродно. Петр отправляет соответствующее распоряжение Огильви.

Сложилась странная ситуация: царь, находившийся вдали от Гродно, требует немедленного вывода своих войск, а его главнокомандующий барон Огильви, не понимая меры опасности, считает, что с этим можно повременить. У фельдмаршала другой план: ожидать лета. Тогда, рассуждал он, либо сам Карл уберется восвояси от Гродно, либо он не будет страшен, ибо к лету подойдут союзные войска Августа II. «Что же до лета хотите быть, и о сем не только то чинить, но ниже думать» возбранил царь своему главнокомандующему. И сколько ни убеждал Петр фельдмаршала, что летом будет невозможно оторваться от неприятеля, который, «отдохнув и получа корм под ноги», повысит маневренность, втолковать ему эту мысль о гибельных последствиях ожидания лета Петру, кажется, так и не удалось. Огильви, не решаясь послушаться категорических повелений царя, исподволь, но, разумеется, наперекор своей убежденности стал готовиться к выходу из Гродно. Делал он это во имя дисциплины, но без энтузиазма.

Царь, конечно, знал о настроениях Огильви, и если полностью не лишил его доверия, то, во всяком случае, стал относиться к нему сдержаннее и больше полагался на русского генерала Репнина. Он отправляет Репнину повеления через голову главнокомандующего или дублирует их, посылает тому и другому. Репнин даже спрашивал Петра: «что нам делать, когда увидим противное интересу государственному», и просил у него на этот счет тайного указа^[77].

Обвинять Огильви в измене нет оснований. Во всяком случае, сам царь, относившийся к наемникам с известной осторожностью, не разделял подозрений Репнина и считал источником недоразумений между ним, царем, и фельдмаршалом высокомерно-пренебрежительное отношение иностранца к русской армии и ее офицерскому составу.

В те тревожные дни Петру было не до выяснения достоинств и недостатков Огильви, ему во что бы то ни стало надо было вывести свою армию из-под удара. В марте он отправляет в Гродно Меншикова, предварив его приезд повелением находившимся там генералам безоговорочно выполнять любые распоряжения фаворита: «извольте верить ему так, как мне самому». Ослушание приравнялось к измене с вытекающими отсюда последствиями.

Распоряжение царя нуждается в пояснении, кем был Меншиков для царя в эти годы и почему выбор, если так можно выразиться, чрезвычайного уполномоченного пал именно на Меншикова.

Эти годы относятся к зениту дружбы между царем и его подданным. Ни к одному корреспонденту Петр не обращался с такими нежными словами, как к Меншикову: «Мейн фронт» (мой друг), «Мейн бесте фронт» (мой лучший друг), «Майн Герц» (мое сердце), «Мейн Герцекин» (дитя моего сердца), «Майн либсте камарат», «Мейн брудер», «Камарат» — так начинались письма царя к Меншикову. В узком кругу царь называл своего любимца Алексашей или Данилычем. «Если поедете к Алексаше, отдайте от меня поклон», — просит царь Арсеньевых в марте 1705 года. Для остальных Меншиков, пока он не был возведен в княжеское достоинство, был «товарищем» царя. В письме Петра к генералу Боуру от 14 октября 1705 года есть такая фраза: «Удивляюсь, что вы через такое время не пишете ко мне, ибо хотя к товарищу моему и пишете, но он тогда был в отлучке». Федору Алексеевичу Головину царь поручает передать поклон всем, «а паче товарищу». В свою очередь, Меншиков свои донесения царю подписывал просто: «Александр Меншиков», в то время как остальные заканчивали их словами типа: «наипоследнейший раб твой Бориско Шереметев» или: «раб твой, всемилостивейшего государя Ф. Апраксин».

В многочисленные письма царя к Меншикову, в большинстве случаев деловые, вкраплены фразы с выражением печали Петра по поводу разлуки либо упреков в связи с неаккуратными ответами Меншикова: «Гей, зело скучило! Сам можешь рассудить, и если бы не дело держало, вздуритца б мочно», — писал Петр Меншикову в конце сентября 1704 года. В мае 1705 года: «Гей, сколько от болезни, а паче от печали, что время пропадает, також разлучения с вами... Дай, дай, дай, Господи Боже вас видеть в радости». «Для Бога прошу, чтоб чаще вы писали», — умоляет царь Меншикова в апреле 1706 года. Нередко Петр вызывал Меншикова к себе для неотложных разговоров либо сам ехал к нему: «Великую имеем нужду в приезде вашем» или: «Желаю от сердца вас видеть вскоре».

Царь часто одаривает своего любимца подарками, посылает ему то собственной работы табакерку, то сукно на мундир, проявляет заботу о его здоровье. В ноябре 1707 года он пишет супруге Меншикова: «Откормите Даниловича, чтоб я не так его паки видел, как в Меречах».

Фаворит царя был человеком высокого роста, стройным. На портрете начала XVIII века художник изобразил удлиненное, с крупными чертами лицо, волевой подбородок. Роскошный парик подчеркивает выпуклый лоб, из-под которого смотрят умные живые глаза. Меншиков имел тягу к

роскоши, великолепно одевался, отличался опрятностью, держал лучшую в Петербурге кухню. Но расположение царя Меншиков снискал не этими качествами и даже не тем, что был аккуратным исполнителем царских повелений. Петру импонировали прежде всего неиссякаемая энергия и проявляемая повсюду инициатива Меншикова, его деловитость, несомненный талант организатора. Неграмотный человек, до конца дней своих научившийся всего лишь ставить разборчивую подпись под документом, Меншиков тем не менее умел справляться со всеми поручениями, вкладывал в дело всего себя — был ли то лихой налет на неприятеля или управление вновь присоединенной территорией. Личная отвага Меншикова была вне подозрений, в течение войны он часто находился под градом пуль, но они щадили его. За мужество при осаде Нотебурга он получил должность губернатора шлиссельбургского, за сражение с шведскими кораблями в устье Невы одновременно с царем был награжден орденом Андрея Первозванного, а после основания Петербурга — назначен петербургским губернатором.

Вместе с фавором росло и влияние Меншикова при дворе. Отсутствием честолюбия князь не страдал, властности у него тоже было с избытком. И тем и другим он пока распоряжался в пределах допустимого, но это допустимое далеко превосходило то, что позволяли себе прочие сановники. Там, где не было царя, повелевал его именем Меншиков.

Посылая Меншикова, в Гродно, царь был уверен, что Данилыч лучшим образом выведет войска из крепости. Меншиков, однако, опоздал. Он встретил армию, когда та уже оставила Гродно. Знаменитый гродненский марш-маневр, до деталей разработанный Петром, обнаруживает в авторе плана незаурядные полководческие дарования. Царь уклонился от генерального сражения в невыгодных условиях и сумел сохранить армию, не понеся никакого урона.

Петр предписал оставить Гродно и преодолеть Неман в дни, когда вскрыется река. «Выступить из Гродно надлежит зело тайно таким образом: прежде всего поставить караул такой крепкий, чтоб из жителей никто не мог не только выйти, даже выползти; в то время собраться как возможно скоро тайно»: с собой надлежало брать только полевые пушки, а тяжелую артиллерию бросить в заранее приготовленные проруби. Главная цель маневра — сохранить солдат. Репнину царь писал: «Хотя б нужное что и во артиллерии какое было, не жалея ничего; что возможно береги людей»^{78}.

Вечером 24 марта 1706 года русские войска вышли из крепости, переправились на противоположный берег и, останавливаясь лишь для ночлега, через 12 дней достигли Бреста. Здесь армия получила дневной

отдых.

Карл, узнав о выходе русской армии из Гродно, целую неделю вынужденно бездействовал: шведский мост был разрушен ледоходом, и, пока его восстанавливали, русские ушли так далеко, что догнать их уже не представлялось возможным.

О благополучном осуществлении задуманного плана Петру стало известно, когда он находился в Петербурге. Воспринял он новость, по собственному признанию, «с неописанною радостью, а до того хоть и в раю (то есть в Петербурге) жили, однакож на сердце всегда скребло».

Груз томительного ожидания неизвестности был свален с плеч, армия находилась вне опасности. Она держала путь к Киеву, туда же спешил и царь. Он ожидал вторжения шведских войск и, прибыв в Киев, начал срочно возводить Печерскую крепость. Карл, однако, отложил поход на Россию. В июле 1706 года шведский король повел свою армию на запад добивать Августа II. Петр облегченно вздохнул — он получил еще год передышки.

К этому времени Шереметев подавил бунт в Астрахани. Выше уже отмечалось, что первоначально Петр делал ставку на мирное урегулирование конфликта. Но такое развитие событий, к которому была склонна и делегация стрельцов, отправленная к царю, не устраивало фельдмаршала, и он сознательно провоцировал астраханцев на вооруженное сопротивление. Силы, однако, были не равны.

12 марта 1706 года войска Шереметева подошли к Астрахани и на рассвете следующего дня начали штурм. Астраханцы встретили штурмовавших огнем из пушек, но, теснимые превосходящими силами, сначала укрылись в кремле, а после того, как артиллерийский обстрел вызвал пожар в крепости, вынуждены были сдаться. Вслед за падением Астрахани правительственные войска заняли без сопротивления Красный Яр и Гурьев. Опасаясь, что крутые меры вызовут новую вспышку недовольства, царь не спешил с расправой. По его предписанию Шереметев исподволь арестовывал руководителей движения, тайно собирал сведения о них. Затем были взяты под стражу активные участники восстания. Всех их отправили в Москву в Преображенский приказ, где «князь-кесарь» Ромодановский около двух лет вел жестокое следствие.

Видные организаторы восстания были колесованы, многие умерли от пыток, в том числе и Яков Носов, а около 300 погибло на эшафоте и виселицах.

Хотя восстание и было подавлено, оно все же оказало влияние на внутреннюю политику правительства, правда кратковременное. Поскольку

восстание было вызвано ростом налогов и произволом местных властей, царь велел прекратить в ряде уездов сбор недоимок и отменить некоторые поборы. Последовал указ, временно приостановивший запрещение носить русское платье и бороду.

Осенью Петр лишился своего единственного союзника — Августа II. В том, что рано или поздно это должно было произойти, царь едва ли сомневался, его обескуражил не столько сам факт выхода саксонского курфюрста из союза, сколько его бесчестное поведение. Петр хорошо знал, что Август II был труслив, эгоистичен, любил удовольствия и не утруждал себя заботами. Но что король в дополнение к этому был еще и коварен, в этом Петр имел случай убедиться только в ноябре 1706 года.

Карл XII вторгся в Саксонию, занял Лейпциг и Дрезден. Положение Августа II стало критическим: с его головы уже слетела польская корона, нависла угроза лишиться и короны саксонской. Спасая эту последнюю, Август решил капитулировать, но отдался на милость победителя втайне от Петра. Более того, некоторое время ему удавалось быть слугой двух господ — он делал вид, что остался верным союзником Петра, и одновременно за его спиной заискивал перед Карлом XII. «Королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами на глазах на одине у меня просил, понеже так обнищал, что есть нечего», — доносил Меншиков царю 26 сентября 1706 года. Петр по личным наблюдениям и донесениям своих дипломатов знал, как Август распоряжался полученными субсидиями. Польская казна была пуста, но король не ограничивал себя в тратах на содержание дам, метресс, оперного театра и т. д. И все же царь отвечал Меншикову: «Сам можешь знать, каковы деньги, и как их у нас мало; однакож, ежели при таком злом случае король сохранит постоянство, то, чаю, надлежит его во оных крепко обнадежить».

Ни Меншиков, которого растрогали слезы коронованной особы настолько, что он выложил 10 тысяч ефимков, ни тем более Петр, находившийся вдали от места событий, не подозревали, что в тот самый день, когда Август клянчил деньги, его уполномоченный сидел в ставке шведского короля и вел переговоры об условиях мира. Собственно, то, что происходило при встречах представителей Августа II и Карла XII, переговорами назвать нельзя. Шведы продиктовали условия, а саксонская сторона их приняла. По Альтранштадтскому мирному договору Август отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, разрывал союзные отношения с Россией, обязывался содержать в течение всей зимы шведские войска. Договор зарегистрировал еще одно, несомненно предательское, обязательство Августа — он должен был

выдать шведам не только находившихся в плену их соотечественников, но и вспомогательное войско русских.

Альтранштадтский мир был подписан 19 октября 1706 года, а днем раньше произошло событие, едва не расстроившее коварные планы Августа. Он в это время находился в ставке Меншикова под Калишем и вынужден был вопреки своей воле участвовать в сражении, которое князь дал шведам. Победа русско-саксонских войск была полнейшей, они разгромили отряд шведов и взяли в плен его командира генерала Марденфельда. Когда Карлу донесли о том, что его новый вассал участвовал в разгроме шведов, тот пришел в бешенство. Августу все же удалось выпутаться. Карла успокоило не столько объяснение Августа, сколько то, что он привел с собою шведов, взятых в плен Меншиковым под Калишем. Помимо Марденфельда, к Карлу XII были отпущены четыре полковника, пять подполковников, четыре майора и много других офицеров. Шведов Август выманил у князя обещанием обменять их на русских пленных, но, как и следовало ожидать, обманул. В Варшаве Август отметил победу русско-саксонских войск над шведами торжественным молебном, а вслед за тем отправился в Лейпциг и отдался на милость Карлу. Там он пировал уже в обществе двух своих новых друзей — Карла XII и Станислава Лещинского.

Треволнения, пережитые Петром в течение двух лет, следовавших за второй Нарвой, сменились относительно спокойным 1707 годом. В этом году не производились ни осады, ни штурмы крепостей, не происходило полевых сражений, не отмечено и значительных событий внутри страны. Этот год был годом, если так можно выразиться, черновой работы, быть может, неброской по сиюминутным результатам, но крайне необходимой, ибо этой работой закладывался фундамент будущих побед.

Главная армия Карла XII после походов 1706 года пожинала плоды капитуляции Августа II — в богатой Саксонии шведское воинство вело сытую жизнь, начисто грабя ее население.

Петру было очевидно, что шведский король засел в Саксонии надолго, что, во всяком случае, он в зимние месяцы ее не покинет и будет там находиться ровно столько, сколько потребуется, чтобы откормить изголодавшихся солдат, заменить их изодранные мундиры и башмаки новыми, обучить военному ремеслу рекрутов, прибывших из Швеции.

Было очевидно и другое — отдохнувшую и пополненную армию Карл теперь двинет на Россию. Если до капитуляции Августа помыслы шведского короля о походе на Восток сдерживала необходимость оглядываться на Запад, то теперь основания для беспокойства о своем тыле

у Карла исчезли. Северного союза более не существовало, и Петр неустанно внушает своим помощникам мысль, что раз «сия война над одними нами осталась», то необходимо прилагать все силы к тому, чтобы неприятель не застиг нас врасплох.

Эти приготовления мало волновали шведов. Сидя в Саксонии, они рассуждали так: «мышам живется вольно, когда кошки нет дома. Стоит только шведам вернуться — московиты побегут, как под Нарвой, и запрячутся в свои мышьи норы».

Петр остался верным своей привычке находиться там, где его ждали самые неотложные дела. Ритм его жизни в этот спокойный год не изменился. Как и раньше, он много ездил, причем, как и раньше, нигде не засиживался. Исключение составляла лишь Жолква, где он встретил новый, 1707 год и пробыл четыре месяца. Выехав из Жолквы 30 апреля, царь еще долго колесил по территории Польши: побывал в Люблине, Варшаве, Тикотине, Гродно, Мерече, Вильно, вновь в Мерече. Все это время он внимательно следил за перемещением шведской армии. В июле шведы еще находились в Саксонии, и Петру казалось, что о «выходе их сюда уже мало надежды является, чему и время уже оказывает». Но уже в августе царю стало известно: «соседи наши двинулись». Куда двинулись, каковы намерения шведского короля в преддверии наступающей осени, Петр не знал. На всякий случай распорядился, чтобы армия была готова к походу. Меншикову он пишет: «если неприятель перейдет Вислу, тотчас поеду к вам, понеже, истинно, трудное мое житье и лучше с вами быть», нежели писать распоряжения издаека^{79}.

Карл тронулся из Саксонии 6 августа, но, ко всеобщему удивлению, простоял на левом берегу Вислы четыре месяца. Убедившись в том, что шведы не обнаруживали никаких признаков подготовки к походу на Восток, царь решил хотя бы одним глазом взглянуть на то, что делалось в Петербурге. Туда он прибыл 23 октября, остался, кажется, доволен увиденным. «Здесь в Ингерманландии все в изрядном течении дел обрели», — делился он своими впечатлениями с Меншиковым после осмотра Шлиссельбурга и трехдневного пребывания в Петербурге. 7 декабря царь отправился в Москву, где прожил ровно месяц — 6 января он уже вновь находился в пути к армии, расквартированной в Польше.

Полезные действия измеряются, конечно, не километрами преодоленного расстояния, и если мы здесь коротко изложили маршрут царя за 1707 год, то с единственной целью обратить внимание на то, что тысячи километров пути тоже требовали времени и сил. Правда, в 34 года тяготы переездов были ему еще посильны, но на здоровье они отражались.

В августе 1707 года, находясь в Варшаве, Петр вновь заболел, и, видимо, очень тяжело. Сам он об этой болезни писал так: «Я только футов на пять был от смерти: в самый Ильин день уже и людей не знал, и не знаю как Бог паки велел жить — такова была жестокая фибра (то есть лихорадка), от которой теперва еще вполы в себя не могу притить»^[80].

Попытаемся проследить, чем занимался в течение года царь, как он готовил страну и армию к отражению нашествия шведов, где его постигали неудачи и где сопутствовал успех.

Бесценные сведения на этот счет содержатся в опубликованных письмах и бумагах Петра. Но и они лишь в малой степени отражают деятельность царя — отчасти потому, что далеко не все написанное Петром сохранилось, но главным образом потому, что эта деятельность не всегда регистрировалась письменными источниками.

Письма, записки, указы и распоряжения охватывают обширный круг вопросов, в которые вникал царь. На первом плане, несомненно, заботы об укомплектовании, вооружении и обучении армии, а также строительство укреплений. Адъютанты Петра все время в пути. Они доставляют распоряжения Петра то одному, то другому должностному лицу: «учреди у себя один добрый полк конницы», «отошли немедленно в Москву ведомость, сколько надо рекрутов», «призвать ныне для войны тысячи две калмыков», «учреди в пехоте во всяком батальоне осьмую долю солдат с копьями», «изготовить 15 тысяч штук железных наконечников», «прислать 10 тысяч мушкетов и 1325 фузей», «неоплошно собирать налог для покупки лошадей в драгунские полки» и сотни еще таких же кратких повелений. Иногда царь требует сведений от исполнителей. «Во всем войске пешем телеги, лошади и прочее, что к походу надлежит, все ль в готовности?» — спрашивает он у Шереметева.

Содержание распоряжений Петра показывает его колоссальную память и внимание к мелочам. Царь пользовался записными книжками, и с годами они все более заполнялись лаконичными заметками о том, что предстояло сделать, какие надо отдать распоряжения. Иногда эти заметки ждали претворения в жизнь многие годы, ибо условия не благоприятствовали тому, чтобы взяться за осуществление торопливо записанного намерения. Но царь очень многое помнил и без записной книжки, помнил имена офицеров и солдат, держал в голове свои предшествующие указы и распоряжения, знал, где и что лежит в обширном государственном хозяйстве. «Отпиши в Смоленск, — велит он генералу Алларту, — чтоб прислали водою, как Двина воскроется, из тех рогаток, что вывезли из Полоцка в Смоленск прошлого году».

Царь, как и многие люди с цепкой памятью, не всегда умел освобождать голову от сотен мелких наблюдений и впечатлений. Они вызывали уйму мелких распоряжений, предписаний, которые могли исходить и не от царя. Петр, например, повелел, чтобы копья изготавливались именно из соснового или елового леса и с утолщенной рукояткой или чтобы на полковых знаменах уменьшили размер изображения шпаги, а для фона использовать вместо белой голубую тафту. В октябре сын Григория Федоровича Долгорукого Алексей отправлялся за границу для обучения военно-морскому делу. Подобные командировки уже утратили исключительность, и Петр мог бы освободить себя от необходимости составлять княжескому отпрыску персональную инструкцию. Царь не поленился. Отчасти из уважения к знатному роду, отчасти из стремления вникать во все мелочи, но он изложил целую программу обучения. «Учить навигацию со всем, что ко оной надлежит», с октября по апрель, а в остальное время «ездить на море на воинских кораблях для искушения, ибо морское хождение вскоре познать невозможно». Желательно также научиться голландскому языку. «А в протчем дается воля, что еще учить похочет, однакож по совершении вышеписанного». Исполнителей Петр приучил к своей манере опекать в мелочах, и те докучали царю делами, с которыми могли бы справиться самостоятельно. Ромодановский, например, допытывался у Петра, какой размер штрафа взимать за несвоевременную доставку артиллерийских припасов. Царь отмахнулся от прямого ответа и сделал «князю-кесарю» внушение: «Прошу вас, дабы о таких делах и подобных им изволили сами решение чинить, а здесь, истинно, и без того дела много».

Исполнение предписаний царь проверял во время смотров. Путь из Жолквы в Варшаву он преодолевал целый месяц, так как производил смотр пехотным и драгунским полкам. Ходом подготовки армии царь остался доволен. «Войски наши, слава Богу, в добром состоянии и непрестанно их приуготовляем», — писал он Кикину.

Повседневные хлопоты об армии дополнялись более общими заботами о составлении плана обороны на случай похода Карла на Россию. 20 марта Шереметев получает предписание: «По отправлении нужнейших дел (которые потребны к будущей кампании), к празднику извольте приезжать сюда с господами генералами, с Репниным и протчими, кому свободно, где можем вместе определить все, что не исправлено». «Ради нужных советов к предбудущей кампании» в Жолкву были вызваны генерал Алларт, инженер Василий Корчмин и др. Под указами стояла подпись: «Петр». Это царь созывал военный совет, или, как тогда говорили, консилиум. То был не

первый военный совет, созданный в течение Северной войны. Накануне штурма крепости или перед сражением царь всегда созывал совет для определения диспозиции частей и последовательности их участия в операции. На этот раз к Пасхе были вызваны генералы и министры, чтобы решить, «давать ли с неприятелем баталию в Польше или при своих границах». Все высказались за то, чтобы «дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет», а в Польше надлежало «томить неприятеля» нападениями мелких отрядов, стычками на переправах, а также уничтожением провианта и фуража. Жолквиевский стратегический план лег в основу военных действий русской армии вплоть до Полтавской виктории.

Энергично готовя армию к будущим битвам, Петр одновременно искал пути к миру. Еще в начале 1706 года он как-то сказал голландскому резиденту: «Эта война мне тяжка не потому, чтоб я боялся шведов, но по причине такого сильного пролития крови христианской; если, благодаря посредничеству Штатов и высоких союзников, король шведский склонится к миру, то я отдам в распоряжение союзников против общего врага (то есть Франции) тридцать тысяч моего лучшего войска».

Запись слов царя находится на совести резидента Голландских штатов. Петр либо бравировал, либо вел дипломатическую игру с резидентом, когда заявлял, что он шведов не боится. Шведов в 1707 году боялась вся Европа. Перед своенравным, капризным и мстительным шведским королем заискивали и морские державы во главе с Англией, и противница морских держав в войне Франция. И царь, конечно, знал, что испытываемые им трудности на дипломатическом поприще были обусловлены прежде всего страхом европейских держав перед Карлом и низкой оценкой боеспособности русских войск. Европа долго находилась под впечатлением катастрофы под Нарвой и туго воспринимала факт, что русские войска уже научились бить шведов.

В начале 1707 года Петр лично обращается к датскому королю Фридрику IV и прусскому королю Фридриху I с просьбой о посредничестве при заключении «доброго мира» с Швецией. Понимания этот призыв не встретил даже у бывшего союзника — Дании. Что касается Фридриха I, то он предпочитал, как позже было записано в «Истории Свейской войны», в «тишине пребывать», ибо знал, что войска шведского короля находятся совсем рядом с Пруссией — в Саксонии.

Не встретила поддержки идея посредничества и у французского двора. Уполномоченный, которому было поручено вести переговоры в Париже, доносил: «Когда в Париже хлопотал я о посредничестве к примирению

царя с королем и удивлялся, что Франция так холодно слушает выгодные условия Российского государя, не взирая на то, что он имеет армию в 80 тыс. человек, маркиз де Морей отвечал: «в этой армии 80 тысяч трусов, их разобьют 8 тыс. шведов». Отказ французского правительства от роли миротворца был обусловлен не только высокомерно-пренебрежительным отношением к военной мощи России, но и опасениями, что шведский король после заключения мира может выступить на стороне морских держав против Франции.

Наконец, Петр пытался склонить к посредничеству и союзу Англию. Осенью 1706 года он назначил послом в Лондоне талантливого дипломата Андрея Артамоновича Матвеева. Царь возлагал на миссию Матвеева большие надежды и, обращаясь к нему с напутствием, писал: «сие дело великое вручено вам», и обещал дипломату в случае успешного выполнения поручения «немалое воздаяние». Петр тщательно изучил составленную для Матвеева инструкцию, нашел ее «изрядно написанной» и внес лишь несколько дополнений. По поручению царя Матвеев должен был заявить в Лондоне о готовности России вступить в союз морских держав и предоставить англичанам выгодные условия торговли. Царь, конечно, знал о вывозе из России в Англию мачтового леса, пеньки, смолы и поэтому поручил Матвееву убеждать англичан в том, что в «пристанище» на Балтийском море заинтересована не только Россия, но и Англия, корабли которой могли бы достичь русских портов по кратчайшему пути.

Инструкция предоставила Матвееву еще одно средство воздействия на членов английского правительства — подкуп. В дипломатической практике тех времен подкупы в форме пожизненного пенсионера, дорогих подарков и единовременной выдачи крупных денежных сумм были распространенным явлением и не очень осуждались. Матвееву, в частности, поручалось разузнать о возможности подкупа фаворита английской королевы герцога Мальборо.

Царь знал о несметных богатствах герцога и очень сомневался, что его удастся купить: «Не чаю, чтоб Мальбруха дачею склонить, понеже чрез меру богат; однакож обещать тысяч около двухсот или больше»^{81}. Мальборо рассудил, что не стоит пренебрегать обещанными царем 200 тысячами ефимков, и решил поторговаться в размере вознаграждения. Обнаружив алчность «Мальбруха» и его готовность всерьез делать дело, Петр соглашался увеличить оплату услуг герцога: за помощь при заключении «добротого мира» с Швецией ему был обещан титул князя и доходы в размере 50 тысяч ефимков с одного из трех княжеств: Киевского, Владимирского или Сибирского. В дополнение к этому царь обещал

Мальборо подарить рубин такого размера, подобного которому «или нет или зело мало» сыщется во всей Европе. Обещан ему был и орден Андрея Первозванного.

Дальше этих предварительных переговоров дело не пошло, и реальных последствий флирт с Мальборо не имел. Герцог не получил ни доходов с какого-либо «княжества», ни рубина небывалых размеров, а Петр не получил желаемого им «доброего мира». У Англии были такие же опасения, как и у Франции. Влияния фаворита на королеву оказалось недостаточно, чтобы принудить правительство Англии поступиться коренными интересами страны. В Лондоне, как и в Париже, допускали, что Карл, развязав руки на Востоке, использует армию там, где он считает выгодным для себя, а не для французов или англичан. Существовали подозрения, что Карл намеревался двинуться против союзника Англии — Австрии.

Что царь подразумевал под «добрым миром» в 1707 году? Он рассуждал так. Карл ни в коем случае не согласится оставить за Россией все ее приобретения в Прибалтике, и поэтому на начальном этапе переговоров надо уступить шведам Дерпт. Если, однако, шведы не удовлетворятся этим, то им можно предложить за оставленные за Россией Нарву и Петербург денежную компенсацию. Крайняя уступка, на которую «по самой нужде» соглашался пойти царь, — вернуть шведам Нарву. Что касается Петербурга, то об «отдаче оногo ниже в мысли иметь», даже думать об этом запрещал царь. Петр готов был довольствоваться малым — крохотной территорией, обеспечивавшей выход к морю.

Заключение мира зависело не только от желания царя и желания европейских дворов посредничать при переговорах, но и от намерений шведского короля. А он о мире с любыми территориальными уступками и слышать не хотел. В Стокгольме французскому послу, зондировавшему почву относительно мирных переговоров, сказали: «Король помирится с Россией, только когда он приедет в Москву, царя с престола свергнет, государство его разделит на малые княжества, созовет бояр, разделит им царство на воеводства». На меньшее Карл не соглашался! Не забыл он и о том, что надо должным образом вознаградить генералов, участвовавших в завоевательном походе. Еще находясь в Саксонии, король щедро раздавал доходные должности своим военачальникам. В московские губернаторы он прочил генерала Шпарра.

Отзвуки страха Западной Европы перед шведским королем были отчетливо слышны и в Польше. Царь неспроста сосредоточил свою армию в Польше и сам четыре с лишним месяца сидел в Жолкве, откуда трижды ездил во Львов, а затем отправился в Варшаву. Его цель состояла в том,

«дабы оставшуюся без главы Речь Посполитую удерживать при себе», то есть поддержать те силы в Польше, которые не признавали королем навязанного им Станислава Лещинского, отрицали законность Альтранштадтского договора и оставались верными союзу с Россией. Сторонников заключенного в Нарве союзного договора с Россией в Польше было немало, и расположенные там русские войска, а также присутствие Петра активизировали их борьбу с шведами и их ставленником Станиславом Лещинским. Но Петру очень хотелось иметь вместо свергнутого Августа II и мало кем признаваемого Станислава Лещинского настоящего польского короля, «единодушно всеми гражданами избранного», как было сказано в обращении царя к населению Речи Посполитой. Здесь Петра постигла неудача. Он поочередно предлагал корону двум братьям Собесским, австрийскому фельдмаршалу Евгению Савойскому, венгерскому князю Ференцу Ракоци, но никто из них не принял предложения; «должность» короля так и осталась вакантной. Кандидаты на польский трон считали, что, водрузив корону на свою голову, можно остаться вовсе без головы, ибо Карл XII, конечно, не потерпел бы того, чтобы существовал иной король, кроме Станислава Лещинского.

В таких военных и дипломатических заботах прошел 1707 год; успехи чередовались с неудачами, напряжение — с кратковременными передышками. Эти заботы, надо полагать, измотали Петра. Во всяком случае, царь стал раздражительным, в нем вновь проявлялась жестокость, явные следы которой будто бы исчезли после расправы над стрельцами. В 1707 году он еще сдерживал себя, быстро отходил и, чувствуя неловкость, искал примирения, как бы извинялся, тем более что жертвами гнева становились люди, которых он ценил.

Царь рассердился на Апраксина за то, что тот не наказал воевод, доставивших рекрутов не в том количестве, которое им было предписано. Адмиралу было отправлено письмо с выговором: «Что вы не сделали ничего тем воеводам, которые вам не по указу довели людей, а отваливаете сие на московские приказы, которые в добро не может причтено быть, но точию двум делам: или лености или не хотите рассориться». Спустя несколько дней оскорбленный Апраксин получил новое письмо. Царь просит забыть обиду: «Скорбите о том, что я вам писал о воеводах, и в том для Бога печали не имейте, ибо я истинно не с злобы к вам, но в здешнем житье хотя что малая противность покажется, то приводит в сердце». В другом письме еще одно утешение: «что ваша милость просите прощения, и то долго у меня не живет». Этим инцидент был исчерпан. Но вот другой инцидент имел продолжение, отразившееся в указе.

Ответственным за ремонт и сооружение дополнительных укреплений в Кремле и Китай-городе на случай прихода к Москве шведов царь назначил Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, одного из своих образованнейших сподвижников. Мусину-Пушкину было велено передать боярам, чтобы они до начала работ выслали из Москвы в Стокгольм шведского резидента Книпперкрона, интернированного еще в начале войны. Царь опасался, что наблюдения резидента над тем, что происходит в Москве, тут же станут известны шведскому королю. И вдруг Петр узнает, что работы уже начались, а резидент спокойно живет в Москве. Мусину-Пушкину царь пишет: «Зело удивляюсь тебе, понеже я чаял, что есть ум у вас, а ныне, как вижу, что скота глупее». Царь выразил недовольство и тем, что в письме отсутствовало обычное к этому корреспонденту обращение: «Bruder». В очередном письме, отправленном три дня спустя, есть миролюбивая фраза царя: «Прежним письмом вашим я гораздо не доволен: впредь так не делайте, братец». Это «братец», как и «Bruder» в начале письма, показывают намерение Петра смягчить допущенную ранее грубость и сделать вид, что ничего существенного не произошло. Но в конце июня царь вновь возвращается к строительству Московской фортеции и Книпперкрону: «Я зело удивляюсь, что не так делается, как указ дан. Уже довольно и той лай (то есть ругательства. — Н. П.), которую пред сим писал, а ныне не знаю, что и делать».

В конечном счете Петр придумал, что ему делать. Он отправляет в Москву гвардейского офицера с поручением расследовать, кто и как осмелился не выполнить его категорического предписания о высылке из столицы Книпперкрона. Когда офицер доставил материалы расследования Петру, тот убедился, что заседания бояр, на которых обсуждалось это предписание, не протоколировались, постановления не записывались, не регистрировались и мнения. В итоге виновных не оказалось. Показания допрошенных бояр изумляли непосредственностью и простодушием. Один из них заявил: «помянутого резидента Книппера потеснить или б силою послать не смели, а городовым делом (то есть ремонтом Кремля. — Н. П.) по тому ж умедлить не посмели».

Царь тут же велел написать «князю-кесарю» Ромодановскому указ: «Изволь объявить всем министрам, чтобы они великие дела, о которых советуются, записывали, и каждый бы министр подписывался под принятым решением, что зело надобно». Прочитав эти слова, выведенные четким канцелярским почерком, Петр в сердцах внес собственноручное дополнение: «и без того отнюдь никакого дела не определять, ибо сим всякого дурость явлена будет»^[82].

МАТЬ ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛИИ

Новый год Петр, как и всегда, встретил в Москве. «Молю Бога, чтобы в этом году он даровал благополучный исход дела нашего», — писал царь Меншикову в новогоднем поздравлении. Он полагал, что именно в этом, 1708 году произойдут решающие события войны и наступит развязка. Что она ему сулила?

Мощь грозного неприятеля Петр оценивал без всяких иллюзий, превратность войны признавал тоже. Об этом свидетельствуют два его распоряжения накануне отъезда в армию. Одно — продолжать укрепление Московской фортеции и пополнить ряды ее защитников рекрутами. Другое носило сугубо частный характер — в случае своей гибели он велел выдать Екатерине Василевской, то есть будущей супруге, 3000 рублей.

Легкий на подъем, имевший обыкновение покидать столицу совершенно неожиданно для окружающих, отправляться в далекий путь не из своего дома, а будучи у кого-нибудь в гостях, Петр не изменил себе и на этот раз. Выехал он из Москвы в ночь на 6 января, не дождавшись окончания новогодних празднеств. Не останавливаясь ни в Смоленске, ни в Минске, царь на неделю задержался лишь в Дзенциолах, где на зимних квартирах располагались главные силы русской армии, которыми командовал Меншиков. Здесь 19 января было получено известие, что шведский король с частью армии двинулся к Гродно; другая часть армии двигалась к Дзенциолам. В тот же день Петр отправляется в Гродно «для расположения войск наших к разрушению намерений неприятельских», как он сам определил цель своей поездки.

Общая численность русской армии к этому времени превышала 100 тысяч человек, в то время как в распоряжении 130 шведского короля было 63 тысячи. Но силы сторон определялись не только арифметикой.

Шведская армия в отличие от русской прошла долгий боевой путь, располагала вымуштрованным рядовым и офицерским составом, который верил в неизменные успехи своего полководца. Карл XII имел и еще одно преимущество: инициатива была в его руках, наступал он, а не Петр, и последнему приходилось свои действия соотносить с действиями короля, парировать его выпады ответными мерами.

Куда, в каком направлении двинет армию Карл XII от Гродно? На север — в сторону Риги, Пскова и Петербурга, или на запад — к Смоленску, Можайску и Москве? Об этом в январе не знали ни Петр, ни его генералы.

Впрочем, не знал об этом и сам Карл XII, подходя к Гродно из Саксонии, — окончательное решение предпринять марш на Москву созрело у него месяца полтора спустя. Отсутствие сведений о стратегическом плане шведского короля ставило перед Петром ряд дополнительных трудностей: надо было быть готовым к движению шведов в любом из двух направлений.

Не располагал Петр и точными данными о повседневных перемещениях неприятельской армии, хотя этого рода сведениям придавал первостепенное значение. С присущим ему умением облекать мысли в чеканные фразы Петр сказал, что знание намерений неприятеля «есть главнейшая вещь на войне». Этой-то «главнейшей вещи» ему сейчас и недоставало.

Петр прибыл в Гродно 22 января 1708 года. В этот день он отправил семь написанных им самим распоряжений Шереметеву: «Сего часа получили мы 4-х языков свейских, которые согласно сказывают, что вчерась шведы за двенадцать миль отселе реку переправились и завтра чаем их к здешнему мосту». В тот же день, но несколькими часами позже Петр извещает другого корреспондента: «неприятель уже отсюда во шти милях обретаецца». В ожидании подхода шведской армии царь приказал Шереметеву двигаться из Минска в Борисов, а Репнину — к Вильно и Полоцку. Войскам велено было на пути отступления все предавать огню, чтобы неприятелю не оставить надежд на получение продовольствия и фуража.

23 января неприятель к Гродно не подошел. На следующий день Петру стали известны новые данные о противнике: он ночью «повернулся назад, а куды — не ведаем». То ли это был обманный маневр Карла, то ли он решил вернуться на зимние квартиры.

В соответствии с изменившейся обстановкой 24 января к генералам мчатся курьеры с новыми предписаниями. Репнину: «Где тебя застанет сие письмо, остановись и ничево жечь и разорять до указу не вели». Генералу Чамберсу: «Когда сие письмо получишь, то тотчас остановись в удобном месте и никуда не ходи до указу». Шереметеву: войскам «немедленно вели остановитца до указу в тех местах, где их указ застанет».

25 января Петр получает сведения, что шведы возобновили движение к Гродно и находятся от него в четырех милях. Следуют распоряжения, отменявшие предшествующие. Репнину: «извольте отступать в указные места и делать по указу над провиантом и фуражом». Шереметеву: «И по сему делай, делай, делай. Больше писать не буду, но своею головою заплатишь».

26 января Петр оставляет Гродно при совершенно непредвиденных обстоятельствах: бригадиру Мюленфельсу было приказано охранять мост через Неман и в случае приближения неприятеля уничтожить его. Мюленфельс приказа не выполнил. Увидев приближающихся шведов, он отступил и дал возможность неприятелю беспрепятственно войти в крепость, оставленную Петром и русскими войсками за два часа до этого. Возможно, что царь не оставил бы Гродно, если бы знал, что к городу Карл привел не половину своей армии, а всего-навсего отряд в 800 человек.

Поведение Мюленфельса было элементарным нарушением воинской дисциплины, и Петр отдает его под суд. За бригадира вступились иностранные генералы и офицеры, находившиеся на русской службе. Ходатаям царь разъяснил: «Ежели бы вышереченной бригадир в партикулярном деле был виноват, тогда бы всякое снисхождение возможно учинить, но сия вина есть, особливо в сей жестокий случай, государственного интереса. Того ради иначе не может, точно по суду быть». Мюленфельсу удалось подкупить стражу и бежать к шведам, но от возмездия он не ушел — под Полтавой он попал в плен и был расстрелян как изменник.

Из Гродно Петр отправляется в Вильно и прибывает туда 28 января. Почему в Вильно? Потому что посчитал, что шведы из Гродно пойдут, всего вероятнее, на север — на Ригу, Псков и Новгород, держа на прицеле Петербург.

Напряженная неделя истекла, бессонные ночи и быстрые переезды сказались на самочувствии Петра. Ранее мы многократно подчеркивали невзыскательность царя к комфорту, его умение переносить тяготы походной жизни. Он мог сутками не слезать с коня. Но неутомимость тоже имеет пределы. В Вильно он впервые высказывает жалобу на неустроенную жизнь.

Между тем Карл в Гродно решил не задерживаться — там нечем было кормить ни людей, ни лошадей. Однако отправился он не на север, как ожидал Петр, а на восток. Двигался медленно, причем по причинам, совершенно от него не зависевшим: русская армия начала претворять в жизнь Жолквиевский план обороны — на пути своего отступления уничтожала провиант и фураж, уводила скот, устраивала засеки. Результаты Петр уловил довольно быстро. 6 февраля он записал: «Неприятель от Гродно рушился и наша кавалерия пред ним идучи, тремя тракты все провианты и фуражи разоряет и подъездами его беспокоивает, от чего он в такое состояние приведен, что по сказке пленных великой урон в лошадях и людях имеет и в три недели не с большим десять миль от Гродни

отошел».

Сморгонь шведы заняли лишь в феврале, стояли там до 17 марта, затем совершили однодневный переход, вступили в Радошковичи, чтобы задержаться там еще на три месяца.

Петр еще во время пребывания Карла в Сморгони правильно рассудил, что зимняя кампания для короля закончилась безрезультатно и что в ближайшие два-три месяца его активные действия будут парализованы весенним половодьем. Царь решил отбыть в Петербург. В «Парадиз» он вызывает всех членов царской фамилии: вдову брата Ивана и ее трех дочерей, а также трех своих сестер. Вызвал он туда и «всепьянейший собор» в полном составе, а также Меншикова, местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского, богатых купцов Филатьева и Панкратьева. Они понадобились царю для обсуждения деловых вопросов.

Прибыв в Петербург в конце марта, Петр тут же слег. Он считал, что прихватил лихорадку в Польше, хотя, как писал, «и гораздо осматривал у себя в санях» — искал вшей.

Своим родственникам царь устроил торжественную встречу: он пригнал девять буеров в Шлиссельбург, усадил в них вдову царя Ивана — царицу Прасковью — и его дочерей-царевен; верстах в четырех перед Петербургом флотилия была встречена яхтой адмирала Апраксина, с которой салютовали пушечной стрельбой. Царь рассуждал: «Я приучаю семейство мое к воде, чтоб не боялись впредь моря, и чтоб понравилось им положение Петербурга, который окружен водами. Кто хочет жить со мною, тот должен бывать часто на море»^[83]. Петр велел обрядить царицу и царевен на голландский образец в короткие бостроги, юбки и шляпы и принудил их вести жизнь морских путешественниц: гостей часто вывозили в море, побывали они в Кронштадте и Петергофе.

8 апреля 1708 года пришли вести о восстании на Дону.

Коренное население Дона не знало крепостного права. Казачество пользовалось автономией, имело самоуправление во главе с выборным атаманом, казакам предоставлялось право не выдавать беглых — «с Дону выдачи нет». Вольность казачьей жизни издавна привлекала на Дон массы крестьян. Особенно много беглых прибывало туда в конце XVII и в самом начале XVIII столетия, то есть в годы, когда растущее бремя налогов и повинностей вынуждало трудовое население центральных районов России покидать насиженные места и искать спасения в бегстве.

После овладения Азовом земля Войска Донского превратилась во внутреннюю территорию государства. Правительство усилило наступление на автономию Дона. Идя навстречу помещикам, оно стало требовать

выдачи беглых. Это вызвало недовольство как богатых казаков, живших в низовьях Дона, так и особенно пришлых крестьян, только недавно оказавшихся и населявших верховья реки. Выдача беглых лишала богатых казаков дешевых рабочих рук, занятых на рыбных промыслах и в степях, где паслись табуны лошадей. Для недавно пришедших выполнение указа означало возврат к крепостной неволе и выполнению государственных повинностей.

Поводом к восстанию послужил царский указ 6 июля 1707 года князю Юрию Владимировичу Долгорукому. Царь отправил князя на Дон с поручением переписать всех беглых крестьян и «за провожатыми и с женами их и с детьми выслать по прежнему в те же города и места, откуда кто пришел». Жестокие действия карателя вызвали гнев пришлых, и они, объединившись под предводительством атамана Кондратия Афанасьевича Булавина, напали на отряд Долгорукого и почти полностью вырезали его. Богатые казаки во главе с атаманом Лукьяном Максимовым снарядили против повстанцев отряд и разбили их. Царь сообщал Меншикову в ноябре 1707 года: «Итак, сие дело милостию Божию все окончилось». Царь, однако, в своих оценках ошибся.

Булавин, перезимовав близ Запорожской Сечи, весной 1708 года вновь появился на Дону. Восстание приобрело большой размах. Петр отправляет на Дон брата убитого булавинцами Долгорукого, князя Василия Владимировича с поручением «как наискорее сей огонь надлежит тушить». Инструкция Долгорукому, составленная 12 апреля самим царем, уполномочила князя на жестокости, сравнимые лишь с кровавой расправой Петра с мятежными стрельцами: городки, население которых было причастно к восстанию, велено «жечь без остатку, а людей рубить, и завожчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставању воровства у людей, ибо сия сарынь (то есть сволочь) кроме жесточи, не может унята быть».

Чем объяснить санкционированные царем чудовищно жестокие формы борьбы с восстанием?

Вряд ли только господствовавшим в те времена представлением о том, что все выступавшие против власти являлись «ворами» и «злодеями». Стиль распоряжений и приказов Петра отличался резко выраженным устрашающим характером. Царь пугал штрафом, каторгой, ссылкой, жестоким истязанием, наконец, лишением жизни. Жесток был Петр в борьбе с мятежными стрельцами, такими же приемами он пытался расправиться и с мятежными казаками на Дону.

Восстание на Дону возобновилось в то время, когда неприятель стоял

у границ России, готовый вторгнуться в ее пределы. Царь рассуждал: повстанцев надо «истребить и себя от таких оглядов вольными в сей войне учинить».

Устрашением как средством усмирения восстания Петр воспользовался еще дважды: 7 мая он велел Долгорукому распространять среди населения слух о том, что он, Долгорукий, идет в район восстания с огромной армией. «Також дай слух, что и я буду туды», — заключает свои наставления царь. Неделю спустя Петр пишет Апраксину в Воронеж: «Воров булавинцев, которые ныне на Воронеже, прикажи казнить и перевешать по дорогам, ближе тех городков, где они жили и воровали».

Между тем восстание успешно развивалось. Под его знамена встали не только беднейшие слои донского казачества, но и казаки Запорожья, бурлаки, работные люди и крестьяне уездов, соседних к земле донской. Всех их объединял социальный протест против феодальной эксплуатации. В одном из воззваний, обращенном к трудовому населению, Булавин писал: «А которым худым людям князьям и боярам и прибыльщикам и немцам за их злое дело отнюдь бы вам не молчать...» Еще более четко выражена направленность движения атаманом Никитой Голым: «А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и которые неправду делают». Поскольку на Дону помещичье землевладение отсутствовало, то под лицами, делающими «неправду», подразумевались представители правительственной администрации — воеводы, прибыльщики, офицеры регулярной армии, бояре и др.

1 мая восставшие овладели столицей Войска Донского Черкасском, избрали Булавина атаманом вместо казненного Лукьяна Максимова.

Булавинцы одержали крупные победы над царскими войсками под Царицыном и Валуйками. Сам атаман во главе одного из отрядов направился к Азову, чтобы захватом крепости обезопасить свой тыл.

Судьба крепости вызывала у царя наибольшую тревогу. Долгорукому он велит: «Око иметь об Азове, дабы и там чего не учинили». «Смотри неусыпно, чтоб над Азовом и Таганрогом оной вор чего не учинил прежде вашего приходу».

Надежды на то, что «сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть», не оправдались, и царь вынужден был отказаться от осуществления в полном объеме ранее намеченных форм борьбы с восстанием. Устрашение натолкнулось на бесстрашие, и царь должен был пойти на уступки. «Ты больше над казаками и их жилищами ничего не делай», — приказывает он Долгорукому 28 мая.

Утратил царь веру и в способность карателя Долгорукого подавить

движение. Если в начале мая он велел распространять о своем приезде на Дон заведомо ложные слухи, ибо в действительности туда приезжать не собирался, то в конце этого месяца, после получения известий о взятии Черкаска, он принимает решение руководить борьбой с повстанцами не из Петербурга, а на месте событий. 27 мая пишет Меншикову: «Необходимая мне нужда месяца на три туды ехать».

В первых числах июля правительственные войска нанесли повстанцам два крупных поражения: под Тором и Азовом. Сам Булавин был предательски убит заговорщиками из числа старшин. Гибель предводителя движения вызвала большую радость в правительственных кругах. Петр отметил это известие молебном и салютом. Таким же способом хотели отпраздновать победу правительственных войск и в Москве, но воздержались, опасаясь волнений в столице. Радость была преждевременной — разрозненные отряды казаков продолжали оказывать сопротивление.

В литературе последних десятилетий Булавинское восстание возведено в ранг крестьянской войны. В действительности, и по движущим силам и по территории, где оно развернулось, и, наконец, по выдвигаемым требованиям восстание на Дону было типичным казачьим движением, не переросшим в крестьянскую войну, как это, например, произошло с движением Пугачева.

По неизвестным причинам поездка царя на Дон не состоялась. Петр распорядился отправить в помощь Долгорукому полки регулярной армии, в том числе и два батальона Преображенского полка.

Какие-то обстоятельства задержали царя в Петербурге почти на целый месяц. Оттуда Петр выехал к армии 25 июня, накануне уведомив об этом Шереметева: «Скоро буду к вам». В этом же письме царь, осведомленный о том, что Карл после продолжительного стояния в Радошковичах наконец тронулся на восток, предупредил Шереметева: «И прошу, ежели возможно, до меня главной баталии не давать».

На пути в армию Петр заехал в Нарву, потащив туда и своих родственниц, чтобы показать им завоеванный город. Здесь он 29 июня отметил свои именины огненной потехой на реке Нарове, а на следующий день тронулся к Смоленску^[84].

5 июля отъехавшего из Великих Лук Петра встретил курьер и вручил донесение Шереметева о сражении под Головчином. На первых порах реляция привела царя в радостное настроение. Он отвечает Шереметеву, что спешит поспеть «к сему вашему пиршеству». Полагаясь на содержание реляции, Петр считал, что русские войска в сражении 3 июля 1708 года

хотя и не одержали победы, но и «неприятель своего намерения исполнить не мог». Царь рассматривал сражение под Головчином как репетицию к генеральной баталии и был доволен его исходом. «Я зело благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько, и что от всей его армии одна наша треть так выдержала и отошла».

Петр заночевал в Горках, где почти в полном составе находился генералитет во главе с Шереметевым, с единственной целью узнать подробности о Головчинском сражении, чтобы «достойное с достойными учинить». За минутами радости последовало досадное разочарование, как только стали известны подробности. Оказалось, что многие полки дивизии генерала Репнина «пришли в конфузию», беспорядочно отступили, оставив неприятелю пушки, а те, которые оказывали сопротивление, сражались «казацким, а не солдатским боем». Вместо выдачи наград Петр распорядился двух генералов, Репнина и Чамберса, виновных в поражении русских войск под Головчином, предать военному суду. Оба принадлежали к числу боевых и уважаемых Петром генералов, и тем не менее он оказался глухим к просьбам Репнина о милосердии. Петр умел отделять частные отношения от «государственного интереса»^{85}.

Репнина спасла от смерти его личная отвага, проявленная в Головчинском сражении. Петр утвердил решение военного суда, разжаловавшего генерала в рядовые и обязавшего его возместить деньгами материальные потери. Мера наказания престарелому Чамберсу была мягче: он поплатился отстранением от должности, но сохранил генеральское звание. Впрочем, служба Репнина рядовым продолжалась недолго — в сражении у Лесной он проявит храбрость и будет восстановлен в должности и чине.

В Головчинском сражении Карлу XII сопутствовал успех в последний раз. Это был успех частичный, тактический, стоивший шведам огромных потерь и не нанесший сколь-либо существенного ущерба русскому войску. Урок не прошел даром не только для Репнина, но и для всей армии. Досконально изучив опыт Головчинского дела, Петр по горячим следам составляет знаменитые «Правила сражения», в которых с присущей ему дотошностью разрабатывает взаимодействие в бою различных родов войск. Дивизия Репнина потерпела «конфузию» из-за недостаточной стойкости солдат и офицеров. «Правила сражения» Петр заканчивает рассуждениями о значении дисциплины: «Кто место свое оставит, или друг друга выдаст и бесчестный бег учинит, то оной будет лишен живота и чести»^{86}.

Карл XII после Головчинского сражения вновь проявил несвойственную своему азартному характеру пассивность. Он почти месяц простоял в Могилеве. Вследствие невозможности в короткий срок организовать оборону этого города царь решил уступить его шведам без боя, сосредоточив 25-тысячное войско к северо-востоку от него, в Горках.

Что вынудило короля столь долго топтаться на месте? Петр, осведомленный через лазутчиков о том, что творилось в шведском лагере, писал Апраксину 23 июля: «Иного писать не имеем, только что неприятель стоит в Могилеве по-прежнему тихо», и далее указал на причину длительного бездействия противника — перебежчики единодушно заявляли, что шведы «голод имеют великой». Карл, сидя в Могилеве, ждал обоза Левенгаупта, но, не дождавшись его, отправился в путь, причем не на север, чтобы встретиться с Левенгауптом, а в противоположную от него сторону — сначала к Пропойску, а затем на северо-восток в направлении к Смоленску.

Каковы были намерения шведского короля, что означал этот его маневр? Об этом русское командование не знало. Не располагали на этот счет сведениями и в шведском штабе — король далеко не всегда делился своими планами даже с приближенными.

Петр сообразовывал перемещение своих войск с продвижением войск неприятельских, то есть действовал в соответствии с решением военного совета, состоявшегося 6 июля: «смотреть на неприятельские обороты, и куды обратится — к Смоленску или к Украине — трудиться его упреждать». 14 августа царь пишет Апраксину: «Неприятель отошел от Могилева миль с пять, против которого мы тоже продвинулись, и обретаецца наша авангардия от неприятеля в трех милях, а куды их впредь намерение, Бог знает, а больше гадают на Украину».

Петр позаботился о том, чтобы неприятельские войска, куда бы их ни повел Карл, перемещались по опустошенной земле. 9 августа он издает очередной указ двигаться впереди неприятеля, «и везде провиант и фураж, таж хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням... жечь, не жалея и строенья», уничтожать мосты, мельницы, а жителей со скотом переселять в леса. Исполнение этого указа, многократно повторенного царем, поставило шведскую армию в крайне тяжелое положение. Петру доносили: «рядовые солдаты к королю приступили, прося, чтоб им хлеба промыслил, потому что от голода далее жить не могут»; «люди же от голода и болезни тако опухли, что едва маршировать могут». Солдаты рыскали по крестьянским дворам, и если им удавалось обнаружить рожь, то тут же ее варили, ибо перемалывать ее было нечем.

Росло число дезертиров из шведской армии. В этой связи Петр сделал строгое внушение боевому генералу Боуру: «Сейчас прислан от вас дезертир шведской, с которого все ружье и платье и прочее отобрано, а лошадь взял ты сам, что гораздо худо делается; и как на сие смотря, другим переходить. Чего для сие вели прислать и впредь так делать не дерзайте. А кто после сего дерзнет, тот бесчестно наказан».

Вокруг двигавшейся шведской армии днем и ночью кружили драгунские полки и иррегулярная конница, выполнявшая приказ Петра: «главное войско обжиганием и разорением утомлять».

Наступившее затишье, когда происходили стычки, но не сражения, было нарушено артиллерийской канонадой, раздавшейся под селом Добрым 30 августа. Русские войска в двухчасовом сражении одержали блистательную победу. Ликование Петра по этому поводу льется через край в каждой строке писем, отправленных друзьям. У царя действительно были основания восторгаться боевыми действиями своих войск: победа была одержана над пятью полками, укомплектованными, как писал царь, «природными шведами». Сражение происходило в присутствии Карла XII. Под пером Петра этот факт выглядел так: «сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцевали». Радовала Петра и высокая боевая выучка русских войск: «Я как и почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал... И такого еще в сей войне король швецкой ни от кого сам не видал»^[87].

Противник оставил на поле боя около 3000 убитых, в то время как потери русских войск составляли 375 человек. Победа могла быть полной, от сокрушительного разгрома шведов спасли болота: кавалерия могла бы довершить то, что начала пехота и артиллерия, и тогда бы у шведов, как говорил Петр, «ни один не мог спастись». Поражение привело Карла в бешенство. Он рвал волосы и бил себя кулаками по щекам. Жолквиевская стратегия «томить» противника давала плоды.

У Петра еще не улеглись радостные переживания в связи с победой под селом Добрым, как ему представилась возможность известить друзей о новом успехе. У деревни Раевки 10 сентября кавалерийский полк под командованием Карла атаковал русских драгун и понес жестокие потери. Под королем была убита лошадь. Русским войскам едва не попала в руки редкостная добыча — пленный король. Петр, участвовавший в этом сражении, находился от Карла на таком расстоянии, что мог разглядеть черты его лица.

После сражения у Раевки Карл принимает крайне рискованное решение. Он не стал ожидать двигавшегося из Риги обоза с

продовольствием и подкреплением, отказался и от намерения идти к Москве. Не в правилах короля было попятное движение — возвращение, скажем, в оставленный им Могилев, чтобы там дожидаться Левенгаупта. Король круто повернул на юг. Левенгаупт должен был сам догонять главные силы шведских войск. Этим опрометчивым решением Карл оставил обоз Левенгаупта на произвол судьбы и предоставил возможность громить свою армию по частям.

Петр впервые узнал о намерении Левенгаупта доставить терпевшим бедствие шведским войскам огромные запасы продовольствия, пороха, артиллерии еще 15 июля. С тех пор имя Левенгаупта часто мелькало на страницах царских писем и указов.

Достоверные сведения о намерениях шведов царь получил 10 сентября. В один и тот же день ему сообщили две важные новости: во-первых, неприятель с главным войском «к Украине марш свой воспринял», во-вторых, «генерал Левенгаупт от Риги идет со знатным корпусом во случение к своему королю». На военном совете было решено разделить армию на две неравные части: главные ее силы под командованием Шереметева направлялись вслед за Карлом на Украину, а меньшей части в составе двух гвардейских и некоторых других полков под командованием Петра предстояло идти навстречу Левенгаупту. Этот отряд, получивший название корволанта (летучего отряда), двигался без обоза, с вьюками.

Левенгаупту едва не удалось дезориентировать царя. Подосланный к русским войскам лазутчик, выступавший в роли проводника, сообщил, что Левенгаупт еще не перешел через Днепр. Корволант было начал переправу на правый берег, но потом выяснилось, что обоз за три дня перед этим форсировал реку. Если бы обман удался, то Левенгаупт мог бы ускользнуть.

Корволант настиг неприятеля у деревни Лесной 28 сентября. Его появление оказалось для шведов совершенно неожиданным: подошли к ним «лесом густым, где были болота и переправы жестокие, что зело трудно было ко оному прийти». «Гистория Свейской войны», в составлении которой царь на склоне жизни принимал самое активное участие, сообщает любопытную деталь хода битвы: через несколько часов боевых действий «на обе стороны солдаты так устали, что более невозможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели, и довольное время отдыхали, расстоянием линий одна от другой в половине пушечного выстрела полковой пушки, или ближе»^{88}.

Отдохнув два часа, противники возобновили сражение, продолжавшееся дотемна.

Исход сражения решила подоспевшая кавалерия генерала Боура.

Противник дрогнул, шведов спасла от уничтожения ночь и ранняя для тех мест вьюга. Утром следующего дня русские не обнаружили лагеря шведов — под покровом темноты Левенгаупт бежал, оставив на поле боя обоз в две тысячи телег и восемь тысяч захороненных трупов. Началось преследование противника.

Итак, говоря словами Петра, организатора этой победы и непосредственного участника сражения, под Лесной «Левенгаупт со всем корпусом пропал». Царь позаботился о том, чтобы новость стала достоянием населения столицы: два гонца разъезжали по улицам Москвы и, предшествуемые трубачами, объявляли о победе. О виктории были извещены все иностранные послы в Москве и русские послы при иностранных дворах. Описание баталии было напечатано на русском и голландском языках, листы с реляцией продавались в России и за границей.

Известие об исходе сражения у Лесной Карл XII получил 1 октября — солдат, прибывший в ставку короля, рассказал о битве, длившейся с утра до позднего вечера, и о том, что Левенгаупт ушел с поля боя. Король, никогда не допускавший мысли, что его армия, да еще предводительствуемая таким опытным полководцем, как Левенгаупт, могла быть разгромлена, не поверил рассказанному. Но все же новость лишила короля сна, ночью он заходил то к одному, то к другому приближенному и сидел в грустном молчании. А вскоре, 12 октября, в ставку короля прибыл и Левенгаупт, но не во главе 16-тысячного корпуса, с которым он вышел из Риги, а с 6700 оборванных, голодных и деморализованных солдат, более напоминавших бродяг, чем воинов. Левенгаупт рассказал о катастрофе, о потере обоза и почти всей артиллерии.

Если бы король принадлежал к числу трезвых и рассудительных людей, то, оказавшись без долгожданного обоза, крайне необходимого его армии, и испытывая острый недостаток в порохе и артиллерии, он отступил бы. Но Карл отправил в Стокгольм победное донесение и продолжал путь на Украину.

Годы спустя, когда многие сражения на фоне крупных побед отодвигались на задний план, Петр продолжал считать победу у Лесной важнейшей вехой в истории Северной войны. Он придавал ей огромное стратегическое значение. «Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и поистине она виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени

оное младенца щастие принесла, егда совершенного ради любопытства кто желает исчислять от 28 сентября 1708 до 27 июня 1709 года»^[89].

Победа у Лесной обеспечила завершение стратегического окружения шведской армии. Теперь неприятель был отрезан от своего тыла и лишен возможности пополняться людьми, вооружением и снаряжением.

2 октября Петр во главе гвардейских полков отправился в Смоленск, где был встречен пушечной и ружейной пальбой. В сражении у Лесной Петр трижды блеснул дарованиями выдающегося полководца. Новшеством явилась организация корволанта — легкого подвижного отряда пехотинцев, посаженного на коней. Другое новшество состояло в выборе места для сражения.

Военная тактика тех времен не допускала ведения боя на закрытой и пересеченной местности. Оставлять войска, состоявшие из наемных солдат, без надзора офицеров хотя бы на минуту полагали рискованным. Петр умело использовал преимущества русской армии, укомплектованной солдатами, защищавшими родную землю и поэтому отличавшимися от наемников высоким моральным духом.

Царь рекомендовал своим генералам в дальнейшем давать бой неприятелю не «на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая есть польза, как я сам испытал на сей баталии».

Наконец, Петр улучшил боевые построения своих войск, расположив их не в одну, как это делалось в западноевропейских армиях, а в две линии, что обеспечивало глубину обороны и возможность маневрировать при наступлении.

В октябре 1708 года успешно завершилась еще одна операция русских войск. Летом тринадцатитысячный шведский корпус Любекера пытался со стороны Финляндии напасть на Петербург. Адмирал Апраксин, охранявший город, не только отбил несколько попыток шведов переправиться на левый берег Невы, но и вынудил их спешно эвакуироваться на корабли. Перед погрузкой на суда Любекер отдал распоряжение об уничтожении шести тысяч лошадей. Шведы понесли значительные потери и в людях — корпус уменьшился на одну треть. Это была последняя попытка шведов атаковать Петербург.

Петр высоко оценил боевые действия Апраксина и велел выбить в честь его медаль. На лицевой стороне был изображен грудной портрет Апраксина с надписью: «Царского величества адмирал Ф. М. Апраксин». Более содержательна надпись на другой стороне медали. Форма выражения мысли указывает на то, что автором текста был Петр. В центре медали построившиеся в линию корабли и слова по окружности: «Храня сие не

спит; лучше смерть, а не неверность. 1708».

Из Смоленска Петр отправился к армии Шереметева, где получил известие об измене украинского гетмана Мазепы.

В истории с Мазепой значительную долю вины несет сам царь. Измена гетмана могла быть пресечена задолго до ее совершения, не прояви Петр и его окружение излишнего к нему доверия.

Еще в сентябре 1707 года генеральный судья Украины Кочубей послал в Москву монаха с устным доносом. Тот в точности поведал в Преображенском приказе все, что поручал Кочубей. «Гетман Иван Степанович Мазепа хочет великому государю изменить, отложиться к ляхам и Московскому государству учинить пакость великую, пленить Украину, государевы города».

В Москве успели привыкнуть к доносам на Мазепу и не обратили на очередной извет никакого внимания. Начальника Преображенского приказа «князя-кесаря» Ромодановского не насторожило сообщение монаха потому, что рассказу об изменнических намерениях гетмана предшествовало повествование о том, как Мазепа просил руки дочери Кочубея, как, получив отказ, выкрал ее и обесчестил. В Преображенском приказе рассудили, что побудительным мотивом извета была семейная драма, чувство мести удрученного отца, решившего расквитаться с обидчиком.

Извет остался без последствий, о нем успели позабыть, но в феврале 1708 года московский комендант князь Матвей Гагарин получил аналогичный донос, на этот раз исходивший от отставного полтавского полковника Ивана Искры. «Сию ведомость, — извещал Гагарин царя, — явил малому числу господам министрам» и тут же изложил отношение этих министров к доносу: «полагают, что изводят то на него по ненависти, и явили мне, что и прежде о нем такие наветы были». В самом деле, за 20 лет гетманства Мазепы не было ни одного года, когда в Москве не получали бы на него доносов, но каждый раз он их ловко отводил, заслужив репутацию преданного и пунктуального исполнителя царских повелений. И на этот раз обвинители Кочубей и Искра быстро превратились в обвиняемых.

Головкин, которому царь поручил вести расследование, пригласил Искру и Кочубея в район Смоленска, где находился царь, якобы для доверительных разговоров. Подлинная цель вызова доносителей состояла, однако, не в том, чтобы с их помощью выяснить истину, а в том, чтобы схватить их вдали от Украины и расправиться с ними. Об этом коварном плане царь поспешил уведомить Мазепу, «яко верного человека»: вызванные Кочубей и Искра будут «тихим образом» взяты под стражу. «А

пока оные попадутся, извольте о сем деле тихо держать, якобы не ведаете».

Надобности осуществлять хитроумный план не было — Кочубей и Искра сами отдались в руки правительства. Во время следствия престарелый Кочубей и больной Искра, не выдержав пытки, отказались от своих обвинений Мазепы в измене. Головкин полагал, что все стало на свои места: гетмана очередной раз оклеветали, и клеветники должны понести суровое наказание.

Петра в этой истории интересовало не содержание доносов на гетмана — в его верности он нисколько не сомневался, а цели, преследуемые доносителями: не инспирирован ли этот донос ставкой Карла XII, не пытались ли шведы лишить гетмана доверия царя в тот самый момент, когда тревожная обстановка требовала объединенных усилий русских и украинцев. Дополнительное следствие никаких данных на этот счет не обнаружило. На вопрос, какой казни подвергнуть доносителей, Петр ответил: «Не иною, что какую ни есть, только смертью, хоть головы отсечь, или повесить — все равно».

Кочубей и Искра были отправлены к Мазепе, и торжествующий гетман был свидетелем того, как 14 июля 1708 года под ударами топора скатились с помоста две головы. Только после этого Мазепа облегченно вздохнул — его разоблачение не состоялось. С места казни он отправил царю письмо с благодарностью за оказанное ему доверие и «справедливый» суд над клеветниками. Петр ответил посланием, еще более утверждавшим Мазепу в том, что его кредит нисколько не пошатнулся: «Как прежде, так и ныне за непоколебимую верность твою, верно поданного нашего, к нам, великому государю, никогда в милости нашей не оставим».

Изменнические намерения Мазепы имели давнюю историю. На путь предательства он вступил еще в конце 1680-х годов.

В 1690 году в письме польскому королю Яну III Мазепа выражал намерение вернуть Украину под власть панской Польши. Тогда осуществить это не удалось, но тайные связи продолжались. Они усилились после того, как шведский король посадил на польский престол Станислава Лещинского. В 1707 году, то есть во время подготовки Карлом XII вторжения в Россию, Мазепа заключил договор со Станиславом Лещинским и шведским королем. Лещинскому он обещал Левобережную Украину. Не скупился Мазепа на посулы и шведскому королю: в случае прихода шведов на Украину он снабдит их продовольствием и фуражом, а также предоставит им зимние квартиры в Стародубе, Новгород-Северском, Батурине и других городах. Содержание договоров Мазепа, разумеется, держал в строжайшей тайне. Он умел ловко прикидываться, годами

скрывать подлинные намерения, плести интриги.

Петр обладал удивительной способностью разбираться в людях, угадывать таланты, умело направлять их и использовать в интересах дела. «Птенцы гнезда Петрова» даже после смерти царя еще долго будут давать о себе знать на самых разнообразных поприщах. Можно лишь поражаться, но невозможно объяснить, как у царя не хватило проницательности, чтобы за слащавыми улыбками, подобострастной речью, уснащенной комплиментами, и выражением внешней покорности разглядеть подлинное лицо гетмана.

Мазепа вел сложную игру, и она ему вполне удавалась вплоть до открытого перехода на сторону шведов. Царю он отправляет верноподданнические донесения и одновременно сообщает Карлу XII, что с нетерпением ждет его прихода «яко единого того в сему намеренному делу щастия; есть ли же и король Станислав с помощными силами не умедлит, то уже в руках наших виктория».

Чем ближе Карл XII подходил к Украине, тем труднее Мазепе было лавировать. Ему, например, никак не хотелось выводить украинские полки за пределы Украины, и он, ожидая прихода шведов, не выполняет предписания Петра двинуть эти полки вверх по Днепру под предлогом, что он, Мазепа, болен настолько, что не может ездить верхом. Понимая, что одной болезнью нельзя оправдать своего отказа, Мазепа придумал еще один довод, в глазах царя оказавшийся вполне убедительным: остаться ему, Мазепе на Украине тем более необходимо, что он не имеет человека, который бы «сердцем и душою верно и радетельно вашему царскому величеству под сей случай служил». В последующие дни в каждом из донесений царю, Меншикову и Головкину Мазепа настойчиво повторял, что на Украине неспокойно, что шведы могут получить поддержку от крестьян и горожан, что может разгореться «бунтовничий пожар» и что без его присутствия здесь не обойтись. Петр и на этот раз поверил Мазепе и велел оставить его на Украине, «понеже большая польза его в удержании своих, нежели в войне».

Между тем Меншиков для обсуждения неотложных дел затребовал Мазепу в свою ставку. Гетман почувал недоброе и лихорадочно размышлял о том, под каким предлогом можно отказаться от встречи с князем. А вдруг вызов являлся ловушкой Меншикова, быть может, уже осведомленного о его, гетмана, изменнических намерениях?

Мазепа решил не ехать, послал к Меншикову своего племянника Войнаровского. Тот поехал к князю с сообщением, что гетман тяжело болен, что его готовят к соборованию. 20 октября Меншиков отправляет

письмо царю: «И сия об нем ведомость зело меня опечалила, первое, тем, что не получил его видеть, которой зело был здесь нужен; другое, такова доброво человека, ежели от болезни его Бог не облегчит».

«Добрый человек» в эти часы метался не в жару, а в сомнениях: ехать или не ехать к Карлу? В принципе вопрос решен давно, но является ли данный момент самым благоприятным для ответственного шага? Старый интриган понимал, что изменой он ставит на карту все: несметные стяжания, накопленные за два десятилетия своего гетманства, булаву и даже жизнь. Призвал сообщников, спрашивает: «Послать к королю или нет?» Те ответили: «Как же не посылать — давно пора, не надобно откладывать!»

Пока велись эти разговоры и наспех составлялась грамота шведскому королю, к Мазепе прискакал Войнаровский с сообщением, что на следующий день сюда прибудет Меншиков, чтобы проститься с умирающим гетманом. Мазепа, только недавно жаловавшийся, что не переносит верховой езды, сел на коня и «помчался как вихрь» сначала в Батурин, затем, на другой день, переправившись через Сейм, прибыл в Короп, где переночевал. 24 октября Мазепа встретился со шведским полком, отправил гонцов к королю и, теперь уже не спеша, ибо находился под охраной шведов, двинулся к его лагерю.

Переполох в стане Мазепы оказался преждевременным. Меншиков действительно отправился к гетману, но отнюдь не для того, чтобы взять его под стражу, а чтобы проститься с ним. На пути в Борзну, где намечалось соборование, Меншикову сообщили, что гетман отправился в Батурин. Это показалось подозрительным. Князь вспомнил, что Войнаровский уехал от него ночью, тайком, не попрощавшись. Подозрительность росла по мере продвижения Меншикова по следам Мазепы: прибыл в Батурин, но там гетмана уже не было, на пути в Короп ему сообщили, что Мазепа переправился через Десну. Меншиков сопоставляет все события последних дней и приходит к выводу: гетман изменил, перебежал к Карлу XII. Срочно отправляется донесение царю. Новость для Петра была громом среди ясного неба. В отношениях с людьми, его окружавшими, он придерживался крайностей: безоговорочное доверие и уважение сменяется такой же безоговорочной враждебностью. Мазепа принадлежал к числу тех, кого царь считал своими преданнейшими слугами, его одним из первых он наградил орденом Андрея Первозванного.

Многие часы царь пребывал в сомнении, еще теплилась надежда, что князь ошибся, что случилось досадное недоразумение^[90].

Следующий день рассеял всякие сомнения. Петр располагал уже

точными сведениями не только о совершившейся измене гетмана, но и о целях, ради которых он сделал это. В манифесте, обращенном к украинскому народу, читаем: «Гетман Мазепа, забыв страх Божий и свое крестное к нам, великому государю, целованье, изменил и переехал к неприятелю нашему, королю швецкому, по договору с ним и Лещинским от шведа выбранным на королевство Польское, дабы со общего согласия с ним Малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение Польское и церкви Божии и святые монастыри отдать во унию».

Предстояло нейтрализовать происки Мазепы и мазепинцев на территории Украины, лишить шведов возможности воспользоваться провиантом и фуражом, предусмотрительно заготовленным для них изменником, поднять народные массы на вооруженную борьбу с неприятельскими войсками.

К Батурину, резиденции Мазепы, где хранились колоссальные запасы не только провианта, но и пороха и артиллерийских припасов, одновременно спешили Меншиков и гетман со шведскими войсками. Петр велит Меншикову 31 октября: неприятель «стал у реки на Батуринском тракте, и для того изволь не мешкать»; на следующий день: «поди к тому месту, где ныне неприятель мост делает». Другой гонец доставил распоряжение, отменявшее предшествующее: нерадением генерала Гордона шведам удалось переправиться через Десну. «Того ради, — писал Петр, — ежели к сей ночи к утру или поутру совершить возможно, с помощью Божией оканчивайте»^{91}.

Меншикова не было нужды торопить — он и сам понимал, что надо спешить. В конечном счете светлейший упредил шведов, и 2 ноября 1708 года Петр поздравил его с успешно завершенной операцией. Крепость была разрушена, а все, что нельзя было вывезти, предано огню. Жестокой расправе подверглись не только мазепинцы, но и все население гетманской резиденции, в том числе дети и старики. Мазепа и шведы подошли к Батурину лишь тогда, когда уже дымились руины изменнического гнезда. Гетмана они привели в уныние; он, по свидетельству Орлика, не скрывал своего расстройств, «жалостным был и сказал, тые слова: злые и несчастливые наши початки!».

Начало действительно не сулило изменнику благополучного конца. Все получалось не так, как замышлял предатель: вместо богатейших припасов в Батурине — руины; Стародуб не встретил захватчиков и их новоявленного союзника колокольным звоном, и его жители не вынесли ключей от крепости. Жители Новгород-Северского тоже не впустили Карла XII в город.

Гетман привел в шведский лагерь две-три тысячи человек, но привел их обманном путем. О подлинных целях марша знали лишь немногие приближенные Мазепы. Рядом-148 вые казаки полагали, что они направляются в армию Шереметева. Как только отряд преодолел Десну, Мазепа произнес длинную речь, призывая казаков перейти на сторону шведов. Красноречивый монолог был выслушан молча и ожидаемого эффекта не произвел — Мазепина рать таяла на глазах, из отряда убегали рядовые казаки и старшины. Петр предусмотрительно издал обращение к войсковой старшине, ушедшей с Мазепой, предлагая оставить изменника и обещая возвратившимся прежние чины и земельные владения.

Рухнули надежды Мазепы и на враждебные действия украинского народа против России, и на помощь поселян и горожан Украины шведской армии. То, что так тщательно скрывал Мазепа, тайна, которой он рискнул поделиться только с Орликом, тут же потребовав от него клятвенного обещания, что он будет свято ее хранить, благодаря усилиям Петра стала достоянием всего населения Украины. В указах Петр извещал всех о намерении Мазепы и мазепинцев вернуть Украину польским магнатам. Указы читали с церковных амвонов, на площадях городов, в полковых канцеляриях.

«Чистейший отче! — обращается Петр к местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому. — Извольте оного (то есть Мазепу. — *Н. П.*) за такое ево дело публично в соборной церкви проклятию предать». 12 ноября в Успенском соборе в Москве в присутствии бояр и высшего духовенства Стефан Яворский после проповеди трижды провозгласил: «Изменник Мазепа за крестопреступление и за измену великому государю буди анафема!»

Еще раньше, 7 ноября, Петр известил Апраксина, Кики-на и Долгорукого, находившихся вдали от происходивших событий: «После перебежника вора Мазепы вчерашнего дня учинил здешний народ элекцию (то есть выборы. — *Н. П.*) на нового гетмана, где все, как одними устами, выбрали Скоропацкого...»

Выборам предшествовала церемония, в которой нетрудно обнаружить признаки изобретательности Петра: сначала был изодран принадлежавший изменнику диплом кавалера ордена Андрея Первозванного. Затем палач пинком столкнул «персону» (портрет) Мазепы с крыльца, и изображение изменника волокли на веревке к виселице, сооруженной на площади. Здесь палач изодрал и истоптал герб Мазепы, а «персону» его вздернул на виселицу. Так была совершена символическая казнь предателя.

Теперь Мазепа стал бывшим гетманом, человеком, преданным

анафеме и заочно казненным. Но будь знамя, под которое призывал стать украинский народ Мазепа и шведский король, в других руках — результат был бы тот же. Идея подчинения Украины Польше, перспектива наплыва на украинскую землю алчных магнатов, ожидаемые притеснения православной церкви спланивали разные социальные слои населения на борьбу с самой идеей, кто бы ее ни проповедовал.

К Петру потоком шли донесения об отношении украинцев к России и мазепинцам. Свидетельство Меншикова, записанное по следам горячих событий, 24 октября: «В здешней старшине, кроме самых вышних, також и в подлом народе с нынешнего гетманского злого учинку никакого худа ни в ком не видеть. Но токмо мне изо всех здешних ближних мест съезжаются сотники и протчие полчане и приносят на него ж в том нареkania, и многие просят меня со слезами, чтоб за них предстательствовать, и не допустить бы их до погибели, ежели какой от него, гетмана, будет над ними промысел». Рядом с проселочными дорогами, по которым двигалась шведская армия, жила своей жизнью непокоренная Украина, не признававшая ни Карла XII, ни его клеветы Мазепу.

Показателем наступившей уверенности Петра в том, что попытки Мазепы и шведов посеять вражду украинцев к русским оставались бесплодными и универсалы изменника не давали желаемых результатов, явилось исчезновение имени предателя со страниц царских указов и писем. Лишь во второй половине декабря Петр упомянул имя Мазепы в одном из писем, причем новость была приятной, ею он не без радости делится с Кикиным: «Полковник кумпанейский Колаган (Галаган. — Н. П.), которой был у Мазепы, с тысячью человек пришел до нас и на дороге разбил шведов и живьем привес офицеров и рядовых шездесять восемь человек».

В универсалах, обращенных к мазепинцам, Петр обещал помилование тем из них, кто покинет изменника в течение месяца. Галаган надумал отстать от Мазепы, когда месячный срок возвращения истек. Чтобы заслужить милость царя, полковник привел в лагерь русских полк компанейцев (наемников гетмана) со всем оружием, даже пленными, которые были захвачены в сражении с подвернувшимися на пути шведами.

ПРЕСЛАВНАЯ ВИКТОРИЯ

Конец 1708 года и первые шесть месяцев следующего Петр находился вдали от армии. Он не намечал генерального сражения ни в зимние, ни в весенние месяцы 1709 года, так как полагал, что время к тому не пришло — неприятель еще недостаточно измотан. Рисковать царь не хотел, ибо, как он говорил, можно утратить «на одной баталии главной счастье и благосостояние всего государства».

Относительное затишье в зимние месяцы позволило Петру уделить время и внимание, помимо армии, другим заботам. В Сумах, где царь находился около полутора месяцев, его можно было видеть за просмотром напечатанных книг, чтением переводов, составлением указов об организации губерний, совершенствованием гражданского шрифта.

Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, ведавший печатным делом, прислал Петру две книги: Боргсдорфа «Побеждающая крепость» с изложением принципов обороны крепостей и Римплера — «Римплерова манира о строении крепостей». Петр нашел, что «печать во оных книгах перед прежнюю худа, не чиста и толста». Не удовлетворило царя и качество переплета — по его мнению, он был «очень дурен», от неумело сделанных корешков переплета книги «таращились». Петр не ограничился замечаниями, он давал советы, как исправить погрешности, проявив при этом вполне профессиональные познания в типографском и переплетном деле. Он обнаружил недостатки в начертании букв «б» и «п». «Литеру «буки», также и «покой» вели переправить, — пишет царь Мусину-Пушкину, — зело дурно сделаны почерком, также толсты»^[92].

Речь шла об усовершенствовании гражданского шрифта, который должен был заменить церковнославянские литеры. Петр в этой работе принимал активное участие, добивался упрощенного начертания букв. В новом алфавите отсутствовали буквы со сложным звуковым сочетанием «кси» и «пси», устранены были и титлы. Первые книги, отпечатанные «новоизобретенными литеры», появились в 1708 году. Шрифт непрерывно совершенствовался и окончательно был утвержден Петром в 1710 году. Просмотрев образцы литер, он внес в них последние поправки и на оборотной стороне листа с азбукой написал: «Сими литерами печатать исторические и манифактурные книги». Еще раньше было изменено обозначение чисел: вместо букв числа стали изображать арабскими цифрами. Первая книга с арабскими цифрами появилась в 1703 году. Это

был учебник, составленный талантливым педагогом Леонтием Магницким: «Арифметика, сиречь наука числительная».

Распространение книг при Петре достигло небывалых размеров. Если в XVII веке единственная типография в Москве выпускала преимущественно книги церковного содержания, то к концу жизни Петра в старой и новой столицах действовало шесть типографий, печатавших светские книги. Свыше трети из 320 книг гражданской печати, опубликованных с 1708 по 1725 год, было посвящено военной и военно-морской тематике. Печатались также книги юридического содержания, художественные произведения, словари, календари и т. д. К новым видам печатной продукции относились царские и сенатские указы, а также реляции о победоносных сражениях русских войск. Книги и реляции были богато иллюстрированы гравюрами иностранных и русских мастеров: Шхонебека, Пикарта, братьев Зубовых, Ростовцева и др.

Значительная часть печатавшихся в России книг являлась переводами с иностранных изданий. Петр и здесь не стоял в стороне, снабжая переводчиков соответствующими наставлениями. Ивану Зотову, переводившему книгу Блонделя об укреплении городов, царь в феврале 1708 года рекомендовал руководствоваться следующим правилом: сначала необходимо «выразуметь» смысл переводимого текста, а затем «на своем языке уже так писать, как внятнее может быть». Петра интересовала не близость перевода к оригиналу, а суть дела, возможность усвоить смысл переводимого. Поскольку книги предназначались «не празной ради красоты, но для вразумления и наставления», перевод должен быть лаконичным и понятным. Петр отправил в качестве образца отредактированный им перевод книги о хлебопашестве, из которого он изъясил «лишние», по его мнению, сюжеты — они «время только тратят и у чтущи отъемлют»^[93].

С конца 1708 года Петр начал осуществлять губернскую реформу. Указ 18 декабря извещал о намерении «для всенародной пользы учинить 8 губерний и к ним росписать города». Суть реформы состояла в том, что между старинными уездами и центральными учреждениями в Москве, которым непосредственно подчинялась уездная администрация, появилась промежуточная инстанция — губернские учреждения. Губернии возглавляли губернаторы, наделенные всей полнотой административной, судебной и военной власти. Губернаторами царь назначил близких себе людей, пользовавшихся его доверием. Управление Петербургской губернией поручалось князю Меншикову, в Воронежскую был назначен адмирал Федор Матвеевич Апраксин, в Казанскую — его брат Петр

Матвеевич, в Московскую — боярин Стрешнев. Для организации губернской администрации предоставлялся годичный срок — новые учреждения должны были приступить к работе с 1710 года.

Создание губерний являлось ответной мерой Петра на восстания в Астрахани и на Дону, на непрекращавшиеся волнения в Башкирии, а также на сопротивление трудового населения сборам налогов, рекрутчине, принудительным мобилизациям на строительные работы. Губернские учреждения укрепляли власть на местах. Находясь ближе к возможным очагам неповиновения, губернские власти оперативно подавляли его в самом зародыше. Эти же власти широко использовали находившиеся в их распоряжении воинские команды для жестокого выколачивания налогов с населения.

Покидая в начале февраля Сумы, Петр оставил Репнину, Шереметеву и Меншикову указ, «что без меня чинить». Генералы должны были укомплектовать полки рекрутами, снабдить их вооружением и снаряжением. Что касается военных действий, то, как и раньше, надлежало наносить урон неприятелю неожиданными нападениями, «всяк оному причинять беспокойство» и следовать за ним «как близко возможно», однако смотреть, чтобы Карл не прорвался к Днепру, где он мог соединиться с войсками шведского генерала Крассау и польскими отрядами Станислава Лещинского. Уже находясь в Воронеже, царь еще раз обязал своих генералов уклоняться от генерального сражения: «А ежели неприятель захочет баталии, то до моего прибытия не давать главной баталии».

Как и раньше, предметом попечения Петра в Воронеже был флот. От взятых в плен шведов царь узнал, что шведский король будто бы намеревался идти на Москву через Воронеж. Хотя показания «языков» и не внушали доверия, царь все же считал, что предосторожность не помешает. Реальнее была угроза с юга, со стороны турок. Царь рассудил, что для нападения турок и крымских татар наступил самый благоприятный момент — театр военных действий переместился на юг. Опасения Петра подкреплялись слухами о «помышлении турок к войне». Именно поэтому царь со свойственной ему энергией во время почти двухмесячного пребывания в Воронеже руководил сооружением кораблей для Азовского флота. Он обучал корабелов правилам изготовления «добрых смол», конопачивания судов «и во всех почти трудных работах был предначинатель и указатель доброго мастерства». А когда выяснилось, что верфь испытывает недостаток в гвоздях, болтах, пушках и якорях, царь отправляется на Ивановский завод, где две недели рядом с мастерами льет

бомбы, гранаты, мортиры, кует якоря и болты.

Из Воронежа царь отправился в Азов. В одном из источников, принятых на веру историками, сказано, что возглавляемая им эскадра насчитывала 241 корабль, среди которых находилось 28 крупных судов, спущенных на воду в его присутствии. Однако современная исследовательница А. П. Глаголева установила, что этот слух распустили шведы с целью подвигнуть Османскую империю на войну с Россией и тем самым вынудить Петра воевать на два фронта. В столице Османской империи, куда докатились эти слухи, началась паника, население покидало Стамбул. В действительности же отправленный в Азов флот состоял всего из двух бригадин и нескольких мелких судов. Не лишена оснований и догадка А. П. Глаголевой, что слух о могущественной эскадре мог исходить из русского лагеря. Цель его — уstrateшить турок, вынудить их воздержаться от открытых военных действий^[94].

Первое впечатление от осмотра Азова, в котором царь не был десять лет, осталось утешительным: «А здесь гораздо люднее, нежели при нас перво было». Запомнилась панорама гавани в Троицком: «сие место, которое пред десяти годами пустое видели... ныне изрядной город купно з гаваном обрели. И хотя где долго хозяин не был, и не все исправно, однакоже есть что смотреть». Неисправными, как и в Воронеже, оказались корабли: «флот здешний большею частью сгнил».

Распорядившись о постройке новых кораблей и углублении гавани в Азове, Петр отправился 27 мая к армии^[95]. Этому событию предшествовало получение двух новостей, свидетельствовавших о бескомпромиссных намерениях шведского короля. 1 мая стало известно, что Карл XII отклонил еще одну мирную инициативу царя. Петр предлагал заключить мир, претендуя лишь на оставление за Россией Петербурга и Шлиссельбурга. Карл ответил посланцу царя, что мир он будет диктовать в Москве, предварительно получив 30 миллионов ефимков компенсации за расходы, якобы издержанные Швецией в годы войны.

Другое известие курьер доставил Петру 5 мая. Из него следовало, что «шведы хотят доставать Полтаву».

В месяцы, проведенные царем в Сумах и на верфях, армия Карла XII в жестокою стужу бродила по заснеженным стенам Украины. Русские отряды и население не давали этой армии ни отдыха, ни крова, ни пищи. Каждый населенный пункт шведы брали штурмом. Героическое сопротивление шведам оказала ничтожная крепость Веприк, наспех окруженная валом, возведенным в зимнюю стужу. Карл сначала велел

подвергнуть городок артиллерийскому обстрелу, но, истратив уйму снарядов и обнаружив бесплодность затеи, велел штурмовать его. Малочисленный гарнизон русских и украинцев, располагавший всего тремя пушками, трижды отбивал приступы. Шведы ворвались в крепость 6 января 1709 года лишь после того, как осажденные израсходовали весь порох. Королевская армия недосчиталась при этом свыше 1200 солдат и офицеров. Путь на северо-восток был усеян такими же городами, которые надо было осаждать, штурмовать, неся потери, тратя боеприпасы.

В феврале Карл достиг крайнего восточного пункта Слободской Украины — Коломака. Там произошел любопытный разговор между шведским королем и Мазепой. «Старый Мазепа, который со своими казаками участвовал в этой экспедиции, хотел польстить королю, рядом с которым он ехал на лошади, принося ему поздравления с его военными успехами и говоря ему по-латыни, что уже находятся не более как в восьми милях от Азии». Карл принял всерьез льстивую речь бывшего гетмана и поручил генерал-квартирмейстеру Гилленкроку разведать дороги, ведущие в Азию. Гилленкрок, более осведомленный в географии, чем его повелитель, заметил, что до Азии еще далеко.

— Но Мазепа мне сказал, что граница отсюда недалеко. Мы должны туда пройти, чтобы иметь возможность сказать, что мы были также и в Азии.

Гилленкрок стоял на своем:

— Ваше величество изволите шутить, и, конечно, вы не думаете о подобных вещах серьезно.

Возражать королю было бесполезно:

— Я вовсе не шучу. Поэтому немедленно туда отправляйтесь и осведомитесь о путях.

Генерал-квартирмейстер ушел, но не разведывать дороги в Азию, а к Мазепе, чтобы выяснить, зачем он вводит в заблуждение короля. Разговор закончился внушением Мазепе:

— Ваше превосходительство отсюда может видеть, как опасно шутить таким образом с нашим королем. Ведь это господин, который любит славу больше всего на свете, и его легко побудить продвинуться дальше, чем было бы целесообразно».

За зимними стужами началось раннее половодье. Шведская армия таяла на глазах от недоедания, болезней, лихих налетов «партий» регулярной армии и партизан. Шведы повернули на юг в намерении овладеть Полтавой. Они двигались навстречу своей гибели.

Первые отряды шведских войск появились под стенами Полтавы 1

апреля. Мазепа внушал Карлу мысль, что овладение Полтавой обеспечит переход на сторону шведов всей Украины.

Но и в расчетах шведского короля захват Полтавы сулил немалые выгоды — город являлся узлом дорог, среди которых важнейшей была та, что вела к возможным союзникам — туркам и крымским татарам. С ними король вел переговоры о заключении договора против России.

Впрочем, наиболее проницательные из шведских генералов видели гибельность осады Полтавы. Если движение на запад, за Днепр, по их мнению, хотя и было сопряжено с большими потерями, но все-таки могло сохранить костяк армии, то стояние у Полтавы и попытки овладеть городом вели к катастрофе. Именно эту точку зрения отстаивал Гилленкрок в беседе с королем.

Король: Вы должны приготовить все для нападения на Полтаву.

Гилленкрок: Намерены ли ваше величество осаждать город?

Король: Да, и вы должны руководить осадой и сказать нам, в какой день мы возьмем крепость.

Гилленкрок возразил, что армия не располагает всем необходимым для подобной осады.

Король: У нас достаточно материала, чтобы взять такую жалкую крепость, как Полтава.

Гилленкрок: Хотя крепость и не сильна, но в гарнизоне 4 тысячи человек, не считая казаков.

Король жил воспоминаниями почти девятилетней давности. Самоослепленность мешала ему верно оценивать окружающее, и он изрек:

— Когда русские увидят, что мы серьезно хотим напасть, они сдадутся при первом же выстреле по городу.

Сколько Гилленкрок ни убеждал короля, что гарнизон Полтавы будет обороняться до последнего, что шведская армия испытывает острый недостаток в артиллерии и боеприпасах, что штурм будет стоить огромных потерь, Карл оказался глухим к разумным советам и парировал все доводы характерной для него фразой:

— Да, вот именно мы должны совершить то, что необыкновенно. От этого мы получим честь и славу.

Город действительно был укреплен слабо. Земляные валы, ров и частокол из дубовых бревен — вот все оборонительные сооружения, которыми располагал гарнизон. Тем не менее шведы почти три месяца безуспешно пытались овладеть городом. После многочисленных попыток взять крепость штурмом Карл, так не любивший осадных работ, все же вынужден был приступить к осаде.

Осажденные во главе с комендантом крепости Алексеем Степановичем Келиным проявили твердость духа. Еще в январе 1709 года полковник Келин наряду с прочими комендантами украинских крепостей получил приказ Петра: «Ежели неприятель будет вас атаковать, то, с помощью Божиею, боронитца до последнего человека, и ни на какой аккорд с неприятелем никогда не вступать под смертной казнию. Також, ежели коменданта убьют, то надлежит первому под ним офицеру комендантом быть, и так последовать и прочим (сколько побитых ни будет) одному за другим, чтоб дела тем не остановить». Число защитников города постепенно уменьшалось, тем не менее осажденные отбивали приступы шведов и даже сами совершали вылазки и препятствовали осадным работам. 2 июня к полковнику Келину в восьмой раз явился барабанщик с предложением сдать город на самых почетных условиях. Шведы грозили, что в противном случае все защитники крепости будут истреблены. Парламентер ушел со следующим ответом Келина:

— Мы уповаем на Бога, а что объявляешь, то мы чрез присланные, коих семь имеем, известны; тако же знаем, что приступов было восемь и из присланных на приступе более трех тысяч человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет.

Петр, находясь вдали от событий и получив известие об осаде шведами Полтавы, разгадал значение города в стратегических планах Карла. «Сие место зело нужно», — писал царь Меншикову, стоявшему недалеко от Полтавы, и предложил два способа оказания помощи осажденному гарнизону: либо совершить диверсию на Опошню и тем отвлечь внимание Карла от Полтавы, либо укрепиться на противоположном от шведов берегу Ворсклы и попытаться оказать помощь гарнизону в продовольствии, живой силе и вооружении. «В протчем же, — заключал царь свои размышления, — яко заочно, полагаюсь на ваше рассуждение^[96].

Предложенным планом помощи осажденной Полтаве, составленным «заочно», Петр еще раз обнаружил незаурядное полководческое дарование. Меншиков начал осуществлять этот план, когда курьер с указом Петра находился еще в пути.

7 мая Меншиков напал на шведов в Опошне, перебил гарнизон и вынудил Карла прибыть туда на помощь. Диверсия закончилась успешно — русские организованно отошли на противоположный берег Ворсклы. В ночь на 15 мая в осажденную Полтаву проник отряд в 900 человек. Пришедшие в город солдаты «не токмо что платье все, но и штаны ради

болотных зело глубоких переprav поскидали». Они доставили в крепость свинец и порох.

Петр прибыл к Полтаве 4 июня. Там уже находилась вся шведская армия, подтягивалось и русское войско. Оценив обстановку на месте, Петр решил, что наступило время дать шведам генеральное сражение. «Сошлись близко с соседями, с помощью Божию, будем конечно в сем месяце главное дело со оными иметь», — пишет он Федору Матвеевичу Апраксину 7 июня^[97].

Шведские войска, осаждавшие Полтаву, фактически сами оказались на положении осажденных. Расстановку сил в первой половине июня метко выразил будущий канцлер Головкин, находившийся с войсками под Полтавой. Он писал русскому послу в Дании: «И можно сказать, что неприятель есть паче от нас в осаде, нежели помянутая крепость от него»^[98]. Действительно, шведы, оказавшиеся еще со времени разгрома у Лесной в стратегическом окружении, теперь попали в столь отчаянное положение, что в генеральном сражении видели единственный шанс на спасение.

Выдающаяся заслуга Петра как полководца состоит, в частности, в том, что он выбрал для генерального сражения такое время, когда неприятель был ослаблен изнурительными маршами, а также предшествующими военными неудачами и уже не располагал той силой, с которой вторгся в Россию. Напротив, русская армия, постоянно пополнявшаяся резервами и овладевшая основами современного военного искусства, стала неизмеримо сильнее, чем в начальный период вторжения неприятеля в Россию.

Первоочередная задача, однако, состояла в том, чтобы оказать помощь терпящему бедствие гарнизону Полтавы. Царь отправляет в ядре приказ Келину совершить вылазку из города как раз в тот момент, когда русские войска будут пытаться прорвать блокаду. Атака намечалась на 12 июня, но она не состоялась — ливневый дождь поднял уровень воды в Ворскле настолько, что переправа оказалась невозможной.

Русские войска переправились через Ворсклу 20 июня. Карл XII теперь понял — царь намерен дать генеральное сражение. В его ожидании король предпринял 21 и 22 июня отчаянные попытки овладеть Полтавой штурмом. Но защитники крепости выстояли и на этот раз — ранним утром 21 июня на площади у Спасской церкви они дали клятвенное обещание сражаться со шведами до последней капли крови и сдержали эту клятву.

Начиная с 20 июня в русском лагере кипела напряженная работа:

стучали топоры, солдаты работали лопатами — готовили укрепления. Петр, как и у Лесной, избрал для предстоящего сражения закрытую местность. Фланги русского лагеря упирались в густой лес, в тылу — крутой берег реки Ворсклы, через которую были наведены мосты. Открытая равнина находилась лишь перед фронтом русского лагеря. Именно оттуда Петр ждал наступления шведов. Он велел соорудить шесть редутов на расстоянии ружейного выстрела один от другого. Перпендикулярно к ним намечалось строительство еще четырех редутов, из которых только два оказались готовыми к началу сражения. Назначение шести редутов состояло в том, чтобы ослабить силу наступательного порыва шведов. Четыре перпендикулярных редута должны были рассечь их боевые порядки.

25 июня Петр произвел смотр войскам, и в этот же день военный совет разработал диспозицию сражения. Командование первой дивизией Петр взял на себя, а прочие дивизии распределил между генералами. Кавалерия была поручена Меншикову, командование артиллерией Петр возложил на генерал-лейтенанта Брюса, снабдив его планом размещения мортир и гаубиц. В «Гистории Свейской войны» записано: «Фельдмаршал и генералитет просил его царское величество, чтоб в баталию не приобщаться (то есть не участвовать в сражении. — *Н. И.*), на что изволил сказать, чтоб о том ему более не говорили».

День 26 июня Петр провел в непрерывных хлопотах. В этот день царю сообщили неприятную новость: из Семеновского полка к неприятелю бежал унтер-офицер. Царь понимал, что изменник сообщит королю о слабых местах обороны и посоветует нанести удар по необстрелянному полку, укомплектованному новобранцами. Петр велел обрядить в форму этого полка опытных и закаленных в боях солдат Новгородского полка.

В преддверии генеральной баталии, в тот же день 26 июня, Келину было переброшено ядро с новым предписанием Петра: «Ныне инако вам повелеваем, чтоб вы еще держались до половины июля и далее, понеже мы лучшую надежду от-сея, с помощью Божию, имеем вас выручить, о чем паки подтверждаем: держитесь, как возможно, и нам давайте знать о себе»^{99}.

Шли последние приготовления к сражению. Петр в мундире гвардейского офицера из темно-зеленого сукна с красными обшлагами, с развевающимся на ветру офицерским шарфом появлялся то среди драгунских полков, то среди пехотинцев, строивших редуты, то среди артиллеристов. К офицерам гвардейских полков он обратился с речью.

— Вам известно, что кичливый и прозорливый их король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала своего Шпарра

пожаловал уже губернатором московским и любезное наше Отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую веру, совсем истребить. Оставим ли такие ругательства и презрение наше без отмщения?

От имени генералов и офицеров Петру отвечал боевой генерал-лейтенант Михаил Михайлович Голицын. Напомнив о сражении при Лесной, он сказал:

— Ты видел труд и верность нашу, когда чрез целый день в огне стояли, шеренг не помешали и пяди места неприятелю не уступили; четыре раза от стрельбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли; ныне же войска те же, и мы, рабы твои, те же. Уповаем иметь подвиг ныне, как и тогда^{100}.

26 июня был памятным днем и для Карла. В этот день он принял роковое для себя решение — атаковать русский лагерь. Несколькими днями раньше король получил две безрадостные вести. Одна исходила от Станислава Лещинского и шведского генерала Крассау, сообщивших, что они не могут прийти из Польши под Полтаву, так как сами должны отбиваться от постоянных нападений кавалерии русского генерала Гольца. Другую весть доставили из Константинополя — турецкое правительство уведомило, что оно не намерено вмешиваться в конфликт между Швецией и Россией. Помощи, следовательно, ждать было неоткуда. Карл знал, что время работает против него, — изменник-перебежчик сообщил, что царь ожидает подхода 40-тысячной нерегулярной конницы калмыков (на самом деле подошло 3 тысячи), и тогда превосходство будет столь значительным, что русские «всю армию его королевскую могут по рукам разобрать».

26 июня король также произнес речь. Его, полулежавшего на носилках, медленно несли перед фронтом выстроившихся войск. Несколькими днями раньше во главе небольшой кавалькады он натолкнулся на сидевших у костра казаков и не удержался — слез с коня и застрелил одного из казаков. Ответная пуля застряла в ноге, и королю за ребяческое тщеславие пришлось расплачиваться болезненной операцией.

Речь Карла резко отличалась от речи Петра. Петр призывал к защите Отчизны, к выполнению патриотического долга. Карл обращался к армии-завоевательнице, соблазнял ее роскошным обедом: офицеров он приглашал на пир в шатры московского царя.

— Он приготовил нам много кушанья. Идите же завтра туда, куда ведет вас слава.

Движение шведов к русскому лагерю началось 27 июня, в третьем часу, когда было еще темно. В ночной тишине слышался гул тысяч

солдатских ног и конских копыт — в шведском лагере шли последние приготовления к сражению.

Подойдя к редутам, неприятельская пехота ринулась в атаку. Для русской армии эта атака не была неожиданной — Меншиков уследил тот момент, когда шведы двинулись с места, и задержал продвижение кавалерии встречным боем, чем дал возможность подготовиться русской пехоте к должной встрече противника. Шведским войскам удалось овладеть двумя недостроенными редутами. И все же развить успех шведам не удалось. Они оказались под губительным огнем русской артиллерии и вынуждены были отойти. Реншильд, которому раненый Карл поручил командование всей армией, направил левофланговую кавалерию в обход русских войск, но и этот маневр был обречен на неудачу — шведской кавалерии противостояла энергично действовавшая кавалерия Меншикова и артиллерия генерала Брюса. Превосходство русской артиллерии было подавляющим — против 39 стволов шведов действовали 102 русские пушки.

Опьяненному успехом Меншикову казалось, что еще одно усилие, и неприятель будет сломлен. Он трижды просил царя прислать ему подкрепление, чтобы разгромить шведов.

Петр, однако, обоснованно придерживался ранее разработанного плана сражения и велел Меншикову вывести конницу с поля боя. Отвод конницы шведы приняли за отступление, бросились ее преследовать и вновь приблизились к русским редутам на расстояние картечного огня. Спасаясь от этого огня, они кинулись в лес, и здесь часть из них была уничтожена.

Около 8 часов утра Петр решил вывести свою армию из редутов. В центре построения находилась пехота, между ее боевыми порядками размещалась артиллерия. Кавалерия была расположена на флангах.

Шереметеву царь велел вывести шесть драгунских полков с передовой линии, непосредственно противостоящей неприятелю, подойти к стоявшим в стороне войскам Скоропадского и наблюдать за ходом сражения: в случае, если шведы двинутся против украинских войск гетмана, надлежало оказать им помощь. «А о вступлении в баталию ожидать указу», — заключил свое распоряжение Петр.

Ослабление передовой линии встретило возражение Шереметева, его поддержал князь Репнин. Они говорили: «Надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным». Петр им ответил: «Больше побеждает разум и искусство, нежели множество».

Перед пехотинцами царь выступил со знаменитой речью, известной

под названием приказа Петра:

— Ведало бы российское воинство, что оный час пришел, который всего Отечества состояние положил в руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быть за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский.

Царь закончил свою речь словами:

— О Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние^{101}.

Карл попытался концентрированным ударом прорвать центр построения русских войск, состоявший из солдат Новгородского полка. Шведам удалось потеснить первую линию полка. Заметив это, Петр сам повел второй батальон новгородцев в контратаку и восстановил положение. Между тем конница, находившаяся на флангах, ринулась в атаку на шведскую кавалерию и потеснила ее. Огромное опустошение в рядах атакующих шведов производила артиллерия. Вот как описывает ее действия современная хроника: «Первой залф учинен от войска царского величества так сильно, что в неприятельском войске от падших тел на землю и ружья из руки убиенных громкой звук учинился, которой внушал, якобы огромные здания рушились».

Шведы дрогнули. Карл, поднятый на руках, сколько ни призывал бегущих остановиться, не мог предотвратить паники. Через два с половиной часа сражения шведской армии не существовало. Победа была полной.

Еще не подсчитаны трофеи, еще неизвестны потери свои и неприятельские, еще неясно, что случилось с королем и где он, «с нами или с отцы нашими», а разгоряченный сражением Петр, не чувствуя усталости после нескольких бессонных ночей, берется за перо, чтобы известить «о зело превеликой и нечаемой виктории».

В дальнейшем ход сражения уточнялся, выяснялись детали. Меншиков рассказал, что за время баталии он сменил трех сраженных коней, Петр показал свою пробитую пулей фетровую шляпу.

После завершения сражения в шатер царя приводили одного за другим пленных генералов и министров шведского короля, принесли разбитые ядром носилки Карла. Петр все допытывался: «Неужели не увижу сегодня брата моего Карла?»

Петру не довелось встретиться с поверженным королем ни в этот памятный день, ни позже. Тщетно искали живого или мертвого короля на поле боя — он с остатками разгромленной армии, Мазепой и мазепинцами

во всю прыть мчался к Днепру. Русская кавалерия преследовала беглецов до тех пор, пока не обессилели кони. Вечером в погоню за уходившими на запад беглецами Петр отправил гвардейские и драгунские полки.

В третьем часу дня Петр устроил обед для генералов и старших офицеров, участвовавших в сражении. На обед были приглашены взятые в плен шведские генералы и министры. Царю сообщили о хвастливой речи короля, обещавшего своим офицерам обед в шатре русского царя. С иронии по этому поводу и начал речь Петр:

— Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал. Я его весьма ожидал и сердечно желал, чтобы он в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать.

За этим же обедом царь в шутку произнес свой знаменитый тост за здоровье шведских учителей в ратном деле. Первый шведский министр граф Пипер бросил ответную реплику:

— Хорошо же ваше величество отблагодарили своих учителей!

Приглашением шведских генералов и министров на обед Петр проявил рыцарское отношение к побежденным и уважение к противнику — качества, которых был лишен его «брат Карл». Великодушие царь проявил и к фельдмаршалу Реншильду, подарив ему в знак высокой оценки его мужества собственную шпагу.

Остаток дня 27 июня и всю ночь команды очищали поле сражения от трупов, подбирали раненых. Убитых русских солдат и офицеров насчитали 1345 человек, в то время как шведов — свыше 8 тысяч. В 6 часов утра 28 июня в присутствии Петра состоялось торжественное захоронение погибших русских воинов. Над двумя братскими могилами был насыпан высокий холм, его венчал деревянный крест.

В тот же день Петр совершил триумфальный въезд в освобожденную Полтаву. Стало известно, что ее героический гарнизон располагал всего полутора бочками пороха и восемью ящиками патронов, ядер давно не было и в помине, и пушки заряжали камнями и картечью, изготовленной из нарезанных кусочков железа.

30 июня наступил финал похода Карла XII на Россию. После катастрофы у Полтавы, под стенами которой были похоронены все дерзкие мечты Карла, шведская армия, бросив обозы, стремительно двигалась на запад. В этот день она подошла к Днепру у Переволочны. Размышлять о

том, что делать дальше, не было времени — за шведами по пятам двигалась русская конница. Достичь противоположного берега шведы не могли, так как средства переправы были задолго до этого уничтожены русскими. С трудом удалось разыскать несколько лодок для короля и его охраны. Карл вручил командование войсками генералу Левенгаупту. Быстрые удары весел направляют лодку к противоположному берегу. Смельчаки, отважившиеся преодолеть реку вплавь, тонут на глазах короля. Наконец Карла усаживают в карету, и незадачливый завоеватель стремительно мчится на юг, в турецкие владения, то и дело оглядываясь назад — нет ли погони. Вместе с королем бежал Мазепа и мазепинцы.

В то время как отряд князя Григория Волконского скакал по следам Карла XII и Мазепы, Меншиков, исполняя поручение Петра, отправил в Москву следующее повеление: «По получении сего сделайте тотчас монету серебряную весом в десять фунтов, а на ней велите вырезать Иуду на осине повесившегося и внизу тридесять серебряников лежащих и при них мешечек, а назади надпись против сего: «Треклят сын погибельный Иуда еже за сребролюбие давится». И к той манете, зделав цепь в два фунта, пришлите к нам на нарочной почте немедленно».

Это был орден Иуды, специально учрежденный для предателя Мазепы. Петр не терял надежды, что изменник будет схвачен на пути в Турцию или выдан турками.

Получить «награду» вместе с цепью, весившей около пяти килограммов, Мазепе не довелось. В конце июля он благополучно добрался до Бендер и там вскоре, по одним свидетельствам, умер своею смертью, а по другим — отравился.

Орден Иуды все же обрел владельца — им оказался царский шут князь Юрий Федорович Шаховской. Он изредка появлялся в обществе царя с «манетой» и массивной цепью на шее, по своему весу более напоминавшей вериги, чем орден.

Через три часа после того как король оставил свою армию, к Переволочне подошел корпус Меншикова. Петр поручил завершить разгром шведов именно Меншикову, ибо трудно было сыскать лучшего исполнителя для подобного плана. Светлейший мог, когда того требовала обстановка, проявлять беззаветную отвагу и идти на явный риск либо, напротив, действовать столь осторожно и предусмотрительно, что этими своими качествами ставил в тупик неприятеля. И хотя русских насчитывалось всего 9 тысяч человек против 16 тысяч шведов, Меншиков знал, что перед ним стояла потрясенная неслыханным поражением и утомленная трехсуточным бегством голодная толпа, и поэтому предложил

Левенгаупту немедленно и безоговорочно капитулировать. В противном случае князь грозил шведской армии полным истреблением.

1 июля прибывшему к Переволочне Петру Меншиков доложил, что в плен сдались 16295 шведов. Царь тут же отправил указ Шереметеву: «Изволь прислать к нам, не мешкав, 500 лошадей с телегами, на которых довести до обозу неприятельское ружье и амуницию»^{102}.

Что случилось с шведской армией? Почему в ее действиях исчезла прежняя самоуверенность, почему остатки этой армии во главе с прославленным полководцем, выигравшим около шести десятков сражений, стали искать спасение в постыдном бегстве? Неужели отвага покинула Карла и его войско?

Ответы на эти вопросы следует искать не в шведском, а в русском лагере. Шведское войско и его полководец остались прежними: солдаты, как и раньше, верили в счастливую звезду своего короля, а сам король не допускал даже мысли, чтобы какая-либо армия могла превосходить шведскую. Что же тогда изменилось?

Изменилась русская армия. Раньше инициатива исходила от шведов, теперь — от русских. Раньше свою волю противнику навязывал Карл XII, теперь свою волю диктовал Петр I. Участвовавшие в Полтавской битве владимирские, тверские, рязанские, нижегородские, воронежские, вологодские крестьяне и горожане имели за плечами долгие годы ратного труда, они прошли путь от Нарвы до Полтавы. Защита родной земли от иноземных захватчиков воодушевляла русских воинов на подвиги и самопожертвование.

Пленение остатков шведского войска у Переволочны позволило Петру заявить: шведская армия, «толь в свете славная», перестала существовать, «от оной кроме немногих сот, которые с королем через Днепр перешли, никто не убежал».

«Неслыханная в свете виктория», как называл царь Полтавскую победу, доставила ему множество приятных хлопот. Отдыху он отдает лишь часть короткой ночи, остальное время читает донесения, составляет «обстоятельную реляцию», отдает распоряжения. Подсчитаны пленные, убитые и раненые, уточнены собственные потери, взяты на учет трофеи: знамена и штандарты, пушки и телеги, лошади и оружие. Судя по трофеям, шведская армия не испытывала недостатка ни в боевых знаменах и штандартах, ни в холодном и легком огнестрельном оружии. Маловато у шведов было только пушек, ядер и пороха. 102 русским орудиям, действовавшим под Полтавой, шведы могли противопоставить только 39 пушек. Превосходство русской артиллерии обеспечили пущенные во время

войны новые предприятия: на стволах мортир, гаубиц и пушек стояли клейма олонецких, уральских и тульских заводов.

Составляя реляцию, Петр подчеркивал, что победа досталась «лежким трудом», то есть сравнительно небольшими потерями. Обращал он внимание и на другой немаловажный факт: «из нашей пехоты токмо одна линия, в которой з десять тысяч обреталось, с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла, ибо неприятели, будучи от нашей первой линии опровергнуты, побежали и тако побиты». Петр располагал численным превосходством над шведами, но не воспользовался им, ибо было достаточно даже передовой линии, чтобы сокрушить 32-тысячную армию Карла.

Потеря армии означала утрату могущества Швеции. Теперь уже Петр не сомневался в прочности своих приобретений в Прибалтике. Петербург находился в безопасности, о чем он в шуточной форме извещает «князя-кесаря» Ромодановского: «Ныне уже без сомнения желание вашего величества, яже резиденцию вам иметь в Петербурхе, совершилось чрез сей конечной упадок неприятеля».

Петр спешит развить успех, нанести новые удары, на этот раз по шведским гарнизонам, расположенным в прибалтийских крепостях, и тем самым принудить упрямого короля к миру. У царя уже готов план новой кампании, он поглощен будущим. Еще не распределены награды за участие в Полтавской баталии, и Меншиков не извещен о присвоении ему фельдмаршала, а руководитель дипломатической службы Гавриил Иванович Головкин не стал канцлером, еще не решено, как увековечить память о блестящей победе, а Петр занимается приготовлением к новому походу. 8 июля он сообщает Августу II о том, что «в середине сего месяца со всею армиею нашею, для совершения наших общих интересов, особою своею в Польшу идем, а кавалерия наша сего 9-го июля туда наперед поход свой восприемлет». С адмиралом Апраксиным он делится планами кампании: хорошо было бы «промысл учинить» в Выборге, но, рассуждал царь, пустота края и «прочие неудобства» вынуждают отложить операцию до зимы. А вот Ревель надобно «осадить и, с помощью Божию, доставать».

Выдавая щедрые награды генералам, одних повышая в чине, других наделяя деревнями, третьих награждая орденами, Петр не оставил без внимания и офицеров, а также солдат, участвовавших в сражении, — им были выданы деньги в размере от месячного до полугодового жалованья. В наградах за Полтаву Петр ввел новшество — все участники сражения получили медали: солдаты — серебряные, офицеры — золотые. На их

лицевой стороне был изображен нагрудный портрет Петра, а на оборотной — сражение пехоты на фоне Полтавы с надписью: «За Полтавскую баталию».

Наконец, царь намеревался увековечить память о победе монументальными сооружениями. Спустя две недели после битвы он отправил Монастырскому приказу повеление основать на месте сражения «в знак и вечное напоминание преславной той виктории» мужской монастырь, построить каменную церковь, а также воздвигнуть памятник. Он должен был выглядеть так: «А пред церковию сделать пирамиду каменную с изображением персоны нашей в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтой, и под ней бой самым добрым художеством. А по сторонам той пирамиды на досках медных учинить подпись с объяснением всех действий от вступления в Украину того короля шведского и с получением сей баталии».

В обстановке праздничной атмосферы, царившей в лагере под Полтавой, а затем в Решетилровке, «понеже у Полтавы ради духу от мертвых тел и долговременного стояния двух армий великих долее стоять было невозможно», Петр счел, что его личные заслуги в разгроме шведов тоже должны быть отмечены.

«Господин фельдмаршал, — обращается полковник «Piter» к Шереметеву, — прошу, дабы вы рекомендовали государям нашим обоим о моей службе, чтоб за оную пожалован был чином рыр- (то есть контр-. — Н. П.) адмиралом или шаунбейнахтом, а здесь в войске ранг, а не чин старшего генерал-лейтенанта. И о первом, как к вам с Москвы указ послан будет, тогда б и к адмиралу о том моем чине указ послан был же от их величества»^[103].

Челобитная сочетает шуточное с серьезным. «Государи», к которым по просьбе челобитчика должен был обратиться с представлением Шереметев, — это «князь-кесарь» Федор Юрьевич Ромодановский и Иван Иванович Бутурлин, судья приказа земских дел.

«Государи», разумеется, не заставили себя упрашивать. Ромодановский сообщил царю, что он пожалован просимыми чинами за «храбрые кавалерские подвиги и в делах воинских мужественное искусство». Петр ответил выражением благодарности. В духе сложившихся отношений между членами «компании» царь свою признательность «князю-кесарю» формулировал так: «И хотя я еще столько не заслужил, но точию ради единого вашего благоутробия сие мне даровано, в чем молю Господа сил, дабы мог вашу такую милость впредь заслужить».

Из Решетилковки Петр отправился в Киев. Здесь, в Софийском соборе,

он услышал удивившую его проповедь.

Проповеди, произносимые с амвонов церковными иерархами, царю приходилось слушать многократно. Плавно текли витиеватые, мало понятные слушателям фразы. Традиция схоластических, оторванных от действительности проповедей складывалась столетиями. Слово, которое царь слушал в Софийском соборе, поразило необычным началом. Проповедник обращался к нему, живому человеку, и говорил о живом деле: «Пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монарх и преславный войск свейских победителю, кое иное дать тебе приветствие и что большее в дар гостинный имама принести тебе?» — патетически вопрошал оратор. Далее следовал рассказ о Полтавском сражении, об измене Мазепы, о пленении шведов у Переволочны.

Царю импонировали оценки событий, произносимые с амвона: «Супостат, воистинну таковой, от якового непобежденному токмо быти великая была бы слава — что ж такого победита, и победити тако преславно и тако совершенно!» Ласкали слух царя обращенные к нему слова: «Ты не только посылал полки на брань, но сам стал противо супостата, сам на первые мечи и копия устремился»^{104}.

Кто же произносил проповедь, настолько понравившуюся царю, что он велел ее немедленно напечатать на русском и латинском языках?

Проповедником был префект Киевской академии Феофан Прокопович, блестящий оратор и не менее блестящий публицист. Он принадлежал к числу едва ли не самых образованных людей своего времени: окончил Киевскую академию, затем учился в Кракове, Львове и Риме.

Слушая похвальное слово Прокоповича, Петр обнаружил в монахе не только симпатии к себе, но и горячую приверженность к своим делам. Это и решило судьбу киевской знаменитости — со временем Прокопович станет ближайшим помощником Петра в проведении церковной реформы и пропагандистом петровских преобразований.

В Польшу царь отправился пожинать дипломатические плоды военной победы. Европейским дворам к тому времени были уже известны результаты баталии под Полтавой. Об этом позаботился сам Петр, отправив грамоты и реляцию о Полтавской виктории Голландским штатам, прусскому королю, венецианскому дожу, австрийскому императору, Августу II.

Понадобилось время, чтобы в Европе поверили, казалось бы, невероятным известиям о полном разгроме шведской армии. Шведы распространяли в прозе и стихах ложные сведения о том, что произошло под Полтавой. «Слухи о том, что король разбит и перешел Днепр,

совершенно ложны», — читаем в одном из инспирированных шведами сообщений. Впрочем, даже стараниями почитателей Карла XII и наемных писак невозможно было скрыть подлинные размеры катастрофы сколь-либо долгое время.

Навстречу Петру, оваянному славой победителя, спешили союзники, ранее оставившие его в одиночестве. В Люблине его приветствовал обершталмейстер Августа II. От имени короля он пригласил Петра в Торунь. Август вновь стал польским королем — Станислав Лещинский, получив известие о разгроме войск своего патрона под Полтавой, решил убраться из Польши. Петр иронизировал: «Лещинский бороду отпустил (то есть ходит в трауре. — *Н. П.*) для того, что корона его умерла».

К Петру, ехавшему в Торунь на крыльях славы, мчался камергер прусского короля. В свое время Фридрих I не откликнулся на просьбу царя о посредничестве при заключении мира со Швецией. Теперь прусский король искал встречи с царем. В Торунь прибыл также чрезвычайный посол датского короля, чтобы поздравить с победой и заодно домогаться заключения оборонительного и наступательного союза.

26 сентября при въезде в Торунь царя в полумиле от города встречали польский король и сенат в полном составе. Август II во время свидания пережил неприятные минуты. Поздравляя Августа с восстановлением его прав на польский престол, Петр сказал ему, что прошедшего не стоит вспоминать; он, Петр, понимает, что король действовал вопреки собственным интересам и не по своей воле. Август, слушая утешительные слова царя, не сводил глаз с его шпаги. То была шпага, которую Петр в знак дружбы некогда подарил ему, Августу. Польский король преподнес этот подарок Карлу XII, а Карл оставил шпагу на поле боя под Полтавой.

Царь и здесь проявил великодушие: простив крупное предательство, он оставил без последствий и эту мелкую подлость.

На Петра все эти торжественные встречи, высокопарные слова, артиллерийские салюты, подобострастные взгляды впечатления не произвели. Европейская слава и всеобщее признание полководческих дарований не вскружили ему голову. Он оставался самим собою, сохранив ту же простоту поведения и обыкновение решать дела в непринужденной обстановке за обеденным столом. «Мы здесь с господами поляками непрерывно на конференциях о делах Ивашки Хмельницкого бываем», — писал он в те дни.

Дипломатическая миссия царя завершилась полным успехом. Распавшийся Северный союз был восстановлен: помимо России, Саксонии и Дании, в него вошла Польша.

Из Торуня для встречи с прусским королем Петр отправился в Мариенверден. Переговоры с Фридрихом I завершились заключением оборонительного союза. Царь подарил своему союзнику шпагу, которая была при нем во время Полтавского сражения. Рослый царь носил увесистую шпагу, не испытывая неудобств. Королю она затрудняла передвижение, и его придворный заметил: «Она была до того массивна, что я постоянно боялся за моего доброго короля, как бы он не упал с нею».

Полтавская виктория резко изменила положение России в Европе. Теперь уже при европейских дворах перестали хохотать по поводу неудачи под Нарвой и не сомневались ни в мощи России, ни в талантах полководца, сумевшего разгромить «непобедимых шведов». Герцог Луи Сен-Симон, вельможа французского короля Людовика XIV и автор 20-томных мемуаров, записал: 1709 год «принес полное изменение положения на севере: упадок, чтобы не сказать уничтожение Швеции, которая так часто приводила в трепет весь север и не раз заставляла дрожать империю и австрийский дом, и необычайное возвышение другой державы, доселе известной лишь по названию и никогда не влиявшей на другие страны, за исключением своих ближайших соседей».

На глазах изумленной Европы рождалась новая великая держава.

ОТ БАЛТИКИ К ПРУТУ

Зиму 1709 года царь провел в хлопотах по организации триумфального въезда в Москву героев Полтавы. Петр придавал этому событию огромное значение и начал подготовку к нему еще в октябре. Пленные шведы, размещенные в разных городах страны, по царскому указу свозились в Можайск и Серпухов. Наконец Петр рапортовал «князю-кесарю» Ромодановскому о сосредоточении 22 085 шведов, плененных у Лесной и Полтавы.

Москвичи уже успели привыкнуть к такого рода торжествам, но подобного зрелища им видеть еще не доводилось. Удивить триумфальными арками, музыкой, хорами, полками, шагавшими под боевыми знаменами, вряд ли было можно — парады победителей ведут свою историю от второго Азовского похода. Новое состояло в показе содеянного победителями — огромного количества пленных и трофеев.

Взору толп, разместившихся вдоль улиц столицы, сначала предстали трубачи и литаврщики в красивом убранстве. За ними следовал батальон Семеновского полка, отличившегося в битве у Лесной. Его вел командир полка генерал-лейтенант М. М. Голицын. За гвардейцами везли трофеи, взятые у Лесной: пушки, знамена, штандарты. За трофеями шли плененные в том же сражении шведские офицеры. Замыкал шествие, посвященное Лесной, второй батальон Семеновского полка.

Сценарий торжества, разработанный, как и всегда, царем, предусматривал комический момент, уязвлявший самолюбие побежденных. В санях, запряженных оленями, ехал сумасшедший француз Вимени. Современник об этом французе отзывался так: «Он порою разговаривал так разумно, что в его речи сказывалась тонкая наблюдательность, по занимательности не уступавшая беседе самого умного человека». Этого Вимени Петр выпросил у польского короля и назначил «королем» ненцев. За санями Вимени ехали 19 саней ненцев, одетых в шкуры оленей шерстью наружу.

Шуточный король и его свита, предварявшие полтавскую часть торжества, по замыслу царя, должны были подчеркнуть сумасбродную цель подлинного короля, пытавшегося осуществить несбыточное: завоевать Россию, поделить ее на княжества, свергнуть его, Петра, с престола.

Полтавскую часть шествия открывал Преображенский полк, затем шли офицерские чины, плененные под Полтавой. В промежутке между

колоннами низших и высших офицеров везли взятую у шведов артиллерию и знамена. Среди трофеев находились и носилки, которыми пользовался шведский король под Полтавой. Главный трофей Полтавской баталии — первый походный министр Карла граф Пипер — замыкал ряды пленных.

Последним верхом на том самом коне, на котором он участвовал в Полтавской баталии, ехал полководец, одержавший блестящую победу, — Петр ^{105}.

На новый, 1710 год, встреченный, как всегда, торжественным молебном в Успенском соборе и шумными пиршествами, Петр возлагал много надежд. Поверженный неприятель уже не мог восстановить сил и, следовательно, должен был искать путей к миру, которого давно уже домогался царь. Вечером был зажжен грандиозный фейерверк. Это было не просто красочное зрелище, а «огненное действо» с острым политическим сюжетом, подлинное театрализованное представление, происходившее на открытом воздухе, где зрительным залом являлись площади и улицы, заполненные многими тысячами людей.

Новогоднему фейерверку Петр, сочинивший его, придал характер пародии на медаль, выбитую по повелению шведского короля сразу же после заключения Альтранштадтского мирного договора. Медаль изображала шведского льва посреди двух колонн, увенчанных коронами. Одну колонну лев переломил у самого основания, и корона упала. Это был намек на судьбу Польши и ее незадачливого короля. Вторую колонну лев только наклонил, но судьба ее предрешена. Под второй колонной подразумевалась Россия.

Петр использовал в фейерверке сюжет медали, но события изобразил не так, как они представлялись шведам, а как они произошли в действительности. Засветились обе колонны, увенчанные коронами, и озарились яркими огнями. Лев двинулся на одну из колонн и опрокинул ее. Но как только он направился к другой, из горящего орла, который символизировал Россию, вылетела ракета, насмерть поразившая льва.

Весна и лето нового года обнадеживали. Никогда еще небо Москвы так часто не озарялось фейерверками, как в 1710 году. Один успех следовал за другим, и каждый, казалось, приближал день заключения победоносного мира.

Приятные вести были получены из столицы южного соседа России — Константинополя. Русский посол Петр Толстой доносил царю, что в начале января султан ратифицировал договор, подтверждавший прежний мир, заключенный Украинцевым еще в 1700 году. Новым в этом договоре был волновавший царя вопрос о пребывании в турецких владениях шведского

короля. Поначалу Толстой добивался выдачи Карла XII России, но безуспешно. «Домогаюсь, — доносил он, — чтобы короля шведского и Мазепу отдали в сторону царского величества, но о короле не чаю, чтоб отдали ни по какой мере, разве только вышлют его вон из своей области; а о Мазепе боюсь, чтоб оный, видя свою конечную беду, не обусурманился; а ежели сие учинит, то никак не отдадут его по своему закону».

Толстой предъявлял требования с запросом. Но в договоре 1710 года Турция все же пошла на уступки. Она обязалась выпроводить Карла XII из своих владений, причем до польских границ его должен был сопровождать эскорт турок в составе 500 янычар, а через Польшу — такой же численности русский отряд.

«Теперь уже в одну сторону очи и мысли имеем», — отозвался Петр на известие из Константинополя и велел его отметить так же, как отмечал победоносные сражения, — молебном и пальбой из пушек. Успокоение на юге позволяло сосредоточить силы на севере.

Русские войска овладели рядом крепостей. Первой в результате стремительного штурма пала небольшая крепость Эльбинг. В марте началась осада Выборга. План овладения этой мощной крепостью разработал Петр. В мае он возглавил флотилию, доставившую к осаждавшим русским войскам пополнение, продовольствие и артиллерию. Море еще не освободилось ото льда, и поход 250 транспортных судов протекал в крайне трудных условиях.

Как зайти в гавань, проход в которую обстреливался крепостной артиллерией? Петр обманул коменданта крепости: на русских кораблях были подняты шведские флаги, а матросы переодеты в шведскую форму.

Два дня Петр тщательно обследовал крепость. Очевидец записал: «В Выборг снова послан барабанщик, чтобы царю можно было в безопасности осмотреть и исследовать крепость со стороны суши, как он осмотрел ее вчера со стороны моря». 25 мая Петр отдал приказ Апраксину: «Как бреши и прочее по моей диспозиции готовы будут, и с которых стрелять надлежит не меньше недели и штурмовать». До штурма дело не дошло — начались переговоры о сдаче.

Накануне капитуляции к Выборгу прибыл Петр. 14 июня он вошел во главе Преображенского полка в крепость и три дня изучал ее сооружения. Победу отмечали дважды — в самом Выборге, а затем в Петербурге, где гвардейцы во главе со своим полковником пронесли по улицам города шведские знамена.

Дольше всего длилась осада Риги. Она началась еще в октябре 1709 года. В ноябре к войскам прибыл Петр, он сам произвел три выстрела по

городу, чем положил начало его бомбардировке, изучил укрепления и оставил фельдмаршалу Шереметеву приказ: «Чтоб кроме тесной блокады сего города формальною атакою не добывать ради сего, первое, что время было поздно, другое, что гарнизон в нем был великий, а крепость зело сильную имеет оборону, третье, что опасности от шведов никакой не было и сикурсу ждать было невозможно».

Блокада была полной — с суши и с моря. Гарнизон вынужден был капитулировать. Во время осады русские войска понесли значительные потери, но не от военных действий, а от свирепствовавшей здесь чумы: эпидемия унесла около 10 тысяч солдат и офицеров^{106}.

Вслед за Ригой капитулировали крепости Динаминд, Пернов, Ревель (Таллин) и Кексгольм — древнерусский город Корела.

Успех летней кампании 1710 года был ошеломляющим. Петр подвел радостные итоги боевых действий: «И тако Лифляндия и Эстляндия весьма от неприятеля очищена и единым словом изрещи, что неприятель на левой стороне сего Восточного моря не точию городов, но ниже степени земли не имеет»^{107}. В Петербурге по этому случаю три дня звонили в колокола, стреляли из пушек, на Неве стояли иллюминированные корабли.

Подходил к концу 1710 год. Ничего будто бы не предвещало осложнений, и царь размышлял о «добром мире» с Швецией. Однако в декабре курьер доставил крайне неприятное донесение из Константинополя. Толстой сообщал, что Турция объявила войну России. Вскоре пришло другое донесение — крымские татары достигли Белой Церкви и Харькова и хотя были отогнаны местными гарнизонами, но все же успели разорить край.

Объявление войны Османской империей относится к числу тех парадоксов в истории, которые не поддаются объяснению с точки зрения здравого смысла и логики развития событий. В самом деле, наиболее выгодный в интересах Турции момент для нападения остался позади — турки вместе с крымцами могли вторгнуться на территорию Украины в месяцы, когда находившийся там Карл XII со своей отборной армией еще не был разгромлен. Но Турция пошла на военный конфликт полтора года спустя, опрометчиво решив иметь дело с армией, овеянной славой Полтавской виктории и сумевшей с блеском провести летнюю кампанию 1710 года.

Впрочем, ни для Петра, ни для его дипломатов намерения Турции не являлись тайной. Проницательный Толстой просил не удивляться тому, что, «когда король шведский был в великой силе», тогда он, Толстой, доносил о

миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, он ждет от Турции агрессивных действий. Царь располагал достоверными сведениями о том, что в Турции велась подготовка к войне: призывали ополченцев, сосредоточивали полки янычар, приводили в боевую готовность флот для нападения на Азов. Шведский король, еще недавно укрывавшийся в турецких владениях, потратил немало красноречивых слов, чтобы подвигнуть Турцию на войну с Россией. Он стращал султана тем, что Петр, сокрушив Швецию, не замедлит овладеть Крымом и затем поведет свои победоносные войска на Константинополь. Не скупился Карл и на территориальные уступки, тем более что эти щедрые уступки шведский король намеревался совершить за счет не своих, а польских земель: Османской империи было обещано несколько провинций, крепость Каменец, а также 4 миллиона годовой дани. Цель усилий Карла XII была откровенно эгоистичной: Россия будет втянута в войну на юге, следовательно, ослабит давление на севере, Швеция тем временем оправится от поражений. Разжиганию враждебных действий со стороны Турции способствовала и английская дипломатия, стремившаяся связать руки России на юге и тем самым предотвратить ее вмешательство в бушевавший в Европе конфликт между Францией и морскими державами.

Все эти старания любителей загреть жар чужими руками, разумеется, остались бы бесплодными, если бы в самой Турции не было сильно стремление вернуть Азов и земли, утраченные по Константинопольскому мирному договору, подтвержденному всего несколько месяцев назад.

Как реагировал Петр на полученные известия? Война на два фронта его не радовала. Если достигнутые ранее военно-дипломатические успехи в конфликте с северным соседом могли предвещать близкий мир, то теперь окончание Северной войны отодвигалось на неопределенное будущее. Предстояла изнурительная, стоившая огромного напряжения народных сил, борьба с двумя противниками. Петр предпринимает попытки избежать войны на два фронта. Он обращается к турецкому султану с предложением восстановить мир, а также прибегает к посредничеству Англии и Голландии для заключения мира со Швецией на следующих условиях: за Россией остаются лишь земли «наследно к короне Российской издревле принадлежащие», то есть Ингрия и Корела, а также Нарва. За часть Финляндии Швеция получает компенсацию. Лифляндия с Ригой передаются союзнику России — Польше. Однако ни та, ни другая инициатива Петра не встретила поддержки.

Как всегда, чем сложнее и опаснее становилась обстановка, тем

энергичнее и напористее действовал Петр. Он внимательно следил за передвижением войск к новому театру военных действий, заботился о снабжении провиантом и снаряжением, хлопотал о пополнении армии рекрутами и об их обучении. Из Петербурга, где в это время находился Петр, один за другим спешат курьеры к Шереметеву, Голицыну, Апраксину. Азовскому губернатору Апраксину царь предлагает привести в боевую готовность флот, изготовить струги и лодки для донских казаков, поручает привлечь калмыков и кубанских мурз для отпора крымским татарам. Фельдмаршалу Шереметеву велено с войсками двигаться из Прибалтики в район Слуцка и Минска, а оттуда на юг. Зная медлительность Шереметева, Петр то и дело понукает его, требует расторопности, убеждает: «Ити с поспешением»; «дабы вы немедленно отправили полки в марш в назначенные места»; «А маршировать весьма нужно, понеже ежели пехота не успеет, а неприятель на одну конницу нападет, то не без Беликова страху». Царь обращает внимание военачальников, что надлежит «учить драгун огнем как конных, так и пеших, а палашам покой дать, ибо с турками зело инако надлежит воевать, и больше пехотою утверждатца с рогатками»^[108].

Когда приготовления были в основном завершены и никаких надежд на улаживание конфликта не осталось, Петр обнародовал манифест с объявлением Турции войны. Манифест был зачитан в присутствии царя 25 февраля в Успенском соборе. После молебна Петр в качестве полковника Преображенского полка, обнажив шпагу, сам повел этот полк, отдавая честь проходившим вельможам. В тот же день оба гвардейских полка отправились в путь, чтобы соединиться с армией, двигавшейся в Валахию.

Царь выехал из Москвы к армии 6 марта. Этому предшествовали два важных события — одно государственного значения, другое — личное.

Указом 2 марта 1711 года Петр учредил Сенат — высшее правительственное учреждение, одно из самых его долговечных административных начинаний. Сенат существовал свыше двух столетий, но, создавая его, Петр, по-видимому, не предполагал пользоваться услугами этого учреждения длительное время.

Создавался Сенат в спешке, без четких представлений о его правах и обязанностях. Об этом свидетельствует последовательность издаваемых царем указов. Сначала, еще в феврале, был обнародован указ о составе Сената. Указ написал сам царь, документ отличался такой же лаконичностью, как и неясностью. Первая же фраза указа вызывает не прекращающиеся по сей день споры среди историков о том, каким учреждением представлялся царю Сенат: временным или постоянным.

Нервным почерком, который умеют сейчас разбирать лишь несколько историков, Петр написал: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий сенат для управления». Далее следует список лиц, включенных в состав вновь образованного учреждения. Спустя две недели Петр вновь берется за перо, чтобы определить обязанности Сената: «всякий их указам да будет послушен так, как нам самому, под жестоким наказанием или и смертью, по вине смотря». Даже указы, наносившие ущерб государству, надлежало выполнять безоговорочно, «до нашего возвращения».

Сенаторы отвечали только перед царем. Они, как, впрочем, и все чиновники государства, приносили присягу «на верность государю и всему государству».

Одновременно Петр составил указ с перечислением поручений Сенату на время своего отсутствия. Сохранилось три редакции этого указа — царь вносил дополнения, производил перестановку пунктов, выдвигал в число первых те из них, которым придавал важное значение.

В окончательном варианте указа Петр поручал Сенату наблюдение за правосудием и экономным расходом денег. Здесь повторена крылатая фраза, как-то употребленная Петром в письме к Зотову: «Деньги суть артерия войны». Далее перечислялись пути увеличения денежных поступлений в казну. По мнению Петра, следовало упорядочить откуда, «потщится» о повышении прибыли от продажи соли, расширить торговлю с Китаем и Персией.

Обращает на себя внимание собственноручное дополнение Петра, сделанное им ниже своей подписи на беловом экземпляре указа. Одной фразой: «Учинить фискалов во всяких делах, а как быть им, пришетца известие» — царь вводил в стране дотоле неизвестный институт фискалов.

Обещанное «известие» было прислано через три дня, 5 марта, накануне отъезда. В нем перечислялись неслыханные даже по тем временам обязанности фискала: «Дела же его сие суть: должен он над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправой суд, також в сборе казны и протчего. И кто неправду учинит, то должен позвать его перед Сенат (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать. И буде уличит кого, то половину штрафа в казну, а другая ему, фискалу».

Фискал, таким образом, должен был осуществлять негласный надзор над всем и вся. Его обязанность не предупреждать преступление, а регистрировать его и немедленно донести, когда оно совершится.

Фискал не получал жалованья, его рвение поощрялось выдачей половины штрафа, взимавшегося с виновного. Более того, фискалу

предоставлялось еще одно преимущество. Рукою Петра в указе было написано: «Буде же и не уличит (то есть не докажет виновность. — *Н. П.*), отнюдь фискалу в вину не ставить, ниже досадовать под жестоким наказанием и разореньем всего имения»^{109}. Промысел фискала давал ему возможность хорошо заработать, и никакая беда не подстерегала его, даже если он явно клеветал. Поставленный на страже законности и справедливости, фискал сам попирал справедливость.

Фискалы пользовались мрачной репутацией во всех слоях населения. Устюжские фискалы жаловались на одного посадского человека, что тот их всячески поносил и называл вместо фискалов свисталами. А вот мнение о фискалах двух сенаторов — Якова Долгорукого и Григория Племянникова. В коллективной жалобе Петру фискалы писали, что оба сенатора оказывают им всякое немилосердие. «...Племянников называет нас уличными судьями, а князь Яков Федорович — антихристами и плутами».

Не в чести фискалы были и у духовенства. Местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский воспользовался кафедрой Успенского собора, чтобы публично выступить с осуждением безнаказанности фискалов, чем, впрочем, вызвал гнев царя: «А какой же то закон, например: поставити надзирателя над судами и дати ему волю, кого хочет обличите, да обличит, кого хочет обезчестити, да обезчестит; поклеп сложить на ближнего судию — вольно то ему. Не тако подобает сим быта: искал он моей головы, поклеп на меня сложил, а не довел (то есть не доказал. — *Н. П.*) — пусть положит свою голову». Местоблюстителю за эту речь пришлось потом оправдываться перед царем^{110}.

Однако бесчинства фискалов были столь вопиющи, а раздражение против их наветов так велико, что царь три года спустя вынужден был издать указ, устанавливавший фискалу за неправый донос кару, которую довелось бы учинить обвиняемому, если бы обвинение было доказано. Институт фискалов был формой контроля за деятельностью чиновников и частных лиц в абсолютистском государстве, где народ безмолвствовал и общественная инициатива отсутствовала.

Создание Сената и введение фискалов открывали реформу центрального аппарата. Сенат заменил Боярскую думу. Состав Сената, как и Боярской думы, определял царь. Но при назначении в думу царь руководствовался обычаем пожалования в думные чины сыновей бояр и окольничих. Круг лиц, из которых комплектовалась дума, был, таким образом, ограниченным, а думный чин в известной мере являлся как бы наследственным.

Боярская дума была учреждением громоздким и многолюдным. В 1678–1679 годах в ней числилось 97 человек, затем ее состав доходил до 190 человек, а в конце XVII столетия в думе значилось около ста членов. Практически в работе думы участвовала третья, а то и пятая часть состава — многие ее члены назначались воеводами либо выполняли дипломатические поручения, то есть находились вдали от Москвы.

При назначении в Сенат Петр руководствовался не аристократическим, а бюрократическим принципом, способностью назначаемого лица выполнять обязанности, перечисленные в присяге: блюсти верность государю «и всему государству», чинить справедливый суд и быть прилежным «в збирании казны и людей и протчего всего». В Сенат царь определил всего девять человек, причем сенатор оказывался лицом должностным, и должности своей он в любое время мог лишиться. Сенатор, следовательно, находился на положении чиновника, полностью зависимого от царской власти. Тем самым учреждение Сената приобрело значение важной вехи в укреплении самодержавия — неограниченной власти царя.

Другое действие, предпринятое Петром в день отъезда из Москвы, касалось его семейных дел — 6 марта было объявлено, что у него появилась законная супруга Екатерина Алексеевна.

Настоящее имя Екатерины Алексеевны — Марта. При осаде Мариенбурга русскими войсками в 1702 году Марта, прислуга пастора Глюка, попала в плен. Некоторое время она была любовницей унтер-офицера, ее заметил фельдмаршал Шереметев, приглянулась она и Меншикову. У Меншикова ее называли Екатериной Трубчевой, Катериной Василевской. Отчество Алексеевна она получила только в 1708 году, когда при ее крещении в роли крестного отца выступил царевич Алексей.

Петр встретил Екатерину в 1703 году у Меншикова. Судьба уготовила бывшей служанке роль наложницы, а затем супруги незаурядного человека. Красивая, обаятельная и обходительная, она быстро завоевала сердце Петра.

А что случилось с Анной Монс? Связь царя с нею продолжалась свыше 10 лет и прекратилась не по его вине — фаворитка завела себе любовника. Когда об этом стало известно Петру, тот сказал: «чтобы любить царя, надлежало иметь царя в голове», и велел содержать ее под домашним арестом.

Поклонником Анны Монс был прусский посланник Кейзерлинг. Любопытно описание встречи Кейзерлинга с Петром и Меншиковым, во время которой посланник испрашивал разрешение жениться на Анне Монс.

В ответ на просьбу царь, по словам самого посланника, сказал, «что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ни слышать, ни знать не хочет». При этом Меншиков, по словам Кейзерлинга, добавил, что «девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам (то есть Меншиков. — *Н. П.*) развратничал столько же, сколько и я (то есть сам Кейзерлинг. — *Н. П.*)». Слуги Меншикова избили Кейзерлинга и спустили его с лестницы.

В 1711 году Кейзерлингу все же удалось жениться на Анне Монс, но через полгода он умер. Бывшая фаворитка пыталась еще раз выйти замуж, однако смерть от чахотки помешала этому.

От Анны Монс Екатерина отличалась богатырским здоровьем, позволявшим ей без труда переносить изнурительную походную жизнь и по первому зову Петра преодолевать многие сотни верст бездорожья. Екатерина, кроме того, обладала незаурядной физической силой. Камер-юнкер Берхольц описал, как однажды царь шутил с одним из своих денщиков, молодым Бутурлиным, которому велел поднять на вытянутой руке свой большой маршальский жезл. Тот этого сделать не мог. «Тогда его величество, зная, как сильна рука у императрицы, подал ей через стол свой жезл. Она привстала и с необыкновенной ловкостью несколько раз подняла его над столом прямою рукою, что всех нас немало удивило».

Екатерина сделалась необходимой Петру, и письма царя к ней достаточно красноречиво отражают рост его привязанности и уважения. «Приезжайте на Киев не мешкав», — обращается царь к Екатерине из Жолквы в январе 1707 года. «Для Бога, приезжайте скорей, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас», — пишет он из Петербурга. Проявляет царь заботу о Екатерине и о своей внебрачной дочери Анне. «Ежели что мне случится волею Божиею, — дает он письменное распоряжение в начале 1708 года перед отправлением в армию, — тогда три тысячи рублей, которые ныне на дворе господина князя Меншикова, отдать Катерине Василевской и с девочкою».

Новый этап во взаимоотношениях Петра и Екатерины наступает после того, как последняя стала его супругой. В письмах после 1711 года фамильярно-грубоватое «здравствуй, матка!» заменяется нежным: «Катеринушка, друг мой, здравствуй». Изменяется не только форма обращения, но и тональность записок: на смену лаконичным письмам-повелениям, похожим на команду офицера своим подчиненным, вроде «как к вам сей доноситель приедет, поезжайте сюды не мешкав», приходят

письма с выражением нежных чувств к близкому человеку. В одном из писем Петр советует при поездке к нему быть осторожной: «для Бога бережно поезжай и от батальонов ни на ста сажень не отъезжай». Супруг доставляет ей радость дорогим подарком либо заморскими лакомствами.

Сохранилось 170 писем Петра к Екатерине. Только очень немногие из них носят деловой характер. Однако в них царь не обременял свою супругу ни поручениями что-либо выполнить или проверить выполнение задания кем-либо другим, ни просьбой дать совет, он лишь ставил в известность о случившемся — о выигранных сражениях, о своем здоровье. «Я курс кончил вчерась, воды, слава Богу, действовали зело изрядно; как будет после?» — писал он из Карлсбада, или: «Катеринушка, друг мой, здравствуй! Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безскучно же, однако можем разсудить, что дела на скуку менять не надобно».

Одним словом, Екатерина пользовалась любовью и уважением Петра. Сочетаться браком с безвестной пленницей и пренебречь невестами боярского рода либо принцессами западноевропейских дворов было вызовом обычаям, отказом от освященных веками традиций. Но Петр позволял себе и не такие вызовы. Объявляя Екатерину супругой, Петр думал также о будущем прижитых с ней дочерей — Анны и Елизаветы: «еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы, ежели сироты останутця, лутче бы могли свое житие иметь».

Екатерина была наделена внутренним тактом, тонким пониманием характера своего вспыльчивого супруга. Когда царь находился в состоянии ярости, никто не решался подойти к нему. Кажется, она одна владела тайной успокаивать царя, без страха смотреть в его искаженные гневом глаза.

Блеск двора не затмил в ее памяти воспоминаний о происхождении. «Царь, — писал современник, — не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся — один величием своею простоты, другой своею роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась». Другой иностранный дипломат тоже имел возможность наблюдать проявление Петром внимательности и теплоты к супруге: «После обеда царь и царица открыли бал, который продолжался около трех часов; царь часто танцевал с царицей и маленькими царевнами и много раз целовал их; при этом случае он обнаружил большую нежность к царице, и можно сказать по справедливости, что несмотря на

неизвестность ее рода, она вполне достойна милости такого великого монарха». Далее дипломат дает единственное дошедшее до нас описание внешности Екатерины, совпадающее с ее портретным изображением: «В настоящую минуту (1715 год. — *Н. П.*) она имеет приятную полноту; цвет лица ее весьма бел с примесью природного, несколько яркого румянца, глаза у нее черные, маленькие, волосы такого же цвета длинные и густые, шея и руки красивые, выражение лица кроткое и весьма приятное».

Екатерина действительно не забывала о своем прошлом. В одном из ее писем к супругу читаем: «Хотя и есть, чаю, у вас новые портомой, однакож и старая не забывает», — так она в шутливой форме напоминала, что в свое время была прачкой. В общем с ролью супруги царя она справлялась легко и непринужденно, будто этой роли ее обучали с детства.

«Любил его величество женский пол», — отметил один из современников. Этот же современник записал рассуждения царя: «Забывать службу ради женщины непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне; у неприятеля скорее может быть свобода, а у женщины оковы долговременны».

Екатерина снисходительно относилась к мимолетным связям своего супруга и даже сама поставляла ему «метресишек». Как-то, находясь за границей, Петр отправил ответ на письмо Екатерины, в котором она в шутку упрекала его в интимных связях с другими женщинами. «А что шутить о забавах, и тово нет у нас, понеже мы люди старые и не таковские». «Понеже, — писал царь супруге в 1717 году, — во время питья вод домашней забавы доктора употреблять запрещают, того ради я метресу свою отпустил к вам». Ответ Екатерины был составлен в таком же духе: «А я больше мню, что вы оную (метресишку) изволили за ее болезнью отправить, в которой она и ныне пребывает, и для лечения изволила поехать в Гагу; и не желала б я, от чего Боже сохрани, чтоб и галан той метресишки таков здоров приехал, какова она приехала».

Петр отправился в Прутский поход вместе с супругой. Меншиков был оставлен в Петербурге охранять «Парадиз» и только что завоеванные города в Прибалтике. В день отъезда между патроном и его фаворитом произошла первая размолвка, зарегистрированная источниками. Поводом к ней послужила ненасытная алчность Меншикова. Лишенный знатных предков, он с лихорадочной поспешностью стремился восполнить пробел в своем родословии. Каких только чинов и званий он не нахватал! Утолив непомерную жажду к славе, он начал удовлетворять жажду к деньгам. Меншиков брал без зазрения совести все, что плохо лежало. Датский посол Юст Юль заметил, что Меншиков «во всем, что относится до почестей и до

наживы, является ненасытнейшим из существ, когда-либо рожденных женщиною». Оценка Меншикова датским послом совпадает с той, которую Петр часто высказывал Екатерине: «Меншиков в беззаконии зачат, и во гресех родила мать его, а в плутовстве скончает живот свой».

В начале карьеры Меншиков еще позволял себе демонстрировать царю честность и неподкупность. В 1703 году обрусевшему голландцу, сыну основателя первого в России железоделательного завода Андрею Виниусу грозило освобождение от доходной должности руководителя Сибирского приказа. Последний дал Меншикову крупную взятку, взамен которой получил от него письмо к царю, снимавшее все обвинения. Выпроводив Виниуса, Меншиков тотчас отправил Петру через нарочного другое письмо, в котором уведомлял о попытке подкупить его и о своем негодовании: «Зело я удивляюсь, как те люди не познают себя и хотят меня скупить за твою милость деньгами». Карьера Виниуса на этом закончилась.

Позже от подобной щепетильности Меншиков освободился совершенно. А так как перед всемогущим фаворитом заискивали все, начиная от родовитых вельмож, вынужденных подавить свою спесь перед выскочкой, и кончая людьми такого же, как и он сам, незнатного происхождения, то недостатка в поводах для вымогательств не было. Известный прибыльщик Алексей Курбатов, пользовавшийся покровительством князя, как-то в письме Петру аттестовал своего патрона «избранным от Бога сосудом, единственным человеком, который без порока перед царем». В действительности пороками светлейший был одарен не менее, чем талантами. Главный из них — алчность — не раз ставил карьеру князя под удар. Меншиков повторял извечную ошибку подавляющего большинства фаворитов — вместо того чтобы оставаться в тени, он демонстрировал свою силу и влияние, а главное, использовал это влияние в корыстных целях.

6 марта Петр отправил Меншикову письмо из Преображенского. Не умеющий грамоте князь заставил денщика прочитать еще раз приятную для него фразу: «Ныне посылаю к вашей милости в презент кафтан здешнего сукна; дай Боже на здоровье носить». Окинув беглым взглядом подарок, Меншиков нашел, что сукно уступало заморскому. Суконный двор, на котором его выделали, только недавно был пущен, производство еще налаживалось. Однако подарком все же остался доволен — он свидетельствовал о расположении к нему царя. Между тем в тот же день, 6 марта 1711 года, Петр прибыл в Москву, где ему пришлось выслушать жалобу сына вдовы бывшего великого литовского гетмана Огинского на бесчинства Меншикова. Князь во время пребывания в Польше в 1709 году

воспользовался денежными затруднениями Огинского и купил у него за совершеннейший бесценнок огромное староство Езерское. Вдогонку к ранее написанному царь отправил Меншикову письмо с упреком за поступок, отнюдь не содействовавший нормализации отношений с верхами общества союзной Польши. Погасив вспышку гнева, царь лишь слегка пожурил князя: «И николи б я того от вас не чаял, хотя б какой и долг на них был».

Поток жалоб на незаконные стяжания Меншикова нарастал по мере приближения царя к польской границе. Жертвами его алчности оказались и польские магнаты, и мелкая шляхта; он скупал, вымогал и просто захватывал прежде всего крупные владения, но не гнушался и мелкими. 11 марта из Горок царь отправляет князю еще одно послание, на этот раз с суровым предупреждением, заставившим адресата немало поволноваться: «В чем зело прошу, чтоб вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбитца о том, ибо первая брань лутче последней, а мне, будучи в таких печалях, уже пришло до себя и не будут жалеть никого»^{111}.

Почти месяц Петр не достаивал Меншикова письмами, но ежедневные ходатайства находившейся рядом Екатерины сделали свое дело. Следы размолвки отсутствуют уже в письме, отправленном из Слуцка 9 апреля. В деловой тон послания вклинены слова, свидетельствующие о восстановлении прежних доверительных отношений между автором и его корреспондентом, — царь подробнее, чем кому бы то ни было, сообщает о перенесенной тяжелой болезни. А спустя несколько месяцев роли переменились, опасно заболел князь, и Петр 3 ноября пишет ему из Эльбинга: «О протчем не имею что ответствовать, только дай Боже вас здоровым видеть, для чего прошу тебя Богом: не ездй встречю ко мне, не испортъ себя после такой жестокой болезни, но дождись в Питербурхе».

Чем занимался Петр во время своего долгого пути из Москвы в действующую армию, в промежутке между 6 марта и 12 июня, когда он прибыл в лагерь русских войск? Это были месяцы напряженной работы, интенсивность которой нисколько не уменьшилась от того, что она протекала в условиях походной жизни. Даже в дни тяжелой болезни Петр не прерывал обычных занятий, и если бы не его собственное свидетельство о том, что он был нездоров, то по потоку распоряжений, указов, советов и дипломатических поручений трудно догадаться, что в эти самые дни хворь приковала его к постели и он настолько ослабел, что должен был учиться ходить. Меншиков был близок к истине, когда, получив известие о болезни царя, высказал суждение о ее причинах: «Об оной вашей болезни весьма мню, что не от иного чего, но токмо от бывших трудов вам приключилось,

и того ради прилежно прошу, дабы изволили себя в том хранить и, ежели где самая нужда вас не требует, дабы тут себя употреблять не изволили».

Энергия Петра в эти месяцы была сосредоточена на множестве дел. Первоочередная задача состояла в концентрации войск на двух флангах предстоящего театра военных действий: у Азова на востоке и у Днестра на западе. Требовала внимания и Прибалтика, ослабленная уводом самых боеспособных частей русской армии на юг. Здесь надо было пополнить рекрутами поредевшие гарнизоны прибалтийских городов. Надлежало, далее, укреплять отношения с союзниками — Польшей и Данией, — добиваясь от них более весомого вклада в войну со шведами.

План кампании на западном участке исходил из представлений царя о высокой боевой выучке русской армии, прошедшей школу Лесной и Полтавы и способной держать инициативу в своих руках. Предполагалось, что русские войска, преодолев Буг и Днестр, развернут боевые действия на чужой территории и там нанесут решающее поражение противнику.

Кажется, ничто так не занимало Петра в эти недели, как стремление в минимальные сроки сосредоточить свою армию у Днестра и побыстрее достичь Дуная. Из Смоленска, Луцка, Яворова, Ярославля Петр отправляет одного за другим гонцов с приказанием ускорить движение войск. Смысл указов один и тот же: «все исполнить, не опуская времени, ибо ежели умедлим, то все потеряем»; «подтверждаем, дабы вы трудились, как наискорее, с пехотными дивизиями поспешать в указное место, ибо нужда того требует»; «итить со всяким поспешением».

Старый фельдмаршал хотя и сознавал, что нерасторопность губительна, но двигался не так быстро, как требовал Петр: мешала весенняя распутица и присущая ему медлительность.

Куда и почему спешил Петр? Какая нужда того требовала? Ответы на эти вопросы находим в указах царя: надо было достичь Дуная раньше турок. В этом случае к русским войскам присоединятся валашский господарь Бранкован и молдавский господарь Кантемир. Армия получит вооруженную помощь, а главное, продовольствие, в котором так нуждались войска. Дальнейший ход событий Петру представлялся так: «сербы (от которых мы такое же прошение и обещание имеем), також и болгары и иные христианские народы против турка восстанут, и оные к нашим войскам совокупятся, иные ж внутрь их, турецкой, области возмущение учинят, что увидя, турецкой везирь за Дунай пойтить не отважится, и большая часть от войск его разбежится, и может быть, что и бунт учинят».

Столь радужные перспективы, возможность одержать относительно легкую победу, стоили того, чтобы спешить, двигаться вперед. У Петра,

медленно оправлявшегося от болезни, в мае появилось бодрое настроение. Правда, он пишет Меншикову 21 мая, что ему «не без грусти, ибо от обеих флотов лишен», но Петр умел в интересах дела жертвовать своими увлечениями.

Помощь валашского и молдавского господарей, на которую столь много надежд возлагал Петр, оказалась в значительной мере эфемерной. Правда, молдавский господарь Кантемир организовал в Яссах дружескую встречу войскам Шереметева и перешел на сторону России, но реальный вклад его в борьбу с турками был значительно скромнее того, на что рассчитывал царь. Приведенные им отряды оказались не полностью укомплектованными, кроме того, Кантемиру не удалось организовать продовольственные магазины в Яссах. Что касается валашского господаря Бранкована, то он не только не выполнил взятых на себя обязательств, но и изменил России, выдав все планы кампании турецкому визирю.

Освободительная борьба славянских народов против турецкого владычества не приняла таких грандиозных размеров, которые могли бы оказать существенное влияние на ход кампании. Развертывание этой борьбы находилось в прямой зависимости от присутствия русских войск на Дунае, но Шереметев упустил время. «О замедлении вашем зело дивлюсь», — выговаривал Петр фельдмаршалу. 12 июня турецкая армия уже навела мосты через Дунай и готова была форсировать реку, чтобы идти навстречу русским войскам, только еще начинавшим строить переправу через Днестр.

Уже в это время русские войска испытывали недостаток в продовольствии. Петр пишет Шереметеву в Яссы: «...У Аларта уже 5 дней как ни хлеба, ни мяса... Извольте нам дать знать подлинно: когда до вас дойдем, будет ли что солдатам есть?» Но у Шереметева с продовольствием не лучше: «Здесь в команде моей, оскудение ради хлеба, начали есть мясо». Правда, Кантемир обещал поставить 10 тысяч волов и коров, 15–20 тысяч овец, но хлеба не было и в Молдавии^{112}.

Что было делать? Возвращаться ни с чем или продолжать поход? Большинство участников военного совета высказались за движение к Пруту. Рассчитывали на продовольствие, которое щедро сулил Бранкован, к тому времени уже тайно вступивший в предательские связи с турками. Надеялись на овладение провиантскими магазинами самих турок. На решимость двигаться вперед и искать встречи с противником оказал влияние слух, пущенный Бранкованом, о том, что визирь имеет указание от султана вступить в переговоры с русскими. Раз противник ищет перемирия, следовательно, он слаб. Петр, принимая решение двигаться к Пруту, был уверен в благополучном исходе операции.

Начался изнурительный переход от Днестра к Пруту. Впереди лежала испепеленная солнцем безводная степь. То, что не успели сделать палящие лучи солнца, довершила саранча. Тучи прожорливых насекомых оставляли после себя пустыню, лишали лошадей корма. Но главные страдания армия испытывала не от недостатка провианта, а от почти полного отсутствия воды. «Царь передавал мне, — записал датский дипломат, — что сам видел, как у солдат от действия жажды из носу, из глаз и ушей шла кровь, как многие, добравшись до воды, опивались ею и умирали, как иные, томясь жаждою и голодом, лишали себя жизни».

В конце июня армия переправилась через Прут и медленно, с продолжительными остановками двинулась по правому берегу вниз. Первые стычки с неприятелем состоялись 7 июля, причем турок вместе с татарами оказалось не 60–70 тысяч, как полагал Петр, а 120–160 тысяч человек. Им удалось окружить русскую армию, насчитывавшую в своих рядах около 40 тысяч солдат и офицеров. Генерал Понятовский, военный советник у турок, оставил описание сражения, состоявшегося 9 июля: «Янычары... продолжали наступать, не ожидая приказов. Испуская дикие вопли, взывая по своему обычаю к богу многократными криками «алла», «алла», они бросились на неприятеля с саблями в руках и, конечно, прорвали бы фронт в этой первой мощной атаке, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними. В то же время сильный огонь почти в упор не только охладил пыл янычар, но и привел их в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Кегая (то есть помощник великого визиря) и начальник янычар рубили саблями беглецов и старались остановить их и привести в порядок. Наиболее храбрые возобновили свои крики и атаковали во второй раз. Вторая атака была не такой сильной, как первая, и турки снова были вынуждены отступить».

Действительно, турки, более чем вчетверо превосходившие русские войска, равным счетом ничего не могли сделать с умело оборонявшейся армией. Продолжавшееся три часа сражение стоило туркам 7 тысяч человек убитыми. Особенно большие опустошения в рядах турок произвела русская артиллерия. В ходе сражения был такой момент, когда русские могли одержать победу. В «Истории Свейской войны» читаем: «И ежели бы за ними хотя мало следовали, то б полную викторию получить могли; но сего не могли учинить, для того что обоза окопать не было времени». Риск состоял в том, что в обоз могла ворваться неприятельская конница, и тогда уже победу могли торжествовать турки.

Ранним утром 10 июля в лагерь турок отправился трубач с письмом Шереметева к визирю. «Вашему сиятельству известно, — писал

Шереметев с одобрения Петра, — что сия война не по желанию царского величества, как, чаем, и не по склонности султанова величества, но по посторонним ссорам». Шереметев предлагал «сию войну прекратить возобновлением прежнего покоя, которой может быть ко обеих стран пользе и на добрых кондициях. Буде же к тому склонности не учините, то мы готовы и к другому, и Бог взыщет то кровопролитие на том, кто тому причина, и надеемся, что Бог поможет в том нежелающему. На сие ожидать будем ответу и посланного сего скорого возвращения».

Прошло несколько часов томительного ожидания, а ответа все не было — в шатре визиря велись бурные споры. Непримируемую позицию занял крымский хан — никаких переговоров, только атака. Ему казалось, что лагерь русских, расположенный на возвышенности и потому просматриваемый как на ладони, станет предметом легкой добычи. Он уже прикинул, сколько выручит за трофеи и пленных. Хана поддерживал граф Понятовский, военный советник визиря, представлявший интересы шведского короля.

Между тем каждый час, проведенный в окружении, не усиливал, а ослаблял русские войска: армия оказалась без продовольствия, лошади — без корма. В лагере испытывали недостаток воды, ибо подступы к реке простреливались находившимися на противоположном берегу татарами и шведами. Впереди, насколько хватало глаз, дым неприятельских костров, табуны лошадей. Передовые части противника находились всего в нескольких сотнях шагов: видны были фигуры янычар, слышались обрывки незнакомой речи.

Вторые сутки в русском лагере не смыкали глаз ни солдаты, ни генералы. Даже железные нервы Петра не выдерживали огромного напряжения. «Как рассказывали мне очевидцы, — записал в дневнике датский посол, — царь, будучи окружен турецкой армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова. Большинство окружавших его думало, что с ним удар. Офицерские жены, которых было множество, выли и плакали без конца»^[113]. Вопли были слышны и среди придворных дам Екатерины. Петр еще 9 июня предложил ей оставить армию и отправиться в Польшу, где можно было в безопасности и не терпя лишений ожидать конца похода, но Екатерина наотрез отказалась это сделать.

В стан визиря отправился второй парламентар. Шереметев ждал «скорой резолюции».

Визирь ответил согласием вести мирные переговоры, и в тот же день в турецком лагере появился подканцлер Петр Шафиров в сопровождении

подьячего, трех переводчиков и двух офицеров для связи. Вопреки ожиданиям визирь не проявил ни высокомерия, ни надменности. Опытный дипломат Шафиров обратил внимание на, казалось бы, незначительную деталь: восседавший по своему обыкновению на подушках визирь предложил сесть и ему. Турецкие чиновники, как известно, учтивостью не отличались. Наблюдательным взглядом Шафиров усмотрел в этом жесте готовность вести переговоры. Все остальное было делом дипломатической техники. Здесь тучный Шафиров проявил присущую ему ловкость.

Для оформления мирного договора понадобилось менее двух суток. Условия мира и поспешность, с которой он был заключен, вызвали пересуды современников, затруднявшихся ответить, как Шафирову удалось заключить мир с минимальными уступками. Одни связывали успешное завершение переговоров с дарованиями, ловкостью и проницательностью Шафирова, другие приписывали успех бриллиантам и прочим драгоценностям Екатерины, которая будто бы безропотно пожертвовала их для подкупа визиря, третьи соединяли дипломатические способности подканцлера с щедростью будущей императрицы.

Покров загадочности развеялся несколько позже, когда появилась возможность сопоставить обстановку, сложившуюся в обоих лагерях. Стороны, участвовавшие в переговорах, располагали данными о том, что творилось в их собственном лагере, и не были осведомлены о положении в стане противника.

Визирь, формулируя условия мира, разумеется, не подозревал, что в кармане Шафирова лежала составленная царем инструкция, уполномочивавшая подканцлера на далеко идущие уступки. Ради заключения мира Петр соглашался вернуть почти все завоеванные территории не только туркам, но и шведам. Более того, царь готов был уступить шведам даже Псков, а «буде же того мало, то отдать иные провинции»^{114}.

Эта инструкция была вручена Шафирову 10 июля, то есть накануне его отправления в турецкий лагерь. На следующий день, когда под договором визирь и Шафиров еще не поставили своих подписей, гонец доставил подканцлеру новое предписание Петра, свидетельствующее о крайне тяжелом положении русской армии: «ежели подлинно будут говорить о миру, то ставь с ними на все, чего похотят, кроме шклавства» (то есть сдачи в плен). Чтобы избежать плена, царь соглашался вернуть все приобретения: Азов, Таганрог, побережье Балтийского моря, кроме Петербурга — то есть почти все земли, стоившие стране двух Азовских походов, двух Нарв, Лесной и Полтавы.

Всего этого визирь не знал. Располагая он сведениями о том, что царь готов был пойти на огромные территориальные уступки, его запросы были бы не столь скромными, и он ни в какой мере не довольствовался бы лишь возвращением Азова и Таганрога.

Но визирь не знал еще одного обстоятельства: деморализована ли оказавшаяся в мышеловке русская армия или она способна предпринять отчаянную попытку вырваться из окружения? В часы переговоров в русском лагере шла лихорадочная подготовка к выходу из окружения. Царь в течение 9—11 июля созывал несколько военных советов, и ни один из них не вынес решения о капитуляции. Если визирь не согласится на перемирие, читаем в решении военного совета 10 июля, то надлежало «сжечь и уничтожить обозы, соорудить из немногих повозок вагенбург (то есть укрепление из повозок. — *Н. П.*) и поместить в нем волохов и казаков, усилив их несколькими тысячами человек пехоты. С армией же... атаковать неприятеля». Другой военный совет, на котором присутствовал весь генералитет и министры, высказался в том же духе.

Наконец 11 июля, накануне подписания мирного договора, военный совет разработал детальный план прорыва окружения: было решено освободиться от всего лишнего, стеснявшего мобильность армии и ее боевые порядки, «за скудостью пулек сечь железо на дробь», «лошадей артиллерских добрых взять с собою, а худых не токмо артиллерских, но и всех — побить и мяса наварить или запечь», наличный провиант поделить поровну. Все решения военных советов, принятые в присутствии царя и им санкционированные, характеризуют Петра достаточно определенно: капитуляции он предпочитал сражение, а плену — гибель в бою^{115}.

Осведомленность царя о том, что происходило в турецком лагере, тоже была неполной. В русском стане лишь догадывались, но не имели более или менее точных данных об огромном опустошении рядов турецких войск, произведенном русской артиллерией. Английский посол в Константинополе Суттон доносил в Лондон, что трижды повторенные попытки янычар атаковать русских стоили им 8 тысяч человек. «Очевидцы этого сражения говорили, — продолжал посол, — что если бы русские знали о том ужасе и оцепенении, которое охватило турок, и смогли бы воспользоваться своим преимуществом, продолжая артиллерийский обстрел и сделав вылазку, турки, конечно, были бы разбиты». Один турецкий паша на вопрос, почему турки поспешили с заключением мира, ответил, что их измучила «твердость» русских войск, что они не рассчитывали встретить в их лице «ужасных противников» и что, наконец, они предпочли избавиться от соседства с русскими, сражение с которыми

«будет стоять им много жизней». Не знали в русском лагере и о том, что янычары, получив приказ визиря возобновить боевые действия утром 10 июля, отказались его выполнять, заявив, что «они наступать не хотят и против огня московского стоять не могут». Янычары требовали от визиря быстрейшего заключения мира.

К сожалению, так случилось, что Петр не располагал исчерпывающими сведениями и о боевых действиях своей собственной армии. Дело в том, что конный корпус генерала Ренне, которому было поручено овладеть Браиловом, успешно справился с поставленной задачей. Коммуникации турецкой армии оказались перерезанными, и над турками нависла угроза окружения. Однако депеша Ренне была перехвачена турками и попала не к Петру, а к визирю.

Шведский король получил известие о мире после оформления договора. Тут же он вскочил на коня, помчался в турецкий лагерь и без всяких церемоний ворвался в шатер визиря, где между распаленным королем и не утратившим спокойствия турком состоялся диалог, напоминавший ссору. «Для чего ты... с его царским величеством мир учинил?» — спрашивал разгневанный Карл. Не давая времени для ответа, король предложил визирю выделить в его распоряжение 20–30 тысяч отборных войск, и он, король, приведет в турецкий стан пленного русского царя.

Упреки Карла визирь парировал напоминанием о сражении, происшедшем под Полтавой: «Ты их уже отведал, а и мы их видели; и буде хочешь, то атакуй, а я миру, с ними постановленного, не нарушу»^{116}.

Расставание было столь же неожиданным, как и встреча. Разъяренный король, не простившись, выбежал из шатра визиря и поскакал к крымскому хану уговаривать возобновить военные действия. Хан, однако, не осмелился нарушить предписаний визиря.

Ярость шведского короля можно понять. Он считал, что упущен последний шанс взять реванш и здесь, на Пруте, вернуть свою утраченную под Полтавой репутацию непобедимого полководца и многое, если не все, из того, чего лишилась Швеция за десять с лишним лет войны. Надежды иллюзорные, ибо тщетно было уповать на иррегулярные войска турок, боевые порядки которых напоминали движение толпы вооруженных людей, если он не мог достичь желаемого силами великолепно обученной и испытанной во многих сражениях шведской армии.

Гнев шведского короля легко объясним еще и потому, что его личные интересы, как и интересы Швеции, мирный договор учел в минимальной степени. По условиям Прутского мирного договора Россия возвращала

Османской империи Азов в таком состоянии, «в каком оной из его Салтанова величества владения взят» в 1696 году. Вновь построенные города (Таганрог, Каменный Затон) подлежали разорению и не должны были заселяться подданными обеих стран. Россия обязалась не вмешиваться в польские дела, а также обеспечить безопасный проезд Карла XII в Швецию.

Договор, как мы убедились, отражал реальную обстановку, сложившуюся на Пруте. Блеск бриллиантов, быть может, и соблазнял жадные взоры визиря, делая его более покладистым, но решающее слово принадлежало армии, чей боевой дух не был сломлен тяжелыми испытаниями.

Прутский поход окончился неудачей. Петр тяжело переживал исход кампании. В бессонные ночи он воспроизводил в памяти все перипетии злополучного похода. На каком этапе был допущен просчет, когда следовало прервать поход, вернуться к своим границам, чтобы возобновить его в следующем году, используя время для более тщательной подготовки? Чем дальше царь предавался размышлениям, тем больше убеждался в том, что походом на юг он принял единственно правильное решение. Шведы к тому времени были изгнаны из Прибалтики, и наступательные операции на севере могли быть предприняты только при наличии сильного флота, но его создание находилось лишь в самом разгаре, и русские эскадры еще не рисковали встречаться со шведскими кораблями, безнаказанно бороздившими воды Прибалтики.

Возникали другие вопросы: надо ли было возлагать столько надежд на Кантемира и Бранкована? Как случилось, что ни он, царь, ни его генералы не имели представления ни о численности войск противника, с которым предстояло сражаться, ни о его приближении; стоило ли ослаблять главную армию отправкой корпуса Ренне для выполнения самостоятельной задачи; не была ли в этом походе повторена ошибка Карла XII, опрометчиво бросившего свою армию на Украину в расчете на военную и продовольственную помощь Мазепы? Вспоминались собственные мысли, которые он внушал своим генералам: «всегдашняя удача много людей ввела в пагубу», или: «искание генерального боя зело суть опасно, ибо в один час может все дело опровержено быть».

Быть может, царь наедине с собой дал ответы на все вопросы, но предпочел их вслух не высказывать. Лишь однажды в разговоре с датским послом он мимоходом заметил, «что если бы не послал генерала Ренне с 9000-ми кавалерии в поход в Мунтианы или Молдавию, то ни за что не вступил бы в переговоры с неприятелем, но имея при себе около 30 000

человек и почти лишенный кавалерии, не решился дать сражение туркам, коих было более 100 000, главным образом конницы».

Оставив визирю подканцлера Шафирову и Михаила Борисовича Шереметева, сына фельдмаршала, в качестве заложников выполнения условий договора, армия переправилась через Прут и двинулась к границе. Юст Юль записал в дневнике: «Как только вся армия перешла через Днестр, царь приказал отслужить благодарственный молебен и торжествовать салютными залпами чудесное свое избавление на Пруте, устроенное Богом»^[117]. В тот же день, 14 июля, Петр отправился на лечение в Карлсбад, а затем поехал в Торгану на свадьбу: царевич Алексей вступал в брак со свояченицей австрийского императора Шарлоттой.

Вместо победной релянции Петру пришлось с берегов Прута отправлять предписания о выполнении условий договора. Азовскому губернатору царь велел готовить к сдаче Азов, разорить Таганрог, а киевскому губернатору приказано сровнять с землей Каменный Затон. Неудачу он не афишировал, но и не скрывал. «Хотя я николи б хотел, — извещал царь сенаторов о случившемся на Пруте, — к вам писать о такой материи, о которой ныне принужден есмь, однакож, понеже так воля Божия благоволила и грехи христианские не допустили». Упомянув о состоявшихся 8 и 9 июля сражениях с превосходившими силами турок, царь сообщал о заключении мирного договора. От заключительной фразы уведомления веяло оптимизмом и трезвой оценкой случившегося: «Сие дело хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однакож чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительно прибылью нам есть». Под «другой стороной» Петр подразумевал Северную войну, для завершения которой получена возможность сосредоточить все силы, освободившиеся с южного театра^[118].

Несомненно, однако, что результат Прутского похода оставил у царя неприятные воспоминания на всю жизнь. В «Гистории Свейской войны» сказано, что «сей марш против турок зело отчаянно учинен». Есть и признание, «что зело бедственен сей случай и печален», но странная логика заложена в рассуждении относительно того, что если бы русские войска одержали на Пруте победу, то эта победа принесла бы новые невзгоды: «ежели б получили викторию над неприятелем, тогда бы еще далее зашли и более бы прежде помянутому Иуде поверили и тако без сомнения злее было». Под Иудой здесь подразумевался Бранкован, много помощи обещавший Петру, но переметнувшийся на сторону турок.

С походом Петра на Прут связано еще одно загадочное событие, в тайну которого вряд ли удастся когда-либо проникнуть. Речь идет о завещании Петра, якобы составленном им 10 июля, то есть в кульминационный день Прутской эпопеи: «Господа Сенат! Сим извещаю вам, что я со своим войском без вины или погрешности со стороны нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четырехкратно сильнейшею турецкой силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я, без особливья Божия помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственному поведению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице своем. Но если я погибну, и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники»^{119}.

Подлинника письма-завещания не сохранилось. Оно было впервые опубликовано на немецком языке в 1785 году известным собирателем преданий и рассказов о Петре (в XVIII веке они назывались анекдотами) Яковом Штелином. На русском языке завещание появилось в печати в 1786 году.

Отсутствие подлинника возбудило среди историков полемику, продолжающуюся до наших дней. Одни считали письмо подделкой, ссылаясь на некоторые, по их мнению, несообразности в его содержании. Известный историк прошлого столетия Н. Г. Устрялов обратил внимание на то обстоятельство, что Петр не мог поручить Сенату избрать преемника в случае своей гибели, ибо у него был прямой наследник — царевич Алексей, отношения с которым к 1711 году еще не достигли такой остроты, чтобы царь лишил его престола.

Крупнейший историк дореволюционной России С. М. Соловьев не согласился с доводами Устрялова и полагал, что нет оснований «решительно отвергать» достоверность завещания. Известный знаток петровского времени Е. П. Подъяпольская решительно встала на сторону тех, кто считает письмо достоверным.

Спор может продолжаться бесконечно, и утвердиться в мнении, что автором письма являлся Петр, можно только в том случае, если будет обнаружен подлинник, ибо каждому логическому доводу в пользу достоверности письма можно противопоставить такой же логический довод в пользу его подложности.

Мы можем лишь ограничиться постановкой в известной мере

риторического вопроса: мог ли написать такое завещание Петр, соответствует ли содержание письма его взглядам и представлениям о роли государя в государстве? Ответ можно дать только утвердительный. От Петра, много раз повторявшего, что бегство с поля боя ставит труса вне общества, неоднократно подчеркивавшего, что он, царь, наравне с другими несет бремя службы и не жалеет «живота своего», заявлявшего, что «ему житие свое недорого, только бы жила Россия», такого письма можно было ожидать. Игнорирование интересов Алексея тоже допустимо — Устрялову не были известны некоторые документы, свидетельствующие о том, что уже к этому времени отношения между царем и царевичем, были далеко не безоблачными^[1].

ШПАГА И ПЕРО

С 1712 года начинается новый этап в жизни Петра. В августе он пишет Екатерине: «Мы, слава Богу, здоровы, только зело тяжело жить, ибо я левшою не умею владеть, а в одной правой руке принужден держать шпагу и перо, а помочников сколько, сама знаешь»^{120}. Этой фразой, образной и лапидарной, царь оценил свою деятельность. Под «шпагой» он подразумевал руководство военными действиями и все меры, связанные с созданием регулярной армии и строительством флота. «Перо» символизировало законодательную работу, гражданские дела.

Положение человека, вынужденного одновременно держать в одной руке два предмета, невозможно считать удобным для достижения равнозначных успехов в делах, для которых эти предметы предназначены. Даже в месяцы относительного затишья на театре военных действий шпага царя не покоилась в ножнах, она лежала рядом, чтобы вновь оказаться в руке. А перо?

За перо Петр брался часто, писал он много и охотно. Свидетельство тому — его многочисленные письма, реляции, указы, инструкции, повеления, записки, составленные или отредактированные им дипломатические документы. Но не эту текущую повседневную работу пером имел в виду Петр в письме к супруге. Петру страстно хотелось быстрее завершить войну и полностью посвятить себя осуществлению задуманных преобразований в области хозяйства, культуры, административного устройства.

Из сказанного отнюдь не следует, что до 1712 года царь всю энергию отдавал исключительно руководству военными операциями. Гражданские дела, которыми он занимался в этот период, имели важное значение, как, например, образование губерний или создание Сената. Но обе административные реформы, совершенные наспех, скорее напоминали старинную практику организации приказов, чем заранее продуманную меру с точным определением функций новых учреждений и их места в уже существовавшей структуре государственного механизма. В самом деле, губернские учреждения вторглись в более или менее отлаженную государственную машину и повлекли следствие, которое вряд ли входило в расчеты Петра, — они фактически уничтожили органы городского управления, «рассыпали», как позже скажет царь, «храмину», которую десятилетие спустя пришлось «паки» собирать. Равным образом это

относится и к Сенату, обязанности которого, как уже отмечалось, были определены эмпирическим путем.

В годы, предшествовавшие Полтавской победе, Петр проявлял интерес и к другим гражданским делам, но все они прямо или косвенно были подчинены решению военных задач. К ним относятся распоряжения царя о строительстве казенных мануфактур, обеспечивавших армию и флот пушками, снарядами и парусиной, а личный состав мундирным сукном, чулками, шляпами, ремнями и прочим. Упрощение типографского шрифта, как и личное вмешательство царя в переводы и напечатание иностранных книг, казалось бы, имели самое отдаленное отношение к военным заботам, но достаточно взглянуть на список переводной литературы тех лет, чтобы обнаружить в нем огромное число книг военного содержания. Новым шрифтом проще было печатать такие книги и легче читать их. Полностью отдалиться гражданским делам Петр не мог и в первые годы после Полтавы. Как и раньше, львиную долю его забот поглощали война и дипломатия. Этот факт отмечал и царь в свойственной ему образной форме: «Когда человек залез в воду выше горла, ему естественно заботиться только о том, как бы спасти жизнь, забывая все остальное».

Впрочем, это заявление Петра не следует понимать буквально. Он не мог полностью отрешиться от гражданских дел даже в недели тяжелейших испытаний, не говоря уже о том времени, когда на театре военных действий наступало затишье. Эти месяцы царь проводил в Москве или Петербурге, занимаясь делами управления, благоустройством города на Неве, постройкой кораблей на Адмиралтейской верфи, обучением экипажей этих кораблей военно-морскому искусству и множеством других дел. Это была черновая, текущая работа, не сопровождавшаяся сколь-либо заметными административными, социальными, культурными, экономическими и прочими преобразованиями. Но и повседневные заботы требовали немало энергии, и каждый прожитый день протекал в напряженном труде.

В 1713 году неизвестный автор опубликовал в Лейпциге брошюру под названием «Описание Санктпетербурга и Кронштадта в 1710 и 1711 годах». Приведем некоторые извлечения из текста, посвященные описанию рабочего дня Петра: «День свой он проводит, избегая всякой праздности, в беспрестанном труде. Утром его величество встает очень рано, и я не однажды встречал его в самую раннюю пору на набережной идущим к князю Меншикову, или к адмиралам, или в Адмиралтейство и на канатный двор. Обедает он около полудня, все равно где и у кого, но охотнее всего у министров, генералов или посланников... После обеда, отдохнув по русскому обычаю с час времени, царь снова принимается за работу и уже

поздно ночью отходит к покою. Карточной игры, охоты и тому подобного он не жалуется, и единственную его потеху, которою он резко отличается от всех других монархов, составляет плавание по воде. Вода кажется настоящая его стихия, и он нередко катается по целым дням на буере или шлюпке... Эта страсть доходит в царе до того, что его от прогулок по реке не удерживает никакая погода: ни дождь, ни снег, ни ветер. Однажды, когда река Нева уже стала и только перед дворцом оставалась еще полынья, окружностью не более сотни шагов, он и по ней катался взад и вперед на крошечной гичке». Когда река покрывалась прочным льдом, царь катался на лодках, поставленных на полозья и коньки. Петр по этому случаю говорил: «Мы плаваем по льду, чтобы зимою не забыть морских экзерциций»^{121}.

Начало 1712 года было многообещающим — в новогодний праздник Петр получил известие, которым он немедленно поделился с сенаторами. Это было первое в новом году письмо: «Я за щастие себе ставлю, что сего года первое таковое письмо случилось писать». «Щастие», о котором Петр уведомлял сенаторов, состояло в том, что русские и датские войска, осаждавшие Штральзунд и Висмар, одержали победу: городами они не овладели, но, выманив шведов из крепости, захватили в плен свыше двух тысяч солдат и офицеров. Известие обнадеживало прежде всего потому, что успех был достигнут совместными действиями союзников. Царю казалось, что это известие подтверждает безупречность его расчетов, высказанных вслух сразу же после заключения Прутского мира: ценою утраты Азова он перебросит все силы на север и там вместе с партнерами по коалиции достигнет долгожданного мира. В этих своих расчетах Петр исходил из принципа верности взятым обязательствам — принципа, которым он неукоснительно руководствовался в своих отношениях и с союзниками, и с неприятелями: «кто кредит теряет, тот все теряет». У турецкого султана представления о «кредите» были иными; не слишком щепетильными относительно «кредита» оказались и союзники — Август II и Фридрих IV.

Тревожные сведения поступили с юга. Не прошло и полугодия со времени заключения Прутского мира, как султан решил его нарушить. Он велел задушить визиря, командовавшего турецкой армией на Пруте, обвинив его в измене. Поддавшись уговорам Карла XII, султан еще на исходе 1711 года объявил войну России под тем предлогом, что царь задерживает сдачу Азова и не выводит войска из Польши.

Петр велит Апраксину: немедленно сдай Азов. В январе он отправляет султану грамоту с извещением, что все обязательства по Прутскому

мирному договору им выполнены: Азов сдан, Таганрог и прочие крепости разрушены, русские войска в Польше находятся лишь потому, что маршируют через ее территории в Померанию. Конфликт удалось уладить, но события показали, сколь мало стоили заявления султана о мирных намерениях. В итоге царь вынужден был держать войска наготове и на юге. Шереметеву, командовавшему здесь русской армией, он предложил заготовить в Киеве провиант и фураж на семь месяцев на тот случай, «ежели будет приход турской». Сенату он поручил пополнить армию Шереметева солдатами и офицерами, так как считал, что «не безопасно, чтоб султан по наущению короля шведского чего еще зачинать не захотел». Уроки из Прутского похода Петр извлек полностью — на этот раз он решил ограничиться оборонительными действиями.

Не менее огорчительные сведения поступали и с северного театра военных действий. Радостная весть, полученная Петром в январе, оказалась единственной. Последующие донесения русских дипломатов убедили царя в необходимости отправиться в Померанию, чтобы предотвратить надвигавшийся распад Северного союза. Разногласия между союзниками выявились уже при осаде Штральзунда и Висмара: датский король не спешил обеспечить осаждавшие войска артиллерией, без которой они бесплодно топтались у стен крепостей. Споры продолжались и при обсуждении плана расквартирования союзных войск. Датский король настаивал на выводе своих войск из Померании, мотивируя это необходимостью защищать Данию от возможного вторжения шведов по скованному льдом проливу. Август II, напротив, считал, что вывод датских войск из Померании настолько ослабит силы союзников, что они тоже будут вынуждены оставить завоеванные позиции. Усилиями русской дипломатии разногласие удалось устранить компромиссным решением: датский король в конце концов согласился оставить в Померании корпус в шесть тысяч человек. Более всего Петра беспокоило в поведении союзников то, что они втайне от него и друг от друга вели секретные переговоры о мире.

В июне 1712 года Петр отправляется за границу. На пути в Померанию, где стояли русские войска под командованием Меншикова, Петр имел встречу с Августом II. В который раз царю приходилось делать вид, что он не знает о его предательских переговорах, и вполне серьезно обсуждать планы совместных действий. 24 июня царь прибыл к осажденному русскими войсками Штеттину и здесь сам убедился, сколь печальны следствия разногласий в стане союзников.

Меншиков доложил царю, что без осадной артиллерии, тщетно

ожидаемой от датчан, Штеттином овладеть невозможно. Осмотр укреплений убедил царя в правоте светлейшего князя. Пренебрегая условностями, царь отправляется к датскому вице-адмиралу, в ведомстве которого находилась осадная артиллерия, просить его доставить пушки к Штеттину. Тот охотно рассыпался в любезностях, отдавал царю почести, не жалел пороха на артиллерийские салюты, но наотрез отказался обеспечить осаждавших артиллерией без повеления своего короля. «Зело, зело жаль, что время проходит в сих спорах», — отозвался царь о результатах своих переговоров.

Петр отправляет датскому королю грамоту, в которой не скрывает своего крайнего недовольства: «Я сам сюда прибыл, не щадя здоровья своего, ради общих интересов. Войско мое стоит праздно, так как обещанной артиллерии нет». Царь предъявил своему союзнику ультиматум: «Ежели же сего моего прошения исполнить не изволите, то я пред вами и всем светом оправдываться могу, что сия кампания не от меня опровергнута». Царь грозил вывести войска из Померании.

Успокоившись, Петр отправляется осматривать крепости Померании, все еще находившиеся во владении шведов, после чего отправляет датскому королю новое послание с подробным изложением плана кампании. Царь убеждает короля: «Мне ни в том, ни в другом месте собственного интересу нет, но что здесь делаю, то для вашего величества делаю»^[122].

Ни угрозы, ни убеждения не подействовали: датский король так и не снабдил русские войска осадной артиллерией, и Петр, обнаружив бесплодность своих усилий, отправляется в Карлсбад на лечение.

Что заставляло царя не только не разрывать отношений с союзниками, но еще и оказывать им помощь в достижении целей, в которых он не был заинтересован? На какие взаимные услуги союзников, прежде всего Дании, рассчитывал Петр, когда проявлял столько выдержки и терпения, сохраняя Северный союз?

На эти вопросы находим ответы в письмах Петра. Царь знает, что датчане «неблагодарны явились и зело слепо и недобро поступают». Знает он и о том, что орден Белого слона, которым наградил его датский король, равно как и орден Белого орла, врученный Августом II, являлись всего лишь выражением внимания. Любезность не заменяла пушек и кораблей. Наконец, Петру было известно и то, что партнеры, в особенности датчане, готовы изменить союзу, если шведы предложат им мало-мальски приемлемые условия мира. Тем не менее он с ними не разрывает, так как рассчитывает на датский флот — датчане «для моря зело нужны»,

рассуждает Петр. Отличавшемуся горячностью Меншикову царь то и дело внушает «с датским двором как возможно ласкою поступать, ибо хотя и правду станешь говорить без уклонности — на зло примут». В другом письме Петр вновь обучает Меншикова дипломатическому обхождению с датчанами: «Правда, зело их поступки неладны, да что ж делать, а раздражать их не надобно для шведов, а наипаче на море. Ежели б мы имели довольство на море, то б иное дело, а когда не имеем — нужда оных флатировать (то есть льстить), хотя что и противное видеть, чтоб не отогнать»^{123}.

На пути в Карлсбад Петр остановился в Виттенберге. Отправился, как и всегда, осматривать достопримечательности города. Глядя на памятник Лютеру, произнес: «Сей муж подлинно заслужил это». Но при осмотре жилых комнат Лютера проявил по отношению к гостеприимным хозяевам некоторую бестактность. Они показали ему чернильное пятно на стене. По легенде, перед сидевшим за письменным столом Лютером предстал дьявол, и Лютер запустил в своего искусителя чернильницей. Петр стал дотошно осматривать чернильное пятно, брызги от него и написал на этой же стене: «Чернилы новые и совершенно сие неправда».

В Карлсбад Петр прибыл 8 октября и через три дня извещает супругу: «Мы вчерашнего дня зачали пить воду в сей яме; а как отделаюсь, писать буду. О протчих вестях не спрашивай из сей глуши»^{124}.

Здесь произошел занимательный эпизод, молва о котором передавалась на протяжении двух столетий.

О пристрастии царя к ремеслам знали не только в России, но и за ее пределами. Как-то проходя мимо строившегося дома, Петр услышал в свой адрес слова неодобрения: дескать, русский царь лишь хвалится, что умеет все делать сам, а в действительности навыками строителя не владеет. Эти рассуждения задели Петра. Не долго думая, он взобрался по лесам на стену, схватил мастерок и целый день работал штукатуром, заслужив похвальный отзыв каменщиков. Два века спустя жители Карлсбада прикрепили к этому дому мемориальную доску с надписью: «С каменщиками Петр Великий был каменщиком».

Из Карлсбада царь вновь отправился к своим войскам в Померанию. Он сделал кратковременную остановку в Берлине, отмеченную любопытным происшествием, описанным английским послом в донесении от 18 ноября 1712 года: «Царь должен был ужинать сегодня вечером у королевы, и делались большие приготовления к балу в честь его, но ее величество и все общество были разочарованы извинением, присланным

царем около шести часов. Царь встретил голландского мельника, с которым познакомился еще при первом своем путешествии, — владельца ветряной пильной мельницы и небольшого домика с садом приблизительно в полумиле от города; у него государь и кушал, и пробыл довольно долго»^{125}.

Изысканному обществу во главе с королевой царь предпочел общество владельца пильной мельницы. В королевском дворце его ждали развлечения и пустая трата времени, с мельником же он говорил о деле, ему представилась возможность пополнить свои знания.

Царь спешил в Померанию в связи с письмом от Меншикова: светлейший князь извещал его о том, что шведский генерал Стенбок вышел из Штральзунда, чтобы атаковать датские и саксонские войска. Петр советует союзникам уклониться от сражения до подхода русских войск, но те не вняли благоразумному совету, ввязались в бой и 10 декабря потерпели поражение. Русской армии пришлось выручать союзников из беды. В январе 1713 года она настигла шведов у Фридрихштадта. Стенбок разрушил шлюзы, затопил местность, соорудил укрепления на дамбах и считал себя в безопасности. Царь тщательно обследовал укрепления, составил план атаки и предложил участвовать в ней союзникам, но те отказались, считая затею обреченной на неудачу.

Русские войска повел в атаку Петр. Произошло то, с чем раньше не была знакома русская армия и что в дальнейшем станет повседневным при встречах со шведами. Шведы, увидев наступающих русских, не приняли боя и бросились наутек, потеряв 300 человек пленными. Вот как описывает дальнейший ход событий сам организатор этой операции: «И ежели бы от наступающей теплыни, от чего превеликая грязь стала, так что солдаты как мертвые устали и не могли далее идти, то б воистину того же дня близ половины корпуса побиты были». Наступавшие двигались по такому месиву, что в нем оставались солдатские сапоги и подковы лошадей.

Стенбок укрылся в крепости Тонингене. Петр оставил ее осаду попечению Меншикова, а сам отправился в Петербург. Оттуда он в марте пишет князю шутивное письмо с сообщением о прибавлении семьи: «В Курляндии получил, едуци, письмо от хозяйки своей, что она принесла сына, Марьею зовут».

Итогом военных действий в Померании в 1712 году царь дал пессимистическую оценку: «кампания пропала даром». Тем с большей энергией он приступил к подготовке новой кампании. В Петербург он ехал с готовым ее планом. «Сего дни едем в Петербург, где праздно лежать не будем», — писал он 16 марта. На этот раз помыслы царя были прикованы к

подготовке похода в Финляндию, который он решил осуществить силами русских войск, без участия союзников — на них, писал он, «мало надежды».

Поход в Финляндию царь поручил организовать адмиралу Апраксину еще в 1712 году, но его подготовка шла медленно. Апраксин упустил время, и войска, высаженные галерным флотом на финский берег, не решились углубляться далеко. Это была разведывательная операция.

На кампанию 1713 года Петр возлагал большие надежды. «Я от верных людей подлинно уведал, что ежели до Абова дойдем, то шведы принуждены будут с нами миру искать, ибо все их пропитание из Финляндии есть». Царь не намеревался оставить Финляндию за Россией, но овладеть ею считал необходимым «двух ради причин: первое, было бы что при мире уступить, о котором уже шведы говорить начинают; второе, что сия провинция есть маткою Швеции, из которой они довольствуются не токмо скотом и протчим, но и дровами; и когда ее взять, то шведская шея мягче гнуться станет».

Петр не впервые пророчил войне близкий конец, и каждый раз его прогнозы не оправдывались. Что это: просчеты царя, неумение его взвешивать реальные шансы воевавших сторон? Петр рассуждал правильно, с точки зрения здравого рассудка он учитывал все моменты, влиявшие на ход войны, за исключением одного — безрассудства Карла. Шведский король проявлял нелепое упрямство, пагубное для себя и для своей страны. Он сидел в Бендерах и посылал бесчисленные повеления, требовавшие новых жертв от населения истощенной страны.

В конце апреля десантный корпус в 16 тысяч человек, посаженный на галеры и другие мелкие суда, отправился к финским шхерам. Авангардом десанта командовал Петр. Высаженные у Гельсингфорса войска не встретили сопротивления. Предав город огню, шведы оставили его без боя. Не оказав сопротивления, они ушли и из Борго. Из этого города 16 мая царь отправляет Екатерине шутивное письмо: «Объявляю вам, что господа шведы нас зело стыдятца, ибо нигде лица своего нам казать не изволят».

Оставив войска в распоряжении Апраксина, Петр вернулся 7 июня в Кронштадт, где получил от Меншикова известие об успехе под Тонингом: свыше 11 тысяч шведов во главе со Стенбоком сдались союзным войскам. Царь посчитал, что настало подходящее время возобновить хлопоты о своем повышении в чине, поскольку он тоже был причастен к победе.

Указ о присвоении Петру чина полного генерала был подписан «князем-кесарем» еще 7 марта 1712 года. Петр, однако, задержал

обнародование указа, что свидетельствует о том, что порядок продвижения по службе он распространял и на себя: очередной военный чин должен присваиваться за успешное руководство военными операциями, а не просто за службу. Как и всегда в этих случаях, он обратился с челобитной к «князю-кесарю» Ромодановскому: «Понеже ваш указ, вписанный о перемене чина моего к генерал-фельдмаршалу Шереметеву я тогда не объявил ради несчастья против турок, а сей виктории могу и я причасником быть, ибо по разбитии датских войск, никто оного иной в Тонинг загнал, как российские войски, где я командиром был (о чем уже вашему величеству давно известно)».

Во второй половине 1713 года царь еще дважды радуется своих корреспондентов успешными операциями. Меншикову он пишет об овладении городом Або. Светлейший не остался в долгу и тоже дал повод царю известить своих друзей о крупном успехе в Померании: «славная Штетинская крепость, то есть главный или столичный померанский город, от неприятеля счастливо взята с малым уроном наших людей».

Итогами 1713 года Петр остался вполне удовлетворен: шведы были почти полностью изгнаны из континентальной Европы, лишились значительной части Финляндии. Радовали и вести из Османской империи. Правда, там Карлу XII удалось еще раз убедить султана объявить войну России, но это вызвало такое недовольство в самой Турции, что военные действия фактически не начинались.

В известиях с юга Петра более всего устраивало намерение султана выслать из пределов страны Карла XII. Обстоятельства выдворения надолго задержавшегося в Турции шведского короля давали основание полагать, что он уже лишился кредита у султана и не сможет спровоцировать его на войну.

По поручению султана турецкий сераскер и крымский хан прибыли в Бендеры к Карлу XII с предложением покинуть турецкие владения. Король отказался выполнить повеление султана. Тогда 12 тысяч татар и янычар окружили королевский стан, надеясь блокадой принудить короля к сдаче. Лишившись продовольствия и фуража, король велел перестрелять подаренных султаном арабских коней. Одновременно он начал укреплять свой лагерь, раздал оружие даже слугам и канцеляристам.

Когда королю сообщили, что будет применена сила, он ответил: на такой шаг не осмелятся.

Сколько ни уговаривали короля оставить страну добровольно, как ни убеждали его, что сопротивление горстки людей огромной армии бессмысленно, он оставался непреклонным. Турки подвергли дом

артиллерийскому обстрелу и подожгли его. Кто-то из свиты короля сказал об опасности погибнуть в огне. Но Карл продолжал играть роль трагического актера: «Пока не станут гореть ваши платья, опасности никакой нет!»

Все же король вынужден был покинуть горящий дом. Янычары обезоружили его и привели к сераскеру. Во время схватки осаждавших с осажденными погибло около 600 турок. Так Карл XII отблагодарил хозяев за четырехлетнее гостеприимство.

Поражения шведов на суше, утрата ими многих владений на континенте, а также опорных пунктов в Финляндии наносили огромный ущерб экономическому и военному потенциалу Швеции. Страна агонизировала, но продолжала сопротивление. Петр ясно представлял пути и средства достижения мира. Шведы, по его мнению, все еще надеялись на неуязвимость своей коренной территории. Военно-морской флот, по выражению Петра, был «последней надеждой» Швеции. Задача состояла в том, чтобы лишить ее этой «последней надежды», то есть дополнить превосходство вооруженных сил России на суше превосходством на море.

Строительство флота постоянно привлекало внимание Петра. Он не жалел ни времени, ни усилий для создания верфей, спуск корабля на воду был для него праздником. Приезжая в Петербург, царь всегда прежде всего спешил взглянуть на Адмиралтейскую верфь, где он распоряжался, наставлял, показывал, проверял. И тем не менее Балтийский флот уступал шведскому. Со времени основания Петербурга он ежегодно пополнялся новыми кораблями, но вплоть до Полтавской виктории на флот возлагались преимущественно оборонительные задачи. Этими задачами определялся класс закладываемых кораблей — строили главным образом мелкие суда, рассчитанные на плавание у побережья. Теперь принимались срочные меры к сооружению линейных кораблей, оснащенных десятками пушек и способных выполнять боевые задания в открытом море. Энергичные заботы приносили плоды. 15 июля 1713 года царь пишет находившемуся в Турции Шафирову: «Флот наш, слава Богу, множитца, мы уже ныне тринадцать линейных кораблей от 50 пушек и выше имеем, а еще ждем довольного числа к себе». Петр был прав: его детище мужало, число линейных кораблей увеличивалось. Но в такой же мере он был прав, когда два месяца спустя сказал: «А мы большими кораблями не сильны».

Царь решил ускорить комплектование флота покупкой готовых кораблей за границей. Еще в 1711 году он отправляет в секретную заграничную командировку корабельного мастера, выходца из аристократической фамилии Федора Салтыкова. Ему было велено «вести

себя везде инкогнито за дворянина российского, в корреспонденции иметь надлежащую осторожность, обо всем писать цифирью». Тайное поручение Салтыкова состояло в выполнении им роли агента по скупке кораблей в портах морских держав. Главное руководство операцией царь положил на своего посла в Амстердаме князя Бориса Ивановича Куракина. В сентябре 1713 года Петр еще раз напомнил послу о важности поручения. «Прошу вас, чтоб гораздо трудились в покупке кораблей, ибо наша ныне война вся в том состоит». Салтыков уже в 1712 году сторговал 10 кораблей. Часть из них Петр тщательно осмотрел. Глаз опытного кораблестроителя обнаружил в них существенные недостатки, по качеству они оказались ниже кораблей отечественной постройки. Они «достойны звания приемышей, ибо подлинно отстоят от наших кораблей, как отцу приемыш от роднова, ибо гораздо малы пред нашими», а главное, «тупы на парусах», то есть имели медленный ход.

Заботы царя о пополнении флота новыми кораблями сочетались с обучением личного состава военно-морскому делу. Петр — частый гость главной базы русского флота — Кронштадта. Там он проводит целые недели, устраивает смотры, учебные сражения, упражняет матросов и офицеров в выполнении морских команд.

Молодой Балтийский флот участвовал в финской кампании 1712–1713 годов. Он обеспечил как высадку десантов, так и снабжение их боеприпасами, снаряжением и продовольствием. Один из таких рейсов с участием Петра сопровождался потерями: корабли попали в небывалой силы шторм, три галиота затонули, экипажи двух из них погибли. Сообщая об этих потерях, Петр писал: «Нептун некоторую пошлину взял». Царь знал, что известие о катастрофе встревожит Екатерину, поэтому просил корреспондентов не сообщать ей подробностей. Одному из них он писал: «Прошу о сем так пространно не объявлять домашним моим». Другому: «Пожалуй, не говори ей о сем, приеду и расскажу сам»^{126}.

Первый крупный успех на море пришел летом 1714 года. К этому времени русский флот располагал такими силами, что внушал Петру уверенность в том, что он может выдержать испытание боем: «Теперь дай Боже милость свою! Пытаться можно».

В июне галерный флот под командованием Апраксина доставил провиант в Гельсингфорс и должен был двигаться к Або, чтобы обеспечить находившиеся там русские войска продовольствием. Путь к Або преграждала шведская эскадра в составе 16 крупных кораблей, 8 галер и 5 других судов, стоявших у мыса Гангут.

18 июля к месту расположения галерного флота прибыл Петр. После

рекогносцировки местности он разработал оригинальный план действий: было решено в узкой части полуострова Гангут устроить «переволоку» из бревен для перетаскивания легких судов на противоположный берег. Замысел состоял в том, чтобы этой демонстрацией ввести неприятеля в заблуждение. Шведы попались на эту диверсию и, стремясь помешать перетаскиванию судов, раздробили свои силы, чем немедленно воспользовался Петр.

26 июля было полное безветрие, паруса шведских линейных кораблей беспомощно свисали на мачтах. Корабли не могли маневрировать. Русское командование «по многим воинским советам» решило использовать благоприятную обстановку. 20 галер беспрепятственно зашли в тыл шведской эскадры. Следом за ними были отправлены еще 15 галер, а на следующий день этот маневр совершил весь галерный флот. Маневр стоил русским ничтожных потерь: неприятелю удалось захватить всего лишь одно судно, севшее на мель. Шведы непрерывно палили из пушек, но это была бесполезная трата пороха и ядер: галеры оказались вне досягаемости корабельной артиллерии шведов.

Знаменитое Гангутское сражение началось в середине дня 27 июля. Ему предшествовало предложение о сдаче. Когда его отклонили, на корабле адмирала Апраксина был поднят синий флаг, а затем раздался пушечный выстрел. Это были сигналы атаки.

Авангард русского флота под командованием «шаутбейнахта Петра Михайлова» атаковал не всю шведскую эскадру, а блокированный отряд контр-адмирала Эреншильда, состоявший из фрегата «Элефант» и девяти более мелких кораблей. Шведы располагали мощной артиллерией (116 пушек против 23), но это несколько не смутило Петра. Два часа шведам удавалось отбивать натиск русских, но затем атаковавшие взяли корабли на бордаж и сцепились с неприятелем врукопашную. «Воистину, — вспоминал об этом сражении Петр, — нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абординванье так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами, но духом пороховым от пушек разорваны». С семью ранениями Эреншильд велел доставить себя к флагманскому кораблю, чтобы сдаться в плен.

«Правда, — писал Петр Екатерине, — как у нас в сию войну, так и у алиртов (то есть союзников. — *Н. П.*) с Францией много не только генералов, но и фельтмаршалов брано, а флагмана ни единого^{127}.

Кровопролитное сражение закончилось полной победой русского флота. Все корабли Эреншильда стали трофеями русских. Штиль помешал шведской эскадре оказать помощь терпящему катастрофу отряду контр-

адмирала Эреншильда. Успех русского флота привел в ужас шведский двор: он начал эвакуироваться из столицы. Царь сравнивал морскую победу у Гангута с Полтавской викторией.

За морским сражением, принесшим славу русскому флоту, последовали две церемонии. 9 сентября население Петербурга торжественно встречало победителей. В Неву вошли украшенные флагами три русские галеры. За ними следовали захваченные шведские корабли. Затем показалась командирская галера «шаутбейнахта Петра Михайлова». Процессию замыкали две галеры с солдатами. Парад был продолжен на суше: победители несли знамена и прочие трофеи. Среди пленных находился и Эреншильд. Шествие замыкали батальоны Преображенского полка во главе с Петром. Победители прошли через триумфальную арку, на которой красовались замысловатые изображения. Одно из них выглядело так: орел сидел на спине слона. Надпись гласила: «Русский Орел мух не ловит». Смысл иронической надписи станет понятным, если вспомним, что захваченный фрегат назывался «Элефант» (слон).

Во дворце Меншикова по случаю победы состоялся роскошный прием, на котором Петр и Эреншильд обменялись речами. Царь выразил рыцарское отношение к побежденному. «Господа, перед нами храбрый и преданный слуга своего государя, достойный его высочайших наград, который, пока он со мной, всегда будет иметь мое расположение, хотя и убил многих моих храбрецов. Я прощаю, — сказал он шведу с улыбкой, — и вы всегда можете полагаться на мою добрую волю».

Эреншильд, поблагодарив царя, отвечал: «Как бы честно я ни поступал по отношению к моему государю, я лишь выполнял свой долг. Я искал смерти, но не нашел. И меня в моем несчастье нимало утешает то, что являюсь пленником вашего величества, и то, что вы великий морской командир, а ныне по достоинству вице-адмирал, благосклонны ко мне и так много отличаете». Эреншильд подтвердил, что «русские дрались как львы, и лишь собственный опыт смог убедить его в том, что царь сделал своих подданных такими добрыми солдатами; вот результат строгой дисциплины, времени и расчетливости. Войска были столь дисциплинированы, и за ними закрепилась такая слава, особенно за пехотой, что в мире нет армии, которой они бы уступили».

Продолжение церемонии происходило в Сенате. В окружении сенаторов в роскошном кресле восседал «князь-кесарь» Ромодановский. Шаутбейнахт Петр Михайлов испросил разрешение войти в зал, чтобы отдать рапорт и рекомендательное письмо генерал-адмирала Апраксина о своей службе. Бумаги зачитали вслух. «Князю-кесарю», не отличавшемуся

красноречием, сценарий отвел немногословную речь: задав несколько малозначительных вопросов, он произнес: «Здравствуй, вице-адмирал!» Так царь получил чин вице-адмирала. С этого времени он стал расписываться за получение 2240 рублей годового жалованья.

В сентябре 1714 года должна была состояться еще одна церемония, но по каким-то причинам Петр перенес ее на начало следующего года.

Еще в 1713 году «князь-папа» Никита Зотов известил Петра о своем намерении жениться. Царь ответил Зотову своим согласием, но тут же многозначительно добавил: он, царь, не допустит того, чтобы свадьба была учинена «образом древнего варварского обычая», то есть тайным браком. Петр решил превратить свадьбу главы «всепьянейшего собора» в шумное торжество, своего рода маскарад с участием не только членов «пьяной компании», но и всех знатных особ: в гости приглашались генералы, тайные советники, сухопутные и морские офицеры, корабельные мастера, иностранные дипломаты.

Петр не поленился разработать подробнейший свадебный обряд, расписать роли для его участников, определить, кто в каком костюме должен явиться на торжество. Была устроена даже генеральная репетиция, своего рода смотр маскарадных костюмов.

Свадебный кортеж представлял пеструю толпу. Одни явились в калмыцком платье, другие — в венгерском, третьи — в старорусском, четвертые — в матросском и т. д. Всем гостям полагалось иметь при себе музыкальный инструмент, точнее, предмет, из которого можно было извлекать какие-либо звуки: наряду с барабанами, пастушьими рожками, колокольчиками, скрипками гостям предписывалось принести пузыри, наполненные горохом, горшки, тазы и т. д. Граф Головкин, два князя Долгоруких и два князя Голицыных щеголяли в китайском наряде и играли на дудочках, дипломаты Толстой и Бестужев нарядились в турецкие костюмы и гремели медными тарелками. Петр выбрал для себя матросскую форму.

Накануне свадьбы к Петру обратился сын жениха Конон Зотов с горячей мольбой отменить брак: «Умилосердись, государь! Таким ли венцом пристойит короновать конец своей жизни, яко ныне приведен отец мой чрез искушение?» Правда, сына возмущала не моральная сторона грубого маскарада, а опасение быть ущемленным мачехой при дележе наследства: «Я верю, что она идет для того в замужество, чтоб ей нас, детей его, лишить от Бога и от вас, государя, достойного нам наследства»^{128}.

Царь не внял просьбе Конона Зотова. Через 10 дней после подачи челобитной сын жениха прочитал инструкцию, составленную царем и

начинавшуюся фразой: «Ехать тебе во Францию в порты морские, а наипаче, где главный их флот».

Петра можно было бы заподозрить в том, что он, бросив все дела, целиком отдался никчемной затее, если бы историки не располагали документами, свидетельствующими о том, что забава не отвлекала его от главных дел и нисколько не изменила распорядок его рабочего дня. Здесь проявлялась одна из удивительных способностей Петра — умение одновременно охватывать множество дел, разных по значению и содержанию, иногда совершенно не связанных друг с другом. Мы уже имели случай наблюдать Петра в напряженные месяцы борьбы с армией Карла XII то за усовершенствованием шрифта, то наставляющим, как переводить книги и переплетать их. Даже на пирушках его память держала в голове сведения, на которые как-то надо было реагировать, и он вставал из обеденного стола, чтобы сесть за стол письменный и в уединении написать очередной указ или ответить на письмо и потом вновь присоединиться к компании.

Подготовкой шутовской свадьбы и торжества, с нею связанного, Петр занимался в декабре 1714 — январе 1715 года. За это время им было составлено и отредактировано 16 указов, среди них указ Канцелярии от строений с подробнейшим перечнем первоочередных работ по благоустройству столицы, указ об открытии Морской академии, инструкция петербургскому губернатору Меншикову и другие.

Интенсивная работа пером развернулась в 1714–1715 годах, но намерение посвятить этой работе больше внимания Петр обнаруживает уже в 1712 году. К этому году относится его первое распоряжение о переводе на русский язык иностранных регламентов, уставов, указов.

В действиях Петра при организации коллегий мы не обнаруживаем спешки, проявленной им во время проведения административных реформ предшествующих лет.

Одновременно с подготовкой реформы гражданской администрации велась работа по составлению «Устава воинского» для сухопутной армии и «Морского устава» для военно-морского флота. В ноябре 1714 года сын «князя-папы» Конон Зотов закончил перевод «Ордоннанса Людовика XIV о войсках морских и о их арсеналах», а в январе следующего года он получает новое задание Петра: ехать во Францию, где раздобыть и перевести на русский язык книги «все, что ко флоту надлежит на море и в портах». Царь не преминул напомнить Зотову, как надо переводить с иностранного: «за штилем их не гнатца», но смотреть, «чтоб дела не проронить». К маю 1715 года в распоряжении царя находились датский,

французский и голландский регламенты. Тогда же от посла в Лондоне Бориса Ивановича Куракина Петр требует доставки английских уставов и регламентов. Он разъясняет послу, для каких надобностей надлежит прислать регламенты: их «мы ныне збираем всех государств, кои флоты имеют».

Гражданские дела царя не ограничиваются подготовкой к открытию коллегий. В 1714–1715 годах царь издает ряд нормативных указов, о которых будет подробнее рассказано в следующей главе: указ о единонаследии, указ, запрещающий должностным лицам вступать в подряды и др.

Казалось, что Петр был близок к завершению реформы центральных учреждений и дни приказов были сочтены. Но начинание неожиданно пришлось прервать — Петр в конце 1715 года серьезно заболел, а в январе следующего года он, еще не оправившийся от болезни, вместе с супругой отправился за границу. Конечный пункт поездки — курортный городок Пирмонт, цель путешествия — лечение.

Петр ехал на запад медленно, с продолжительными остановками, вызванными то его болезнью, то недомоганием беременной супруги, то дополнительными заботами, всегда возникавшими в пути.

В Гданьске царь прожил свыше двух месяцев. Теперь он уже не ограничивался осмотром достопримечательностей, он стал приобретать редкости для Петербургской кунсткамеры. В сопровождении городских властей Петр посетил лютеранскую церковь. Рассказывают, что проповедь он слушал без парика, но, почувствовав холод, молча снял парик у стоявшего рядом бургомистра, водрузил себе на голову и вернул его владельцу лишь по окончании богослужения. Здесь же в Гданьске он отредактировал все 108 глав и три части «Устава воинского» и отправил его в Россию для размножения типографским способом. Петр внес в текст до 200 исправлений и дополнений, придававших формулировкам лаконичность, четкость и ясность.

В этом сочинении подводились итоги развития отечественной военной мысли. В Уставе нашли отражение все новшества, примененные царем и его генералами в годы войны. Устав предусматривал существование в действующей армии корволанта, блестяще оправдавшего себя в битве при Лесной. Главное достоинство корволанта — подвижность, оперативность: «всюду поворачиваться без тягости», как сказано в Уставе. Новым было и правило стрельбы шеренгами, когда на колени садилась не одна, а две шеренги. Устав придавал огромное значение рукопашному сражению и поэтому отводил много места обучению приемам штыкового боя. «Имя

солдат, — сказано в Уставе, — просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от высшего генерала и даже до последнего мушкетера, конного и пешего». Имени солдата недостойн нарушитель воинской чести и воинских традиций: «Кто знамя свое или штандарт до последнего часа своей жизни не оборонит, оный не достоин есть, чтобы имя солдат иметь». «Победу в войне обеспечивают добрые порядки, храбрые сердца, справное оружие». Одновременно «Устав воинский» являлся уголовным кодексом: он определял меру наказания не только за нарушение воинской дисциплины, но и за политические преступления: «всякий бунт, возмущение и упрямство безо всякой милости имеет быть виселицею наказано»^{129}.

«Устав воинский» заложил основы национального военного искусства. В течение столетия им руководствовались в сражениях и при обучении войск все выдающиеся полководцы России: Румянцев, Суворов, Кутузов.

Путешествие к Пирмонту было насыщено деловыми встречами с польским и прусским королями, герцогом Мекленбургским. Но главное значение Петр придавал встрече с датским королем. Послу в Копенгагене князю Долгорукому он поручает уговорить Фредерика IV встретиться с ним, царем, в пункте, лежащем по пути в Пирмонт: «желаю сего свидания, дабы все определить и потом ехать лечиться». Что намеревался «определить» Петр? Убедить короля в том, что «потребно вступить в самую Швецию, и там силою оружия принудить неприятеля к миру»^{130}.

Свидание состоялось близ Гамбурга в мае 1716 года. Во время четырехдневных переговоров удалось достичь соглашения о высадке десанта в Шонию — прибрежную провинцию Швеции, ближе всего отстоявшую от датских берегов. Удовлетворенный исходом переговоров, Петр спешит в Пирмонт, где почти три недели принимает воды. Из Пирмонта он возвращается в Померанию и Данию.

Казалось, что обстановка на Балтике благоприятствовала усилиям царя. У него появились новые помощники: англичане и голландцы, много раз безрезультатно протестовавшие против действий шведских каперов, решили защищать торговые пути к портам России оружием и отправили в Балтийское море свои эскадры. Петр весь отдается подготовке десанта: распоряжается о сосредоточении войск, отправляется к неприятельским берегам, где на виду у шведов, подвергаясь обстрелу прибрежной артиллерии, измеряет глубину в шхерах для определения места высадки десанта. Наконец, царь становится главнокомандующим флотов России, Англии, Голландии и Дании.

Петру, однако, пришлось еще раз испытать разочарование. Конечно, объединенная армада в составе 84 военных кораблей, среди которых на 21 развеялся боевой флаг русского флота, могла принудить шведов заключить мир. На деле же ни один из трех союзников Петра всерьез не помышлял об активных военных действиях.

Командование флотами четырех держав оставило у Петра приятное воспоминание лишь в одном отношении: «Такой чести повелевать флотами чужестранных народов и своим вместе едва ли кто на свете удостаивался. Я с удовольствием вспоминаю доверенность тех держав».

«Доверенность», однако, не простиралась далее совместного участия в маневрах. Много холостых залпов было произведено во время взаимных приветствий командующих национальными эскадрами, но по неприятелю — ни одного выстрела. 28 сентября 1716 года русская эскадра отмечала викторию при Лесной. В торжествах принял участие и английский флот. В походном журнале записано: «Пополудни английский адмирал палил со всего флота, поздравляя воспоминанием сей виктории». Участие английского и голландского флотов в плавании по Балтийскому морю имело значение демонстрации и не преследовало цели поставить Швецию на колени. Датский король тоже саботировал достигнутое в мае соглашение. Поведение датчан Петр оценил через четыре дня после того, как принял командование объединенным флотом. 9 августа он пишет Апраксину: «Бог ведает, какое мучение с ними. Сущее надобное время пропускают, будто чужое дело делают».

Можно представить, какое чувство вызывало у нетерпеливого Петра нарочитое затягивание сроков выполнения обязательств датским королем. Однажды на этой почве между Петром и Фредериком IV возникло маленькое недоразумение.

Царь, как мы знаем, мог довольствоваться пятью часами сна в сутки и вставал очень рано. Он послал в 8 часов утра сказать королю, что желает с ним встретиться. Петру ответили, что король спит. Спустя два часа, когда Петр вновь осведомился о возможности свидания, ему сказали, что хотя король уже встал, но никто не смеет входить в его комнату. Через час Петру сообщили, что король еще не одет. Наконец, когда у непоседливого русского царя иссякло всякое терпение, смущенный Фредерик IV сам явился к нему. Датскому королю пришлось выслушать следующее замечание Петра: «Мой брат, дела не могут идти хорошо таким образом; каждый день у нас есть много важного, что мы должны сообщить друг другу, между тем к вашему величеству не всегда можно иметь доступ. У меня также есть свои дела. Условимся раз и навсегда иметь определенный

час и день, в который мы можем видеться, когда нам будет что сказать друг другу». Король согласился с доводами царя, но возражал против свиданий в утренние часы.

Время для десанта было упущено, и Петр, распорядившись об увеличении галерного флота, способного без датчан высадить войска на побережье Швеции, отправляется в Голландию искать дипломатических путей выхода из войны. В Амстердам он вызывает выдающихся сотрудников дипломатического ведомства: Толстого, Шафирова, Остермана и других.

Петр и на этот раз, как и в первый свой приезд в Голландию, решил остаться инкогнито. Извещая своего посла в Амстердаме Бориса Ивановича Куракина о намерении прибыть в Голландию, царь предупредил его, что если об этом «уведают Штаты, то проси, чтобы без всякой церемонии мой туды приезд был». Сохранить свои имя в тайне Петру не удалось и теперь. Более того, царь однажды стал жертвой своего инкогнито.

Как-то он вместе с несколькими спутниками остановился переночевать в захудалом трактире. Ужин состоял из десятка яиц, сыра, масла и двух бутылок вина. Когда у хозяина спросили, сколько надо платить за ночлег и ужин, тот ответил: 100 червонных! Гофмаршал доложил царю о непомерно высокой цене за незначительные услуги. Петр пошел объясняться с трактирщиком.

— За что ты требуешь столь великую сумму? — спросил он по-голландски.

— Сто червонцев, великая сумма! Я бы заплатил тысячу червонных, если бы я был русским царем.

Прижимистому в личных тратах царю все же пришлось уплатить просимую сумму.

В Голландии Петра влекли те места, где ему довелось побывать без малого двадцать лет назад. Как и в первый приезд, он интересовался верфями, кораблями, мануфактурами. Он охотно посещал живописцев, купил множество картин, которыми впоследствии украсил покои своей супруги.

Не удержался он и от осмотра спальни и крохотной комнаты, где жил во время работы на верфи.

— Добро пожаловать, мастер Питер! — услышал царь.

— Откуда ты меня знаешь?

— Я жена мастера Поля, и вы часто обедали в нашем доме.

Петр обнял вдову того самого Поля, у которого он в 1697 году обучался кораблестроению и который выдал ему аттестат.

Современник, описавший эту сцену, наблюдал поведение царя в Голландии в первый его приезд. Петр сохранил тот же интерес к прогулкам в море, ту же ловкость и любознательность. Он перелез через хлев, чтобы осмотреть крахмальный завод, отведал кислую воду, в которой мочат пшеницу для изготовления крахмала, и съел горсть готового продукта. Сохранил он и простоту обращения с плотниками. «Будем говорить как плотники», — сказал Петр своим собеседникам, заметив, что те с трудом подбирали изысканные слова^{131}.

Очевидец заметил одно отличие в поведении Петра по сравнению с первым приездом: он стал менее стеснительным, не закрывал лицо руками при виде толпы: «люди могли смотреть на него, сколько желали». Но от очевидца укрылось главное, что отличало Петра 1716 года от Петра 1697 года. Теперь он на все смотрел иными глазами. Новичок в военно-морском деле стал вице-адмиралом, выдающимся флотоводцем. Робкий ученик-кораблестроитель стал превосходным конструктором и корабельным мастером. То, что некогда удивляло Петра, было в диковинку, стало для него обыденным: Россия уже имела и своих кораблестроителей, и своих морских офицеров, и могучий флот, и мануфактуры, и учебные заведения.

В Амстердаме дипломаты Петра установили контакты с представителями версальского двора. Оказалось, что Франция, пытаясь спасти свою союзницу Швецию от неминуемой катастрофы, готова взять на себя роль посредницы в ее переговорах с Россией. Петр принимает решение ехать в Париж.

Если австрийский двор тех времен отличался исключительной чопорностью и педантичностью в соблюдении дипломатического этикета, то Париж славился необычайной роскошью двора и пышностью встречи коронованных гостей. В Париже тщательно готовились к приезду Петра и его свиты. Французский двор принял меры, чтобы угодить царю и его спутникам. Власти позаботились о том, чтобы путешественники были обеспечены экипажами и приличным столом, чтобы администрация городов, через которые должен был проезжать Петр и его спутники, оказывала ему соответствующие почести и подчеркивала чувства дружбы, испытываемые Францией к московскому царю. Придворному, сопровождавшему гостей из далекой России, предписывалось даже собрать сведения о привычках и вкусах царя и немедленно удовлетворять их. Сохранилось донесение с описанием внешности Петра и его привычек. Вот как он выглядел в 45 лет: «Царь очень велик ростом, несколько сутуловат и имеет привычку держать голову немного вниз. Он смугл, и в выражении лица его есть что-то суровое». Встает он рано, обедает около десяти часов,

ужинает около семи и удаляется в свои комнаты раньше девяти. Перед обедом употребляет водку, пиво и вино — после полудня, за ужином ест мало, а иногда и не ужинает. Любит соусы с пряностями, пеклеванный и даже черствый хлеб, с удовольствием ест горошек, съедает много апельсинов, груш и яблок. О старании угодить вкусам царя свидетельствует изготовление специально для него черного хлеба, который он, как выяснилось, очень любил. В Париже он носил простое суконное платье, широкий пояс, к которому была прикреплена сабля, парик без пудры и рубашку без манжет.

Дюнкирхен был первым городом Франции, в который Петр прибыл 27 апреля 1717 года. Здесь он осмотрел старый порт, форты, магазины и шлюзы. На пути в Кале царь, увидев множество ветряных мельниц, сказал сидевшему рядом с ним в карете Ягужинскому: «То-то бы для Дон-Кишотов было здесь работы!»

Дальнейшее путешествие Петра по Франции показало, что далеко не все вкусы и привычки русского царя были учтены французским двором, и Петр многократно ставил в затруднение лиц, которым поручались заботы о его комфорте. В одних случаях он проявлял безразличие к этому комфорту, в других давала о себе знать стеснительность. В Кале он отказался ехать в карете и попросил, чтобы ему, как и другим лицам, была предоставлена двуколка. С трудом были разысканы двуколки, но царю они не понравились, и он из Булони отправился в экипаже собственной конструкции: на каретные дроги он распорядился поставить кузов своей двуколки. Ему пытались объяснить, что он рискует быть опрокинутым, так как крестьянские лошади не привыкли к таким экипажам. Доводы несколько не подействовали на царя, и он пожелал, чтобы приказание было выполнено незамедлительно.

В Амьене епископ три дня хлопотал, чтобы принять у себя царя. Но заботы епископа о торжественном обеде, фейерверке, иллюминации и концерте оказались напрасными. Петр торопливо проехал по городу, не желая ни останавливаться, ни видеть кого бы то ни было. Торопливость царя объясняли тем, что он много слышал о любопытстве жителей Амьена и поэтому не пожелал показываться толпе.

В Бове тоже прилагали немало усилий к пышной встрече Петра. «Я солдат и когда найду хлеб да воду, то я буду доволен», — ответил царь, когда ему сообщили о приготовленном обеде в Бове.

Перед въездом в Париж Петр наконец сел в королевскую карету, но решительно отказался жить в отведенных для него роскошных апартаментах Лувра. Он зашел в приготовленное для него помещение,

бегло осмотрел его убранство, взглянул на стол, сервированный 800 большими и малыми блюдами, отломил ломтик бисквита, отведал немного вина и потребовал себе более скромную резиденцию. Просьба была удовлетворена, но отель Ледигьер, по мнению царя, тоже оказался слишком роскошным. Выход из положения нашел сам Петр: он вытащил из фургона свою походную постель и устроился на ночлег не в спальне, а в гардеробной.

В одном случае Петр все же должен был поступиться своими привычками: отель Ледигьер находился рядом с Арсеналом. Царю, конечно, очень хотелось заглянуть в Арсенал, равно как и пройтись по улицам Парижа, но этикет требовал, чтобы он сидел в четырех стенах до официальных визитов. На третий день после приезда в Париж он пишет Екатерине: «Два или три дня принужден в доме быть для визит и протчей церемонии, и для того еще ничего не видел здесь; а с завтрае или после завтрае начну всего смотреть. А сколько дорогою видели — бедность в людях подлых великая»^{132}.

Началась будничная жизнь в столице Франции. Успех переговоров объяснялся, в частности, обстановкой непроницаемой тайны, в которой они велись. О подлинных целях приезда царя в Париж долгое время никто не знал. Уполномоченный французского двора, которому было поручено сопровождать путешественников по Франции, доносил: «До сих пор я не узнал действительной причины путешествия царя, кроме простого любопытства и некоторой врожденной любознательности». Испанский посол в Париже, настороженно относившийся к приезду Петра, тоже считал, что ближайшей причиной путешествия было простое любопытство.

В Париже и его окрестностях находилось множество разнообразных достопримечательностей, достойных внимания Петра. Но не только ради этого он прибыл вместе с дипломатами в столицу Франции. В то время как Куракин и Шафиров встречались за столом тайных переговоров с французскими дипломатами, царь имел несколько конфиденциальных встреч с регентом малолетнего французского короля герцогом Орлеанским. Наносил он и официальные визиты, устраивал приемы, причем своим поведением смущал придворных. Церемония встречи с семилетним королем Людовиком XV была детально разработана королевским советом, но Петр и здесь не стал придерживаться условностей. Он встретил Людовика, приехавшего в сопровождении гвардии, у выхода из кареты и вместо взаимных поклонов и приветствий схватил короля Франции на руки и поцеловал, сказав при этом: «Это не поцелуй Иуды». О встрече с королем царь писал Екатерине: «Объявляю вам, что в прошлый понедельник

визитовал меня здешней каралища, который пальца на два более Луки нашего, дитя зело изрядное образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет»^{133}. Лука — любимый карлик, сопровождавший царя в заграничной поездке.

В Париже нетрудно было обнаружить новый этап в духовных запросах Петра. Раньше во время заграничных путешествий царь спешил осмотреть прежде всего кунсткамеры и раритеты. Теперь его любознательность стала более разнообразной, что свидетельствовало о расширении кругозора и достаточной подготовке к восприятию высших проявлений культуры. В Париже он многократно встречался со знаменитыми учеными Франции: 4 июня 1717 года он посетил коллеж четырех наций, где ознакомился с постановкой преподавания. 17 июня состоялось первое свидание царя со знаменитым географом Делилем. Во время продолжительной беседы царь показал ученому географу две рукописные карты. Делиль проявил живейший интерес к картографии Азовского и Каспийского морей, и беседа с ученым оказала несомненное влияние на решение Петра организовать научные экспедиции для картографирования этих морей.

Царь был свидетелем искусно проделанной глазной операции. 65-летний слепец, страдавший катарактой, прозрел в его присутствии.

Знакомство Петра с академическим миром Парижа завершилось его участием в заседании Академии наук. Царь осмотрел модели машин для подъема воды, ему были показаны рисунки, предназначавшиеся для истории искусств. Петр просил академиков сидеть, а не стоять в его присутствии и проявлял пристальный интерес ко всему, что ему рассказывали и показывали. Как и всегда, царь в разговоре с учеными обнаружил свои удивительные способности и разносторонние дарования. Из таких людей, как он, позже формировались энциклопедисты. Петра можно было встретить всюду, где из увиденного и услышанного представлялась возможность извлечь пользу. Не дожидаясь королевской кареты, он, рано вставая, садился в первый попавшийся на улице экипаж и ехал осматривать королевские дворцы, аптеку, арсеналы, мануфактуры. Бывал он и на фабрике зеркал, посетил знаменитую королевскую гобеленовую мануфактуру, Инвалидный дом. Посетил и Монетный двор, где был приятно удивлен тем, что к его визиту был подготовлен чекан для медали с его нагрудным изображением. Медаль выбили в его присутствии. Особый интерес царь проявлял к паркам, он тщательно изучал планировку и устройство фонтанов и прудов в Версале и Марли. Наконец, царь посетил знаменитую фаворитку Людовика XIV госпожу Ментенон в Сент-Сире, где в основанном ею заведении для благородных девиц она доживала

последние годы. Дама отказалась его принять, сказавшись больной, тем не менее Петр прибыл в Сент-Сир, вошел в закрытую шторами комнату, приподнял штору, чтобы лучше разглядеть некогда красивую женщину и выразить ей свое восхищение.

— Чем вы больны?

— Старостью, — ответила Ментенон.

— Сей болезни все мы подвержены, если будем долго жить, — заметил Петр и, пожелав выздоровления, отправился осматривать заведение^{134}.

Для царя и его свиты устраивались смотры королевской гвардии и полевых полков. Состояние французских войск не вызвало восторга: «Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют».

Париж оставил у царя двойственное впечатление. Столица Франции поразила его, с одной стороны, процветанием науки, промышленности и ремесел, а с другой — расточительной роскошью двора, праздной жизнью вельмож и неопрятностью улиц. «Жалею, — сказал он, — что домашние обстоятельства принуждают меня так скоро оставить то место, где науки и художества цветут, и жалею при том, что город сей рано или поздно от роскоши и необузданности претерпит великий вред, а от смрада вымрет».

Из Парижа Петр отправился в Спа принимать воды, а начатые в столице Франции переговоры были успешно завершены в Амстердаме, где 4 августа состоялось подписание договора: Франция брала на себя роль посредника в переговорах между Россией и Швецией, а также обязалась воздержаться от выплаты субсидий шведскому королю и оказания ему других видов помощи. Более того, Франция готова была признать все приобретения России на Балтийском море, которые отойдут к ней по договору с Швецией. Цель визита была достигнута: шведский король, лишившись французских субсидий, должен был отправить своих представителей, чтобы они сели за стол переговоров.

В Петербург Петр возвратился в октябре 1717 года, пробыв за границей более полутора лет. Дождавшись установления зимнего пути, он отправился в Москву. Ехал он туда не для того, чтобы встретить Новый год и посмотреть, что нового произошло в старой столице, где он не был почти восемь лет. Москву он избрал местом, где должна была решиться судьба его сына — царевича Алексея.

ОТЕЦ И СЫН

Отношения Петра со своим сыном Алексеем — едва ли не самый драматический момент в личной жизни царя. Эта длительная коллизия в своей заключительной части была насыщена драматической напряженностью, стремительным развитием действия, в котором кульминационным актом явилась гибель царевича.

Царевич Алексей родился 18 февраля 1690 года. Из скудных сведений, сохранившихся о его детских годах, можно сделать вывод, что отец не слишком обременял себя заботами о воспитании сына. Отчасти это объяснялось тем, что царь находился в непрерывных разъездах, весь поглощенный борьбой сначала с южным, а затем с северным соседом. Имело значение и то, что сына родила нелюбимая жена.

Первые годы жизни царевич проводил на половине матери, находясь под полным духовным влиянием этой ограниченной женщины и ее окружения, состоявшего из монахов, попов, карлиц и карликов, кликуш. Двор царицы жил иными интересами, в ином ритме, он довольствовался слухами, уязвлявшими самолюбие супруги. Осуждали там и поступки Петра, не укладывавшиеся в рамки традиционных представлений о царском поведении во дворце и за его пределами.

Шести лет царевича начали обучать грамоте. Учителем к нему был определен Никифор Вяземский — человек слабовольный, малообразованный и к тому же лишенный педагогических способностей. Он не мог привить ребенку ни уважения к себе как воспитателю, ни любви к труду. Источники сохранили свидетельства об отношениях, установившихся между воспитателем и его подопечным. Они, правда, относятся к тому времени, когда воспитанник стал уже молодым человеком, но можно предположить, что основы этих отношений были заложены значительно раньше. Воспитанник часто бивал своего наставника палкой, драл за волосы и, чтобы избавиться от него, давал поручения, выполнение которых было связано с выездами за пределы Москвы.

В соответствии с традициями того времени Вяземский начал обучение Алексея с чтения часослова. После заточения Евдокии в монастырь Петр намеревался отправить десятилетнего Алексея для продолжения образования в Дрезден. Но этому неслыханному для того времени плану суждено было осуществиться лишь много лет спустя. Карл XII, нанеся

поражение Дании и одержав победу под Нарвой, двинул свои войска в Польшу и мог в любой момент овладеть столицей Саксонии. Царевич остался в России, но главным наставником в нарушение обычаев к нему был приставлен иностранец. Барон Генрих Гюйссен, или, как его называли по-русски, Гизен, перед приездом в Россию успел побывать на службе у французского и датского королей, а также курфюрста саксонского. Этот наемник с университетским дипломом прибыл в Россию в 1702 году, а в следующем царь предложил ему должность главного воспитателя. Гюйссен, однако, отказался от этой чести, согласившись на роль помощника воспитателя при князе Меншикове. Последний жил в только что основанном Петербурге, в то время как царевич находился в Москве, и, разумеется, мог выполнять свои обязанности лишь номинально.

Наказ, составленный Гюйссеном и утвержденный Петром, предусматривал обширную программу воспитания и обучения. Однако эта программа не была осуществлена. Уже с 1705 года Гюйссен выполнял дипломатические поручения, связанные с продолжительными выездами за границу. Эти месяцы и даже годы царевич проводил в Преображенском в совершенном безделье.

Знания царевича были весьма скромными. Он довольно свободно владел немецким, отчасти французским. Что касается успехов в прочих науках, то он одолевал четыре действия арифметики лишь в 18-летнем возрасте, а еще позже начал знакомиться с основами фортификации.

Способностей царевича вполне доставало, чтобы усвоить премудрости изучаемых наук. Сам он говорил о себе: «Природным умом я не дурак, только труда никакого понести не могу». Отец его в одном из писем тоже писал: «Бог разума тебя не лишил». Но разум Алексея был на редкость пассивным и ленивым. «Со младенчества моего несколько лет жил с мамою и с девками, где ничему иному не обучился, кроме избных забав». Обучение, писал царевич, «мне было зело противно и чинил то с великою леностию, только б, чтобы время в том проходило, а охоты к тому не имел».

Когда в 1712 году царевич возвратился из-за границы, где провел около трех лет, отец спросил его, не забыл ли он то, чему учился, и тут же велел принести чертежи. Алексей, опасаясь, что отец заставит сделать чертеж в своем присутствии, решил уклониться от экзамена самым трусливым образом. Он «умыслил испортить себе правую руку» выстрелом в ладонь. Решимости всерьез осуществить задуманное у него не хватило, и дело ограничилось ожогом руки. Симуляция все же избавила царевича от экзамена.

Окружение царевича сложилось из лиц, причастных к его воспитанию.

Подражая отцу, царевич тоже называл круг своих приближенных «компанией». На первых порах в ее состав входило четверо Нарышкиных, а также родственники царевича по матери, получившие доступ ко двору благодаря ее протекции. Один из Нарышкиных, Андрей, имел прозвище Сатана, другого, Василия, между собой называли Благодетелем, Ивана — Молохом, а Андрея — Засыпкой. Видное место в «компании» занимал муж кормилицы царевича Василий Колычев с выразительным прозвищем Ад, подьячий Федор Еварлаков, имевший кличку Жибонда, учитель Никифор Вяземский и ряд духовных лиц: духовник царевича Яков Игнатъевич, благовещенский ключарь Иван Афанасьевич, протопоп Алексей и др.^{135}.

Наибольшим доверием царевича пользовался Яков Игнатъевич, фактический глава «компании», человек весьма властный и хорошо понимавший душевный склад своего подопечного. Ему царевич дал клятву во всем «слушать и покоряться». О том, что духовник пользовался у царевича огромным авторитетом и знал его самые сокровенные тайны, свидетельствует переписка между ними. Царевич неоднократно изливал ему нежные чувства: «В сем житии иного такого друга не имею, подобно вашей святыни, в чем свидетель Бог». В другом письме, отправленном духовнику из Варшавы, царевич сообщал, что в случае, если он, духовник, умрет, «то уж мне весьма в Российское государство не желательно возвращение». Духовник, следовательно, являлся единственным лицом, связывавшим наследника престола со страной, которой он намеревался править. Это письмо интересно и тем, что в нем еще в 1711 году, то есть задолго до бегства, изложена мысль о возможности невозвращения в Россию^{136}.

«Компания» сына существенно отличалась от «компании» отца. И дело здесь не только в одаренности лиц, входивших в ту и другую «компанию», в их кругозоре, в степени причастности к современным событиям, а в принципиально ином отношении к этим событиям. Члены «компании» Петра являлись активными участниками происходившего, каждый из них в меру сил и способностей вносил свою лепту в дело, требовавшее от них полной отдачи. Члены «компании» Алексея были всего-навсего созерцателями происходившего, причем созерцателями не только пассивными, но и враждебными.

Достаточно беглого знакомства хотя бы с одним из 11 томов опубликованных писем и бумаг Петра I, чтобы в полной мере ощутить ритм напряженной жизни страны. Содержание писем-распоряжений Петра к своим друзьям, занимавшим определенные посты в армии и

административном аппарате, как и донесения об исполнении этих распоряжений, отражали все значительные события времени преобразований. Но столь же достаточно беглого взгляда на переписку членов «компании» царевича и на письма самого Алексея своему духовнику, чтобы создалось впечатление, будто эти письма написаны не современниками тех бурных событий, а людьми совершенно иной эпохи. Тщетно в письмах царевича к духовнику искать сообщений о каком-либо деле, о трудностях, которые приходилось преодолевать при исполнении поручений отца, об удовлетворении, испытываемом по случаю успешно выполненного задания. Описывать события в плане благожелательного к ним отношения не поднималась рука, а откликаться на них в тоне тех разговоров, которые велись во время бесконечных пирушек с друзьями, считалось небезопасно. Впрочем, иногда царевич проявлял любопытство, но лишь к тому, что могло изменить его положение и что, как ему казалось, могло приблизить время вступления на престол.

В 1711 году рязанский митрополит Стефан Яворский произнес в Москве проповедь, вызвавшую гнев Петра. В ней митрополит осуждал введение фискалов и уповал на наследника, с воцарением которого, как полагал проповедник, наступит возврат к старине. До царевича, находившегося в Дрездене, слухи об этой проповеди донеслись несколько месяцев спустя, и в его голове возникли надежды на бунт духовенства. Очень осторожный, умевший глубоко упрятать свои подлинные чувства, царевич все же не удержался от рискованного намерения запросить духовника письмом — и оставить таким образом улику против себя — о содержании проповеди. «Прошу, изволь то казанье (буде напечатано), что Рязанской в новый год сказывал, прислать с Даудовым».

В другом письме он просил сообщить о дальнейшей судьбе митрополита. В том же 1711 году в Дрездене пронесся слух, оказавшийся, впрочем, ложным, о смерти Меншикова. Это известие тоже вызвало у царевича чувство радости: одним противником, готовым создать в случае смерти отца непреодолимые препятствия на пути к престолу, стало меньше. Алексей проверяет достоверность слуха специальным письмом, причем просит прислать зашифрованный ответ с самым надежным курьером: «Есть ведомости здесь, что князь Меншиков погиге, только мы не имеем подлинной ведомости. О сем, буде у вас есть, отпиши, а напишите сею азбукою» (то есть шифром)^{137}.

Переписываясь с духовником, царевич прибегал либо к шифру, либо к условному языку, понятному лишь его корреспонденту, поскольку письма являлись как бы продолжением конфиденциальных бесед. В одном из

писем духовнику царевич просит его и всех членов «компании» не отвечать ему, «для того, что сам изволишь ведать, помолись, чтоб скорее совершилось, а чаю, что не умедлится». В другой раз царевич писал, что он и его друзья, находясь в Смоленске, молят Бога, «дабы нам скоровременно вся желаемая благая чрез свое заступление даровали»^[138]. Ясно, что царевич ожидал каких-то значительных перемен, но неизвестно, с чем эти перемены были связаны, за что надлежало молиться, что подразумевалось под «вся благая»: то ли он уповал на ухудшение здоровья отца, то ли ждал его гибели от шальной пули на театре военных действий, то ли, наконец, благом для себя считал освобождение от поручений отца и возвращение в Москву, в лоно своей «компании».

Смысл некоторых писем Алексея не удастся уяснить и сейчас. Однако встречающиеся в них приписки «чтоб сие было тайно» или «как мочно тайно делать» свидетельствуют о стремлении скрыть от посторонних глаз и прежде всего от отца как собственные поступки, так и действия своей «компании». Особенно плотным покровом тайны он окутывал свои связи с матерью и ее родственниками.

Чем дальше, тем больше росла отчужденность. Поручения отца царевич считал тяжелой обузой — выполняя их, надлежало работать, а к работе он относился с нескрываемым отвращением. Когда наследник стал взрослым, то заменил комнатные игры с девками хмельным застольем. Царевич настолько пристрастился к вину, что стал пить много и систематически. Напившись, он приходил в возбуждение, становился болтливым и утрачивал контроль над собой.

Однажды царевич, будучи у кого-то в гостях, приехал домой совершенно пьяным. Нетвердой походкой он отправился в покои супруги, но та его выпроводила. Алексей вошел в свою спальню и стал изливать недовольство единственному собеседнику — камердинеру Ивану Афанасьеву. Сначала он поносил супругу, а распившись, гневно кричал, что отрубит головы всем, кто причастен к заключению брачного союза, поднимет бунт против отца.

Проспавшись, царевич попытался восстановить в памяти содержание своего ночного монолога. Промелькнула тревожная мысль: Иван Афанасьев верный человек, а вдруг донесет? Вызвал камердинера.

— Не досадил ли я вчерась кому? — спросил царевич.

— Нет, — ответил камердинер.

— Ин не говорил ли я пьяный чего?

Выслушав рассказ камердинера, царевич сказал:

— Кто пьян не живет? У пьяного всегда много лишних слов. Я

сожалею, что пьяным много сердитую и напрасных слов много говорю.

На всякий случай пригрозил:

— Никому не сказывай. А буде ты скажешь, видь тебе не поверят: я запруся, а тебя станут пытаться.

Собеседник успокоил, что услышанное останется при нем.

Собутыльники Алексея поносили царя, шептали осуждающие слова по поводу преобразований, приносили в покои нелепые слухи, распространяемые поборниками старины. Позже царевич признавался, что друзья все «больше отводили меня от отца моего и утешали вышеупомянутыми забавами и мало-помалу не только дела воинские и прочие от отца моего дела, но и самая его особа зело мне омерзела, и для того всегда желал быть в отлучении». Но свидания изредка все же происходили, сыну доводилось выслушивать упреки отца, иногда терпеть побои, но стоило Петру переступить порог, как сын вновь оказывался в объятиях своих друзей.

У Петра было немало оснований для недовольства поведением царевича. Горечь вызывали не только любовь Алексея к монахам и кликушам, но главным образом его пассивность и безразличие к тому, чем жила страна.

Первое приобщение царевича к делу состоялось в 1704 году, когда он находился в составе русских войск, осаждавших Нарву, а затем участвовал в торжествах, устроенных в Москве по случаю овладения этой крепостью.

Через три года 17-летний царевич был послан в Смоленск для заготовки провианта и фуража. Осенью того же 1707 года круг обязанностей наследника расширился. Сначала ему было поручено укрепить Москву на случай подхода к столице войск Карла XII: отремонтировать брустверы, насыпать валы, укомплектовать артиллерийский парк, пополнить московский гарнизон личным составом. После того как угроза похода шведских войск на Москву исчезла, царевич по поручению отца занимался укомплектованием пяти новых полков, экипировкой и обучением рекрутов, а также участвовал в организации подавления Булавинского восстания.

Между отцом и сыном могла установиться атмосфера взаимного уважения и солидарности на почве участия обоих в общем деле: одного в роли главного действующего лица, другого в роли его активного помощника. Могла установиться, но не установилась, причем не по вине Петра.

В письмах 1708 года уже сквозило недовольство нерасторопными действиями сына, приходилось напоминать ему о срочности выполнения

поручений. Но вскоре представился случай убедиться в том, что сын проявлял к поручению полное равнодушие и был озабочен не столько его выполнением, сколько пьянством в кругу друзей. Он прислал в Преображенский полк, командиром которого являлся Петр, малопригодных рекрутов, чем вызвал гнев царя. Петр проявлял снисхождение к ошибкам, но никогда не прощал малодушия и промахов, порожденных отсутствием прилежания. «Я zelo недоволен, — прочел сын в письме отца, — присылкою в наш полк рекрутов, которые и в другие полки не все годятся, из чего вижу, что ты ныне больше за бездельем ходишь, нежели дела по сей так нужный час смотришь»^{139}.

Упрек отца был совершенно справедливым. Сам царевич об этом времени позже вспоминал так: «А когда уже было мне приказано в Москве государственное правление в отсутствие отца моего, тогда я, получа свою волю (хотя я и знал, что мне отец мой то правление вручил, приводя меня по себе к наследству), и в большие забавы с попами и чернцами и с другими людьми впал».

Это признание царевич сделал десять лет спустя, а в тот день, когда прочитал гневные слова Петра, он вел себя по-иному. Его поступками руководили страх быть наказанным и стремление оправдаться любыми средствами. Он изворачивается, ищет заступников. «А что ты, государь, изволишь писать, что присланные 300 рекрутов не все годятся и что я не с прилежанием врученные мне дела делаю, и о сем некто тебе, государю, на меня солгал, в чем я имею великую печаль». Далее следуют слова, рассчитанные на то, чтобы разжалобить отца: «И истинно, государь, сколько силы моей есть и ума, врученные мои дела с прилежанием делаю. А рекрут в то время лутче не мог вскоре найти; а ты изволил, чтоб прислать их вскоре».

Царевич сделал для себя вывод, что следует проявлять большую осторожность, но ни он, ни его друзья-собутыльники не могли установить, кого надо остерегаться, кто информирует царя о его поведении. Попробовал обратиться за помощью к кабинет-секретарю Макарову: «Александр Васильевич! Пожалуй, отпиши ко мне, доведався, какой и за что на меня есть государя-батюшки гнев, что изволит писать, что будто я, оставя дела, хожу за бездельем, отчего ныне я в великой печали».

Ответа не последовало, и тогда Алексей обращается к мачехе. Екатерине удалось уладить конфликт. 19 декабря 1708 года Петр отправил ответ на письмо сына, написанное в конце ноября: «Так же пишешь, что рекрутов в то число добрых не было и для того таких послал; и когда б о том ты так отписал тогда, то б я сердит на тебя не был». Одно из

обращений Петра к сыну звучит как мольба: «Чини по данному тебе письму не с печалью, но с радостью, ибо все тебе ж пригодится, и у меня будешь в ласке».

В 1710 году царевич находился в Дрездене, а в следующем году был занят устройством своих брачных дел. Выбор царевича пал на вольфенбительскую принцессу Шарлотту, сестра которой была замужем за австрийским императором. По свидетельству хорошо осведомленного современника, Алексей «женился на ней по собственному свободному выбору», предварительно испросив разрешение на брак у отца. Свадьба состоялась 14 октября 1711 года в Торгау в присутствии Петра. Туда, между прочим, приезжал немецкий философ и математик Лейбниц. «Я ездил в Торгау, — писал Лейбниц, — не столько для того, чтобы посмотреть на свадебное торжество, сколько для того, чтобы видеть замечательного русского царя. Замечательны дарования этого великого государя».

Брак не внес изменений в жизнь царевича. Принцесса отличалась «кротостью нрава, мягкостью характера и приятными манерами». Но никак не красотой. Высокая и худая, с лицом, изуродованным оспой, Шарлотта не пользовалась любовью Алексея. «Жену мне на шею чертовку навязали: как к ней ни приду, все сердитует и не хочет со мною говорить». «Хотя они жили под одной крышей, но были друг другу настолько чужими, что их никогда не видели вместе за столом, или беседующими», — пишет современник. Попытки царя и его супруги восстановить мир в семье сына успехом не увенчались.

Супруга имела основания «сердитовать». Царевич по-прежнему пил, чем еще в большей степени подрывал свое слабое здоровье. Кроме того, он завел любовницу. У его учителя Никифора Вяземского была крепостная Евфросинья Федорова. Она приглянулась царевичу, и привязанность к ней, как увидим дальше, он сохранил до конца дней своих.

Перед самыми родами Шарлотты царевич вместе с Евфросиньей отправился в Карлсбад. Вскоре после родов Шарлотта скончалась. «Когда врачи убеждали ее принять лекарство, она с глубоким чувством произнесла: «Не мучайте меня больше, но дайте мне спокойно умереть, потому что я не хочу больше жить». После нее остался сын, названный в честь деда — Петром (будущий император Петр II).

Из года в год обострялись и отношения отца с сыном. Отца огорчало поведение сына, проявлявшееся не только в равнодушии к успехам царя на поле брани, но и в демонстративном их порицании. Цитированный автор отмечал: «Бросалось в глаза, что принц никогда не появлялся ни в каких общественных собраниях, когда у его величества бывали все

высокопоставленные особы по таким случаям, как дни рождения, празднования побед, спуск кораблей. Генералу Брюсу, жившему в соседнем с принцем доме, было приказано всегда накануне оповещать его о таких общественных днях и собраниях, и я имел честь доставлять и передавать такие извещения. Но его высочество, желая избежать появления в обществе, либо принимал лекарства, либо пускал себе кровь, всякий раз находя отговорку, что по нездоровью присутствовать не может. А между тем он постоянно осуждал все действия отца, напивался в очень скверной компании, что было общеизвестно».

С конца 1711 года царевич выполнял в Польше поручение царя по заготовке продовольствия для армии, находившейся за границей. Судя по письмам Алексея, его усилия остались бесплодными: провианта он не заготовил, но предусмотрительно, чтобы не быть обвиненным в упущениях, снабжал почти каждое свое письмо либо копиями своих распоряжений, либо копиями донесений, полученных от лиц, ему подчиненных и причастных к выполнению задания. Практическая школа обучения наследника управления государством, таким образом, не удалась, как не удалось и обучение его наукам.

С 1713 года Алексей жил в Петербурге. Отец лишь изредка обременял сына поручениями, тем более что последний уклонялся от них, притворяясь больным. Об этом умении симулировать писал сам царевич во время следствия: «Притворяя себе болезнь, лекарство нарочно, чтоб не быть в походах, принимал, и в том виноват»^{140}.

Гнев Петра вызвало поведение царевича во время торжеств по случаю Гангутской победы русского флота: сын даже не удосужился поздравить отца, командовавшего флотом, с блистательным успехом. «Празднества по упомянутому поводу продолжались довольно долго, так как вельможи поочередно устраивали приемы. Но несмотря на недовольство царя тем, что принц ранее пренебрегал своими обязанностями, тот ни разу не появился ни в одном из этих общественных собраний... Старая отговорка — нездоровье — всякий раз была оправданием».

В новой столице царевич жил в окружении все той же «компании»: Никифора Вяземского, Ивана Афанасьева и др. Из нее выбыл только духовник, с которым у царевича произошла какая-то размолвка. Место Якова Игнатьевича в качестве главного советника занял Александр Васильевич Кикин — бывший денщик Петра, получивший благодаря своей расторопности и исполнительности должность руководителя интендантской службы в Адмиралтействе. В свое время Кикин пользовался расположением царя, между ними существовали дружеские отношения,

Петр называл своего денщика «дедушкой». Кикин принадлежал к числу тех немногих корреспондентов Петра, которых царь считал своим долгом лично информировать о важнейших событиях на театре военных действий.

В 1714 году Кикин проворовался и в связи с этим был привлечен к следствию. «Он так испугался, что с ним случился апоплексический удар», — записал современник. Петр к казнокрадам был беспощадным. Тем не менее благодаря хлопотам Екатерины Кикин избежал сурового наказания. «Она просила, чтобы в случае, если он не может быть выпущен на свободу, ему, как паралитику, почти лишенному языка, ввиду вероятности близкой его кончины дозволено было, по крайней мере, умереть спокойно». Ходатайство имело успех: царь сохранил Кикину жизнь, но отстранил от должности, лишил наград, так что, оправившись от удара, тот, «как изгнанник, отпустил бороду». В следующем году Петр предоставил Кикину право жить в Петербурге, но о восстановлении между ними прежних отношений не могло быть речи. Затаив злобу на царя, Кикин рассчитывал поправить свою оборвавшуюся карьеру, но ставку сделал не на настоящее, а на будущее, когда трон займет наследник Алексей. С этой целью он сблизился с царевичем, стал его приятелем. Впрочем, дружеские связи и расположение царевича он не рекламировал, предпочитал всегда находиться в тени и, соблюдая предосторожности, навещал Алексея сравнительно редко, хотя всякий раз появлялся в те нужные минуты, когда тот остро нуждался в совете.

Безмятежная жизнь царевича оборвалась совершенно неожиданно для него в один из осенних дней 1715 года. 27 октября хоронили супругу Алексея, скончавшуюся после того, как она родила сына. В этот же день царевичу вручили послание отца, подписанное 11 октября 1715 года.

Царь напоминал о времени, когда «наш народ утеснен был от шведов, которые не только ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбозрению добрый задернули завес и со всем светом коммуникацию пресекли», писал о первых неудачах в начавшейся войне, о том, как «горестию и терпением сию школу прошли» и «неприятель, от которого трепетали, едва не вящее от нас ныне трепещет».

Но автора письма, когда он размышлял о наследнике, снедала «горечь». Ибо видел «тебя, наследника, — писал он, — весьма на правление дел государственных непотребного (ибо Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял; ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего об воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и

которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законные причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить, ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона».

Царя огорчало не столько отсутствие личного вклада наследника в победы над неприятелем, сколько отсутствие у него интереса к делу. Послание заканчивалось угрозой лишить его престола, если он не одумается и не изменит поведения. «Ибо, — писал царь, — за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть. Лучше будь чужой добрый, неже своей непотребный»^{141}.

Прочитав послание отца, Алексей обратился к Кикину. Тот посоветовал отречься от престола, сославшись на слабое здоровье.

Царевич ответил в соответствии с полученными советами. Не вдаваясь в подробности, он писал, что желание отца полностью совпадает с его собственным желанием: «Вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать), и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я». Поэтому царевич заявил, что отказывается от престола.

Через месяц после получения письма царь заболел. Болезнь была столь опасной, что сенаторы в ожидании трагического конца круглосуточно находились в царских покоях. Кризис миновал, и царь, оправившись, пишет еще одно послание сыну.

Зная характер Алексея, Петр усомнился в искренности клятвы об отречении от престола: «тому верить невозможно». Остался отец неудовлетворенным и тем, что сын в своем ответе коснулся лишь «слабости телесной», в то время как в первом послании речь шла о «неохоте к делу». Отец вновь задавал сыну суровые вопросы, не удостоившиеся ответа: «Помогаешь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста?» И сам отвечал за царевича: «Ей, николи, что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь». Царь потребовал от царевича недвусмысленного ответа: «Так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но или отмени свой нрав и нелicenseмерно удостой себя наследником, или будь монахом, ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что

ныне мало здоров стал»^[142].

Из двух вариантов, предложенных отцом, царевич избрал второй. Не без совета того же Кикина, сказавшего, что «клобук не гвоздем к голове прибит», Алексей дал согласие на пострижение.

Через несколько дней, накануне отъезда за границу, Петр имел разговор с притворно заболевшим Алексеем. Царь предложил еще раз обдумать свое решение и окончательный ответ прислать в Копенгаген через шесть месяцев.

Внешняя покорность сына и его готовность отречься от престола или постричься в монахи являлись чистейшим обманом. Пребывание в монастыре, на которое так охотно соглашался царевич, могло устроить лишь человека, решившего полностью отказаться от мирской суеты и мирских забот. Подобных намерений у него не было и в помине. Келья, где можно было отсидеться в ожидании смерти отца, считалась не лучшим местом жительства, ибо хотя клобук и не был прибит к голове гвоздем, но, как остроумно заметил В. О. Ключевский, сменить этот головной убор на корону представлялось затруднительным. Пребывание в монастыре, кроме того, должно было сопровождаться отказом от мирских удовольствий, в том числе потерей Евфросиньи, занимавшей все больше места в его сердце.

Именно поэтому Алексей решил бежать за границу. Кикин, отправляясь в Карлсбад, обещал ему: «Я тебе место какое-нибудь сыщу».

Но как выбраться за границу?

Осуществлению замысла помог сам Петр. Находясь в Копенгагене, он предпринял последнюю попытку приблизить к себе сына и отправил ему послание с предложением либо приехать в Копенгаген для участия в военно-морских операциях против шведов, либо определить время пострижения и выбрать для жительства монастырь. «И буде первое возьмешь, — писал царь, — то более недели не мешкай, поезжай сюда, ибо еще можешь к действиям поспеть». Алексей тут же выразил желание ехать в Копенгаген.

Сборы были недолгими. Попрощавшись с сенаторами, Алексей 26 сентября 1716 года в сопровождении Евфросиньи, ее брата Ивана и трех служителей отправился в путь.

«Не скажешь ли кому, что я буду говорить?» — разоткровенничался как-то царевич со своим камердинером Иваном Афанасьевым. Тот обещал сохранить разговор в тайне.

— Я не к батюшке поеду; поеду к цесарю или в Рим. Только у меня про это ты знаешь да Кикин, и для меня он в Вену проведывать поехал, где мне лучше быть. Жаль мне, что с ним не увижусь: авось на дороге.

Встреча царевича с Кикиным состоялась в Митаве. Между ними произошел такой разговор.

— Нашел ли место, где я могу укрыться? — спросил царевич.

— Нашел, — отвечал Кикин. — Поезжай в Вену к цесарю, там не выдадут^[143].

Эта встреча развеяла все сомнения относительно того, куда бежать: в Вену или Рим. Конечно же, надлежало держать путь в Вену, где можно было рассчитывать на покровительство своего шурина.

Кикин вооружил царевича советами: «Ежели будет по тебя кто прислан от отца в дорогу, чтоб от присланных уйтить тайно ночью одному». Чтобы замести следы и скрыть подлинный маршрут и как можно дольше держать отца в неведении относительно подлинных намерений, Кикин рекомендовал ему отправить отцу письмо из Королевца, стоявшего на пути продвижения к Копенгагену. Напоследок Кикин сказал: «Если по тебя отец придет, отнюдь не езд».

Далее события развивались по законам детективного жанра, где героями сюжета являются преступник-беглец и его преследователи. Беглец предпринял ряд предосторожностей. В почтовой карете, выехавшей из Митавы, сидел не наследник русского престола, а московский подполковник Коханский с супругой и поручиком. В другой телеге разместились служители.

В пути произошло еще несколько метаморфоз. Подполковник Коханский стал регистрироваться на почтовых станциях польским кавалером Кременецким, он отпустил усы, а его супруга, обрядившись в мужской костюм, сопровождала его в роли пажа.

Поздно вечером 10 ноября 1716 года, когда вице-канцлер венского двора Шенборн готовился ко сну, в дом вошел неизвестный человек и на ломаном немецко-французском языке доложил графу, что русский царевич стоит у подъезда и просит немедленной аудиенции. Войдя в покои, царевич Алексей, находившийся в сильном возбуждении и постоянно озирающийся по сторонам, бессвязно изложил жалобы на отца, стремившегося лишить его престола, на Меншикова, окружившего его дураками и пьяницами, на ненасытно честолюбивую мачеху Екатерину. «Мой отец говорит, что я не гожусь ни для войны, ни для правления; у меня однакож довольно ума, чтоб царствовать. Бог дает царство и назначает наследников престола, но меня хотят постричь и заключить в монастырь, чтобы лишить прав и жизни. Я не хочу в монастырь. Император должен спасти меня».

Прибытие царевича в Вену поставило австрийское правительство в весьма затруднительное положение: открытое предоставление убежища

царевичу означало вызов Петру, который, как полагали, не остановится перед вооруженным конфликтом. Такое развитие событий не устраивало венский двор. С другой стороны, в Вене не сочли целесообразным немедленно выдать царевича, ибо рассчитывали превратить его в разменную монету в политической игре. Поэтому австрийский двор решил приютить царевича тайно и отправил его вместе со спутниками в горную крепость в Тироле — Эренберг, где он жил в строжайшей изоляции.

В те дни, когда царевич представлялся Шенборну и венские министры занимались решением щекотливого вопроса, Петр, в течение двух месяцев тщетно ожидавший приезда сына в Копенгаген, стал проявлять беспокойство относительно его продолжительного отсутствия.

Можно было предположить одно из двух: либо сын стал жертвой дорожного происшествия, либо он скрылся. Хотя Петр и считал более вероятной вторую версию, все же 9 декабря он послал предписание генералу Вейде, находившемуся во главе русского корпуса в Мекленбурге, организовать поиски сына силами подчиненных ему офицеров. Одновременно он вызвал в Амстердам находившегося в Вене Авраама Веселовского и дал ему следующее распоряжение: «Где он проводит сына нашего пребывания, то, разведав... ехать ему и последовать за ним во все места, и тотчас, чрез нарочные эстафеты и курьеров, писать к нам. А себя содержать весьма тайно, чтоб он про него не проведал». Веселовскому, кроме того, было поручено передать послание Карлу VI. Петр хотя и писал цесарю, что его сын «незнаемо куда скрылся», но, как явствует из последующего текста, не сомневался, что беглец находится на территории, подвластной цесарю^{144}.

Поиски, организованные генералом Вейде, закончились безрезультатно. Зато Веселовскому удалось напасть на след. В начале января 1717 года он установил, что 29 октября прошедшего года царевич находился во Франкфурте-на-Одере и оттуда поехал по направлению к Бреславию. От станции к станции Веселовский следовал по маршруту царевича и прибыл в Вену. Здесь нить оборвалась. В течение двух месяцев Веселовский бесплодно разыскивал царевича в Вене и ее окрестностях. Лишь во второй половине марта ему удалось установить, что Алексей находится в крепости Эренберг. Теперь Веселовский действовал уже не один — в помощь прибыл гвардейский капитан Александр Румянцев.

Располагая точными сведениями о месте нахождения беглого царевича, Веселовский добился аудиенции у австрийского императора, которому передал послание Петра. Карл VI, однако, сделал вид, что ему о пребывании царевича в его владениях ничего не известно.

Австрийский двор занял выжидательную позицию. Лишь спустя месяц, когда отрицать, что царевич находится в австрийских владениях, стало невозможно, Карл VI отправил ответ царю, в котором косвенно признавал, что Алексей обрел приют у него. Цесарь заверял царя, что он будет заботиться «со всяким попечением», чтобы Алексей «не впал в неприятельские руки». Уклончивое письмо цесаря не давало ответа на главный вопрос царя о готовности венского двора выдать царевича.

Туманным ответом Венский двор пытался выиграть время до прояснения обстановки. Важно было выяснить, применит ли царь силу для возвращения сына, как отнесутся к этому делу европейские государства. Пока же в Вене решили перевести царевича в Неаполь, поскольку его пребывание в Эренберге перестало быть тайной. Однако и переезд в Неаполь не остался незамеченным — за царевичем неотступно следовал Румянцев.

Уклончивая позиция Карла VI вынудила Петра послать в Вену опытного дипломата Петра Толстого с новым посланием, в котором царь недвусмысленно заявил, что ему хорошо известно, что сын «по приезде своем в Вену, по указу вашего величества, принят и отослан в Тирольский замок Эренберг, и оттуда по несколько времени отвезен за крепким караулом в Неаполь и тамо содержится в замке за крепким же караулом».

Венскому правительству отпираться от неопровержимых фактов стало невозможно, тем более что оно опасалось вторжения русских войск. Решено было допустить Толстого к Алексею для переговоров относительно возвращения последнего в Россию.

26 сентября 1717 года состоялось первое свидание Толстого с Алексеем. Толстой вручил царевичу послание отца: «Мой сын! Понеже всем есть известно, какое ты непослушание и презрение воли моей делал, и ни от слов, ни от наказания не последовал наставлению моему; но наконец обольстя и заклинаясь Богом при прощании со мною, потом что учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано не точию между наших детей, но ниже между нарочитых подданных, чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил.

Того ради посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от Бога властью, проклинаяю тебя вечно, а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех

способов тебе, яко изменнику и ругателю отцов, учинить, в чем Бог мне поможет в моей истине»^{145}.

Прочитав письмо и выслушав уговоры Толстого, царевич сказал: «Сего часу не могу ничего сказать, понеже надобно мыслить о том гораздо». Через два дня Толстой услышал категорический отказ Алексея повиноваться воле отца: «Возвратиться к отцу опасно и пред разгневанное лицо явиться не бесстрашно; а почему не смею возвратиться, о том письменно донесу протектору моему, его цесарскому величеству».

Упорство царевича основывалось на его твердой уверенности, что австрийский двор не откажется от покровительства, даже если царь предпримет военные действия. Задача Толстого состояла в том, чтобы развеять заблуждения Алексея на этот счет. Большого труда это не составляло, ибо Толстому доподлинно было известно, что в Вене не намеревались пойти так далеко, чтобы из-за царевича вступить в вооруженный конфликт с Россией.

Опытный дипломат действовал достаточно напористо. Ему удалось сломать сопротивление безвольного царевича.

— Я не уеду отсюда до тех пор, — заявил Толстой царевичу, — пока не доставлю тебя отцу живым или мертвым. Я буду следовать за тобой повсюду, куда бы ты ни пытался скрыться. Если ты останешься, то отец будет считать тебя изменником.

Чтобы угроза подействовала в удобном ему направлении, Толстой придумал версию, что он будто бы получил собственноручное письмо царя с извещением о сосредоточении в Польше русских войск, готовых вторгнуться в австрийские владения, чтобы вынудить австрийский двор выдать царевича.

Угроза подействовала, но Алексей все еще продолжал колебаться до тех пор, пока подкупленные Толстым австрийские должностные лица в Неаполе не предприняли попытки отнять у царевича его «девку», как называли Евфросинью официальные австрийские документы. Этой угрозой Алексею дали понять, что австрийский двор намерен действовать против его воли, фактически отрекся от него и в дальнейшем не склонен осложнять отношений с русским царем.

Царевич было собрался уехать в Рим к папе, но от этого шага его удержала Евфросинья, советы которой он неукоснительно выполнял. Оставался единственный выход — возвращение в Россию. Пригласив к себе Толстого, Алексей заявил ему:

— Я поеду к отцу с условием, чтобы назначено было мне жить в деревне и чтобы Евфросиньи у меня не отнимать. Приезжай завтра с

Румянцевым, и я скажу вам свой ответ.

На следующий день, 4 октября 1717 года, царевич неровным от волнения почерком написал письмо отцу, в котором «всенижайший и непотребный раб и недостойный называться сыном Алексей» извещал о своем намерении вернуться в Россию и еще раз просил прощения. Готовясь к отъезду, царевич предусмотрительно сжег все бумаги и черновики писем^{146}.

14 октября царевич Алексей в сопровождении Толстого и Румянцева выехал из Неаполя. В пути он получил письмо отца, находившегося уже в Петербурге: «Мой сын. Письмо твое, в четвертый день октября писанное, я здесь получил, на которое отвечаю: что просишь прощения, которое уже вам пред сим чрез господ Толстого и Румянцева письменно и словесно обещано, что и ныне паки подтверждаю, в чем будь весьма надежен. Также о некоторых твоих желаниях писал к нам господин Толстой, которые також здесь вам позволят, о чем он вам объявит».

Одновременно Петр отправил письмо и Толстому: «Между другими доношениями писал ты, что сын мой желает жениться на той девке, которая у него, также, чтоб ему жить в своих деревнях — и то, когда сюда прибудет, позволено ему будет. А буде же тогда здесь не похочет, то мочно где и в деревне учинить, по прибытии сюды».

Алексей находился в бегах около полутора лет. Месяцы добровольного заточения, на которое обрек себя царевич, прошли в болезненных мечтаниях о троне. Живя в полной изоляции, он получал от австрийских властей только те сведения, которые, как казалось венскому двору, могли подогревать честолюбивые мечты царевича.

Равным образом и оставшиеся в России его сообщники не были осведомлены о том, где и как пристроился беглец.

Снедаемый любопытством Авраам Лопухин, которого царевич не посвятил в тайны своего плана бегства, приехал однажды к австрийскому резиденту в Петербурге и затеял с ним рискованный разговор:

— Где обретается ныне царевич и есть ли о нем ведомость?

Получив уклончивый ответ, Лопухин спросил в упор:

— У вас ли ныне царевич обретается?

Лопухину очень хотелось, чтобы у австрийского резидента и его правительства сложилось впечатление, что царевич не одинок, что в России у него масса влиятельных сторонников, что они уже начали энергично действовать. Сочиненная версия — в этом Лопухин тоже был убежден — станет достоянием не только венского двора, но и Алексея, моральный дух которого надлежало постоянно взбадривать приятными небылицами.

Расчет оказался верным: австрийский резидент поспешил донести о беседе с Лопухиным вице-канцлеру Шенборну, а последний переправил копию донесения царевичу. Читал ее царевич с нескрываемым удовольствием. Еще бы, в донесении сообщалось о бунте, поднятом заговорщиками в пользу царевича: «здесь стоят и заворачиваются уже кругом Москвы». Заговорщики якобы готовили убийство царя.

Австрийское правительство не скупилось на такого рода сведения. На радостях царевич потирал руки, когда до него донеслась ложная весть о восстании против Петра, якобы вспыхнувшем в войсках, находившихся за границей.

До него донесли молву и о победе, будто бы одержанной шведами над русскими войсками, — это тоже вызвало неподдельный восторг. Прослышав о болезни своего сводного двухлетнего брата, которого Петр прочил в наследники, царевич усмотрел и в этом промысел Божий: «Батюшка делает свое, а Бог свое».

В затуманенной винными парами голове царевича рождались планы один фантастичнее другого. Позже он признается, что его сокровенной мечтой была смерть отца. Тогда он, царевич, по зову вельмож вернется в Россию.

Серьезные надежды царевич возлагал на сенаторов и министров. Лица, своей карьерой целиком обязанные отцу, сразу же переметнутся на его, Алексея, сторону, как только он появится в России.

Лесть, расточаемая на всякий случай в адрес наследника, светские улыбки, мимолетно оброненные фразы, знаки внимания — все запечатлевалось в мозгу царевича, и из воспоминаний об этих встречах и разговорах он строил эфемерные планы. Почему канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, адмирал Апраксин, сенатор Стрешнев и другие вельможи должны были встать под его, царевича, знамена? Потому что всем им надоел Меншиков, и они «желали быть лучше подо мною, нежели под своим равным». В ряды своих сторонников он зачислил старого фельдмаршала Б. П. Шереметева на том основании, что «Борис Петрович и многие из офицеров мне друзья же». Командир корпуса генерал Боур в представлении царевича тоже был его закадычным другом, и если бы он, Боур, из Польши, где стоял корпус, двинулся на Украину, то встретил бы поддержку со стороны киевского губернатора князя Д. М. Голицына и киево-печерского архимандрита: «А на князя Дмитрия Михайловича имел надежду, что он мне был друг верный и говаривал, что я тебе всегда верный слуга».

Царевич не довольствовался обсуждением со своей возлюбленной

слухов, рассказом сновидений, которые, по его мнению, пророчили ему безмятежное будущее. Временами он проявлял активность. Вел переговоры о предоставлении военной помощи австрийским императором и, кажется, не прочь был переметнуться под покровительство шведского короля и с его помощью добиваться трона.

В часы, когда на смену тревожному состоянию приходило успокоение, он садился за стол и медленно, взвешивая каждое слово, писал письма Карлу VI, русским сенаторам и архиереям. Одно из таких фарисейских писем, адресованных сенаторам, Алексей передал 8 мая 1717 года австрийскому чиновнику, с тем чтобы последний переправил его в Россию. Письмо это сенаторы так и не получили, австрийский двор не рискнул переслать его по назначению, оно лежало без движения в Венском архиве 130 лет, пока его не обнаружил историк.

Корреспондентов царевич извещал, что «ныне обретаюся благополучно и здорово под хранением некоторые высокие особы до времени, когда сохранимый меня Господь повелит возвратиться в отечество паки, при котором случае прошу не оставить меня забвенна; а я всегда есмь доброжелательный вашей милости, так и всему отечеству до гроба моего». Далее Алексей просил не верить слухам, если таковые распространяются, о своей смерти.

А что будет потом, когда наконец долгожданная власть окажется в нетвердых руках наследника?

На этот вопрос Алексей не смог дать развернутого и конструктивного ответа ни себе, ни своим друзьям, ни своим недругам, записывавшим пыточные речи, когда каждое слово признания вытягивалось ударами кнута. Лишь одна черта программы царевича, если так можно назвать его бессвязную болтовню, которую доводилось слушать Евфросинье, вырисовывалась достаточно определенно — возврат к старому, полный отказ от преобразований в области культуры, быта, административного устройства. Он намеревался предать забвению флот, оставить Петербург, «жить зиму в Москве, а лето в Ярославле». Крутой поворот во внутренней и внешней политике царевич предполагал осуществить людьми, придерживавшимися старомосковских обычаев: «Я старых всех переведу, а изберу себе новых по своей воле». Под «старыми» он подразумевал ближайших сподвижников Петра, людей, пользовавшихся доверием царя. Планы царевича, таким образом, зачеркивали усилия страны и огромные жертвы народа, в итоге которых Россия вышла к берегам Балтики.

Путь от Неаполя до Москвы царевич преодолевал в течение трех с половиной месяцев. В то время как карета с беглецом катилась по

размытым осенней непогодой дорогам, беременная Евфросинья в сопровождении брата и Ивана Афанасьева, чтобы не потревожить себя на ухабах, ехала не спеша, а затем по настоянию царевича до наступления родов остановилась в Берлине.

Сохранилась переписка между Евфросиньей и царевичем, любопытная прежде всего для характеристики их взаимоотношений. В них трогательная забота о женщине, которая готовилась стать матерью его ребенка, слепая вера в ее привязанность к нему. «Не печалься, друг мой, для Бога», — пишет Алексей из Болоньи. «Маменька, друг мой! По рецепту докторову вели лекарство сделать в Венеции, а рецепт возьми к себе опять. А буде в Венеции не умеют, так же как и в Болоний, то в немецкой земле в каком-нибудь большом городе вели оное лекарство сделать, чтобы тебе в дороге без лекарства не быть».

«Матушка моя, друг мой сердешный, Афросиньюшка, здравствуй! — пишет царевич из Инсбрука. — И ты, друг мой, не печалься, поезжай с Богом, а дорогою себя береги... А где захочешь отдыхай, по сколько дней хочешь. Не смотри на расход денежный: хотя и много издержишь, мне твое здоровье лучше всего».

Последнее письмо Евфросинье Алексей направил из Твери. Царевич выражал надежду, что «меня от всего уволят, что нам жить с тобою, будет Бог изволит, в деревне и ни до чего нам дела не будет». Царевич полагал, что его давнишнее намерение жениться было близко к осуществлению. Мысль об этом он как-то высказал Ивану Афанасьеву задолго до бегства: «Ведайте себе, что на ней женюсь. Ведь и батюшка таковым же учинил», то есть вступил в брак с неизвестной пленницей.

31 января 1718 года царевич был доставлен в пригород Москвы, а 3 февраля состоялся его въезд в старую столицу, где находился двор и куда вызвали сенаторов, высшее духовенство и генералитет. Сцена встречи царевича с отцом описана современником-иностранцем.

«Войдя в большую залу дворца, где находился царь, окруженный всеми своими сановниками, царевич вручил ему бумагу и пал на колени перед ним. Царь передал эту бумагу вице-канцлеру барону Шафирову и, подняв несчастного сына своего, распростертого у его ног, спросил, что имеет он сказать. Царевич отвечал, что он умоляет о прощении и о даровании ему жизни.

На это царь возразил ему: я тебе дарую то, о чем ты просишь, но ты потерял всякую надежду наследовать престол наш и должен отречься от него торжественным актом за своею подписью.

Царевич изъявил свое согласие. После того царь сказал: «Зачем не

внял ты моим предостережениям, и кто мог советовать тебе бежать?» При этом вопросе царевич приблизился к царю и говорил ему что-то на ухо. Тогда они оба удалились в смежную залу, и полагают, что там царевич назвал своих сообщников»^{147}.

После уединенного разговора собеседники возвратились в зал, где царевич подписал заготовленное отречение от престола: он обещал «наследства никогда ни в какое время не искать и не желать и не принимать его ни под каким предлогом». Тут же был обнародован манифест о лишении Алексея права наследовать престол.

Догадка иностранного дипломата о содержании уединенной беседы отца с сыном оказалась правильной: Алексей назвал главных сообщников. Петр, как и во время розыска над стрельцами в 1698 году, взял руководство следствием в свои руки. В тот же день он отправил двух курьеров в Петербург к Меншикову. «Майн фронт, — обращался царь к губернатору. — При приезде сын мой объявил, что ведали и советовали ему в том побеге Александр Кикин и человек его Иван Афанасьев, чего для возьми их тотчас за крепкий караул и вели оковать».

Несколько часов спустя царь, уточнив, что оба брата Афанасьевых назывались Иванами, отправил другого курьера с письмом, в котором разъяснил, что сковать надлежит старшего, «а не хуже, чтоб и всех людей подержать, хотя и не ковать».

6 февраля, еще не получив донесений от Меншикова о выполнении предшествующих повелений, царь направляет курьера с новым предписанием: Кикина и Афанасьева «разпроси в застенке, один раз пытай только вискою одною, а бить кнутом не вели, и ежели кто еще явитца, и тех так же». Царь велел немедленно прислать всех оговоренных в Преображенское и тут же пояснил, почему он запретил бить их кнутом: «чтоб дорогою не занемогли».

Круг причастных к делу лиц расширялся, и царь посылал к Меншикову еще много курьеров — с предписанием «взять за караул» князя генерала Долгорукова, Ивана Нарышкина, брата и сестру своей бывшей супруги — Авраама Лопухина и Варвару Головину — и многих других. Всех их надлежало прислать в Преображенское, ибо, писал Петр, «дело сие зело множитца».

4 февраля, то есть в тот день, когда курьеры мчались в новую столицу, чтобы доставить в застенки оговоренных Алексеем людей, Петр составил для царевича так называемые вопросные пункты. Царя интересовали сообщники царевича, люди, руководившие поступками безвольного сына, подсказавшие ему мысль об отречении от престола и посоветовавшие

бежать за границу. Отец призывал сына к полной откровенности и чистосердечному рассказу обо всем: «все, что к сему делу касается, хотя чего здесь и не написано, то объяви и очисти себя, как на сущей исповеди. А ежели что укроешь, а потом явно будет, — на меня не пеняй, вчерась пред всем народом объявлено, что за сие пардон не в пардон»^{148}.

О чудовищных планах, вынашиваемых царевичем, Петр тогда еще не знал и поэтому, проявив великодушие, решил строго наказать сообщников при условии, что сын не станет скрывать ни своих замыслов, ни своих действий.

18 марта двор отправился из Москвы в Петербург. Туда же были доставлены оставшиеся в живых сообщники царевича, подлежащие дальнейшему розыску. В отдельной карете, без оков, ехал Алексей. Он все еще находился под впечатлением жестоких казней, совершенных в Москве накануне. Кикин, его советник и организатор побега, был подвергнут колесованию: чтобы продлить мучения, ему отрубали руки и ноги с большими промежутками во времени. Отрубленную голову палач воздел на кол. Вспоминал и о суровом предупреждении отца, высказанном полтора месяца назад в свой адрес: «А ежели что укроешь, а потом явно будет, — на меня не пеняй». Пытался размышлять о том, какие показания против него могут быть добыты следствием в Петербурге. Прикидывал, как вести себя в дальнейшем. Стоило, однако, возобновиться следствию, как все эти размышления были забыты.

Страх за свою жизнь совершенно затмил рассудок царевича, и он лгал, изворачивался, оговаривал других, пытаясь умалить свою вину. Признания Алексея следовали лишь после того, как неопровержимые улики и очные ставки делали бесполезным дальнейшее заpiresательство.

Решающую роль в разоблачении царевича сыграла его любовница Евфросинья, после разрешения от бремени доставленная в апреле 1718 года в Петербург.

Судьба Алексея, разумеется, находилась в руках Петра. Но царь не пожелал сам распоряжаться этой судьбой. Петр помнил о своем обещании простить сына и разрешить ему после возвращения в Россию жениться на Евфросинье. Следствие, однако, обнаружило, что бегство царевича отнюдь не являлось безобидным поступком сына, покинувшего страну ради того, чтобы избавиться от монастырского заточения. Собственный сын оказался изменником.

Царь направил два одинаковых по содержанию послания: одно было адресовано духовным иерархам, другое — светским чинам. Обращаясь к тем и другим, Петр заявил, что он как отец и как государь мог бы сам

вынести приговор. «Однако ж, — писал царь, — боюсь Бога, дабы не погрешить, ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в их. Також и врачи, хотя б и всех искуснее который был, то не отважится свою болезнь сам лечить, но призывает других».

Свое послание царь заканчивает просьбой вершить суд нелицеприятный, в соответствии с виной осуждаемого, отрешаясь от того, «что тот суд ваш надлежит вам учинить на моего, яко государя вашего, сына».

Послания зачитывались на совместном собрании светских и духовных чинов. Современник оставил следующее его описание: «Когда все члены суда заняли свои места и все двери и окна залы были отворены, дабы все могли приблизиться, видеть и слышать, царевич Алексей был введен в сопровождении четырех унтер-офицеров и поставлен насупротив царя, который, несмотря на душевное волнение, резко упрекал его в преступных замыслах. Тогда царевич с твердостью, которой в нем никогда не предполагали, сознался, что не только он хотел возбудить восстание во всей России, но что если царь захотел бы уничтожить всех соучастников его, то ему пришлось бы истребить все население страны. Он объявил себя поборником старинных нравов и обычаев, так же как и русской веры, и этим самым привлек к себе сочувствие и любовь народа.

В эту минуту царь, обратясь к духовенству, сказал: смотрите, как зачерствело это сердце, и обратите внимание на то, что он говорит. Соберитесь после моего ухода, спросите свою совесть, право и справедливость и представьте мне письменно ваше мнение о наказании, которое он заслужил, замышляя против отца своего. Но мнение это не будет конечным судом; вам, судьям земным, поручено исполнять правосудие на земле. Во всяком случае, я прошу вас не обращать внимание ни на личность, ни на общественное положение виновного, но видеть в нем лишь частное лицо и произнести ваш приговор над ним по совести и законам. Но вместе с тем я прошу также, чтоб приговор ваш был умерен и милосерд, на сколько вы найдете возможным это сделать.

Царевич, остававшийся во все это время спокойным и являвший вид большой решимости, был после сего отвезен обратно в крепость. Помещение его состоит из маленькой комнаты возле места пытки. Но недолго продолжал он оказывать твердость, ибо вот уже несколько дней, как он кажется очень убитым»^{149}.

Смена настроений царевича, переход от подавленности к веселой беззаботности, а от нее либо к истерике, либо к тупому упрямству — характерная черта поведения Алексея. Сцена публичной полемики,

описанная выше голландским дипломатом, отражала вовсе не «твердость» Алексея, а вспышку озлобленности обреченного человека, наговорившего в исступлении немало нелепостей. Это тем более вероятно, что в столице носились упорные слухи о психическом расстройстве царевича в последние месяцы его жизни. В конце апреля 1718 года француз де Лави писал о царевиче: «Все его поступки показывают, что у него мозг не в порядке».

На следующий день после объявления о суде над царевичем, то есть 14 июня 1718 года, его взяли под стражу и заключили в Петропавловскую крепость. Отныне он был низведен до положения обычного колодника. Если в предшествующий период следствия в Москве и Петербурге Алексей жил на свободе и сам излагал ответы на поставленные вопросы, то теперь его стали подвергать пыткам.

Первый допрос с истязаниями был проведен 19 июня. Тогда царевич получил 25 ударов. В журнале Петербургской гарнизонной канцелярии читаем по этому поводу следующую лаконичную запись: «В 19 день его царское величество и прочие господа сенаторы и министры прибыли в гарнизон по полуночи в 12 часу, в начале, а именно: светлейший князь, адмирал, князь Яков Федорович, генерал Бутурлин, Толстой, Шафиров и прочие; и учинен был застенок; и того ж числа по полудни, к 1 часу разъехались»^{150}.

Духовная курия суда не дала определенного ответа. Вместо приговора она представила выписки из Священного Писания. Смысл одних состоял в том, что сын, послушавшийся отца, достоин казни, а из других выписок следовало, что Христос, руководствуясь «духом кротости», простил кающегося блудного сына и отпустил блудную жену, достойную смерти за прелюбодеяние. Царю, заключали духовные чины, надлежит самому решить, какими прецедентами он желает руководствоваться.

В приговоре светских чинов было сказано, что изменнические действия Алексея достойны самого сурового наказания — смертной казни. Приговор, объявленный царевичу 24 июня, не был приведен в исполнение. Через два дня он умер, видимо, вследствие пережитых нравственных и физических испытаний.

Одновременно с розыском по делу царевича Алексея производился так называемый Суздальский розыск. Если центральной фигурой первого процесса являлся царевич, то главным действующим лицом второго — его мать.

Ко времени, когда инокиня Елена, а в миру Евдокия Лопухина, была привлечена к следствию, она провела в стенах Суздальского монастыря 18

лет. Ей перевалило за 40, цветущие годы остались позади.

Избавившись от жены, Петр не проявлял к ней никакого интереса, и она получила возможность жить, как ей хотелось: вместо скудной монастырской пищи к ее столу подавались яства, доставляемые многочисленными родственниками и друзьями. Иноческой одеждой бывшая царица пользовалась только в течение первых месяцев пребывания в монастыре. Позже, лет через десять, примерно в 1709 году, Елена завела себе любовника. Им оказался богатый помещик капитан Степан Глебов, посланный в Суздаль для набора рекрутов. Все эти факты из жизни опальной царицы не стали бы достоянием истории, если бы не бегство Алексея.

Петр и раньше располагал сведениями о тайных связях сына с матерью, поэтому бегство царевича дало повод царю заподозрить в причастности к нему инокини Елены. 9 февраля 1718 года царь отправил собственноручно написанное распоряжение капитану-поручику Скорнякову-Писареву: «Ехать тебе в Суздаль и там в кельях жены моей и ее фаворитов осмотреть письма, и ежели найдутся подозрительные, по тем письмам, у кого их вынут, взять за арест и привести с собою, купно с письмами, оставя караул у ворот».

Скорнякову-Писареву понадобилось всего три дня, чтобы прискакать в Суздаль, произвести обыск, изучить переписку, взять под стражу заподозренных лиц и доложить через курьера обо всем царю. 12 февраля Петр из Преображенского отправил следователю новое распоряжение: «бывшую жену и кто при ней, также и кто ее фавориты, и мать ее, привезти сюда, а перво розыщи, для чего она не пострижена, что тому причина, и какой был указ в монастырь о ней, как ее Семен Языков привез, и кто в то время был и кто о сем ведает, всех забири и привези с собою».

Привлеченные к следствию лица, вхожие в келью Елены, показали, что она «многажды к себе пускала днем и по вечерам Степана Глебова». Не отпирался от этого и Глебов. Бывшей царице ничего не оставалось, как признать: «Я с ним блудно жила в то время, как он был у рекрутского набору; и в том я виновата».

Розыск был нацелен на то, чтобы добиться от Глебова признания, что он осуждал поведение царя, вторично женившегося при живой супруге, и пытался поднять бунт. Глебов, однако, перенес три жестокие пытки, каждый раз отрицал все обвинения, за исключением прелюбодеяния. Но и этого было достаточно, чтобы подвергнуть любовника мучительной казни — его посадили на кол. Следствие не установило причастности матери к бегству сына. Именно поэтому инокине Елене была сохранена жизнь — ее

отправили в Ладожский монастырь, где она находилась под строгим надзором до 1728 года, когда из заточения ее освободил внук — Петр II.

В дни между 26 июня, когда умер царевич, и 30 июня, когда состоялись его похороны, уклад жизни двора в Петербурге несколько не изменился. «Смерть эта, — читаем в донесении дипломата, — не помешала отпраздновать на следующий день (то есть 27 июня) с обычным торжеством годовщину Полтавской битвы, знаменитого поражения шведов, послужившего началом их упадка и величия царя; по этому случаю в почтовом доме был великолепный обед и бал». А вот протокольная запись от 29 июня, внесенная в гарнизонный журнал, регистрировавший важнейшие события в жизни столицы: «Пополудни в 7 часу спущен в Адмиралтействе новопостроенный корабль, именуемый «Лесной», который построен его величества собственным тщанием, где изволил быть и его величество и прочие господа сенаторы и министры, и веселились довольно». На следующий день царь присутствовал на похоронах сына.

Через месяц после смерти царевича Петр, находясь в Ревеле, отправил Екатерине загадочное письмо, смысл которого трудно уяснить: «Что приказывала с Макаровым, что покойник нечто открыл (расскажу), когда Бог изволит вас видеть; я здесь услышал такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось».

Что за «диковину» довелось услышать царю в Ревеле? Не подразумевались ли под «диковинкой» полученные царем сведения о том, что Алексей предпринимал шаги к тому, чтобы из Неаполя бежать в Швецию и добывать престол при помощи войск Карла XII? Догадка на этот счет подтверждается донесением барона Герца, руководителя шведской делегации на Аландском конгрессе, в котором он сетовал на то, что с отдачей Алексея в руки Толстого и Румянцева упущена возможность получить выгодные условия мира.

Было бы ошибкой усматривать в отношениях между Петром и Алексеем только семейную трагедию, порожденную различными темпераментами, складом характеров, духовным обликом отца и сына. Суть непримиримых противоречий состояла даже не в том, что Алексей, одолеваемый честолюбием, не брезговал самыми гнусными средствами, чтобы взойти на престол. Все это, разумеется, имело значение, создавало во взаимоотношениях накаленную атмосферу.

Но в данном случае друг другу противостояли не только отец и сын, а две концепции настоящего и будущего России: одну из них претворял в жизнь отец, другую, диаметрально противоположную, намеревался осуществлять сын, как только окажется у власти. Ставка была велика, а

дороги расходились круто, определялась судьба страны на века. Как дальше пойдет Россия: по пути ли преобразований, которые вводили ее в число могущественных стран Европы и мира, или по пути все большего отставания.

Нетрудно, наконец, обнаружить в конфликте между отцом и сыном столкновение двух представлений о роли монарха в государстве. Отец считал себя слугой государства и в процессе службы, как он заявлял сам и как подтверждал эти заявления своими делами, «живота своего не жалел», в то время как сын готов был довольствоваться пассивной ролью «помазанника» Божия, не обременяющего себя трудом, ратными подвигами и участием в управлении государством.

Смерть Алексея не разрешила волновавшего царя вопроса о своем преемнике. Дело в том, что вслед за Алексеем в 1719 году умер и сын царя от брака с Екатериной — четырехлетний Петр, объявленный наследником. Утрата эта, несомненно, отразилась на самочувствии царя, ибо, как записал современник, «по мнению многих, царица вследствие полноты вряд ли в состоянии будет родить другого царевича». Тем не менее царь «великодушно перенес эту потерю, потому что при вскрытии тела оказалось, что царевич страдал такой болезнью, от которой никогда не мог бы излечиться».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ТЯГЛО

В характере Петра сочетались противоположные начала. В одно и то же время он был вспыльчивым и хладнокровным, расточительным и бережливым до скупости, жестоким и милосердным, требовательным и снисходительным, грубым и нежным, расчетливым и опрометчивым. Все это создавало своего рода эмоциональный фон, на котором протекала государственная, дипломатическая и военная деятельность Петра.

При всей пестроте черт характера Петра он был удивительно цельной натурой. Идея служения государству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность, была сутью его жизни. Она пронизывала все его начинания. Если иметь это в виду, то кажущаяся несогласованность и подчас противоречивость его мероприятий приобретают определенное единство и законченность.

Началом этой службы Петр считал не время вступления на престол (1682) и даже не год отстранения царевны Софьи от регентства (1689) или смерть брата Ивана (1696), с которым он формально делил власть, а участие в деле государственного значения.

В 1713 году в связи с летней кампанией русских войск в Финляндии состоялась любопытная переписка между Петром и вице-адмиралом Крюйсом. Вице-адмирал предостерегал царя от непосредственного участия в морских и десантных операциях, всегда опасных для жизни. На эти уговоры царь ответил: «Я уже вящше осьмнадцати лет служу сему государству (о чем пространно не пишу, понеже всем то известно) и в коликих баталиях, акциях и балагерах (то есть осадах. — *Н. Л.*) был, везде от добрых и честных офицеров прошен был, дабы не отлучался».

Итак, службу «сему государству» Петр, по его подсчетам, начал 18 лет назад, то есть в 1695 году. Много позже, когда собирались материалы для «Истории Свейской войны», царь в собственной записке внес уточнение: «начал служить с первого Азовского походу бомбардиром, когда каланчи взяты».

Таким образом, потешные игры и кожуховские маневры, в которых царь отправлял должность барабанщика и бомбардира, первые увлечения кораблестроением, сооружение Переяславского флота, путешествие в Архангельск в его представлении остались за пределами «службы». Петр не включил все эти события в собственный послужной список, видимо, на том основании, что эти события не завершились результатами

государственного значения.

Расширительное толкование своей службы как службы государственной Петр сочетал с более узким. При отсчете времени службы на море он руководствовался несколько иными критериями. В том же 1713 году, сообщая о небывалом шторме на Балтийском море, Петр пишет: «Правда, в 22 года, как я начал служить на море, разве два или три таких штормов видел». Следовательно, начало морской службы царь ведет со времени строительства Переяславской флотилии. Боевых действий эта флотилия не совершила, тем не менее Петр считал, что уже и тогда нес морскую службу, но еще не «служил сему государству»^{151}.

Эпистолярное наследство Петра раскрывает и его представление о том, как следовало относиться к службе — с полной отдачей сил, с игнорированием личных, так сказать, частных интересов ради интересов государственных, с готовностью жертвовать жизнью ради достижения цели государственного значения.

В повседневной деятельности Петр часто выступал как бы в двух качествах. Когда царь «служил» бомбардиром, капитаном, полковником, корабельным мастером, видимо, он полагал себя частным лицом и носил имя Петра Михайлова. Будучи в чине шаутбейнахта, а затем вице-адмирала, он требовал, чтобы к нему обращались на флоте не как к государю, а как к лицу, носящему военно-морской чин: «Господин шаутбейнахт», «Господин вице-адмирал».

Как частный человек он присутствовал на семейных праздниках сослуживцев, хоронил лиц, которых высоко ценил при жизни, а также участвовал в придуманных им играх в «князя-кесаря» и в «князя-папу».

Когда царь строил корабль, штурмовал крепость или стремительно преодолевал огромные расстояния, чтобы принять личное участие в каком-либо деле, — он работал, причем работал не столько для того, чтобы внести личный вклад в дело, сколько для того, чтобы своим примером воодушевить других, показать необходимость хотя и изнурительного, но крайне полезного дела. Этого рода деятельность приобретала поучительно-педагогический характер.

Воспитательное значение личного примера едва ли не ярче всего описал один из «птенцов гнезда Петрова», младший современник Петра Иван Иванович Неплюев. После возвращения из-за границы, где Неплюев в числе других обучался военно-морскому делу, ему довелось сдавать царю экзамен. «В 8 часов государь приехал в одноколке и, мимо идучи, сказал нам: «Здорово, ребята». Потом через некоторое время впустили нас в ассамблею, и генерал-адмирал (то есть царь) приказал Змаевичу напредь

расспрашивать порознь, кто что знает о навигации. Потом, как дошла моя очередь (а я был, по условию между нами, из последних), то государь изволил подойти ко мне, не дав Змаевичу делать задачку, спросил: «Всеми ли ты научился, для чего был послан?» На что я отвечал: «Всемилюстивейший государь, прилежал я по всей своей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а более почитаю себя пред вами рабом недостойным и того ради прошу, как пред Богом, ваша ко мне щедрота». При сказании сих слов я стал на колени, а государь, обратив руку праву ладонью, дал поцеловать и при том изволил молвить: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли, а все оттого: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству»^{152}.

Осмысливая поведение Петра, собирая факты, относящиеся к его военной и государственной деятельности, Феофан Прокопович создал теорию, смысл которой состоял в том, что «воины достойны толикого царя, и царь достоин есть толиких воев».

Внешний демократизм Петра никого не вводил в заблуждение относительно истинного характера его власти. Да и сам Петр отнюдь не стремился выдавать себя за народного царя. Он твердо знал, что в его государстве есть «благородное» сословие и сословие «подлое». Между ними пропасть: первое правит, второе подчиняется. Петр держал курс на укрепление позиций правящего сословия. В жизни Петр оставался абсолютным монархом во всех случаях: и тогда, когда выполнял обязанности корабельного мастера, и когда инкогнито находился в составе великого посольства, и когда водил в атаку батальон Новгородского полка во время Полтавской баталии, и когда велел жечь города «воров»-булавицев, и когда проводил свой досуг на веселой пирушке в кругу друзей, и когда, наконец, присутствовал на крестинах у солдата бомбардирской роты Ивана Векшина, которому от своих щедрот, совсем не царских, преподнес подарок всего в три червонных.

Но Петр все же иногда сознательно пытался подчеркнуть две свои совершенно непохожие ипостаси, как, например, в случаях нарочито почтительного отношения к вышестоящим начальникам во время спуска кораблей.

Однажды в качестве частного лица, в данном случае хирурга, он присутствовал на похоронах своей пациентки. Больная страдала водянкой, и врачи, сколько ни пытались хирургическим вмешательством помочь ей, ничего сделать не могли. За дело взялся Петр, ему удалось выпустить воду, этим он очень гордился, ибо у патентованных хирургов выходила только

кровь, но больная вскоре умерла.

В качестве частного лица он участвовал и в похоронах четырехлетнего младенца. Отец этого младенца, английский купец, устроил пышную церемонию, будто покойный был каким-либо знатным или заслуженным человеком. Длинная процессия шествовала пешком до самого кладбища. Среди участников похорон находился и Петр; он присутствовал здесь лишь потому, что являлся крестным отцом умершего^{153}.

Петр отличался исключительной бережливостью, когда речь шла о трате денег на личные нужды, и в то же время не скупился на расходы для гардероба своей супруги и строительства дворцов. В связи с этим между царем и Федором Матвеевичем Апраксиным произошел любопытный разговор. Апраксин заметил, что подарки, даваемые царем кумам, родильницам и прочим, столь ничтожны, «что и нашему брату стыдно давать такие». Упрек Апраксина Петр парировал следующим рассуждением:

— Это происходит отнюдь не от скупости, а оттого: 1) по-моему, самый способнейший способ к уменьшению пороков есть уменьшение надобностей, то и должен я в том быть примером подданным своим; 2) благоразумие требует держать расходы соответственно доходам, а мои доходы меньше ваших.

— Доходы твои состоят из миллионов, — возразил Апраксин.

— Мои собственные доходы состоят единственно в получаемом только жалованье по чинам, какие я ношу по сухопутной и морской службам, а из сих денег я и одеваю себя, и на другие нужды держу, и на подарки употребляю^{154}.

О бережливости Петра и о скромности его подарков писали также А. К. Нартов и Я. Я. Штелин.

Здесь все те же две ипостаси Петра: государя могущественной державы, загородная резиденция которого в Петергофе не должна уступать Версалью, и Петра Михайлова, рачительного хозяина, живущего на жалованье и подающего пример экономной жизни своим подданным.

Расчетливость Петра, граничащая со скупостью, бросалась в глаза всем, кто имел возможность наблюдать его в повседневной жизни. Английский резидент Мэкензи доносил правительству в 1714 году: царь «всегда мог спросить у каждого, позволяет ли себе он, государь, удовольствия, доступные монарху столь обширных владений, повелителя столь многочисленного народа, тратит ли он на свою особу более, чем собственное жалованье, получаемое по месту, занимаемому в армии и

флоте? Я слышал, что расходы царя именно таковы, что он так расчетлив не только в собственных, личных расходах, но и семье своей разрешает тратить в год не более, чем сколько получает в качестве вице-адмирала и генерала»^{155}.

Итак, Петр Михайлов брал на себя обязанности частного лица, и поведение этого частного лица служило своего рода эталоном для подражания. Сведения об ином качестве Петра мы можем почерпнуть из нормативных актов. Устав воинский извещал подданных, что «его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»^{156}. В другом акте эта мысль выражена еще короче: «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог повелевает». Перед нами самодержец, обладатель никем и ничем не ограниченной власти, правивший подданными огромной страны по собственному «благомнению». Задача монарха Петра Алексеевича, как он ее представлял, — повелевать ради достижения конечной цели: общего блага подданных.

Впервые идея «общего блага» была высказана Петром в 1702 году в манифесте о призыве иностранцев на русскую службу. Несмотря на то, что манифест был составлен по частному поводу и предназначался для читателей, находившихся за пределами страны, его с полным основанием можно назвать программным документом. Петр намеревался так управлять, «дабы всяк и каждый из наших верных подданных чувствовать мог, какое наше единое намерение есть о их благосостоянии и приращении пещися». Эту мысль почти два десятилетия спустя Петр выразил яснее: «надлежит трудитца о пользе и прибытке общем, который Бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ»^{157}.

Что подразумевал Петр под «пользой и прибытком общим», каков реальный смысл этих слов? Дать четкий ответ на поставленный вопрос не представляется возможным прежде всего потому, что этой четкости, видимо, не было и у самого царя, по крайней мере, мы ее не обнаруживаем в изданных им законах. Понятие «общее благо» фигурировало в приличествующих случаю актах, и оно в зависимости от конкретной обстановки и целей, преследуемых данным актом, наполнялось различным содержанием. И все же, сопоставляя эти акты, изданные в разное время и по разному поводу, мы можем восстановить собирательный смысл «общего блага». Под ним подразумевалось развитие торговли, ремесел и мануфактур, соблюдение правосудия, искоренение «неправды и тягости» в

сборах налогов и наборах рекрутов, защита безопасности границ страны и целостности ее территории. Все это вместе взятое должно было обеспечить повышение «благосостояния» подданных, их жизнь «в беспечалии».

В петровское время все население страны резко делилось на две категории — податную и привилегированную, каждая из коих состояла из сословий. К податному населению относились крестьяне и горожане, а к привилегированному — дворяне и духовенство. Жизнь в «беспечалии» каждого из сословий наполнялась особым содержанием, что заранее определяло социальное неравенство: «беспечальная» жизнь крепостного крестьянина складывалась совсем иначе, чем «беспечальная» жизнь дворянина.

При Петре сословная структура феодального общества осталась прежней, той же, что и при его предшественниках, но содержание сословных обязанностей изменилось. Новшества, если коротко определить их сущность, состояли в увеличении и расширении повинностей в пользу государства. Они коснулись всех сословий, в том числе и привилегированного дворянства. Нет нужды доказывать, что бремя государственных обязанностей по-разному отражалось на судьбах крестьянина, купца, дворянина и монаха.

В сословной иерархии крестьяне занимали самую низшую ступень. Тяготы войны, строительство промышленности, сооружение крепостей и городов, содержание государственного аппарата ложились на плечи прежде всего крестьян. К ранее существовавшим налогам и повинностям прибавились новые — рекрутская повинность, мобилизации на строительные работы, многочисленные налоги специального назначения (корабельные, драгунские, амуничные, седельные, хомутные и т. д.). Особенно обременительной считалась подводная повинность — необходимость поставлять телеги для перевозки грузов и рекрутов к театру военных действий, а также постоянная повинность — обязанность обеспечить рекрутов не только ночлегом, но и продовольствием.

Интересы «государства» требовали, чтобы крестьянское хозяйство не подрывалось вконец владельческими повинностями. Именно этим соображением руководствовался Петр, когда готовил наказ «О бережении земледельцев», в котором сказано, что земледельцы «суть артерии государства, и как де чрез артерию (то есть большую жилу) все тело человеческое питается, так и государство последними, чего ради надлежит оных беречь и не отягощать через меру, но паче охранять от всяких нападков и разорений и особливо служилым людям порядочно с оными поступать». Крестьянин рассматривался здесь прежде всего как исправный

налогоплательщик и поставщик рекрутов. Земледелец, разоренный непомерными поборами, не может выполнять этих своих главных обязанностей, следовательно, перестанет быть артерией государства, обеспечивающей его жизнеспособность.

Эта идея пронизывает и другие указы Петра, в той или иной мере затрагивающие крестьянский вопрос. Петр, например, обязывал воевод выявлять, кто из помещиков разоряет имения непомерным взиманием с крестьян повинностей. О них следовало доносить Сенату, чтобы тот передавал эти имения в управление другим лицам — родственникам помещика-разорителя.

Многочисленные издававшиеся указы о сыске беглых и возвращении их прежним владельцам в конечном счете тоже преследовали интересы не отдельного помещика, а государства, то есть помещичьего класса в целом. Сопровождаясь стихийным перераспределением крестьян между помещиками, бегство наносило непосредственный ущерб государству, а также крестьянам, оставшимся на прежних местах жительства; от них правительство требовало уплаты налогов и поставки рекрутов, в том числе и за беглых. В итоге росли недоимки и увеличивалось число непоставленных рекрутов. Именно поэтому правительство вело беспощадную борьбу с беглыми.

Таким образом, «общее благо» применительно к крестьянину имело в виду сохранение его способностей выполнять весь комплекс государственных повинностей. Эту цель преследовало законодательство, когда в какой-то мере «оберегало» крестьянина и от помещика-разорителя, и от злоупотреблений местной администрации. Известен лишь единственный указ, продиктованный защитой интересов самих крестьян, но и тот носил рекомендательный характер. Царь взывал к совести мелкопоместных дворян, которые продавали детей от родителей, «как скотов», вследствие чего «немалой вопль бывает». Петр указал «оную продажу людям пресечь», но тут же сделал оговорку: «...а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то хотя бы по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь».

Несколько по-иному расшифровывается содержание «общего блага» применительно к городскому населению. Горожане, как и крестьяне, являлись налогоплательщиками и поставщиками рекрутов, но горожане, кроме того, обеспечивали казну дополнительными доходами в виде пошлины от торговли и промыслов. Отсюда заботы Петра о развитии торговли и купечества, уходящие своими корнями в прошлое.

Отец Петра, царь Алексей Михайлович, считал основой процветания

государства развитую торговлю и поэтому опекал купечество. Петр считал торговлю необходимой отраслью хозяйства, но отнюдь не решающей. Изучая опыт других государств, Петр полагал, что эти государства «процветают и богатеют» от развития «купечества и всяких художников и рукоделий». Под «художниками и рукоделием» в те времена подразумевались ремесло и мануфактурная промышленность. «Служба» горожан в мануфактурном производстве относилась к числу их новых обязанностей, порожденных временем преобразований. Петр не останавливался перед принудительными мерами вовлечения купцов в крупную промышленность. «Буде волею не похотят, хотя в неволю» — так лаконично была выражена мысль о передаче частным лицам казенного предприятия, производившего сукно. Целесообразность принудительной меры была продиктована стремлением, «чтоб в пять лет не покупать мундиру заморского». Купцов, «которые написаны к той суконной фабрике в компанию», пришлось доставлять в Москву «в неволю» специально посланными солдатами.

«Общая польза» горожан, таким образом, теснейшим образом переплеталась с интересами дворянского государства. Тем выше благоденствие купца и промышленника, чем больше его торговые обороты, чем крупнее его промышленное хозяйство. Но чем богаче купец, чем разнообразнее области приложения его капиталов, тем больше доходов государству он приносит.

В конечном счете «благоденствие» горожанина зависело от того, какую долю его доходов государство изымало в свою пользу.

Практика вскрыла неразрешимое противоречие между «беспечалием» горожан и растущими потребностями государства в деньгах, необходимых на ведение войны, строительство флота, сооружение городов и крепостей. В этих условиях «интересы» купца и промышленника приносились в жертву государству. Установлено, что примерно около двух десятилетий нового столетия Петр не щадил купцов и многочисленные поборы и повинности в пользу государства разорили многих из них. Лишь за шесть-семь лет до смерти царь наградил промышленников рядом важных льгот и привилегий, способствовавших росту мануфактур. К этим привилегиям относится предоставление крупным промышленникам права беспошлинно торговать изделиями своих предприятий, покупать крепостных крестьян к мануфактурам. Дворы владельцев мануфактур, кроме того, освобождались от постоев воинских команд и подводной повинности. Само собою разумеется, что перечисленными привилегиями могла воспользоваться лишь ничтожная часть городского населения. «Беспечалие» для остальных

горожан означало выполнение ими своих обязанностей, способность их блюсти государственный интерес.

Идея государственного интереса проникла и в монашескую келью, круто изменив весь уклад монастырской жизни. Сытая и праздная жизнь «царских богомольцев», как в те времена называлось черное духовенство, и церковное благолепие обеспечивались трудом монастырских крестьян. Монастырские вотчины издавна являлись предметом покушений государства и помещиков, а далекая от христианских идеалов жизнь обитателей келий подвергалась суровой критике. Однако практические шаги не шли далее мер, ограничивавших рост монастырского землевладения и обличений аморального поведения монахов. Петр принудил служить государственному интересу и черное духовенство. Достаточно сопоставить два именных указа, отделенных друг от друга почти четвертью столетия, чтобы обнаружить устойчивое отношение Петра к условиям жизни монастырской братии. В указе 1701 года он ставил в пример древних монахов, которые «сами себе трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительно живете, и многих нищих от своих рук питали». Нынешние же монахи, рассуждал царь, «сами чуждые труды поядаша, и начальные монахи во многие роскоши впадоша». В указе 1724 года Петр тоже писал, что большая часть монахов «тунеядцы суть», но ведут праздную жизнь и заботятся только о себе, в то время как до пострижения они были «троеданниками: то есть дому своему, государству и помещику»^{158}.

Монастырям сначала было запрещено покупать и менять земли, затем их лишили права распоряжаться доходами с вотчин, монашествующих посадили на скудный паек, одинаковый для владык и рядовой братии, им запретили держать в кельях бумагу и чернила. «Для пользы вечной и временной людям» монахи и монахини должны были заниматься «художествами»: столярным делом, иконописанием, прядением, шитьем, плетением кружев и прочим, «что не противно монашеству». Главное новшество состояло в том, что на монастыри возлагалась обязанность содержать за счет своих доходов увечных и дряхлых солдат и офицеров, а также училища. Вводя эти новшества, Петр рассуждал: «Наши монахи зажирели. Врата к небеси — вера, пост и молитва. Я очищу им путь к раю хлебом и водою, а не стерлядьми и вином».

Смысл изменений в укладе жизни монашествующей братии и в хозяйственной деятельности монастырей состоял в использовании монастырских доходов для нужд государства. Жизнь в «беспечалии» черного духовенства означала, как видим, реальное ухудшение его

положения. Недаром это духовенство не принимало преобразований и осуждало деятельность Петра.

Изменилось положение и белого духовенства. Приходские священники не могли успешно выполнять роль духовных пастырей, пребывая в темноте и невежестве. Отсюда указы, предписывавшие детям попов и дьяконов учиться в греческой и латинской школах, а также запрещение занимать «отцовы места» необученным детям. Один из указов предусматривал даже принудительное обучение: «А которые в учении быть не похотят, тех имать в школы неволею, и учить их к надежде лучшего священства».

Характерно, что Петр расширил обязанности и дворянства.

Во времена Петра праздную жизнь дворян в усадьбах заменила полная опасностей служба в полках и на кораблях, находившихся на театре военных действий, где надо было штурмовать крепости, участвовать в сражениях с великолепно вымуштрованной армией шведского короля. Дворянину пришлось облачиться в офицерский мундир и нести беспокойную службу в казармах и канцеляриях, которую он считал столь же обременительной, как и разорительной, ибо барское хозяйство оставалось без присмотра.

Многие дворяне стремились уклониться от службы, как и от выполнения другой обязанности, введенной Петром, — обязанности учиться.

Учебные заведения, организованные Петром, напоминали казарму, а учащиеся — рекрутов. Контингент учащихся школ и академий, выпускавших специалистов высшей квалификации, комплектовался из дворянских недорослей принудительно. Имея в виду Морскую академию, современник отметил, что «в обширной России не было ни одной знатной фамилии, которая бы не обязалась выслать в эту академию сына или другого родственника от 10-до 18-летнего возраста». В инструкции для Морской академии, учрежденной в 1715 году, есть пункт, написанный самим Петром: «Для унятия крика и бесчинства выбрать из гвардии отставных добрых солдат и быть им по человеку во всякой каморе, во время учения иметь хлыст в руках; и буде кто из учеников станет бесчинствовать, оных бить, несмотря какой бы он фамилии ни был, под жестоким наказанием, кто поманет», то есть сделает поблажку^[159].

Неизвестный автор оставил рассказ о том, как дворянские недоросли, чтобы уклониться от обучения в Навигацкой школе, куда они были определены, поступили в Спасский монастырь. Отсидеться в монастыре им, однако, не удалось. Когда об их поступке узнал Петр, он велел им всем бить сваи на Мойке, где сооружались пеньковые амбары. Тщетно пытались

уговорить царя отменить свое решение такие вельможи, как Меншиков и Апраксин. Тогда Апраксин, рассчитав время, когда Петр будет проезжать мимо строительства, снял с себя кафтан, повесил его на шест, чтобы был заметен, и начал бить сваи. Петр заметил работавшего адмирала и спросил: «Для чего ты бьешь сваи?» Тот ответил: «Бьют сваи мои племянники и внучата, а я что за человек, какое имею в родстве преимущество?» И только после описанного эпизода недоросли были отправлены для обучения за границу.

Рассказ этот вряд ли можно отнести к числу вымышленных или обросших легендарными деталями. Петр действительно постоянно интересовался обучением дворянских недорослей, вникал во все детали распределения их по учебным заведениям и следил за их успехами в овладении программой.

Широко было распространено командирование дворянских недорослей за границу. Поначалу молодые люди овладевали преимущественно мореходством, кораблестроением, военным делом. Со временем за рубежом стали обучаться архитектуре, живописи, устройству парков, восточным языкам и т. д. Царь высоко ценил успехи тех, кто проявлял прилежание. В апреле 1716 года Петр повстречал живописцев, направлявшихся в Италию для совершенствования мастерства. Вот что он писал по этому поводу Екатерине в Данциг: «Попались мне навстречу Беклемишев и живописец Иван. И как оне приедут к вам, то попроси короля, чтоб велел свою персону ему списать, также и прочих, каво захочешь». Петр заканчивает письмо словами, выражающими гордость тем, что среди русских людей имеются живописцы, овладевшие высоким мастерством: «дабы знали, что есть и из нашего народа добрые мастера». «Живописец Иван» — это Иван Никитин, сын священника, талантливый портретист, искусно владевший кистью еще до поездки в Италию.

Обучение за границей считалось трудным делом и подчас влекло за собой материальные лишения. Пребывание на чужбине осложнялось незнанием языка. Отсюда попытки поскорее отбыть на родину, которые сурово пресекал царь.

Один из волонтеров, Иван Михайлович Головин, после четырехлетнего пребывания в Италии ради обучения кораблестроению и итальянскому языку возвратился на родину и предстал перед царем-экзаменатором. Ответы обнаружили полное незнание предмета. «Выучился ли хотя по-итальянски?» — спросил царь. Головин признался, что и здесь он не преуспел. «Ну так что же ты делал?» — допытывался царь. «Я курил табак, пил вино, веселился, учился музыке и редко выходил со двора», —

чистосердечно ответил волонтер^{160}.

Видимо, надеясь на заступничество брата-фельдмаршала, Василий Петрович Шереметев ослушался повеления Петра, запрещавшего волонтерам жениться, и, вместо того чтобы снаряжать сына в дальнейшее путешествие, устроил свадьбу. Царь сурово напомнил, что указ надо блюсти как брату фельдмаршала, так и его племяннику. Вот какое распоряжение в связи с этим казусом получил Тихон Никитич Стрешнев в 1709 году: «Сына Василия тотчас отправь в надлежащий путь и более недели не давай сроку; а ево, Василия, за ту вину, отняв чин, пошли на работу городовую, а жену ево — в прядильный дом; а дворы московские и загородные запечатать, и чтоб прямо работали так как и простые»^{161}.

Напротив, царь испытывал неподдельную радость, когда кто-либо из дворянских недорослей сам проявлял интерес к науке, особенно военноморской. Сын Никиты Зотова Конон решил поступить на службу во флот, о чем написал отцу. О содержании письма стало известно царю. Петр поспешил поддержать намерения Конона, отправив ему следующее послание: «Вчерашнего дня я видал письмо у отца вашего, от вас ко оному писанное, в котором сенц (то есть смысл) тот есть, чтоб вам обучитца службе, на море принадлежащей. Которое ваше желание зело мы любезно приняли и можем так сказать, что мы ни от единого человека из россиян такова прошения не слыхали, в котором вы первый объявились, понеже зело редко случаетца, дабы кто из младых, оставя в компаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел. В протчем желаем вам, дабы Господь Бог вам в сем (зело изрядном и едва не первом на свете почитаемом) деле благословил и счастливо во свое время к отечеству возвратил»^{162}.

Отечественные школы и обучение учеников за границей год за годом изменяли национальный состав военных и гражданских специалистов страны. Контингент учащихся в учебных заведениях по масштабам того времени был довольно значительным. Штаты Навигацкой школы предусматривали обучение в ней 500 учащихся. Этот комплект был достигнут в 1705 году. В Морской академии обучалось 300 человек, в Инженерной школе 100–150 человек, несколько десятков человек овладевали медициной в специальном медицинском училище. На Урале дети мастеровых обучались горному делу в горных школах.

Созданная сеть учебных заведений позволила освободить от иностранцев прежде всего офицерский корпус. Уже после Прутского похода Петр уволил в отставку свыше 200 генералов и офицеров —

иностранцев. Их число в полках не должно было превышать трети офицерского состава. Через три года офицеры-иностранцы подвергались экзамену, и все не выдержавшие его подлежали увольнению. В итоге в 20-х годах офицерский корпус на девять десятых состоял из русских.

Изобретательность дворян, стремившихся уклониться от обучения и тем более от службы, не знала границ, но и Петр не оставался в долгу, изобретая различные наказания таким дворянам. Среди прибыльщиков появились доносители, которые специализировались на выявлении нетчиков — так называли дворян, укрывавшихся от смотров и службы. Петр поощрял активность доносителей обещанием отдать имущество и деревни нетчика тому, кто его разоблачит. Первый указ с подобным обещанием царь обнародовал в 1711 году. В дальнейшем царь его периодически повторял, причем соблазнял «пожитками и деревнями» любого доносителя, «какого б оной низкого чина не был, или хотя слуга оного».

Разовые карательные меры к отдельным дворянам и группам дворян сменились серией указов, изданных в 1714 году. Они должны были, по мысли Петра, вызвать существенные изменения в социальном облике господствующего сословия.

Зачем вылавливать отдельных дворян-нетчиков? — рассудил Петр. Куда проще создать для них такие условия, чтобы они сами стремились занять место в казармах и канцеляриях. Главная надежда стимулировать интерес дворян к службе возлагалась на Указ о единонаследии. Это едва ли не первый указ Петра, обнародованию которого предшествовало изучение порядков наследования имущества дворянами других стран. В то же время это, бесспорно, первый указ, положивший начало работы царя «пером».

Дворянин, как написано в указе, обязан служить «для пользы государства». С этой целью вводился порядок наследования недвижимых имений, целиком передаваемых только одному сыну. Остальные сыновья, оказавшись без поместий и, следовательно, без средств к существованию, должны были сами «хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим».

Указ о единонаследии подкрепляли другие акты, преследовавшие ту же цель. Один из них запрещал жениться дворянским недорослям, не овладевшим элементами цифири и геометрии. Другой не разрешал производить в офицеры дворян, которые не служили рядовыми в гвардейских полках. Третьим позволялось приобретать имения только по истечении семи лет на военной, или 10 лет на гражданской службе, или после 15 лет занятий торговлей. Тем, кто нигде не служил и не торговал,

запрещалось покупать деревни, «даже до смерти»^{163}.

Петр использовал еще одно средство для привлечения дворян на службу. Он периодически устраивал им смотры. Иногда для этой цели вызывались определенные группы дворян. Так, в 1713 году был назначен смотр нетчикам, то есть дворянам, не явившимся на службу в два предшествовавшие года. В 1714 году на смотр вызывались недоросли от 13 лет и выше. Два смотра носили всеобщий характер, на них обязывали явиться всех дворян независимо от возраста и занимаемой должности. Первый из них — о нем не сохранилось документов — происходил в 1715 году. Другой был проведен в 1721–1722 годах и оставил после себя множество однообразных по форме анкет о каждом дворянине, до сих пор не изученных.

Смотры выявляли дворян, упорно уклонявшихся от службы, существенно изменяли карьеру тех, кто отличался усердием и способностями. Во время смотров учитывали также и недорослей: одних определяли в школы и отправляли учиться за границу, других приписывали в полки, где они проходили службы.

Впрочем, принудить всех дворян служить и учиться не удавалось и Петру. О невыполнении царских указов свидетельствует их обилие. Издание нового указа, повторявшего угрозы нетчикам, говорит о том, что предшествующий указ аналогичного содержания не выполнялся.

В 1715 году некий Михаил Бренчанинов донес царю о ярославском помещике Сергее Борзове, который хотя и моложе 30 лет, но «в доме своем укрываетца, а на твоей, государевой, службе при полку не служил». Последовала резолюция царя: «Ежели меньше 30 лет, то за такое презрение указа, отдать все сему доносителю».

Известный публицист петровского времени Иван Тихонович Посошков встречал «многое множество здоровых молодиков», каждый из которых «мог бы один пятерых неприятелей гнать», но они вместо службы в армии, пользуясь покровительством влиятельных родственников, пристраивались на доходные места в гражданской администрации и «живут у наживочных дел». Посошков изобразил колоритную фигуру дворянина Федора Пустошкина, который «уже состарился, а на службе ни на какой и одною ногою не бывал». От службы он откупался богатыми подарками либо прикидывался юродивым. Стоило, однако, посылному выехать за околицу усадьбы, как Пустошкин «то и юродство свое отложит и, домой приехав, яко лев рыкает»^{164}.

Сказанное позволяет раскрыть понятие «общее благо» в двух его

значениях: таким, каким оно представлялось Петру, и таким, каким оно было в действительности.

Петр исходил из представления, что гармония и «благоденствие» наступят тогда, когда каждый из подданных будет безоговорочно выполнять возложенные на него обязанности. Только тогда возможны успехи торговли, промышленности, соблюдение правосудия, облегчение народа от всяких тягот и повинностей. «Общее благо» — это в конечном счете способность подданных служить государству.

Но в том-то и дело, что теоретики «общего блага», в том числе и Петр, за исходное брали существовавшее в ту пору социальное неравенство. Оно вступало в противоречие с идиллическими представлениями о всеобщем благоденствии.

Крестьянин, служа государству, должен был возделывать пашню, платить подати, поставлять рекрутов, нести повинности в пользу помещиков. Служба крестьянина государству при Петре сопровождалась увеличением тягот. Служба дворянина хотя и стала обременительнее, но в конечном счете приносила ему дополнительные доходы: к барщине и оброку, которые он получал от крестьян, прибавилось денежное жалованье, выплачиваемое государством. Напомним, что доходную часть бюджета государства в значительной мере обеспечивали налоги, взимаемые все с тех же крестьян и городских ремесленников.

Ясно, что в этих условиях «общее благо» являлось фикцией.

При преемниках Петра дворяне постепенно освобождались от обязанностей, которые наложил на них Петр. Систематический натиск чисто сословных дворянских интересов на «государственный интерес» при Екатерине II завершился знаменитыми манифестами «О даровании вольности российскому дворянству» и «Жалованная грамота дворянству», освободившими дворян и от обязательной службы, и от обязанности жениться. Именно тогда и мог появиться знаменитый персонаж комедии Фонвизина — Митрофанушка.

КОНЕЦ ТРОЕВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

После возвращения Петра в Петербург в марте 1718 года уклад его жизни заметно изменился. Раньше столица была для него кратковременной резиденцией, ибо большую часть времени он проводил за ее пределами. Теперь большую часть года он находился на берегах Невы. Это дало возможность ему по-иному распоряжаться временем и силами. Вставал он, как и раньше, в пятом часу утра, полчаса прохаживался по комнате, затем принимал с докладом кабинет-секретаря Макарова, после чего завтракал. В шесть утра по улицам столицы мчалась двуколка: Петр отправлялся осматривать строительные работы, проверять выполнение указаний предшествующего дня.

За осмотром строительных работ следовало посещение Сената и Адмиралтейства. За обеденный стол царь садился в час дня.

Петр не принадлежал к числу гурманов и довольствовался скромными блюдами: на стол подавались щи, каши, жареное мясо с солеными огурцами или лимонами, студень, солонина, ветчина. Рыба исключалась из царского меню. Не любил он и сладких блюд.

Послеобеденный отдых длился часа два, затем Петр в рабочем кабинете читал донесения, составлял инструкции, указы, регламенты, редактировал сочинение по истории собственного царствования — «Гисторию Свейской войны».

Вечера царь проводил либо в гостях, либо в токарной мастерской — комнате Летнего дворца, заставленной токарными станками, резцами, копирами и материалами, из которых умелые руки Петра вытачивали изящные предметы. «В этом мастерстве, — рассказывал один дипломат, — он не уступит искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры». Работал Петр «с таким усердием и вниманием... точно работал за деньги и этим снискивал себе пропитание»^{165}.

Токарная мастерская являлась местом уединения царя. Механик Петра Андрей Нартов рассказывал, что он прибил к входным дверям в мастерскую написанное Петром предупреждение: «Кому не приказано, или кто не позван, да не входит сюда не токмо посторонний, но ниже служитель дома сего, дабы хотя сие место хозяин покойное имел»^{166}.

Среди личных предметов Петра, хранящихся ныне в Эрмитаже, значительное место занимает коллекция токарных изделий: табакерки,

изящные медальоны и другие украшения. Паникадило с 26 рожками, расположенными в три яруса, с затейливыми украшениями и подвесками изготовлено из слоновой кости. На нем надпись на русском и латинском языках: «Дело многотрудных рук Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. 1723». Участие царя в изготовлении шедевра токарного искусства несомненно, но специалисты считают, что один человек с паникадиллом справиться не мог даже в том случае, если бы он отдавался работе полностью многие десятилетия.

Увлечение Петра токарным делом возникло не на склоне лет. В последние годы он отдавал этой своей страсти больше времени вследствие перехода к оседлой жизни. Но и раньше царя можно было наблюдать за станком, казалось бы, в самой неподходящей обстановке. Инструменты и станки он держал во всех пунктах своего более или менее длительного пребывания. Не расставался он с любимым занятием и во время последней поездки за границу. Расходные книги регистрировали трату денег на приобретение материалов для токарного дела, а также на аренду токарных станков.

Если учесть колоссальную работоспособность Петра, то часы, отдаваемые досугу, занимали в бюджете его времени незначительную часть. Тем не менее современники затруднялись объяснить, как ему удавалось совмещать огромный объем работы по управлению государством с участием в увеселениях и занятиями физическим трудом. Когда с подобным вопросом один из иностранных дипломатов обратился к Петру, тот ответил, что такая деятельность сохраняет здоровье. При этом царь добавил, что нынешние его «кабинетные заботы» не идут ни в какое сравнение с тем, что ему довелось перенести в первые годы войны, когда создавались армия и особенно флот.

Этот разговор происходил в 1722 году. Но Петр интенсивно отдавался «кабинетным заботам» и до 1722 года, и по-еле него. Сохранилось три составленных им расписания занятий по дням недели. По расписанию 1721 года дни с понедельника по четверг включительно посвящались сочинению Адмиралтейского регламента, пятница предназначалась присутствию в Сенате, утренние часы субботы отводились редактированию «Истории Свейской войны», в утро воскресенья — дипломатическим делам. Здесь же помета о возможных отклонениях от принятого распорядка: «А когда река станет, тогда ежели много дел будет, четверг прибавить к сенатским делам».

В январе 1724 года Петр составил новое расписание. Обстоятельства к этому времени изменились: Адмиралтейский регламент уже был готов,

работа по написанию «Гистории» тоже приближалась к концу, и в распорядке появились новые пункты. Присутствию в Сенате Петр отводил вечер понедельника и утро вторника. Новым в распорядке было участие в работе суда в среду и четверг. Утро пятницы предназначалось рассмотрению дел в Адмиралтействе.

В третьем расписании, полностью не сохранившемся, которым царь намеревался руководствоваться с 10 ноября 1724 года, преимущественное внимание уделялось Сенату. О делах, «которые время терпят», надлежало докладывать накануне дня заседания Сената, а по неотложным делам — «всегда время», пометил царь в своей записной книжке^{167}.

Тотчас после возвращения в Петербург Петр возобновил прерванную поездкой за границу работу по организации коллегий. В столице он познакомился с переведенными на русский язык уставами и регламентами центральных учреждений Дании, Швеции и других государств. В декабре 1717 года, накануне отъезда в Москву для расследования дела царевича Алексея, царь издает ряд указов, положивших начало организации новых учреждений. В одном из указов он определил число коллегий и их штаты, назначил президентов и вице-президентов в каждую из них; в другом — предложил президентам действовать так энергично, чтобы коллегии «з будущего году порядочно начали свое воспрять действительно могли». Петр рассчитывал, что одного года вполне достаточно для укомплектования штатов и сочинения регламентов с точным обозначением обязанностей учреждений.

Указ, однако, остался невыполненным. Вернувшись в Петербург, Петр в середине 1718 года не без горечи отметил, что истекшие полгода безвозвратно потеряны. Следы недовольства нерасторопностью соратников обнаруживаем в указе Сенату: «Когда возвратился я из Москвы, тогда нашел в некоторых немного, а в иных — ничего». Царь велит представлять ежемесячные рапорты о проделанной работе и требует от президентов добросовестного отношения к делу.

Уговоры не подействовали и на этот раз. Петру стало известно, что одни «президенты лениво съезжаются для врученного им дела», а другие, приехав, проводят время впустую. Выяснилось также, что президенты коллегий, находясь в Сенате, развлекали себя неслужебными разговорами. Петр поучает: лишних слов и болтовни не должно быть, говорить только о деле. Тут же предложено руководствоваться еще одним правилом, которое приведем дословно: «Кто станет говорить речи, другому — не перебивать, но дать окончатъ и потом другому говорить, как честным людям надлежит, а не как бабам торговкам». Сенаторы, видимо, мало вняли увещаниям

царя, ибо понадобилось еще несколько указов, обучавших их элементарным правилам поведения в высшем учреждении государства. Один из них вновь напоминал, «дабы в Сенате все было сделано порядочно и суетных разговоров, крика и прочего не было», другой устанавливал последовательность обсуждения дел: сначала секретарь зачитывает бумагу, затем сенаторам дается полчаса на размышления. Если, однако, попалось «зело трудное дело», то «для мысли» отводилось дополнительное время — «по самой крайней нужде до трех часов»^{168}.

Трудно представить Петра в роли человека, многократно уговаривавшего высших чиновников взяться за дело и терпеливо ожидавшего, когда наконец они соблаговолят «сочинять» коллегии и регламенты. Столь же трудно представить Петра, обычно скорого на расправу, оставившим без наказания медлительность своих сотрудников. И тем не менее Петру пришлось смириться и с невыполнением своих повелений, и с необходимостью обучать соратников азам незнакомого дела. В их адрес он как-то сказал: «Кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцев».

Петр мог бы ускорить создание коллегий давно проверенным способом, к которому он прибегал всякий раз, когда находил, что поручение выполняется не с должным проворством, — взяться за дело самому. Но в 1718 году ему было не до коллегий, его занимали прежде всего мирные переговоры с Швецией.

Мирный конгресс на Аландских островах открылся 12 мая 1718 года. Шведские уполномоченные предложили сложную процедуру встречи, но Петр предупредил своих представителей Брюса и Остермана: никаких церемоний, никаких проволочек. «Надобно вам стараться, чтоб шведы согласились на это, и съезд состоялся без потери времени, ибо уже время к воинскому походу приближается».

Руководство переговорами Петр взял в свои руки. Он составил инструкцию Брюсу и Остерману с перечислением условий будущего мира, пристально следил за развитием событий на конгрессе и отправлял дополнительные наставления уполномоченным. Чтобы сократить время на доставку почты с Аландских островов и обратно, Петр летние месяцы провел в Кронштадте, Ревеле и Або.

Шведские уполномоченные выслушали условия договора: Ингрия, Лифляндия и Эстляндия, а также Карелия остаются за Россией, завоеванная ею Финляндия возвращается Швеции. Остерману, человеку вкрадчивому и ловкому, удалось перевести официальные переговоры на путь конфиденциальных бесед с главой шведской делегации Герцем. Публичные

конференции лишь регистрировали результаты, достигнутые во время частных встреч. Петр отправляет Остерману письмо: не скупиться на расходы, и если Герц проявит готовность заключить мир, угодный России, то «обещать ему подарок хотя до ста тысяч рублей и вперед всякое награждение».

Уступчивость шведских уполномоченных объяснялась отнюдь не обещанной мздой — каждый шаг Герца был санкционирован Карлом XII, равно как Брюса и Остермана — Петром I. Теперь даже упрямый король усвоил, правда с большим опозданием, что Швеция безвозвратно утратила свои прибалтийские владения и продолжение войны с Россией не сулит никаких выгод.

Переговоры подходили к благополучному концу. Петр писал в сентябре 1718 года: «Мы трудимся неусыпно, о чем есть у нас и надежда». Но надежда рухнула при совершенно непредвиденных обстоятельствах: в Норвегии при осаде Фридрихе тала был убит Карл XII, на престол вступила его сестра Ульрика Элеонора. Смерть короля сопровождалась крутыми переменами во внешнеполитическом курсе нового правительства Швеции. Окружение королевы намеревалось изменить условия мира с Россией сложной дипломатической игрой — сепаратными переговорами с ее союзниками удовлетворить их территориальные притязания и тем самым изолировать Россию. Особые надежды королева и ее сторонники возлагали на Англию, от которой ожидали получить помощь флотом и деньгами.

Герц, отправившийся в Стокгольм за инструкциями, был заключен в тюрьму, как только стало известно о гибели короля. В марте Герцу отрубили голову. Перед казнью он велел написать на своем гробу латинское изречение: «Mors regis, tides in regem est mors mea» («Смерть короля, верность королю — смерть моя»). На конгресс шведское правительство отправило нового уполномоченного. Он не спешил с поездкой на Аланд, так что переговоры возобновились только в мае 1719 года, причем велись с явным намерением выиграть время. Ульрика Элеонора отказалась от территориальных уступок, на которые соглашался Карл XII, и выдвинула требования, заведомо неприемлемые для Петра, — вернуть Швеции не только Финляндию, но и Лифляндию и Эстляндию.

Петр терпеливо ждал окончания переговоров и во время их проведения, в 1718-м — первой половине 1719 года, прекратил военные действия. Однако, убедившись в тщетности ожиданий, он отправил в Стокгольм Остермана с поручением предупредить королеву, что безрезультатный исход Аландского конгресса вынудит Россию добиваться мира оружием. Для подкрепления угрозы царь отправил к шведским

берегам флот с десантными войсками. Он сам разработал смелую операцию вторжения на неприятельскую землю и участвовал в ее проведении. Это была последняя военная операция Северной войны с непосредственным участием Петра. По его отзыву, высадка десанта прошла беспрепятственно: «как на море, так и во входе в шхеры неприятеля не видали». Газета «Ведомости» многократно извещала читателей об успешных действиях десантных войск: разорении промышленных предприятий, рудников, населенных пунктов и захвате богатых трофеев. Деморализованные шведские отряды не оказывали сопротивления и удалялись вглубь шведской территории. Столицу Швеции охватила тревога, в ее пригородах появлялись казачьи разъезды. Петр тем не менее по просьбе шведов в августе 1719 года велел прекратить военные действия. Этим распоряжением он, как было напечатано в «Ведомостях», выразил готовность заключить мир^{169}.

Но царь вместе с тем давно располагал бесспорными сведениями, что шведская делегация умышленно затягивает переговоры — то выдвигает неприемлемые требования, то на долгие недели покидает конгресс для получения инструкций в Стокгольме. Поэтому 21 августа он отправляет на Аланд указ своим уполномоченным: «Повелеваю вам, по получении сего, быть на конгрессе еще одну неделю». Брюсу и Остерману предписывалось покинуть конгресс и в том случае, если шведы, возобновив переговоры, будут настаивать на необоснованных притязаниях, не отражавших реального соотношения сил. Переговоры были прерваны в сентябре 1719 года: сначала с Аландских островов уехали шведские представители, а затем и русские уполномоченные.

На что рассчитывала Швеция, прерывая переговоры? Только не на собственные ресурсы. Ее военная мощь на суше и на море настолько ослабла, что о наступательных операциях она уже не могла помышлять. Ей оставалось рассчитывать на Англию, враждебность которой к утверждению России на Балтийском море из года в год возрастала. В конце августа 1719 года Швеция и Англия заключили союзный договор. Этим договором Англия пыталась навязать свое посредничество в мирных переговорах и принудить Россию принять невыгодные условия мира.

В воды Балтийского моря вошла английская эскадра Норриса. Цель экспедиции — внушить страх царю, а при случае вероломно напасть на русский флот и уничтожить его. Петр, однако, своевременно принял меры предосторожности. Русский флот после десантных операций на шведском побережье надежно укрылся в гаванях под защитой береговых батарей. Осенью эскадра Норриса покинула Балтийское море. Царь не поддался

шантажу и провокациям и проявил твердость: «Мы ни на какие угрозы не посмотрим и бесполезного миру не учиним, но чтоб ни было, будем продолжать войну».

Весной следующего года эскадра Норриса, усиленная новыми кораблями, вновь оказалась в Балтийском море. Но ее присутствие и на этот раз не обеспечило безопасности шведского побережья: русские десанты вновь высадились в Швеции и совершили там удачные операции, не встретив отпора. Петр уведомил о них своего посла Куракина: «Правда, хотя не гораздо великой неприятелю убыток учинен, только то слава Богу сделано, что перед глазами помощников их, чему препятствовать ничем не могли». Более того, присутствие английской эскадры не помешало русскому флоту в конце июля 1720 года одержать блестящую победу при Гренгаме: было захвачено четыре шведских фрегата, из которых, как писал Петр, «два взяты абордажами на полном ходу»^{170}. Соотношение сил, участвовавших в этом сражении, лучше всего отражает надпись, выбитая на медали: «Прилежание и храбрость превосходят силу». Превосходство в силах было на стороне шведов: их фрегаты подверглись атаке русских галер, то есть судов, слабее вооруженных.

На фоне этих успехов результаты совместных действий шведов и их союзников англичан были столь ничтожными, что вызвали у Петра иронию. У Ревеля, где на рейде маячила эскадра Норриса, шведам удалось на острове Наргене сжечь избу и баню, сооруженные для работных людей. Извещая Куракина об этом «успехе» англо-шведского флота, царь велел ему непременно напечатать заметки в западноевропейских газетах. «А особливо об избе и бане», — акцентировал внимание посла царь. Меншиков по этому поводу тоже иронизировал: «В созжении избы и бани не извольте печалиться, — писал он Петру, — но уступите добычу сию им на раздел, а именно баню шведскому, а избу английскому флотам»^{171}.

Переговоры о мире возобновились 28 апреля 1721 года в Ништадте. Петру, как и на начальном этапе Аландского конгресса, не сиделось на месте. Он знает, что к безвестному финскому городу приковано внимание Европы, ему было также известно, что недруги России, в первую очередь Англия, предпринимали отчаянные попытки сорвать переговоры. Он помнил, что два года назад им это удалось сделать, и Аландский конгресс закончился безрезультатно не столько из-за нелепой гибели Карла XII, сколько из-за активности сил, противодействовавших переговорам как внутри Швеции, так и за ее пределами. Поэтому он кружит по побережью, избирает пунктами своего пребывания города, ближе всего расположенные

к Ништадту, — Ревель, Ригу, Гельсингфорс, Рогервик. Сюда морем мчались курьеры с донесениями Петру о том, что происходило в Ништадте, отсюда они доставляли уполномоченным дополнительные инструкции царя.

Брюс и Остерман отправились в Ништадт с инструкцией, точно определявшей условия мирного договора. За Россией оставались все земли, завоеванные в ходе войны, за исключением Финляндии. Петр рассуждал: «Я предлагал брату моему Карлу два раза мир со своей стороны: сперва по нужде, а потом из великодушия; но он в оба раза отказался. Теперь пусть же шведы заключат со мною мир по принуждению, для них постыдный». Действительно, Карл много раз имел возможность заключить почетный мир, однако рука царя, протянутая для мирного рукопожатия, не была принята. О мире с любыми территориальными уступками Карл и слышать не хотел и всякий раз игнорировал мирную инициативу. После Полтавы возможностей заключить почетный мир стало меньше. У Ульрики Элеоноры выбора уже не было, и она могла воспользоваться единственным шансом, а именно тем, который ей предписывал Петр устами своих уполномоченных.

На Аландском конгрессе русские уполномоченные соглашались на временное владение Лифляндией. Теперь Петр поручил Брюсу и Остерману разъяснить шведам, что ситуация изменилась и Лифляндия должна находиться в вечном владении России. Русским уполномоченным надлежало «трудиться, дабы получить то уступление за дачу одного миллиона даже до полутора миллионов ефимков».

Шведские уполномоченные и на этот раз пытались прибегнуть к тактике проволочек. Они предлагали сначала заключить перемирие, а затем мир. Петр разгадал этот маневр шведов и обнаружил в их предложении стремление «время выиграть, а потом, по конъюнктурам смотря, главный трактат разными затруднениями и кондициями вымышленными вдаль проволочь и проискывать из того какой себе пользы».

В дополнительных инструкциях своим уполномоченным царь поручил им отклонять все необоснованные притязания шведов. Петру сообщили, что шведы требовали эквивалента за уступаемый России Выборг. Резолюция царя: «У нас таких земель нет». Шведы хотели, чтобы в договоре было сказано, что они отдают России Петербург. Петр пишет: «Что же в проекте шведских министров упомянуто об уступках их, что уступают нам Петербург, и вам надлежит при заключении объявить, что о Петербурге упоминать не надлежит, ибо оно при их владении не было». Шведы просили оставить им остров Эзель. Петр и здесь проявил твердость: это сделать невозможно.

Десанты на территории Швеции тоже производили впечатление и оказывали влияние на ход переговоров. Петр извещал адмирала Апраксина, руководившего десантными операциями: «Шведские министры гораздо сходнее стали, нежели пред тем были». Увидев, что шведские уполномоченные стали сговорчивее, царь велел прекратить военные действия: «По всему можно видеть, что галерного действия не будет».

Переговоры подходили к благополучному концу. Получив на этот счет извещение от Брюса, Петр сказал: «Из Ништадта благоприятны ветры нам дуют»^[172]. Царь обдумывает, как отметить событие, подводившее итоги напряженнейшей борьбы страны за выход к морскому побережью. Он пожелал, чтобы весть о мире была объявлена им самим, чтобы никто в России раньше его не узнал о мирном договоре. Он пишет уполномоченным: «Сие известие мне первому привезть в Петербург, понеже не чаю, кто б более моего в сей войне трудился, и для того с сим никому являться не велите, кроме меня. Также чтоб и партикулярных писем с конгресса о том ни от кого не было от наших людей». Меншикову Петр поручает исподволь готовиться к торжествам.

Мирный договор был подписан 30 августа. Царь получил известие об этом 3 сентября, находясь на пути в Выборг. Курьер с Ништадта вручил ему пакет с подлинным трактатом. Брюс и Остерман писали: «Мы оной перевесть не успели, понеже на то время потребно было, и мы опасались, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась». Ему стоило много труда удержаться от того, чтобы не поделиться новостью с окружающими. Но все же выдержал искушение, лег спать, глаз, однако, не сомкнул: вспоминал о долгом и нелегком пути к победе, добытой невероятно тяжкими трудами, потом и кровью.

Утром отправился в столицу, и с вошедшей в Неву бригантины ежеминутно раздавались пушечные залпы. Петр, стоя на палубе, в промежутке между залпами сообщал населению радостную весть. Весь день 4 сентября при звуках труб и литавр, покрытых белой тафтой, трубачи и всадники с белыми шарфами через плечо и белыми знаменами с изображением масличной ветви и лаврового венка разъезжали по улицам города и объявляли о заключении мира.

Война продолжалась 21 год. Петр назвал ее «троевременной кровавой и весьма опасной школой». Почему «троевременной»? Петр пояснял: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время была. Однако ж, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно». Он считал, что Россия никогда ранее «такого полезного мира не получала. Правда, долго ждали, да дождались». В этом

Петр был прав^{173}. Приморские приобретения возводили Россию в иное качественное состояние, превращали ее в морскую державу. По Ништадтскому договору к России отходили Эстляндия, Лифляндия, Ингерманландия, города Выборг и Кексгольм. Швеция выговорила право беспошлинно закупать в Риге и Ревеле хлеб на 50 тысяч рублей и компенсацию за Лифляндию в сумме двух миллионов ефимков.

В сентябре столица праздновала победу. Почти весь месяц устраивались маскарады, танцы, фейерверки. По вечерам зажигали иллюминации. Петр в костюме голландского матроса выбивал барабанную дробь и, по словам очевидца, исполнял свое дело превосходно. Царь находился на вершине счастья. Своей безмерной радости он и не скрывал: пел песни, танцевал на столах. Еще бы, долгожданная победа была достигнута. По этому поводу Петр сказал: «Сия радость превышает всякую радость для меня на земле».

В октябре празднества в столице завершились торжественной церемонией поднесения царю титула Петра Великого, отца отечества и императора Всероссийского. Все девять сенаторов подписали обращение к царю с просьбой принять этот титул, «как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены».

22 октября Петр вместе с вельможами присутствовал на обедне в Троицком соборе. После обедни был зачитан мирный договор, а затем Феофан Прокопович произнес в честь заключения мира проповедь, в которой рассказал обо всех знаменитых делах Петра, достойных присвоения ему титула Великого и императора Всероссийского.

В заключение к царю обратился с речью старейший из сенаторов, канцлер Головкин. Оратор утверждал, что «токмо единые вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены».

Отвечая, Петр выразил удовлетворение заключенным миром, но предупредил слушателей: «Надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческою». Далее он сказал: «Надлежит трудитца о пользе, и прибытке общем, который Бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ»^{174}. Раздавались залпы сотен пушек Адмиралтейства, Петропавловской крепости и 125 галер, введенных в Неву. По словам очевидца, «все казалось объято пламенем и можно было подумать, что

земля и небо готовы разрушиться».

В ноябре праздничное настроение жителей столицы омрачило стихийное бедствие — небывалое наводнение. «Невозможно описать, — читаем в дневнике современника, — какое страшное зрелище представляло множество оторванных судов, частью пустых, частью наполненных людьми; они неслись по воде, гонимые бурей, навстречу почти неминуемой гибели. Со всех сторон плыло такое огромное количество дров, что можно было бы заготовить их на целую зиму. Ураганный ветер срывал с крыш черепицу, валил могучие деревья, разрушал дома»^[175].

Как только появился санный путь, Петр выехал в Москву. Туда же отправился двор, вельможи, генералитет, чтобы отметить заключение победного мира. На этот раз царь ехал в огромных и прекрасно оборудованных внутри санях, обитых кожей, с окнами. Покрытие спасало от ветра, а медвежьи шкуры и медные фляги, наполненные горячей водой, сохраняли тепло и обогревали ноги. Внутри саней находилось множество карманов для дорожных вещей, а у изголовья стояли аптечка и инструменты.

Празднество в старой столице продолжалось несколько недель. Заснеженные улицы Москвы были превращены как бы в каналы, по которым двигались запряженные лошадьми сани с макетами кораблей. При попутном ветре использовались паруса, «корабли» выполняли различные маневры. На палубах сидели в масках и маскарадных костюмах сенаторы, высшие офицеры, иностранные послы, придворные дамы. Грандиозный маскарад, по мысли его организатора — царя, должен был символизировать превращение России в морскую державу, выход ее к морским просторам.

Ништадтский мирный договор подвел итоги длительной войны. Значение его в истории России трудно переоценить. Петру было достаточно одного завоевания Прибалтики, чтобы прославить свое имя в веках. В его царствование Россия решила свою главнейшую внешнеполитическую задачу, которую она безуспешно пыталась выполнить в течение двух столетий. Договор закреплял за Россией «окно в Европу», и она приобрела нормальные условия для экономических и культурных связей с передовыми странами континента. Петербург, Рига, Ревель и Выборг стали важнейшими внешнеторговыми центрами страны.

Наименование Русского государства империей, а Петра императором Всероссийским отразило глубокие изменения во внутреннем и международном положении страны. Государство, участие которого в международных отношениях ранее ограничивалось соседними странами Восточной и Юго-Восточной Европы, теперь прочно вошло в круг великих

европейских держав. С могуществом России считались, с нею стремились установить дружеские отношения и заручиться ее поддержкой. Короче, ни один вопрос международной политики в Европе не решался без участия России.

На северо-востоке Европы наступил мир. Но обстоятельства сложились так, что уже через год царь вновь начал военные действия.

Возникает вопрос: что заставило Петра, только что закончившего изнурительную войну, опять вынуть шпагу? Тому было несколько причин.

Одна из них, экономическая, состояла в давнем стремлении Петра превратить Россию в торговую посредницу между восточными и западными странами, в том числе между Индией и Западной Европой. В 1716 году в Среднюю Азию была снаряжена экспедиция во главе с князем Бековичем-Черкасским. Ей поручалось склонить хивинского хана к русскому подданству, а бухарского эмира — к дружбе, проверить достоверность слухов относительно золотых россыпей в нижнем течении Амударьи и, наконец, организовать поиски путей в Индию. Поход окончился неудачей: князь позволил хивинскому хану обмануть себя самым примитивным образом. Он поддался уговорам хана, что шеститысячный отряд невозможно прокормить в одном месте и что этот отряд следует рассредоточить в пяти городах. Как только Бекович-Черкасский разделил отряд на пять частей, хан вероломно напал на них и полностью уничтожил.

Почти одновременно с этой экспедицией Петр поручает поиски путей в Индию дипломатической службе. Артемию Вольтеру, отправленному в 1715 году посланником в Иран, было, в частности, поручено разведать, «каким способом в тех краях купечество российских подданных размножить и нельзя ли чрез Персию учинить купечество в Индию».

Вольтер должен был убедить персидского шаха, что торговля шелком-сырцом через Россию сулит ему больше выгод, чем провоз его через Турцию: доставка шелка-сырца от южного побережья Каспийского моря до Петербурга могла быть осуществлена водным путем, в то время как через турецкие земли его перевозили караванами верблюдов.

Смелый план Петра не был реализован. Проницательному Вольтеру понадобилось несколько недель пребывания в Персии, чтобы убедиться в отсутствии там какого-либо порядка. В Петербург он доносил: «Здесь такая ныне глава, что он ни над подданными, но у своих подданных подданный, и чаю редко такого дурачка можно сыскать между простых, не токмо из коронованных». Действительно, первая четверть XVIII столетия в истории Ирана была временем развала страны. Ослабление шахской власти сопровождалось ростом сепаратизма местных феодалов, открыто

выступавших против шаха. В стране царили беззаконие, грубый произвол, продажность чиновников.

Жестокость феодального режима усугублялась религиозными преследованиями. Подвластных Ирану армян и грузин, исповедовавших христианство, принуждали принимать ислам. Член семьи, принявший ислам, становился единственным наследником имущества христианина. Нередко лица мусульманского вероисповедания, не находившиеся в родстве с грузинами и армянами, объявляли себя их родственниками и таким образом присваивали имущество. В этих условиях в Грузии, Армении, а также Азербайджане росло освободительное движение за создание полусамостоятельных государств под покровительством России^{176}.

Пользуясь развалом Персии, ее закавказские владения спешили захватить турецкие феодалы. Угроза вторжения турок в восточные районы Закавказья и возможность утверждения там Турции значительно усложнили бы оборону южных границ России. Османская империя на протяжении столетий неизменно занимала позицию, враждебную России, и всякое увеличение пограничной линии создавало для России дополнительные трудности в организации обороны. Решение предпринять Каспийский поход было связано также с освободительным движением народов Закавказья и неоднократными обращениями их к русскому правительству за помощью.

Непосредственным поводом к организации похода было ограбление в 1721 году русских купцов в Шемахе. Жертвы грабежа понесли убыток в 500 тысяч рублей.

В начале 1722 года, когда двор праздновал в Москве Ништадтский мир, из Персии было получено известие об очередном выступлении подвластного шаху феодала и о победах, одержанных им над шахскими войсками. Сложилась благоприятная ситуация для вторжения турок. Петр решил предупредить их выступление и велел готовиться к походу. В апреле он спрашивал у генерал-майора Матюшкина, руководившего подготовлением судов на Верхней Волге: «Уведомьте нас, что лодки мая к пятому числу поспеют ли, также и ластовых (то есть грузовых. — Н. П.) судов к тому времени сколько может поспеть?» Все суда должны были сосредоточиться в Нижнем Новгороде, причем недоделанные Матюшкин обещал достроить в пути.

Петр выехал из Москвы 13 мая 1722 года. В Коломне к нему присоединились Апраксин, Толстой, а также супруга Екатерина Алексеевна. Из Коломны император вместе со спутниками отправился

водою к Астрахани, а оттуда 18 июля во главе пехотных войск отплыл в Каспийское море. В походе участвовало 5 тысяч матросов, 22 тысячи пехотинцев, 9 тысяч конницы, а также нерегулярные войска. Конница шла сухим путем на юг вдоль морского побережья.

Вот как описывал Петр свой поход в письме Сенату: «Мы от Астрахани шли морем до Терека, а от Терека до Астрахани; отколь послали универсалы, а там, выбрався на землю, дождались долго кавалерии, которая несказанный труд в своем марше имела от безводицы и худых переправ».

Затем следует шутливое описание мелких стычек с неприятелем. 23 августа наиб (наместник) Дербента вручил Петру ключи от города. В заключительной фразе дана общая оценка условий похода: «Марш сей хотя не далек, только зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров»^[177]. Жара была настолько сильной, что вынудила Петра обрезать свои длинные волосы. Из них позже был изготовлен парик, который и ныне покоится на голове «восковой фигуры Петра», находящейся в Эрмитаже.

Петр решил ограничить личное участие в походе овладением Дербентом. В Баку, где, как и в Дербенте, не ожидали сопротивления, он намеревался отправить гарнизон. Однако накануне снаряжения туда гарнизона произошло событие, спутавшее все карты: стоявшие у Дербента суда с продовольствием во время шторма дали течь, так что много провианта пришло в негодность. В расстроенном состоянии находилась конница.

Созванный Петром военный совет постановил основным силам вернуться в Астрахань, чтобы возобновить поход в следующем году. В Дербенте, Тарках и основанной русскими крепости Святого Креста были оставлены гарнизоны.

Петр сухим путем прибыл в Астрахань, а оттуда — в Москву, где его торжественно встретили 13 декабря. На триумфальной арке был изображен проспект Дербента с надписью: «Сию крепость соорудил сильный или храбрый, но владеет ею сильнейший или храбрый». Основателем Дербента считался Александр Македонский.

В течение 1723 года русские войска в сухопутных экспедициях не участвовали. Военные действия осуществляла Каспийская флотилия, овладевшая Баку, Сальянами и Рештом. По петербургскому договору 1723 года Персия уступила России все западное и южное побережье Каспийского моря. Взамен Россия обязалась «чинить вспоможение» Персии в борьбе с ее неприятелями, под которыми в первую очередь подразумевалась Турция. Тем самым была отведена угроза проникновения Турции в Восточное Закавказье и укреплены связи России с братскими

народами, населявшими этот истерзанный чужеземными захватчиками край.

«ФОРТЕЦИЯ ПРАВДЫ»

В сравнении с Северной войной Каспийский поход явился всего лишь кратковременным эпизодом в истории страны и жизни Петра. Уже после заключения Ништадтского мира царь мог посвятить себя внутренним делам. Ими — мы это наблюдали в предшествующих главах — царь урывками занимался во все годы обучения в «троевременной» школе, но военные заботы мешали тому, чтобы придать этим занятиям планомерный характер. Петр взялся было за «перо» в 1715 году, но его пришлось отложить в сторону — нужда позвала за границу. В отсутствие царя устройство коллегий практически приостановилось.

Над этим фактом стоит призадуматься, он говорит о многом: и о том, какую роль в преобразованиях играло личное участие Петра, и о том, какое значение имели исходившие от него импульсы, чтобы начинания не заглохли в самом зародыше. Но отмеченный факт говорит и о другом: мы видели, что Петра окружала плеяда одаренных людей, высоко им ценимых, однако никто из сподвижников царя не мог соперничать с ним ни по широте взглядов, ни по способности проникнуть в глубину явления и определить то главное, ухватившись за которое можно было довести начатое дело до благополучного конца.

Будучи исключительно одаренным человеком, Петр отнюдь не руководствовался советом, который был дан еще Ивану Грозному: не держи советников умнее себя. Наоборот, он всюду искал умных людей, но, к великому своему огорчению, находил их очень мало. Петр считал, что среди его сотрудников нет или почти нет фигур, способных осуществить его замыслы, — для этого им не хватало ни знаний, ни опыта, ни умения учитывать традиции и особенности русского общества. Именно исходя из посылки о слабой политической и юридической подготовке своих соратников, Петр обращался с ними как со школярами, предупреждал о недопустимости слепого копирования шведских уставов и регламентов: «которые пункты в шведском регламенте неудобны, или с ситуациею сего государства несходны, и оные ставить по своему рассуждению»^{178}. Он требует, чтобы окружавшие его вельможи ознакомились с трактатом известного юриста XVII века Самуила Пуфендорфа, перевод которого он, по свидетельству современника, расхваливал повсюду, где к тому представлялась возможность: «при собраниях сенаторов, и в собственных своих палатах, и на ассамблеях в домах сенаторских». «Троевременная»

школа была прежде всего школой овладения военно-морскими знаниями. Теперь пришел черед овладевать знаниями и опытом государственного строительства и управления.

Дело, однако, было не только в недостаточной подготовленности соратников, но и в характере царя — его обыкновении влезать самому во все мелочи, в результате чего подавлялась инициатива его ближайших помощников. Личное управление оборачивалось безынициативностью — соратники ждали по каждому поводу указаний и повелений. Эту особенность петровского правления Пушкин выразил в словах: «Все дрожало, все безмолвно повиновалось».

О своем намерении вплотную заняться гражданскими делами Петр объявил в 1718 году. В составленном им указе он писал, что, несмотря на «свои несносные труды в сей тяжкой войне», он находил время для обучения людей военному делу и составления «Устава воинского». Войско приведено в «добрый порядок», плоды этого доброго порядка известны всем — русская армия сокрушила одну из лучших в Европе. «Ныне, управляемое, и о земском правлении не пренебрег, но трудится и сие в такой же порядок привести, как и воинское дело»^{179}.

Одним из средств достижения «доброго порядка» были рационально организованные государственные учреждения. Первые практические шаги в этом направлении Петр предпринял, как было отмечено выше, еще в начале 1712 года, издав указ об организации коллегии для торговли, «чтоб оную в лутшее состояние привести». Новому учреждению царь дал иностранное название, но оно не вносило ничего нового в принципы организации центрального аппарата. Понадобилось еще несколько лет, чтобы мысль о замене старинных приказов коллегиями приобрела четкую форму. Государственный механизм уподоблялся механизму часов. Подобное сравнение подсказал царю известный математик и философ Лейбниц: «Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы»^{180}.

Конструированию Петром новых «часов» предшествовала многолетняя предварительная работа, начавшаяся с изучения опыта государственного строительства в других странах. 30 июня 1712 года царь

велит Сенату организовать перевод «прав других государств». Записная книжка царя 1715 года содержит заметку с названиями шести коллегий. К этому же году относится поручение Петра нанять за границей «ученых и в правостях искусных людей для отправления дел в коллегиях». Находившемуся в Копенгагене Павлу Ивановичу Ягужинскому царь предписывает «во всякую коллегию приискать по человеку», при этом предпочтение должно быть отдано нестарым людям, «дабы могли языку обучитца». Ему же царь поручил собрать сведения о структуре центрального аппарата Дании: числе коллегий, штатах, «ибо мы слышим, — рассуждал Петр, — что и шведы от них взяли». Так как Швеция находилась в состоянии войны с Россией, то возможность легальным путем изучить шведские регламенты отсутствовала. Царь поручает послу в Дании Долгорукому снарядить для этой цели в Швецию тайного агента, снабдив его паспортом от датского двора. Задание подыскать правоведов из числа людей, «которые знают по-словенски», получает русский резидент в Австрии Веселовский. Подписывая указ послу, Петр внес в него собственноручное дополнение: «В сем гораздо постараться, понеже нам гораздо нужно».

Петр видел преимущества новой системы центральных учреждений в том, что президенты коллегий «не такую мочь имеют как старые судьи делали, что хотели». Под старыми судьями подразумевались руководители приказов, единолично решавшие все вопросы. В коллегиях, рассуждал царь, «президент не может без соизволения товарищей своих ничего учинить». Позже мысль о преимуществах коллегий получила дальнейшее развитие. Подчеркивалось, что «истину» легче установить при обсуждении ее многими лицами, а не одним, ибо «что един не постигнет, то постигнет другой». Такие решения, кроме того, будут иметь большой авторитет. Наконец, «единоличный правитель гнева сильных боится», в то время как коллегия освобождена от подобных опасений.

На коллегии Петр возлагал большие надежды. Они вводились «ради порядочного управления» государственными делами, «поправления полезной юстиции и полиции», «содержания своих морских и сухопутных сил в добром состоянии», для «умножения и приращения коммерции, рудокопных заводов и мануфактур»^{181}. Царь был глубоко убежден, что новые учреждения откроют новую эпоху в истории страны.

Подобных убеждений мы разделить не можем, как, впрочем, не можем отрицать и значения новых учреждений. Петру казалось, что главное их преимущество состояло в ограничении власти президента. В действительности главный положительный результат от введения коллегий

достигался тем, что в основе коллегиальной системы лежали четкое разграничение сфер управления и высокая степень централизации. В этом, главным образом, состояло их преимущество по сравнению с громоздкими приказными учреждениями.

Поначалу коллегий было девять. Три из них получили название «первейших», поскольку ведали важнейшими отраслями управления: дипломатией, армией и военно-морским флотом.

Выход России на международную арену сопровождался реорганизацией дипломатической службы. Если в предшествующие столетия связи с иностранными государствами осуществляли периодически отправляемые за границу посольства, то теперь в важнейших государствах Западной Европы были созданы постоянные дипломатические миссии, а в некоторых из них — консульства для охраны интересов русских купцов. В свою очередь, западно-европейские государства имели при русском дворе послов и резидентов. Коллегия иностранных дел, сменившая Посольский приказ, ведала приемом иностранных послов, руководила работой своих представителей за рубежом. Вводился западно-европейский дипломатический протокол. Во многих случаях русские дипломаты продолжали держаться стародавних представлений о «государевой чести» и прибегали к различным уловкам, чтобы не уронить ее. Даже Петр, менее всего считавшийся с этикетом, полностью не освободился от стародавних традиций. Он, например, принимал иностранных послов стоя и без головного убора с той целью, чтобы не снимать шляпу и не вставать, когда произносился титул иностранного государя. Чтобы не оставлять места около себя иностранному послу, он становился на край помоста под балдахин.

Возглавлял Коллегию иностранных дел опытный дипломат канцлер Головкин, а вице-канцлером Петр назначил Шафирова.

Военная коллегия занималась комплектованием, вооружением, снаряжением и обучением армии. В ее ведении находились также гарнизонные полки. В регулярном сухопутном войске к концу царствования Петра насчитывалось свыше 210 тысяч человек. Кроме того, в нерегулярном войске (украинские и казачьи полки) — 109 тысяч человек. На пост президента Военной коллегии Петр назначил фельдмаршала Меншикова.

Новым учреждением, не имевшим предшественников в XVII веке, являлась Адмиралтейская коллегия. Надобность в этом органе была связана с превращением России в морскую державу и созданием военно-морского флота. В ведении коллегии находились верфи, военно-морские крепости,

она же занималась комплектованием и обучением экипажей кораблей. Возглавлял Адмиралтейскую коллегию генерал-адмирал Апраксин.

Финансами ведали тоже три коллегии. Важнейшая из них — Камер-коллегия — руководила сбором податей, наблюдала за выполнением натуральных повинностей, заключала подряды на поставку вина, продовольствия и т. д.

В конце XVII и в первые два десятилетия XVIII века единицей обложения был двор. Испытывая большую нужду в деньгах и рассчитывая на прирост населения, Петр в 1710 году решил провести новую перепись. Результат разочаровал его, ибо, по данным переписи, численность дворов оказалась значительно меньшей, чем была три десятка лет назад. Объяснялось это тем, что помещики объединяли несколько семей родственников, а иногда и чужих друг другу людей в один двор. Уловка не осталась незамеченной. Обер-фискал Нестеров обратился к Петру с доношением, в котором рекомендовал перейти к «поголовщине», сделать единицей обложения не двор, а мужскую душу. В этом случае, писал он, отпадет охота сводить несколько дворов в один, «как преж сего было», а также разгораживать дворы и разрушать ворота.

Петр воспользовался советом и предпринял всеобщую перепись населения. Грандиозная по своим масштабам мера осуществлялась много лет. Перепись началась в 1718 году, причем списки крестьян должны были подавать сами помещики. Прошло несколько лет, а помещики сведений не подавали. Те же из них, которые все-таки представили сведения, как выяснилось, показали в них не всех крестьян, которыми они владели. Угрозы смертной казнью и конфискацией утаенных душ не оказывали ожидаемого воздействия. В 1721 году был опубликован «последний указ» — «дабы впадшие тою утайкою в погрешение могли все исправиться» и донести об утайке до 1 сентября. Отсрочкой и амнистией помещики воспользоваться не пожелали. Тогда Петр поручает специально созданным канцеляриям, укомплектованным офицерами, проверить поданные помещикам ведомости. Ревизия — с этого времени за переписями утвердилось это название — обнаружила утайку одного миллиона мужских душ.

Более или менее точная цифра подушной переписи стала известна весной 1724 года — среди сельского населения было зарегистрировано 5,4 миллиона мужских душ. Взимаемый с них налог предназначался на содержание сухопутной армии. За каждую мужскую душу, будь то грудной младенец или глубокий старик, необходимо было ежегодно платить подать в сумме 74 копеек.

Почему именно такую неокругленную сумму, а скажем, не 70 или 75 копеек? Ответ надо искать в способе ее исчисления: было установлено, что на содержание армии потребуется 4 миллиона рублей в год. Эту сумму разделили на число плательщиков (5,4 миллиона душ) и в итоге получили 74 копейки на каждую душу. Впрочем, подать в таком размере никогда не взималась, так как Екатерина I в связи с вступлением на престол в январе 1725 года уменьшила ее размер на четыре копейки^{182}.

Подушная подать должна была заменить все старые сборы. Указ обещал сверх 74 копеек «никаких денежных и хлебных податей и подвод не иметь».

Податная реформа, по всеобщему мнению историков, значительно увеличила размер налога с крестьян в пользу государства. Однако отсутствие сопоставимых данных не позволяет установить, насколько или во сколько раз подушное обложение было тяжелее подворного. Доходная часть бюджета государства в 1724 году увеличилась по сравнению с 1680 годом в три раза. Но из этого отнюдь не вытекает, что налоговое бремя давило на крестьян в 1724 году в три раза сильнее, чем в 1680 году.

Рост государственных доходов происходил отчасти за счет естественного прироста населения. Кроме того, за четыре с лишним десятилетия в какой-то мере повысилась производительность труда. Заметнее всего это повышение происходило в ремесле, но особенно в мануфактурной промышленности. Повышалась производительность труда и в земледелии за счет возделывания технических культур и внедрения в хозяйство орудий труда из железа. Наконец, увеличение доходов являлось следствием включения в число налогоплательщиков новых категорий населения, которые до этого государственных податей не платили (дворовые, гулящие люди и т. д.).

Проведенная перепись населения имела не только фискальное, но и социальное значение. Она включила в сферу феодальной эксплуатации огромную массу сельского населения, ранее не подвергавшегося этой эксплуатации. К ним относились черносошные крестьяне Севера России, пашенные люди Сибири, ясашные люди Среднего Поволжья (чуваши, мордва, черемисы и др.). Раньше с них взыскивали только государственную подать. Податная реформа объединила все эти категории населения в единый разряд государственных крестьян, с которых наравне с помещичьими и монастырскими крестьянами стали взыскивать феодальную повинность.

Подушная подать с городского населения взималась в размере 1 рубля 20 копеек с мужской души.

Податная реформа ярче всего обнажает содержание и направленность социальной политики Петра. Она, кроме того, дает представление об источниках материальных ресурсов, за счет которых производились преобразования: содержание разросшейся регулярной армии и военно-морского флота, а также административного аппарата, строительство дворцов и монументальных правительственных зданий, организация культурно-просветительных и научных учреждений, создание казенной промышленности требовали денег. Финансовое обеспечение преобразований осуществляли крестьяне и горожане.

Другая финансовая коллегия — Штатс-контор-коллегия — ведала государственными расходами, определяла суммы на содержание государственного аппарата, армии и флота, на дипломатию, просвещение и т. д. Возглавлял ее один из ближайших сотрудников Петра, граф Мусин-Пушкин.

Контроль за расходованием средств осуществляла Ревизион-коллегия во главе с князем Долгоруким.

Попечение над легкой промышленностью находилось в ведении Мануфактур-коллегии, над горным делом — Берг-коллегии, внешней торговлей — Коммерц-коллегии. Все три торгово-промышленные коллегии практически не имели предшественников в приказной системе. Президентом Коммерц-коллегии Петр назначил Толстого, Мануфактур-коллегии — Новосильцева, Берг-коллегии — обрусевшего шотландца Брюса. Это было единственное исключение, когда коллегию возглавлял не русский вельможа, а иностранец. Во всех остальных случаях иностранцы-специалисты назначались либо вице-президентами, либо советниками коллегий. Яков Виллимович Брюс зарекомендовал себя опытным артиллеристом, знатоком горно-рудного дела и пользовался особым уважением Петра.

К коллегиям примыкал ряд других центральных учреждений. Среди них особое место занимал Синод.

Еще в 1700 году умер патриарх Адриан. Дальновидный прибыльщик Курбатов тогда же посоветовал Петру «до времени обождать» с избранием нового патриарха, так как от патриаршества, по его мнению, добра никакого не будет. Царя не пришлось долго в этом убеждать. Ему была хорошо известна история борьбы патриарха Никона с его отцом, знал он и взгляды патриарха Адриана относительно роли церкви в государстве: «царство власть имеет только на земле, между людьми... священство же власть имеет и на земле и на небе». Петру, наконец, были известны распространявшиеся среди духовенства слухи о том, что он, Петр, не

настоящий царь, что настоящего царя подменили на иностранца еще в годы младенчества.

Вместо патриарха руководить церковными делами Петр призвал митрополита Стефана Яворского, объявленного местоблюстителем патриаршего престола. В лице Яворского Петр не обрел активного сторонника преобразований, но Яворский не оказывал и решительного сопротивления им. Зато другие представители духовенства если не явно, то тайно относились к Петру недоброжелательно, что тоже ему было хорошо известно. «Когда б не монахиня, не монах и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы. Отец мой имел дело с одним бородачом, а я с тысячами».

В 1721 году церковь наконец получила свой высший орган — Синод.

Рассказывают, что царь, присутствуя на собрании церковных иерархов, обнаружил их желание иметь патриарха. Петр вынул из кармана Духовный регламент и голосом, не допуская возражений, произнес: «Вы просите патриарха: вот вам духовный патриарх. — Другой рукой он извлек из ножен кортик, ударил им по столу и, обращаясь к недовольным, добавил: — А противомыслящим вот булатный патриарх!»^[183]

Президентом Синода Петр оставил престарелого местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского, уже неспособного оказывать влияние на работу учреждения. К тому же через год Стефан умер. Фактическим руководителем Синода был его вице-президент Феофан Прокопович — правая рука царя в церковных преобразованиях. Прокопович сочинил регламент Синода — Духовный регламент, а также участвовал в составлении важнейших указов, относившихся к церковным и монастырским делам.

Духовный регламент приравнивал членов Синода к чиновникам прочих светских учреждений. Они, как и все чиновники, приносили присягу на верность государю и обязывались безоговорочно выполнять все его предписания. Церковным иерархам предписывалось «в мирские дела и обряды не входить ни для чего». Церковь, таким образом, была полностью подчинена светской власти. Ради «государственного интереса» нарушалась тайна исповеди. Синодский указ 1722 года в соответствии с устным повелением Петра обязывал всех священников, выяснивших намерение исповедовавшегося совершить «измену или бунт», немедленно доносить об этом властям^[184].

Первоначально все президенты коллегий являлись одновременно и сенаторами. Выходило, что Сенат состоял из президентов коллегий,

деятельность которых он должен был направлять и контролировать. С другой стороны, выполнение обязанностей сенатора отвлекало президентов от непосредственных забот по делам коллегий, В 1722 году Петр признал, что «сие сначала не осмотра учинено» было, и исправил ошибку, оставив сенаторами лишь президентов трех «первейших» коллегий. Впрочем, реализовать собственный указ царю не удалось. Оказалось, что заполнить вакантные места в Сенате было нечем, и спустя несколько месяцев царь возвращается к прежнему порядку: «Которые в Сенате из президентов коллегий и уволены для управления своих коллегий, ныне надлежит им, для малолюдства в Сенате, сидеть равно с другими, только два дни меньше в неделе»^{185}. Здесь Петр встретился с теми же трудностями, которые ему довелось преодолевать на начальном этапе Северной войны: тогда недоставало военных специалистов, теперь он испытывал недостаток в помощниках по гражданским делам.

С давних времен Петра занимала мысль о контроле за работой государственных учреждений. Поиски форм контроля велись много лет. Мы видели, как поначалу царь пользовался услугами фискалов. Но фискалы выступали всего лишь регистраторами нарушений указов. Они действовали за стенами учреждений и, следовательно, не могли оказывать влияния на их работу. Перед Петром встала задача дополнить негласный контроль контролем явным, бюрократическим в своей основе. В 1715 году Сенат получает указ: «Объявляется Василий Зотов чином генерального ревизора, или надзирателя указов»^{186}. Главная его задача — следить за своевременным исполнением сенатских указов. Позже эту обязанность стали выполнять обер-секретарь Сената и гвардейские офицеры, действовавшие по поручению царя.

Иностранные наблюдатели единодушно отмечали широкие полномочия таких офицеров, приводивших в трепет не только представителей областной администрации, но и сенаторов. Офицеры стимулировали энергию и исправность воевод тем, что держали их в цепи и в железах немалое время. По свидетельству французского резидента, «царь неоднократно выражал гвардейским офицерам исключительное доверие и поручал комиссиям из них важнейшие государственные дела. Удивительно видеть, что члены Сената встают со своих мест перед поручиком и относятся к нему с подобострастием». Резидент несколько не преувеличивал. В указе Петра гвардейским офицерам, дежурившим в Сенате, читаем: «Ежели того чинить не будут, то три раза напоянуть. А буде по третьем слове кто не будет чинить, тотчас итить к нам или писать».

И далее: «А ежели кто станет бранитца или невежливо поступать, такого арестовать и отвезть в крепость, и нам потом дать знать»^{187}.

Подобный контроль носил черты чрезвычайности и не мог быть действенным, ибо обер-секретарь находился в подчинении у Сената, а гвардейские офицеры хотя и пользовались большими полномочиями, но вследствие сменяемости через месяц не могли придать своей должности необходимого авторитета. Практика и изучение иностранного опыта подсказали, что такого рода обязанности могло отправлять лишь должностное лицо, наделенное большой властью и не зависимое от контролируемых учреждений. В итоге в 1722 году был создан институт прокуратуры во главе с генерал-прокурором Сената, в подчинении которого должны были находиться прокуроры центральных учреждений. Первым генерал-прокурором Сената Петр назначил Павла Ивановича Ягужинского.

Восемнадцатилетнего сына литовского органиста, переехавшего в Москву, Петр встретил в 1701 году. Он сразу же обратил внимание на живой ум Ягужинского и его умение четко и ясно выражать свои мысли. Ягужинский был зачислен в гвардию, а затем стал денщиком царя и с тех пор постоянно сопровождал его во всех походах и поездках, неоднократно выполнял различные дипломатические поручения. Перед назначением генерал-прокурором Сената Ягужинский имел генеральский чин и большой опыт административной деятельности.

Сохранилось шесть редакций инструкции генерал-прокурору, из них четыре со следами правки и дополнений Петра. Генерал-прокурор, как сказано в указе о его должности, был «оком государевым», которому поручалось «накрепко смотреть, чтобы Сенат свою должность ревностно отправлял». Генерал-прокурору подчинялась сенатская канцелярия, а сам он был независим от Сената и мог быть судим только императором. Задача генерал-прокурора состояла не столько в регистрации нарушений закона, сколько в их предупреждении. Поэтому генерал-прокурору и прокурорам коллегий было предоставлено право вмешиваться в обсуждение того или иного вопроса, указывать на незаконность принятого решения и необходимость его пересмотра. Ему было предоставлено даже право приостанавливать решение Сената^{188}. Генерал-прокурор, таким образом, в чиновной иерархии занимал самую верхнюю ступень. Облеченный огромной властью, он должен был пользоваться полнейшим личным доверием царя. Именно таким генерал-прокурором был Ягужинский, человек весьма энергичный и властный, умевший придать этой должности высокий престиж. Петр высоко ценил способности Ягужинского, его

прямоту, остроумие и веселый нрав. Рассказывают, что царь однажды велел Ягужинскому написать указ: если кто украдет столько, что на эту сумму можно купить веревку, то будет повешен. Генерал-прокурор возразил: «Мы все ворует, только один более и приметнее, чем другой». Петр расхохотался и отменил приказание.

Организация новых учреждений — лишь половина дела. Коллегии надо было вооружить уставами, регламентами, наставлениями, определявшими каждый шаг чиновника любого ранга. Петр принимает в их составлении живейшее участие. Одни из них он составлял сам, другие тщательно редактировал, вносил дополнения либо сокращал текст. Этой работой он временами занимался по 14 часов в сутки.

Работу над воинским и морским уставами Петр начал еще в 1715 году. «Устав воинский» он закончил в 1716 году, а затем в занятиях над составлением уставов и регламентов наступил двухлетний перерыв. Возобновление работы над Морским уставом в 1718 году отмечено в записной книжке. Петр сделал для себя заметку, кому поручить группировку пунктов уставов зарубежных стран, а 4 апреля того же года был издан указ. Конону Зотову надлежало из иностранных уставов сделать выписки «о каждой материи». В основу должен был быть положен английский регламент, дополненный текстами соответствующих пунктов из французского, датского, шведского и голландского регламентов. Сохранились черновые наброски плана Морского устава, составленные Петром. В январе 1720 года устав был готов. В предисловии к нему Петр написал, что он составлен «из пяти морских регламентов и к тому довольную часть прибавили, что потребно», и все это, заявил царь, «чрез собственный наш труд учинено и совершено».

Закончив составление Морского устава, Петр наметил программу составления Адмиралтейского регламента, затребовав материалы от учреждений, причастных к подрядам, к заготовке снаряжения для Адмиралтейства, об оплате труда работников и т. д. В январе-феврале 1721 года он присутствует в Сенате «как до полудня, так и по полудни». На заседаниях обсуждались Морской устав и Адмиралтейский регламент. В следующем году Петр дважды продолжительное время посвящал Адмиралтейскому регламенту — всю вторую половину февраля и затем октябрь, когда он четыре дня в неделю отводил этой работе. О своем участии в составлении Адмиралтейского регламента Петр с полным на то основанием писал, что регламент учинен «не повелением токмо, но самым трудом, где не токмо утрами, но вечерами по дважды на день оное делано в разные времена».

Каждая коллегия получила регламент с перечислением прав и обязанностей применительно к находившейся в ее ведении отрасли управления. Регламенты Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии, кроме того, устанавливали привилегии промышленникам, чем способствовали развитию крупного производства. Особое место среди регламентов занимал Генеральный регламент. Он определял права и обязанности должностных лиц всех центральных учреждений, начиная от президента коллегии и кончая истопником и служителем, который сидел в прихожей, и когда «в колокольчик позвонят», то должен был «войтить и принять повеление».

О том, какое значение Генеральному регламенту придавал Петр, свидетельствует тщательное его редактирование. Сохранилось 12 редакций документа, шесть из них принадлежат Петру. Он правил стиль, вносил дополнения, включал новые статьи. Особенно много дополнений рукой Петра внесено в статьи Генерального регламента, где определена мера наказания за проступки должностных лиц.

К регламентам примыкает Табель о рангах 1722 года — указ, отразивший рационалистические взгляды царя на служебную годность дворянина. В допетровские времена критерием служебной годности была порода, происхождение. Путь в высшие чины открывался прежде всего потомкам аристократии, что придавало чинам практически наследственный характер. Лишь немногим представителям хундородных фамилий удавалось преодолеть этот обычай.

Табель о рангах вводила иерархическую лестницу из 14 чинов, по ступенькам которой должен был взбираться чиновник в зависимости от своих способностей, знаний и усердия.

Установленный Табелью о рангах порядок продвижения по службе обеспечивал представителям неродовитого дворянства быстрое получение высоких чинов. Практически Табель о рангах возвела в закон уже существовавшую практику. Кроме того, она открывала возможности для проникновения в ряды дворянства выходцев из «подлых сословий». Все, кто получил первый офицерский чин на военной или морской службе, становились потомственными дворянами. На гражданской службе потомственное дворянство предоставлялось с восьмого класса (коллежский асессор)^{189}.

Законотворческая работа Петра не исчерпывается составлением уставов и регламентов. Им были написаны или продиктованы все важнейшие указы, причем текст некоторых из них он переделывал многократно. Личное участие в законотворчестве — еще одна особенность Петра как государственного деятеля. Его преемники ограничивались лишь

санкционированием того или иного указа, подготовленного чиновниками. Петр сам работал над их составлением с таким же усердием, с каким он осаждал крепости или руководил постройкой и спуском корабля. В качестве примера приведем указ Петра от 17 апреля 1722 года о том, чтобы «никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов».

Указ начинался так: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти». Законы объявлялись «фортецией правды», а всех нарушителей их ждала смертная казнь: «и чтоб никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели в сию вину впадет»^{190}.

Над этим указом Петр работал четыре дня — с 14 апреля, когда он сделал первый черновой набросок, до 17 апреля, когда был подписан окончательный вариант, шестой по счету. Первоначальный набросок имел три пункта, в третьей редакции их стало пять, а в окончательной — семь. Царь придавал указу огромное значение и велел его во всех уч-рождениях, в том числе в Сенате, «иметь на столе, яко зеркало, пред очами судящих».

Обилие распорядительных указов обусловлено верой Петра во всемогущество государственной власти, ее способность все устраивать и перестраивать по своему усмотрению. Эта цель законодательства Петра отчетливо прослеживается уже в ранних указах. Но тогда их было сравнительно немного, ибо, как говорил Петр, «за настоящею тогда войною не-досужное время имели». Теперь, когда Петр располагал большими возможностями, указы, бравшие под бдительный надзор жизнь подданных, потекли непрерывным потоком. Страницы записных книжек свидетельствуют об интенсивном законодательном творчестве царя.

«Весьма имеют наставлены быть те, которые сами не знают».

Мысль, высказанную в этих словах, Петр повторял многократно то в форме лаконичного повеления чиновникам блюсти уставы «яко первое и главное дело», то в виде пространных рассуждений о значении законодательства в жизни государства. Обращаясь к чиновникам, царь писал: «Глава же всему, дабы должность свою и наши указы в памяти имели и до завтра не откладывали, ибо как может государство управлено быть, егда указы действительны не будут, понеже презрение указов ничем рознится с изменою»^{191}.

Петр непрерывно наставлял не только чиновников, но и все население страны, считая, что каждый шаг подданного должен находиться под

бдительным надзором государственной власти. «Наш народ, — писал Петр, — яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера (то есть наставника. — *Н. П.*) не приневолены бывают»^{192}.

Подданных, «яко детей», надлежало наставлять во всем, от их упражнений в хозяйстве до удовлетворения духовных запросов, от рождения до смерти.

Прежде мы уже видели, как озабочен был царь в свое время внешним видом подданного: царские указы начала XVIII века предписывали брить бороды, одеваться не в длиннополое русское платье, а в короткие европейские кафтаны, носить башмаки. Теперь настал черед для вмешательства государственной власти в хозяйственную жизнь подданного: в 1715 году издается указ, запрещающий обрабатывать юфть дегтем на том основании, что обувь, изготовленная из такой юфти, пропускает воду и расползается в дождливую погоду. Юфть надлежало обрабатывать ворванным салом, указ устанавливал двухгодичный срок для овладения новой технологией. В осенние месяцы того же года с амвонов всех церквей страны много раз читали другой царский указ: вместо узких полотен крестьяне обязаны ткать широкие полотна, пользовавшиеся большим спросом у зарубежных покупателей.

Ограничения коснулись и купцов: им царь предписал довольствоваться прибылью, не превышавшей 10 процентов. Жителям Севера, промышлявшим морского зверя, предписывалось в двухлетний срок обзавестись судами современной конструкции, которые должны были заменить традиционные кочи.

Вся страна жала хлеб серпами. Петр нашел, что земледelec достигнет более высокой производительности труда, если будет убирать хлеб косами, и издал на этот счет специальный указ. При обработке пеньки было тоже велено отказаться от традиционных приемов и руководствоваться предписанием государственной власти^{193}.

Петр не оставлял подданного без наставлений и в том случае, когда тому нужно было обзавестись жильем. Столичных дворян, владевших более 500 крепостными, он обязал возводить на Васильевском острове только двухэтажные особняки.

Сельским жителям царь предписывал строить дома не ближе 30 сажень друг от друга. В сенях потолки надо было обмазывать глиной, как и в жилых помещениях. В Москве велено покрывать крыши черепицей или гонтом. Пришло время заняться кладкой печи. Здесь тоже категорическое требование: «Чтоб печи делали с фундаменту, а не на полах, чтоб трубы

были широки, чтоб человеку пролезть было возможно».

Привлекали внимание царя гигиена подданного, санитарное состояние столичного города. Бани разрешалось топить «по однажды в неделю». Жители Петербурга должны были блюсти чистоту улиц. Указ не ограничился этим общим требованием, он еще и устанавливал время уборки улиц: «утром рано, покамест люди по улице не будут ходить, или в вечеру». Жителям столицы «в неуказные часы по улицам не ходить, а когда бывает нужда, тогда им при себе иметь огонь в фонарях».

Молодые люди достигли возраста, когда надо было жениться или выходить замуж. Указы и здесь не оставляли подданных без наставлений: родителям не разрешалось принуждать детей «к брачному сочетанию без самопроизвольного их желания». В то же время запрещалось вступать в браки дворянским недорослям, которые «ни в какую науку и службу не годятся» и от «которых доброго наследия к государственной пользе надеяться не можно»^{194}.

Заболевший подданный тоже не мог обойтись, по мнению Петра, без его наставлений. Еще находясь в Пирмонте, царь велел Сенату разыскивать целебные источники в России. Железистая вода была обнаружена близ Петровских заводов. Петру не терпелось ее испытать на себе, и он вместе с супругой в январе 1719 года отправляется на первый в России курорт. А в марте появляется указ с перечислением целительных свойств источника. Его воды «изгоняют различные жестокие болезни, а именно цинготную, ипохондрию, желчь, бессильство желудка, рвоту, понос» и еще с десятков недугов. Обрадованный тем, что появился отечественный Карлсбад и Пирмонт, Петр популяризирует Марциальные воды, но в то же время велит докторам составить «регулы», как ими пользоваться, «дабы непорядочным употреблением оных не был никто своему здоровью повредитель»^{195}. В иных случаях царь не останавливался перед принудительным лечением. Адмиралу Апраксину он писал: «Галерному мастеру французу доктор весьма велел ехать к водам на Олонец, а он не очень хочет; изволь его неволею выслать».

Под надзором царских указов находилась также и духовная жизнь подданных. Царю стало известно, что многие прихожане нерегулярно посещают церковь, а некоторые из них и не исповедуются. Тут же издается указ, обязывавший всех ходить в церковь в воскресенье и праздничные дни. Специальные указы регламентировали поведение прихожан в церкви: они должны были во время богослужения стоять «в безмолвии» и слушать проповеди «со всяким благоговением». Запрещались в церкви

«разглагольствования» и подача челобитных должностным лицам.

Наконец пришло время подданному отправляться в лучший мир. Царские указы не относились безразлично и к судьбе умершего. Где его хоронить? На этот вопрос отвечал указ: «внутри градов не погребать». Исключение допускалось только для «знатных персон». В чем хоронить? В гробах, выдолбленных из толстых сосновых деревьев, — запрещалось, равно как запрещалось сколачивать гробы из дубовых досок. Строительный материал для гробов определяли указы: разрешалось использовать доски и стволы деревьев менее ценных пород^{196}.

Законодательство Петра отличалось не только регламентарным характером, но и публицистической направленностью. Каждый указ, составленный царем, не ограничивался установлением какой-либо нормы, он обязательно убеждал подданного в целесообразности, разумности ее введения.

Петр однажды записал афоризм, вытекающий из его рационалистических взглядов: «Выше всех добродетелей рассуждение, ибо всякая добродетель без разума — пуста». Царь, обращаясь к разуму подданного, считал необходимым прибегать к «рассуждению», мотивируя целесообразность той или иной меры практическими выгодами. Излюбленным словом, чаще всего встречающимся в мотивировочной части петровских указов, были слова «понеже» и «для того». По наличию этих слов можно почти безошибочно установить, что автором указа был Петр.

Почему хлеб надо было убирать косами вместо серпов? Петр разъясняет: «понеже» уборка новым способом выгоднее — «средний работник за десять человек сработает». Почему гонт надо изготавливать из бревен, а не из досок? «Для того», поясняет царь, что из бревна получается 20–30 гонтин, а из доски только четыре-пять. Какая нужда заставила приступить к строительству обводного Ладожского канала? Петр и здесь не упустил случая дать объяснение: «Понеже всем известно, какой убыток общенародный есть сему новому месту (то есть Петербургу. — *Н. П.*) от Ладожского озера»^{197}.

Петр, однако, не уповал на магическую силу своих разъяснений. Более того, царь не верил, что разума его подданного достаточно, чтобы усвоить целесообразность той или иной меры. Недостаток разума должен был компенсировать страх. Всякой новой норме сопутствовало принуждение, причем в России оно, по мнению Петра, было тем более необходимым, что Россия отставала от передовых стран Западной Европы: к принуждению прибегают даже в таком «заобыклом» государстве, как Голландия, тем паче

оно необходимо у нас, «яко у новых людей во всем». «Сами знаете, — делился своими мыслями Петр с одним из сановников, — хотя что добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают». Поэтому почти каждый указ, регламент, инструкция заканчивается угрозой применения наказания.

В установлении меры репрессий Петр проявлял величайшую изобретательность. Их амплитуда колебалась от взыскания сравнительно мелкого денежного штрафа до конфискации всего имущества, от физических истязаний и ссылки на каторгу до смертной казни. За разговоры богомольцев велено взимать штраф, не выпуская из церкви, по рублю с человека; продавцов русского платья и сапог, равно как скоб и гвоздей, которыми подбивали русскую обувь, ждала каторга. Браковщики пеньки, укладывавшие в тюки гнилой товар или камни, подлежали казни. Чиновники коллегий за однодневный прогул подвергались вычету жалованья за месяц, а за каждый час преждевременного ухода из коллегии — удержанием недельного жалованья. Устанавливались наказания за не относящиеся к службе разговоры, волокиту и т. д. Петр предусмотрел и тот случай, когда какой-нибудь канцелярист не располагал средствами, чтобы уплатить штраф. Тогда он должен был отработать сумму штрафа каторжной работой на галерах.

Мера и характер наказания зависели от социальной принадлежности провинившегося. Составленный Петром «Устав воинский» для «начальных людей» предусматривал наказания, наносившие ущерб «чести», такие, как лишение чина и жалованья, шельмование, в то время как для остальных предназначались «обыкновенные телесные наказания» и «жестокое телесные наказания», то есть битье батогами и шпицрутенами, держание скованными в железа, клеймение, ссылка на каторгу, нанесение телесных повреждений: отрубание пальцев, руки, обрезание ушей и т. д. Многочисленные указы грозили беглым рекрутам, драгунам, солдатам и матросам смертной казнью, а тем, кто их приютил, — лишением чина и конфискацией имущества. За держание беглых крестьян помещик подвергался денежному штрафу, а беглый крестьянин — телесному наказанию.

Служебное рвение чиновников, выполнение многочисленных предписаний правительства всеми категориями населения — крестьянами, горожанами, духовенством и дворянами — стимулировались устрашающими наказаниями. Кажется, Петр-законодатель был одержим двумя взаимно исключавшимися страстями: поучать, наставлять и наказывать, угрожать. Это дало основание великому Пушкину заметить,

что Петр в одних случаях проявлял обширный ум, исполненный доброжелательства и мудрости, а в других — жестокость и своенравие. Часть указов Петра, «кажется, писаны кнутом», сказал поэт^{198}.

Петру казалось, что уже можно было пожинать плоды многолетних трудов: обеспечен выход к морю, введены новые учреждения, составлены для них регламенты, опубликованы сотни указов со всякого рода наставлениями. Казалось, что «часы», о которых он много лет мечтал, уже сконструированы и стрелки, которые могли показывать «счастливое время», безотказно действуют.

На самом деле «часы» всякий раз давали обратный ход, как только стрелки двигались к воображаемому царем «всеобщему благу». Жизнь в обществе, основанном на беспощадной эксплуатации, произволе и классовом угнетении, развивалась по своим законам, жестоко насмеялась над указами, объяснявшими, как лучше и проще добиться блаженства и довольства всех подданных. Вместо «гармонии» рождались новые социальные противоречия, вместо общего согласия — классовая борьба, которую не могли ни преодолеть, ни остановить новые учреждения, новые указы, новые регламенты.

Видел ли Петр противоречия между «добрыми порядками» на бумаге и далеко не добрыми порядками в жизни? Не только видел повседневно, но и по-своему пытался их преодолеть. Новых средств он не искал, всецело полагаясь на испытанную и, как ему казалось, оправдывавшую себя штрафную дубинку и репрессии. Штрафную дубинку он постоянно удлинял и увеличивал ее вес, чтобы наносимые ею удары стали более ощутимыми. Ужесточил он и репрессии, так что угрозы «лишить имущества», «сослать навечно на галеры», «казнить смертью» стали чаще, чем прежде, появляться в указах.

Угрозы чиновникам, даже самого высокого ранга — сенаторам, — сыпались как из рога изобилия. В июле 1713 года Петр предложил сенаторам в трехмесячный срок произвести расследование пяти-шести важнейших доносов фискалов. Мету наказания он определил сам: виновников, «которые для своих польз интерес государственный портят», велено казнить. Зная, однако, что сенаторы совсем не склонны проявлять рвение при разоблачении казнокрадов, царь их предупредил: «И ежели инако в том поступите, то вам сие будет». Другим указом «всем чинам, которые у дел приставлены», запрещалось брать взятки, выступать подрядчиками. «А кто дерзнет сие учинить», того ожидали телесные наказания, конфискация имущества и даже смертная казнь. Чиновники, однако, «дерзали».

Собиратель преданий о Петре Яков Штелин записал один любопытный рассказ. За достоверность его поручиться нельзя, но он достаточно рельефно отражает эпоху, нравы и моральный облик государевых услуг.

Царю стало известно о каком-то московском стряпчем, отличавшемся двумя качествами, высоко ценимыми Петром: он досконально изучил все законы, а его бескорыстие было столь безупречным, что он предпочитал проиграть судебный процесс, чем выиграть его, если опекаемый им подзащитный был действительно виновен.

Петр пожелал лично познакомиться с законником, имел с ним продолжительный разговор о запутанных судебных казусах и, обнаружив в нем честного и знающего человека, назначил его главным судьей в Новгородскую провинцию. Через несколько лет царь узнает, что бывший стряпчий стал брать взятки.

— Я от тебя сего никогда не ожидал. Что же тебя к этому понудило?

— Не иное, как то, что я одним моим жалованьем за все свои труды и работу едва имел нужное пропитание, а для жены и детей не мог ничего приобрести, не вступая в долги.

— Сколько же, ты думаешь, надобно, чтобы ты был доволен, судил справедливо и не брал взяток?

— По крайней мере, еще столько же, сколько ныне получаю.

Царь назначил судье сверх двойного жалованья еще половину, но предупредил, что если он будет уличен во взятках, то кончит жизнь на виселице.

Некоторое время судья отправлял должность без нареканий, но потом вновь стал брать взятки. Петр, наблюдавший за службой судьи, уличил его в преступлении и велел повесить [{199}](#).

Безвестный судья, попавший на страницы рассказов Штелина о Петре, быть может, и не заслуживал бы упоминания в современном сочинении о царе, если бы собирательный образ казнокрада и взяточника, представленный этим судьей, не имел многочисленных последователей в повседневной жизни.

Брауншвейгский резидент Вебер со слов какого-то, как он выразился, «сведущего русского» записал, что из собранных 100 рублей подати лишь 30 поступали в казну, а «остальные чиновники делят между собою за труды свои». Вебер называл канцеляристов, правителей, заседателей и прочих чиновников «хищными птицами, которые думают, что со вступлением в должность им предоставлено право высасывать крестьян до костей и на их разорении устраивать свое счастье». Резидент заметил, что «средства,

потребляемые для извлечения взяток, неисчислимы, и их так же трудно исследовать, как и исчерпать море, и хотя повелением его величества многие из них искореняются, но чиновники с изумительной быстротой приискивают новые»^{200}. Иначе и не могло быть. Никакие строгости и никакие виселицы не могли искоренить того, что порождалось государственной системой, созданной самим же Петром.

Стараниями доброхотов-доносителей выяснилось, что первыми «грабителями народа» являлись не мелкие сошки, а ближайшие соратники царя, первые его слуги: светлейший князь Меншиков, адмирал Апраксин и многие другие. Возникло несколько громких дел, выявивших причастность вельмож к крупным злоупотреблениям. Жертвой одного из таких дел стал сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин.

Обер-фискал Нестеров начал уличать Гагарина в казнокрадстве еще с 1714 года, но Сенат, куда он подавал доношения, оставлял их без последствий: князь Яков Долгорукий, руководитель следствия, слывший бессребреником, в данном случае не отказался от взятки и покрыл преступления другого князя — Гагарина.

Нестеров, однако, не успокоился. В 1717 году обер-фискал обратился непосредственно к царю. В доносе были перечислены крупные злоупотребления Гагарина: вымогательство взяток, хищения казенных сумм и даже присвоение драгоценностей, купленных для Екатерины в Китае.

Петр назначил следственную комиссию, но не из сенаторов, а из гвардейских офицеров. Один из них, Лихарев, получает указ царя: «Ехать тебе в Сибирь и там разыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина, как доброму и честному офицеру надлежит».

Преступления были настолько очевидны, а запирательство столь бесполезным, что Гагарин сам признал себя виновным. Он писал Петру, что вел дела «не по приказному обыкновению», что управлял губернией «непорядочно», брал взятки, обирал казну через подставных лиц и т. д. Закончил свою челобитную просьбой: «Сотвори надо мною многобедным милосердие, чтоб я отпущен был в монастырь на пропитание».

Казнокрада царь отправил не в монастырь, а на эшафот. Гагарин был повешен в июле 1721 года перед зданием Юстиц-коллегии в присутствии царя, сановников и всех родственников казнимого.

Вслед за Гагариным на эшафоте оказался и его разоблачитель Нестеров. В годы руководства фискалами Нестеров с их помощью и личным усердием обличил немало казнокрадов. Мелкой рыбешкой он пренебрегал, зато зорко следил за деятельностью «сильных» людей. Здесь

можно было обнаружить и хищения покрупнее и известность приобрести куда быстрее, чем при вылавливании мелких хищников, довольствовавшихся десятком украденных рублей. Ухватившись за какого-нибудь казнокрада, он не отпускал своей добычи до тех пор, пока не достигал цели. Жертвами его разоблачений стали князья Яков и Григорий Долгорукие, богатейший солепромышленник Строганов, князь Волконский. О сенаторах он писал царю: они не только не пресекают казнокрадства, «но и сами вступили в сущее похищение казны вашей под чужими именами», и вопрошал: «Какой же от них может быть суд правый и оборона интересов ваших?»

Слухи о бескорыстии и отваге Нестерова, бесстрашно вступавшего в единоборство с сенаторами, губернаторами и другими сановниками, дошли до Петра, и он назначает его обер-фискалом. Ободренный вниманием и повышением по службе, Нестеров сообщил Петру, что начал исподволь обучать фискальному ремеслу собственного сына.

В 1718 году стало известно, что ярославский провинциал-фискал брал взятки, укрывал беглых, не поставлял рекрутов. Разбирательство преступлений провинциал-фискала тянулось четыре года, и его, быть может, удалось бы похоронить в ворохе бумаг, если бы не вмешательство Петра. Преступление человека, призванного уличать в преступлениях других, было доказано, и ярославский фискал поплатился жизнью. Но этим следствие не кончилось.

Во время разбирательства выяснилось, что Нестеров знал о преступлениях своего подчиненного и за взятки покрывал их. Приговор суда, утвержденный Петром, был суров: предать Нестерова смерти. Царю пришлось дать указ Сенату, чтобы тот по всей стране разыскивал достойного кандидата на замещение вакантной должности. Маловато было в те времена бессребреников!

Судьбу Нестерова едва не разделил другой сподвижник царя — Алексей Александрович Курбатов. Блестящая карьера знаменитого прибыльщика, как и карьера Нестерова, оборвалась все по той же причине — он не удержался от соблазна запустить руку в казенный карман.

Когда Петру стало известно, что архангелогородский вице-губернатор Курбатов берет взятки и притесняет иностранных купцов, он велел отстранить его от должности. С 1714 года Курбатов находился под следствием. Он считал себя оклеветанным. Единственно, в чем он признался, так это в том, что ему подносили в Архангельске съестные припасы и «малое нечто» различными товарами, и то, оправдываясь Курбатов, «я принимал по их многому прошению истинно без моих

запросов».

Следствие, очень запутанное, велось многие годы. В марте 1721 года Курбатов жаловался Петру на пристрастие следователей, напоминал о своих прежних заслугах и просил сохранить ему жизнь, «понеже и так от печали в болезни моей чаю умереть вскоре». Через несколько месяцев Курбатов умер. На нем значился начет, превышавший 16 тысяч рублей, из которых он самовольно взял из казны 12 тысяч^{201}.

Грабеж казны Гагариным и Курбатовым, злоупотребления Нестерова на фоне казнокрадства Меншикова выглядят невинными проказами. Начиная с 1713 года светлейший князь непрерывно находился под следствием. Выпутавшись из одной неприглядной истории, он тут же попадал в другую. Каждый раз каялся, уплачивал штрафы, давал царю клятву «последние свои дни во всякой вам постоянной верности окончать».

Знал ли царь о том, что светлейший был нечист на руку? Безусловно, знал. Достаточно было взглянуть на роскошный дворец князя в столице, на его экипажи, часто устраиваемые приемы, чтобы заподозрить фаворита в казнокрадстве. Не отрицал этого и Данилыч. Будучи припертым к стенке во время следствий, он не отпирался от того, что казенные деньги тратил на себя, а свои расходовал на нужды казны, но этого рода признания дополнял одной немаловажной деталью: оказывается, что брал он куда больше, чем давал.

Иностранные дипломаты, хорошо осведомленные о жизни двора, много раз доносили своим правительствам, что дни фаворита сочтены, что его ждет суровая расправа царя, не дававшего спуска казнокрадам, и каждый раз ошибались. Меншикова Петр воспитывал либо дубинкой, либо наложением штрафов, либо конфискацией части его многочисленных имений, либо, наконец, содержанием под домашним арестом. Светлейший раскошеливался, без особого труда вносил в казну десятки или сотни тысяч рублей, чтобы тут же восполнить их новым неправым стяжанием. Взлеты и падения Меншикова чередовались часто, но колебания фортуны не приводили его в уныние; он от природы был оптимистом и обладал твердостью духа.

Последний по времени неприглядный поступок, ставший предметом специального расследования, был связан с так называемым почепским делом. После Полтавской виктории князь получил от гетмана Скоропадского город Почеп, но не довольствовался этим даянием и самовольно прихватил к нему немало новых земель, так что его действия вызвали жалобу. Над головой Меншикова нависла угроза, которую и на этот раз ему удалось отвести. Прусский посланник по этому поводу

доносил своему королю в феврале 1723 года: «Князь Меншиков, который от страха и в ожидании дела совсем осунулся и даже заболел, сумел опять скинуть петлю со своей шеи. Говорят, что он получил полное помилование впредь, пока сатана его снова не искусит»^{202}.

Характерно, что сам Меншиков полностью признал свою вину. Вот что он писал Петру: «По делу о почепском межевании признаваю свою пред вашим величеством вину и ни в чем по тому делу оправдания принести не могу».

Чем объяснить снисходительность Петра, сурово расправлявшегося с казнокрадами и щадившего самого главного из них? Вытекала ли эта снисходительность из представлений царя о службе, которые он так настойчиво внушал подданным в многочисленных указах, регламентах и наставлениях?

Всякий раз, когда Петру доводилось сталкиваться с разбирательством хищений Меншикова, он, разумеется, не мог не вспоминать о годах дружбы с ним. Но такого рода воспоминания далеко не всегда были способны удержать Петра от наказания провинившегося. Примером может служить Кикин, к которому Петр питал искреннюю привязанность. Стоило, однако, адмиралтейцу провиниться, как вся эта привязанность исчезла. Когда заходит речь о Меншикове, то здесь необходима одна важная оговорка: привязанность Петра к Меншикову была из ряда вон выходящей, исключительной, и дружбу между ними нельзя ставить в один ряд с приятельскими отношениями Петра к другим близким своим сподвижникам — например, адмиралу Апраксину или «князю-кесарю» Ромодановскому.

Петр располагал лишь двумя полководцами, которым он доверял руководство ответственными операциями: Шереметевым и Меншиковым. Светлейший князь по складу характера и особенностям полководческого дарования представлял полную противоположность Шереметеву. Старый фельдмаршал был осторожен и медлителен, действовал размеренно, долго взвешивая каждое решение; Меншиков, напротив, был горяч и нетерпелив. Шереметев никогда не рисковал, для Меншикова риск был родной стихией. Мы ничего не знаем о личной отваге Шереметева и его непосредственном участии в сражениях. Меншиков в полном смысле слова водил войска в бой. Князь презирал опасность, лез в пекло сражения, будучи твердо уверен, что предназначенная для него пуля еще не отлита. Словом, у Меншикова был свой почерк ведения боя, и Петр всякий раз посылал его туда, где от полководца требовались дерзость, отчаянный риск, быстрота и стремительный натиск. Данилыч находился всегда под рукой именно в тот

момент, когда решалась судьба сражения, или даже всей кампании. Вспомним хотя бы молниеносный марш Меншикова к Батурину и разорение изменничьего гнезда. Мгновение, когда Меншиков под стенами Полтавы двинул в атаку конницу, сорвавшую замысел Карла XII, осталось в памяти на десятилетия. Пленение шведов у Переволочны тоже дело рук Меншикова, действовавшего смело и решительно.

Не менее значительны были его заслуги на гражданском поприще. Губернатор столичной губернии, он вложил немало энергии в строительство Петербурга. Всякий раз, когда царь выезжал за пределы своего «Парадиза», он передавал попечение о его обороне и благоустройстве светлейшему князю, и тот не щадил ни себя, ни других при выполнении поручения.

О Меншикове можно сказать, что он был наделен многими добродетелями, но среди них отсутствовала одна — он не мог оставаться равнодушным к казенным деньгам.

К концу жизни Петра Меншиков сохранил все посты, за исключением поста президента Военной коллегии, но прежнее доверие царя утратил. В переписке Данилыча с Петром в последние годы исчезли фамильярность, доверительность и теплота, столь характерные для писем предшествующего периода. Следы прежней дружбы изредка все же удается обнаружить, но они отражали более внешнюю сторону отношений, чем их существо. Так, во время следствия по делу царевича Алексея Петр, находясь в 1718 году в Москве, отправляет Меншикову повеление взять под стражу лиц, причастных к бегству сына за границу. По привычке Петр называет Меншикова «Мин Нег», по привычке обнимает его во время встречи в новой столице, но после смерти царевича князь уже не обращается к царю «господин полковник» или «господин генерал», а подает прошение на гербовой бумаге и подписывается не просто «Александр Меншиков», как бывало раньше, а «всепокорнейший раб вашего величества Александр Меншиков».

Цепь нашумевших историй последних лет жизни Петра замыкает дело Шафирова. Оно примечательно тем, что события развернулись в стенах самого Сената и поэтому лучшим образом характеризуют атмосферу, царившую в высшем правительственном учреждении, и моральный облик первых сановников государства.

Главными участниками скандала являлись барон Павел Петрович Шафиров и обер-прокурор Сената Григорий Скорняков-Писарев. Неприязненные отношения между ними установились давно, ссора тлела, но вспыхнула лишь в 1722 году, как раз в то время, когда Петр отправился в

Каспийский поход, а его «око» — генерал-прокурор Ягужинский находился вне столицы, и Скорняков-Писарев временно исполнял в Сенате его обязанности.

Сначала Скорняков-Писарев предпринял шаги к примирению с Шафировым и пытался уговорить его примкнуть к группе сенаторов, готовых покрыть злоупотребления Меншикова в почепском деле. Союз не состоялся, и Скорняков-Писарев решил дать почувствовать Шафирову, что пренебрегать протянутой рукой не следовало. В качестве средства давления было использовано ничтожное по масштабам того времени злоупотребление Шафирова. Оно состояло в том, что Шафиров, будучи сенатором, использовал служебное положение, чтобы порадовать родному брату — он исхлопотал ему получение жалованья, превышавшего размер, предусмотренный штатом. На такого рода злоупотребления обычно закрывали глаза, но в данном случае дело приобрело печальный для Шафирова оборот. Вице-канцлер знал о подоплеке выдвинутого против него обвинения, знал также, что обвинители не меньше его, Шафирова, виновны в подобных злоупотреблениях, и дал волю своему темпераменту. Заседание Сената превратилось в шумное сборище, а сенаторы — в тех самых «баб-торговок», о которых писал Петр в одном из своих указов. Поднялся гвалт, никто никого не слушал, каждый из присутствовавших спешил высказать обвинение в адрес другого, не скупился на оскорбления. Инцидент этим не кончился.

Зная, как легко было вывести Шафирова из равновесия, противники решили спровоцировать его еще на один скандал. 31 октября Сенат разбирал состояние почтовой службы. Шафиров, в управлении которого находилось почтовое ведомство, не должен был присутствовать на заседании, поскольку обсуждаемый вопрос касался лично его. Писарев предложил Шафирову оставить зал заседаний. Требование было обоснованным и, вероятно, не вызвало бы возражений Шафирова, если бы он не придавал каждому слову обер-прокурора значения злонамеренного выпада против себя. Перепалка возобновилась.

— По твоему предложению я вон не пойду, тебе высылать меня непригоже.

В ответ Скорняков-Писарев зачитал царский указ, предписывавший производить рассмотрение дела без родственников, являвшихся должностными лицами учреждения.

Шафиров заупрямился:

— Ты меня, как сенатора, вон не вышлешь, и указ о выходе сродникам к тому не следует.

Вице-канцлер распалился настолько, что уже не контролировал свои слова.

— Ты мой главный неприятель, и ты вор! — энергично жестикулируя, кричал он Скорнякову-Писареву.

В перепалку включились Меншиков и канцлер Головкин, державшие, разумеется, сторону обер-прокурора.

— Вы и все мне главные неприятели, и потому вам об этом приговаривать не надлежит!

— Ты, пожалуйста, меня не убей, — подзадоривает Меншиков.

— Тебя убить! Ты всех побьешь, — парирует Шафиров.

Меншиков, Головкин и Брюс демонстративно покидают Сенат, давая понять, что они оскорблены поведением Шафирова и не могут долее терпеть его непристойных выходок. Оставшиеся сенаторы объявили, что готовы продолжать заседание, но тут поднялся Скорняков-Писарев:

— Я тоже ухожу, меня Шафиров назвал вором.

Заседание Сената было сорвано. Через день Меншиков подал мнение, что Шафиров должен быть отрешен от Сената. Присутствовавшие занесли это мнение в протокол, но не решились отстранять Шафирова от должности, на которую его назначил царь. Из осторожности предпочли ожидать возвращения Петра.

На что рассчитывал Шафиров, вступая в открытую схватку с всесильным Меншиковым? Быть может, Шафиров вынашивал дерзкую мысль свалить временщика, репутация которого в глазах царя много раз находилась под угрозой? Но дело могло обстоять и проще: Шафиров с годами утратил умение сдерживать свои страсти, разговаривать с обворожительной улыбкой и вовремя прикусить язык. Как бы там ни было, но свара возобновилась недели через две.

У Шафирова было достаточно времени, чтобы поразмыслить о ее возможных последствиях, но он вновь дал волю языку, поддевая то одного, то другого противника.

— Надобно слушать дела, — сказал обер-прокурор, открывая заседание Сената.

— Боже милостивый, мне тебя слушать! — воскликнул Шафиров.

Какую-то реплику подал Меншиков, но тут же получил недвусмысленный намек на собственные злоупотребления.

— Я, — говорил Шафиров, — в подряде не бывал, и шпага с меня снята не была.

Происшедшее в Сенате стало известно Петру: и Шафиров, и Скорняков-Писарев отправили царю донесения с взаимными обвинениями.

Петр, возвращавшийся из Каспийского похода, велит Сенату разобрать конфликт. Специально созданная комиссия, получившая название Высшего суда, начала следствие. Шафиров вскоре обнаружил, что дело его проиграно, и обратился к Петру с челобитной: «слезно прошу прощения и помилования в преступлении моем». Он признал, что нарушил закон и тем, что не вышел из зала заседаний Сената, и тем, что велел выдать брату повышенное жалованье^{203}.

Суд вынес суровый приговор: казнить Шафирова. Судьи руководствовались упоминавшимся выше указом от 17 апреля 1722 года, в котором царь называл законы «фортецией правды» и определял самую строгую меру наказания тем, кто толкует их «вкривь и вкось» и тасует, подобно картам, «прибирая масть к масти».

В морозное утро 15 февраля 1723 года Кремль был запружен толпами людей: москвичи пришли посмотреть на казнь сенатора и вице-канцлера Шафирова — к эшафоту на простых санях привезли осужденного, зачитали приговор суда. Очевидец записал: Шафиров «по русскому обычаю обратился лицом к церкви и несколько раз перекрестился, потом стал на колени и положил голову на плаху, но прислужники палача вытянули его ноги так, что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе». Взвился топор, однако палач вонзил его в плаху. После этого секретарь Сената зачитал царский указ о замене смертной казни ссылкой в Сибирь^{204}.

Ссылка в Сибирь была заменена ссылкой в Новгород, где Шафиров вместе с семьей должен был находиться под строгим караулом. Освобожден он был из ссылки уже после смерти Петра. Понесли наказания, правда легкие, и прочие сенаторы, поддерживавшие Шафирова: князя Голицын и Долгорукий. В ноябре 1723 года Петр издал еще один указ, определявший поведение сановников в Сенате: «Ежели кто из чинов сенатских такое упрямство учинит против указов, как Шафиров учинил в Сенате 31 октября 1722 года, такого, объявя в Сенате, арестовать».

Наказан был и Скорняков-Писарев. Поначалу Петр приказал разжаловать его в рядовые и лишить деревень, а затем бывший обер-прокурор Сената получил назначение на должность главного смотрителя при строившемся Ладожском канале. На этом поприще он тоже не заслужил одобрения царя. В мае 1724 года Петр поручил сказать Скорнякову-Писареву, что хотя он «за дерзновение» в Сенате довольно наказан и был бы достоин восстановления в чинах, но в «канальном» деле обнаружил недосмотр и потачку. Все же в связи с коронацией Екатерины Скорняков-Писарев получил полковничий чин и половину

конфискованного имущества.

Итак, царь сохранил Шафирову жизнь. Но про вице-канцлера не скажешь, что он в этой передрыге отделался легко, — потрясение, испытанное на эшафоте, оставило неизгладимый след: пришел конец блестяще протекавшей карьере, начались материальные лишения. Сойдя с помоста, ошеломленный Шафиров произнес: «Лучше бы открыть мне большую жилу, чтоб разом избавить от мучения».

Чем объяснить безмерно жестокое наказание, которому царь подверг одного из своих ближайших сотрудников? До этого были казнены Гагарин и Нестеров, которых Петр также хорошо знал, но ни тот, ни другой не могли соревноваться с Шафировым по значению услуг, оказанных государству и лично царю.

У Шафирова было одно качество, крайне редкостное для тех времен, — он владел пером публициста. Когда Петру понадобилось изложить официальный взгляд на причины возникновения Северной войны, а также рассказать о ее важнейших сражениях и объяснить русским и иностранным читателям, почему она приобрела столь затяжной характер, он привлек для выполнения этого поручения Шафирова. Вице-канцлер блестяще справился с этим заданием, написав «Рассуждение о причинах Свейской войны». Это великолепное по своей убедительности сочинение явилось первым в России печатным трактатом по международному праву.

Сочинение Шафирова пользовалось огромной известностью внутри страны и за границей. В России при Петре оно издавалось дважды, в 1717 и 1722 годах, огромными по тому времени тиражами — по 1200 экземпляров.

Мы напомнили основные вехи деятельности Шафирова, чтобы показать, что сподвижников такого ранга у Петра было очень мало, и тем не менее Петр расстался с Шафировым. Суровым наказанием Петр дал понять своим вельможам, что и для них соблюдение законов является обязательным и что прежние заслуги не будут приниматься во внимание.

Петровское время, как видим, отличалось необычными поворотами человеческой судьбы: сыновья безвестных родителей становились знаменитыми людьми; напротив, люди, достигшие почета, богатства и славы, в одно мгновение утрачивали и почести, и богатство, а иногда и жизнь.

Ко времени смерти Петра число сподвижников, с которыми он начинал правление, значительно поубавилось. Одни из них, как Ромодановский, Шереметев, Стрешнев, Головин, Зотов, ушли из жизни. Другие, как Меншиков, Шафиров, Скорняков-Писарев, отчасти Макаров, лишились доверия царя, и, проживи он дольше, трудно сказать, не оборвалась бы

жизнь светлейшего князя или кабинет-секретаря. Третьих, как Кикин, Нестеров и Гагарин, царь отправил на эшафот. Не стало и его собственного сына.

На первый взгляд будто бы ничего не изменилось. Так казалось, вероятно, и Петру, продолжавшему сохранять заведенные порядки в своей «компании». Царь, например, не расстался с игрой в «князя-кесаря» и после смерти Федора Юрьевича Ромодановского в 1718 году. Должность руководителя Преображенского приказа вместе с титулом «князя-кесаря» воспринял сын покойного. В письмах к Ивану Федоровичу Ромодановскому царь придерживался прежнего шутивого тона: «Как словесно вашему величеству били челом, так и письменно доносили, дабы благоволили дела приказу Преображенского принять так, как блаженные памяти отец ваш управлял». В 1722 году царь ставит Ромодановского в известность, что отправляется в Каспийский поход «на вашу государскую службу со всем здешним флотом», и подписывает донесение так: «Вашего величества нижайший слуга Петр». Последний из известных такого рода указов царь написал Ромодановскому за три месяца до своей смерти — в октябре 1724 года.

Роли остались прежними, но исполнители ролей переменялись. Ромодановский-отец при всех своих пороках был личностью незаурядной и исполнял роль «князя-кесаря» превосходно. О Ромодановском-сыне, личности, по-видимому, совершенно бесцветной, у нас нет сведений — ни о том, как он справлялся с обязанностью руководителя Преображенского приказа, ни о том, как он исполнял шутивую роль «князя-кесаря».

Раньше «компания» Петра состояла из его сподвижников, с которыми он работал и проводил досуг. Тогда частную жизнь царя трудно было отделить от государственной. Теперь со сподвижниками он общался на работе, а отдыхал с теми, кто ему лично был приятен. Среди них на первом плане находились денщики. Приведу пространное суждение о денщиках царя, принадлежащее графу Бассевичу — министру герцога Голштинского, имевшему возможность в течение нескольких лет наблюдать вблизи жизнь двора: «Денщики это нечто вроде домашних слуг и провожатых, каких имеет всякий знатный русский. Царь брал своих из русского юношества всех сословий, начиная с знатнейшего дворянства и нисходя до людей самого низкого происхождения. Чтобы сделаться его денщиком, нужно было иметь только физиономию, которая бы ему нравилась. Враг всякого принуждения и этикета, он допускал к себе своих дворян и камергеров только при каких-нибудь значительных празднествах, тогда как денщики окружали его и сопровождали повсюду. Они могли свободно высказывать

ему мысли, серьезные или забавные, какие им приходили в голову. Случалось довольно часто, что он прерывал какой-нибудь важный разговор с министром и обращался к ним с шутками. Он много полагался на их преданность, и этот род службы, казалось, давал право на его особенное расположение. Лучшим способом найти к нему доступ было сближение с денщиками. Сообразно своим способностям и уму они получали всякого рода должности и после того всегда сохраняли в отношениях к своему государю ту короткость, которой лишены были другие вельможи». Другой иностранец, наблюдавший Петра за границей, записал: «Он окружен совершенно простым народом; в числе его перекрещенец еврей и корабельный мастер, которые с ним кушают за одним столом».

Очень близким к Петру человеком был кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров. Эту должность он занял в 1704 году и выполнял ее до смерти Петра. Через Макарова шла вся переписка царя, кабинет-секретарь составлял по его поручению указы, а также ответы корреспондентам, докладывал о содержании полученных на царское имя прошений, донесений и т. д. Безграничное доверие Петра к Макарову придавало кабинет-секретарю огромный вес в правительственном механизме.

Обычно лица, обращавшиеся с какой-либо просьбой к царю, одновременно просили замолвить словечко и Макарова. «Просил я его царское величество о милосердии, — обращается за содействием к Макарову фельдмаршал Шереметев, — чтоб меня пожаловал, отпустил в Москву и в деревни для управления и чтоб успел я отделить невестку свою со внуком». Корреспондент долгое время не получал от царя ответа. В этом случае тоже прибегали к услугам Макарова: его упрашивали напомнить Петру о деле, представить его таким образом, чтобы оно было решено в пользу просителя. Перед Макаровым заискивали. Его репутация делового, организованного и справедливого человека была хорошо известна среди сановного мира столицы, и каждый из вельмож стремился заручиться его поддержкой. Многие годы он оказывал ее, видимо, безвозмездно, но к концу жизни царя все-таки был соблазнен взяточдателями.

В круг домашних друзей Петра, с которыми он проводил часы досуга, входили также люди, не занимавшие каких-либо государственных должностей ни до того, как они стали вхожи ко двору, ни после этого. К ним относится поп Битка. Он постоянный партнер Петра при игре в шахматы, часто находится при нем безотлучно, сопровождает его в заграничной поездке 1716–1717 годов. В качестве знатока церковного чина он привлекался для составления церемоний для «всепьянейшего собора».

Вхож был в дом Петра также Степан Иванович Беляев — певчий дьяк,

руководитель царского хора. Он пользовался расположением царя, сопровождал его в поездке по Европе и так же, как и поп Битка, частенько принимал его дома.

Едва ли не самым близким к Петру человеком среди лиц, вхожих в его дом, был князь Юрий Федорович Шаховской, более известный под именем архидьякона Гедео́на Шаховского. Этим именем его называли во «всепьянейшем соборе».

Князь занимал при дворе должность шута и сопровождал царя повсюду. Петр ценил начитанность и остроумие Шаховского, его наблюдательность и находчивость. Положение шута позволяло Шаховскому говорить то, что другие не отваживались вслух произносить: он язвительно высмеивал вельмож, обличал их в казнокрадстве и прочих грехах. Наушничеством он вызывал негодование сановников. Куракин дал ему такую характеристику: «Архидьякон Гедео́н Шаховской был ума немалого и читатель книг, токмо самой злой сосуд и пьяной, и всем злодейство делал, с первого до последнего».

Охлаждение Петра к друзьям было также связано с изменением положения Екатерины. После возвращения из Прутского похода у царя появился семейный очаг. Душевную теплоту, растрчиваемую ранее на друзей, теперь он отдавал «дорогой Екатеринушке», без которой уже не мог обходиться.

С другой стороны, и его друзья давали, как мы видели, немало поводов для недовольства и отчуждения.

В предшествовавшие годы по отношению к ним Петр нередко проявлял заботливую предупредительность, выражал сочувствие в постигшем горе, отправлял письма со словами утешения. В 1702 году у Федора Матвеевича Апраксина умерла жена. Деловое письмо Петра к Апраксину от 21 октября того же года заканчивается следующей фразой: «Пожалуй, государь Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой печали; уповай на Бога. Что же делать? И здесь такие печали живут, что жены мрут и стригутца». Федору Алексеевичу Головину, только что похоронившему свою мать, царь пишет в 1705 году: «Слышу, что вы зело печальны о смерти материной. Для Бога, извольте рассудить, понеже человек старый и весьма давно больной был». Другие письма содержат распоряжения о помощи членам «компании», оказавшимся в беде. То он велит придворным врачам, чтобы они «скорее» поставили на ноги заболевшего сына Аникиты Ивановича Репнина, то выражает тревогу по поводу болезни И. А. Мусина-Пушкина, то, зная о нелегкой жизни, ожидавшей подканцлера Шафирова, оставленного заложником в Турции после подписания Прутского мира,

счел необходимым успокоить его семью: «не имейте в том печали, ибо, Богу изволь-шу, не замешкаетца там». В феврале 1712 года Петр успокаивает вдову умершего владельца порохового завода Андрея Стельса: «Я ево яко своего кровного имел... не вдавайте себя в зельную печаль. Что же о ваших нуждах, и то здесь Сенату приказано»^{205}.

В последующие годы следы подобного рода забот исчезают, точнее, почти исчезают из писем царя. Пожалуй, единственным человеком, к которому Петр сохранил теплые чувства, был Апраксин. В начале февраля 1716 года царь успокаивает адмирала, чтобы тот не кручинился по поводу несвоевременной поставки канатов в Ригу: «Зело вас прошу, для Бога, не печалию исправляй дело, ибо из письма вашего вижу, что зело печалишься. Пожалуй, побереги себя, воистину ты надобен». А вот письмо, отправленное Апраксину восемь лет спустя. В нем Петр убеждает больного адмирала воздерживаться от намерения ехать в Москву: «не езд, подлинно погубишь себя... Конечно, дай покой, и когда доктор совершенно безопасно увидит, тогда поезжай».

Утрата соратников не могла не вызывать у Петра чувства если не одиночества, то тревоги за судьбы дела, которому он служил. Последний удар исходил от самого близкого человека — собственной супруги. Но об этом ниже, а сейчас надобно разъяснить, что одиночество, то есть, по сути, банальная ситуация, в которой нередко оказывались великие люди в конце своего жизненного пути, может быть рассматриваемо только в плане личных отношений. Что касается общественной стороны этого вопроса, то о социальной изолированности Петра не может быть речи, хотя у современников на этот счет существовали диаметрально противоположные суждения. Публицист Посошков писал: «Великий наш монарх о сем трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию немного, он на гору еще самдесять тянет, а под гору миллионы тянут». В глазах Посошкова царь с удесятеренной энергией тянул груз преобразований «на гору» почти в одиночестве, ему помогали лишь немногочисленные «пособники», в то время как противодействовали миллионы.

По-иному оценивал отношение к Петру и его преобразованиям другой современник — местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский. Преобразования он сравнивал с нагруженной телегой о четырех колесах, каждое из которых он уподоблял сословию. Три колеса, то есть дворянство, духовенство, купечество, вращались безотказно. «Четвертое и последнее колесо есть чин людей простонародных. Скрыпливо то колесо, никогда же тихо не умеет ходить, всегда скрыпит, всегда ропщет».

Посошков не прав, оставив царя-преобразователя в одиночестве и

лишив его социальной опоры, как не прав и Яворский, полагавший, что скрипело лишь одно колесо, а три другие безропотно выполняли свое дело. В действительности скрипели все колеса, но скрипели по-разному. Побудительные мотивы сопротивления преобразованиям со стороны дворянства принципиально отличались от причин протеста, исходившего от податных сословий — крестьянства и широких кругов горожан. Груз преобразований распределялся на телеге далеко не равномерно и давил на колеса с разной силой. «Дворянское колесо» подвергалось систематической смазке. Жертвы, которых требовал Петр от дворян на алтарь государства, окупались с лихвой. К финишу преобразований дворянство пришло обновленным и упрочившим свое положение. На протяжении всего царствования Петра оно было его главной опорой.

В 1723 году Петр в форме торжественного празднества как бы подводил итоги своей деятельности.

Совет отметить успехи Балтийского флота подал Петру Феофан Прокопович. В связи с победой русских галер над шведским флотом 27 июня 1720 года Феофан произнес похвальное слово, в котором подчеркнул значение исторического ботика Петра в истории военно-морских сил: «Кто же не скажет, что малый ботик против флота есть аки зерно против древа... О ботик, позлащения достойный!.. Мой бы совет был ботик сей блюсти и хранить в сокровищах на незабвенную память последнему роду».

Царь не мог воспользоваться этим советом ни в 1721-м, ни в 1722 году, ибо сначала он был поглощен завершением войны и празднованием Ништадтского мира, а затем отправился в Каспийский поход.

Чествование ботика, доставленного на берега Невы с Переяславского озера, предварительно реставрированного и обшитого медными досками, состоялось 11 августа 1723 года. Очевидец этого торжества рассказывает: «Тотчас после 10-ти, по данному сигналу раздался генеральный залп со всего флота, возвестивший о спуске ботика с галиота на воду; он разразился в воздухе подобно страшному грому и молнии, потому что в течение одной минуты выпалено было из полуторы с лишком тысячи пушек. Вскоре после того показалось несколько флагманов (адмиралов, сколько их могло поместиться в нем) с ботиком, и когда он поравнялся с кораблями, флаги и вымпелы на них были спущены от верхушки до самого низа, в знак величайшего уважения». Среди гребцов-адмиралов на ботике находился и Петр, выполнявший обязанности кормчего. Выходя из ботика, он сказал присутствующим: «Смотрите, как дедушку внучаты веселят и поздравляют! От него при помощи Божеской флот на юге и севере, страх неприятелям, польза и оборона государству!» Вечером царь, обращаясь к

ботику, произнес тост: «Здравствуй, дедушка! Потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят».

Подобных торжеств было много, но праздник, что произошел в августе 1723 года, не имел равных ни по яркости, ни по выразительности. На глазах у зрителей прошлое было сопоставлено с настоящим: современные корабли, могучий флот и его предшественник — скромный ботик, с которого начались увлечения Петра военно-морским делом.

Нельзя не упомянуть еще об одной области, где Петр поработал «пером». Речь идет о написании «Истории Свейской войны», начатой еще в 1718 году и продолжавшейся до его смерти. В иные годы он занимался ею урывками, в промежутках между составлением уставов, регламентов, текущей работой по управлению, в другие — более или менее систематически.

Какими мотивами руководствовался Петр, когда в предрассветной тишине еще сонного города, стоя у своей конторки или расхаживая по кабинету, что на втором этаже Летнего дворца, он взвешивал каждую фразу текста, безжалостно вычеркивал лишние подробности либо, напротив, вносил собственноручные дополнения, добивался четкости изложения, точности описания событий, ясности мысли? Что побудило царя взяться за перо?

Прямого ответа на эти вопросы мы не находим ни в самом тексте «Истории», ни в свидетельствах современников, близко знавших царя либо непосредственно участвовавших в сочинении грандиозного труда. Остается высказать предположительный ответ.

Жанр сочинения, в написании которого Петр принимал живейшее участие, весьма сложен. Отчасти его можно отнести к мемуарным произведениям, ибо царь — неперемный участник важнейших событий, описываемых «Историей», и следы личного восприятия этих событий можно встретить на многих страницах сочинения. Но «История Свейской войны» в то же время является произведением историческим. Петр опирается не столько на собственную память и память своих сподвижников, сколько на документы. Стол кабинет-секретаря Алексея Васильевича Макарова, основного автора «Истории», писавшего первоначальный текст сочинения, был завален походными журналами, реляциями, манифестами, грамотами иностранным дворам, донесениями Меншикова, Репнина, Шереметева и прочих генералов. На полях рукописи имеются многочисленные пометы царя, требовавшего от Макарова точного описания событий и их датировки: «справитца о числах», «справитца и тот трактат переписать», «справитца, с чего написано». В «Истории»

использованы, помимо русских документов, показания шведских и турецких источников, а также свидетельства оказавшихся в плену шведских генералов.

«Гисторию» можно, наконец, считать и публицистическим произведением, ибо на ее страницах затрагивались острые сюжеты современности. К ним прежде всего относятся тексты с описанием поражения русских войск под Нарвой в самом начале войны, сюжеты, посвященные Астраханскому и Булавинскому восстаниям, Прутскому походу, делу царевича Алексея. Петр, разумеется, не был заинтересован в подробном освещении этих событий, они не прославляли его деятельности. Но Петр не позволил себе сделать вид, будто их не было, и, хотя и вскользь, как бы мимоходом, он все же повествует о них. Овладению Митавой отведено, например, во много раз больше места, чем Прутскому походу, взятому в целом, о деле царевича Алексея упомянуто в трех местах «Гистории», но в совокупности текст занимает лишь несколько строк.

Написание истории собственного царствования имело давнюю традицию. Она берет начало со времен Ивана IV, редактировавшего «Царственную книгу». При первом Романове — Михаиле Федоровиче — под руководством его отца патриарха Филарета составлялся «Новый летописец». Попытку, правда неудачную, написать историю своего царствования предпринял и Алексей Михайлович. Для этой цели им был создан Записной приказ, но его деятельность ограничилась лишь сбором материалов. Петр был последним царем, решившим запечатлеть для потомства итоги своей деятельности. После него такого рода попытки не предпринимались.

Цель подобных сочинений многопланова. С одной стороны, это хроника придворной жизни. Но вместе со сведениями семейного характера сочинения тех времен освещали события государственного значения. Во всех случаях центральной фигурой являлся царь, действовавший, разумеется, разумно и предусмотрительно, проявляя при этом все земные добродетели. Таков идейный смысл прежних историй царствований.

«Гистория Свейской войны» не составляла исключения. Но в ней налицо и некоторые особенности. Первоначально Петр, видимо, ограничивал свою задачу лишь описанием военных действий. Позже, в ходе реализации плана, он решил выйти за рамки характеристики своей военно-дипломатической деятельности и дополнить текст сведениями о гражданских делах. В итоге появился указ царя о включении в «Гисторию» данных о составлении регламентов, строительстве городов, мануфактур, гаваней и крепостей, создании флота и т. д. «Гистория Свейской войны» в

конечном итоге должна была превратиться в историю России времени царствования Петра. Но этот замысел не был осуществлен. На страницах сочинения лишь изредка и очень кратко упоминаются гражданские дела Петра. Сам он тоже брался за перо, чтобы тщательно отредактировать наброски о первых новшествах, введенных в самом начале столетия: основании Навигацкой школы, введении нового летосчисления, бритье бороды, замене длиннополого платья, замене стрелецких войск регулярной армией, отправке подданных за границу для обучения.

Над «Гисторией Свейской войны» Петр работал до конца дней своих. В октябре 1724 года он отдает распоряжение о доставке в кабинет приветственных речей, которыми в Москве встречали победителей после успешных сражений. К сожалению, сочинение при жизни Петра осталось незаконченным.

«СТОЛИЧНЫЙ ГРАД САНКТ-ПИТЕРБУРХ»

Петербург, или Санкт-Петербург, как он назывался официально, был не только любимым детищем и гордостью Петра, но и символом его царствования, воплощением эпохи преобразований.

Конечно, новая столица не олицетворяла всю Россию. Наоборот, это был уникальный город не только по своему архитектурному облику, но и по складу жизни. В то время как генерал-полицеймейстер столичного города хлопотал, чтобы его население носило башмаки, Русь за вычетом нескольких городов еще два столетия шлепала в лаптях и одевалась в длиннополые платья. Петр неукоснительно требовал выхода дворянок в свет, но еще многие десятилетия девушек из провинции держали взаперти и старательно охраняли от постороннего глаза. Столица была единственным местом, где возводились кирпичные здания светского назначения, где улицы освещались фонарями, где разводились парки. В Петербурге было много того, чего не было и в помине в других местах обширной петровской империи.

И тем не менее Петербург по праву можно считать примером того нового, что Петр стремился дать России. Оно только появлялось. Требовались еще десятилетия, чтобы ростки этого нового окрепли и распространились по всей стране, но начало было положено, и процесс стал необратимым.

Сам Петр также считал создание новой столицы одним из важнейших итогов своего царствования. 28 сентября 1714 года во время торжественного спуска корабля «Шлиссельбург» Петр, обращаясь к сенаторам, генералам, морским начальникам и иностранным гостям, приглашенным на празднество, с гордым сознанием содеянного торжественно заявил: «Есть ли кто из вас такой, кому бы за двадцать лет пред сим пришло в мысль, что он будет со мною на Балтийском море побеждать неприятелей, на кораблях, построенных нашими руками, и что мы переселимся жить в сии места, приобретенные нашими трудами и храбростию? Думали ль вы в такое время увидеть таких победоносных солдат и матросов, рожденных от российской крови, и град сей, населенный россиянами и многим числом чужестранных мастеровых, торговых и ученых людей, приехавших добровольно для сожития с нами?

Чаяли ль вы, что мы увидим себя в толиком от всех владетелей почитании?»

«Писатели, — продолжал он, — поставляют древнее обиталище наук в Греции, но кои, судьбиною времен бывши из оной изгнаны, скрылись в Италии, и потом рассеялись по Европе до самой Польши, но в отечество наше проникнуть воспрепятствованы нерадением наших предков, и мы остались в прежней тьме, в каковой были до них и все немецкие и польские народы. Но великим прилежанием искусных правителей их отворялись им очи и со временем соделались они сами учителями тех самых наук и художеств, какими в древности хвалилась одна только Греция. Теперь пришла и наша черед, ежели только вы захотите искренне и беспрекословно вспомоществовать намерениям моим, соединя с послушанием труд, памятуя присно латинское присловие: «молитесь и трудитесь»^{206}.

В застройке Петербурга в петровское время прослеживаются три этапа: деревянный, мазанковый (1711–1714), а затем кирпичный.

В первые годы существования Петербург застраивался по старинке, стихийно, точно так же, как и десятки древнерусских городов: неказистые, беспорядочно расположенные дома из бревен, кривые улицы и тупики. Единственным сооружением тех времен, сохранившимся до наших дней, является деревянный домик Петра.

Из описания города, составленного в 1710–1711 годы, видно, что его первоначальным центром была Троицкая площадь, где устраивались празднества. Там находились Троицкий собор и здания правительственных учреждений.

Васильевский остров фактически еще не был заселен. Его покрывали заросли кустарника, между которыми паслись коровы, лошади и мелкий скот. В 1711 году на острове стояло единственное крупное жилое сооружение — двухэтажный дом князя Меншикова, по отзыву современника, очень красивый, но тоже деревянный. От Невы к дому был подведен канал, так что светлейший, выйдя на крыльцо, мог сесть в шлюпку. Позади дворца был разбит парк, далеко еще не устроенный. На стрелке Васильевского острова находились три ветряные мельницы.

Более заселенным был Адмиралтейский остров. Здесь вдоль Невы, между Адмиралтейством и Летним дворцом Петра, законченной постройкой в 1711 году, стояли дома вельмож — графа Апраксина, Шафирова. Рядом с Адмиралтейством находились беспорядочно разбросанные деревянные домики русских и иностранных мастеровых, работавших на верфи и канатном дворе. Во всем городе в это время

насчитывалось 750–800 дворов с восемью тысячами жителей^{207}.

Первым поселенцам будущей столицы империи, даже богатым, вынужденным по повелению царя покинуть обустроенные дома в Белокаменной и усадьбы в Подмосковье, довелось испытать немало неудобств. Современник-мемуарист отмечал: «Дворяне, знатные и богатые люди, которые прибыли сюда из Москвы с семьями, нашли здесь печальные перемены своей жизни. Вместо прежних обширных дворцов и высоких домов в Москве, загородных домов и поместий близ нее, где они всего имели в изобилии, здесь они нашли недостаток во всех припасах и отсутствие большинства удобств. Поскольку это место отвечало замыслам и нраву царя, то он мало обращал внимания на жалобы тех, кто более заботился о собственном спокойствии и удовольствиях, нежели о пользе своей страны. Купцы и лавочники достигли процветания в этом городе, где все было чрезвычайно дорого».

Но с описанным выше не сравнимы беды, обрушившиеся на простой люд, на согнанных со всей страны строителей нового города.

Благоустройством города Петр всерьез начал заниматься после Полтавской победы и овладения Прибалтикой. Царь мог воспользоваться двумя возможными способами застройки своего «Парадиза»: либо снести уже построенные дома и застраивать город в соответствии с новой планировкой, либо приспособлять планировку к уже существующим сооружениям и держать дальнейшее строительство под своим бдительным надзором. Петр сначала отказался от обоих вариантов, решил оставить Петербург в неизменном виде, таким, каким он сложился, и искать новое место под город, где ничто не могло ограничивать его градостроительных замыслов.

Каким представлялся царю новый город, чем он должен был отличаться от старой столицы Москвы?

Прежде всего прямыми улицами, обширными парками и бульварами, а также системой каналов, которым отводилась роль основных путей сообщения. Застройку города надлежало осуществлять по плану, заранее разработанному правительством. План должен был предусматривать все детали градостроительства: размещение улиц, скверов, типы зданий и т. д.

Выбор Петра пал на остров Котлин. Проект плана города на острове предусматривал сеть прямоугольных каналов, вдоль которых должны были стоять дома дворян, купцов и ремесленников. В начале 1712 года Петр издал указ о принудительном переселении на остров Котлин «по окончании сей войны» по тысяче семей дворян, купцов и ремесленников^{208}. Сенат

даже утвердил список дворян, подлежащих переселению. Его возглавляли сенаторы и представители знатнейших фамилий. Однако от осуществления этого плана Петру пришлось отказаться.

Строительство регулярного города на Котлине царь, как мы видели, связывал с окончанием войны, но конца ее не было видно. Кроме того, остров был уязвим для неприятельского нападения. В конечном счете Петр решил оставить столицу в Петербурге, но застраивать город более рационально. Его центром должен был стать Васильевский остров, который только начинал застраиваться, следовательно, осуществление плана не влекло массового сноса уже построенных зданий.

Небывалое по интенсивности строительство города началось с 1717 года. Ежегодно возводилось по несколько сотен новых домов, так что к концу жизни Петра столица превратилась в большой город с сорокатысячным населением. Возникновение крупного центра на пустом месте и в столь сжатые сроки явилось небывалым для Европы событием.

В 1716 году Петр нанял известного французского архитектора Леблона, которому поручил составить проект генерального плана города. Чертежи Леблона и планы типовых зданий в следующем году были отправлены на утверждение Петру, находившемуся в Париже. Царь отложил утверждение чертежей до своего возвращения, а по поводу типовых зданий сделал следующее любопытное замечание: окна в жилых домах надо делать меньших размеров, «понеже у нас не французский климат»^{209}.

Леблон реализовал представления градостроителей того времени о так называемом регулярном городе, где все и вся предусмотрено правительством и жителям для полного благополучия надлежало лишь пунктуально выполнять его предписания. Город на плане Леблона имел эллипсовидную форму, разрезанную прямыми улицами на Адмиралтейской стороне и каналами на Васильевском острове. Посреди этого острова намечалась огромная дворцовая площадь, окаймленная дворцами вельмож и зданиями правительственных учреждений. Леблон предусмотрел места, где должны быть сооружены церкви, устроены рынки, скверы, площади для празднеств и для казней. Вдоль улиц — здания одной высоты.

После приезда в Петербург между царем и архитектором состоялся обмен мнениями о судьбе застройки Васильевского острова.

— Что будем делать? — спросил царь у Леблона.

Вопрос не застиг архитектора врасплох.

— Сломать дома и построить новые, засыпать каналы и вырыть другие.

— Об этом я думал, но сие требует много денег.

Как ни соблазнительно было изрезать остров каналами и придать ему внешний вид Венеции, Петр все же отклонил план Леблон — климат Петербурга не сулил жителям столицы удобств передвижения по воде.

К 1725 году Петербург достиг высокой благоустроенности. Иностранец, оставивший описание Петербурга в 1710–1711 годах, отмечал: «Когда один только день идет дождик, то уже нигде нет прохода и на каждом шагу вязнешь в грязи». Теперь все улицы столицы были вымощены камнем. Обязанность мостить улицы выполняли сами жители, каждый прибывающий в Петербург гужом должен был доставить на возу три камня весом не менее пяти фунтов, а на каждом судне — по 10–30 камней. Камнем покрывали не середину улицы, а полосу в полтора-два метра шириной, примыкающую к домам, то есть, как бы мы сейчас сказали, тротуар.

Невский проспект, соединявший Адмиралтейство с Александровской лаврой, своим видом уже тогда поражал современников. Глазам камер-юнкера Берхгольца «Невская перспектива представлялась длинной и широкой аллеей, вымощенной камнем». По обеим сторонам улицы в три-четыре ряда стояли деревья. Проспект оставил у камер-юнкера самое благоприятное впечатление, он отличался необычайной красотой и опрятностью, придававшей ему, как он писал, «чудесный вид, какого я нигде не встречал»^{210}.

27 мая 1718 года сенаторы получили царский указ: «Господа Сенат! Определили мы для лучших порядков в сем городе дело генерала полицеймейстера нашему генералу-адъютанту Девиеру и дали пункты, как ему врученное дело управлять»^{211}.

Матроса купеческого корабля, выходца из Португалии Антона Девиера Петр заметил в Голландии еще в 1697 году. Этот бездомный скиталец, зарабатывавший на хлеб проворным лазанием по мачтам, обратил внимание Петра своей находчивостью. Тогда же царь пристроил его к Меншикову, а затем определил себе в денщики. Расторопный денщик отсутствием честолюбия не страдал и не скрывал своего намерения породниться с самим светлейшим, предложив жениться на его засидевшейся в девках некрасивой сестре. Данилыч презрительно отклонил домогательства. Между тем сестра временщика оказывала столь явные знаки благосклонности своему поклоннику, что тот обратился к Меншикову с советом поспешить благословить их, если он не желает, чтобы сестра сделалась незамужней матерью. Навязчивого жениха Меншиков велел

схватить и высечь плетьюми. Денщик пожаловался Петру, и тот велел устроить свадьбу^{212}.

Инструкцию генерал-полицеймейстеру составил сам Петр. Царь поручил ему следить за правильной застройкой города, укреплением берегов Невы и протоков, чистотою улиц и переулков, порядком на торговых площадях и рынках, качеством продаваемых продуктов. Ему же вменялось в обязанность пресекать намеренное повышение цен на продукты, искоренять азартные игры, строго соблюдать противопожарные меры, учреждать ночные караулы, причем «караульщики ходили бы по ночам с трещотками, как обычай в других краях».

После 11 вечера и до утра, то есть в ночные часы, шлагбаумы на заставах закрывались, и право хождения по улицам в это время предоставлялось только воинским командам, «знатным господам», лекарям, священникам, повивальным бабкам и лицам, выполнявшим служебные поручения. Все они должны были иметь при себе фонари. Остальных, если они ходили ночью группами свыше трех человек, не велено пропускать даже с фонарями.

В 1721 году жители столицы стали свидетелями новинки, впервые введенной в России: улицы Петербурга начали освещать фонарями. Их было изготовлено 595 штук^{213}.

Фонарщики наливали в фонари конопляное масло, зажигали фитили и через пять часов гасили их.

Адмиралтейская часть города была прорезана несколькими каналами. При Петре в столице существовали каналы, превращавшие Летний сад в остров, тогда же были прорыты Лебежья и Зимняя канавки. Каналы осушали близлежащую округу, являлись удобным путем передвижения, они же создавали водное окружение вокруг огнеопасных объектов. Подобное назначение имел канал, прорытый вокруг Адмиралтейства.

Нева, Мойка и каналы во многих местах имели деревянные набережные. Их сооружение сопровождалось спрямлением русла рек. Мойку, например, в узких местах расширили, а широкие места засыпали землей.

Берега протоков Невы и каналов были соединены многочисленными подъемными мостами. Однако Неву можно было преодолеть только на лодках и мелких судах летом и по льду зимой. Тремя пушечными выстрелами и поднятием флага население столицы оповещалось о начале ледохода либо о прочности льда во время ледостава.

Петр постоянно следил за благоустройством столицы. Проезжая как-то

вместе с Девиером через Мойку, царь обнаружил неисправность моста. Это был недосмотр полицеймейстера, и Петр, не откладывая в долгий ящик, подверг последнего педагогическому воспитанию дубинкой.

— Это прибавит тебе лучшую память к попечению и к содержанию улиц и мостов в надлежащем порядке, и будешь чаще сам осматривать.

Преподав урок служебного рвения, царь тут же пригласил полицеймейстера занять место в двуколке: «Садись, брат!»

Каким выглядел город к концу жизни царя? От того времени осталось мало зданий, и о внешнем виде столицы можно судить лишь по сохранившимся планам ее. В городе все еще преобладали одноэтажные мазанки, снаружи окрашенные под кирпич. Сплошь застроенного массива не существовало, освоено было лишь пространство между Невой и Фонтанкой, но уже и тогда невозможно было оставаться равнодушным, проходя мимо нескольких сооружений, привлекавших внимание: одни — грандиозными размерами, другие — пышным убранством. Среди первых выделялось Адмиралтейство. Двор Адмиралтейства представлял собою огромный четырехугольник, с трех сторон окаймленный зданиями, в которых хранились материалы, необходимые для оснастки и вооружения кораблей. Последуем за современником, описавшим Адмиралтейство в 1720 году. В трехэтажном здании хранились корабельные принадлежности: в 15 комнатах лежали канаты навощенные, насмоленные, покрытые разным жиром, толщина некоторых из них равнялась нескольким десяткам сантиметров. В других помещениях этого здания лежали гвозди, лопаты, молоты, буравы, юфть, полотна. В третьих — оружие, снаряжение и обмундирование: пистолеты, штыки, шпаги, ведра, сальные свечи, портупей, башмаки, сапоги, шаровары. В специальных светлицах были уложены ядра, корабельные флаги, медь, железо, краски. На третьем этаже хранились паруса, оцениваемые в 80 тысяч рублей. Неизвестный поляк, оставивший это описание, был поражен грандиозным количеством увиденного и не скрыл своего удивления, записав: «Не всякий этому поверит, но мы видели это своими глазами»^{214}.

На Адмиралтейской верфи умели делать всё — от кия до верхушки мачт, от якорных цепей до парусов. У берега Невы на стапелях стояли корабли. Одни из них только недавно были заложены, другие готовили к спуску на воду. Сначала на верфи строили мелкие и средние суда. Первый корабль, вооруженный лишь 18 пушками, был спущен на воду в конце апреля 1706 года. После Полтавской победы Петр велел пополнять флот мощными кораблями, 54-пушечный корабль, названный в честь победы над шведами «Полтавой», Петр заложил в конце 1709 года, а спущен на воду он

был почти через три года — в июне 1712-го.

В 20-х годах верфь успешно справлялась с сооружением 100-пушечных кораблей. Проект первого такого корабля разработал Петр, он же руководил его постройкой.

Снаружи верфь была обнесена валом, на бастионах со стороны реки стояли пушки. За валом — наполненный водой ров. Адмиралтейская верфь являлась не только крупнейшим в стране промышленным предприятием, но и крепостью, готовой встать на защиту недавно основанного города как с суши, так и с моря.

Вне Адмиралтейства находились канатный двор, склады для леса, пеньки и льна, а еще дальше мазанки, где жили мастеровые. В одном из помещений, одноэтажном, но громадном по размерам, изготавливали всевозможные корабельные снасти: котлы, ведра, бочки и пр. Около 800 портных орудовали огромными иглами — шили паруса. В специальном помещении готовили модели строившихся кораблей. Поляк записал: «Ни одного корабля не станут строить, пока модель в этом зале не выйдет хорошо».

Адмиралтейская верфь представляла сложный комбинат, объединявший предприятия, прямо или косвенно связанные с военноморским делом. Помимо канатного двора с его зданиями для прядения и смоления канатов, Адмиралтейству подчинялись мастерские для изготовления мехов и инструментов, сушильни для просушки досок, кирпичные заводы, снабжавшие кирпичом вновь возводимые здания, восковой завод, бумажные мельницы и даже пивоваренные заводы. Медики того времени считали пиво противочинготным средством, и поэтому оно входило в обязательный рацион моряков.

На грандиозном по размерам комбинате в годы его интенсивной работы было занято до 10 тысяч постоянных работников.

Там, где в наши дни находится Зимний дворец, стоял только что отделанный трехэтажный дом адмирала Апраксина. По мнению современников, это было самое великолепное и роскошное сооружение города. За ним стояли дома других вельмож — генерал-прокурора Ягужинского, вице-адмирала Крюйса, а также Зимний дворец Петра, ничем не выделявшийся среди рядом стоявших зданий. Внутренняя отделка жилых комнат Зимнего дворца отражала характерную деталь во вкусах Петра, его любовь к маленьким покоем с низкими потолками. Зимний дворец был построен так, чтобы его высота не нарушала ансамбля окружающих зданий. Петр смирился с требованием архитектора, но распорядился подбить вторые, более низкие потолки.

Ни одно из этих зданий не сохранилось. Исключение составляет Летний дворец Петра, обычный двухэтажный дом, построенный по типовому проекту для людей среднего достатка, меблированный без роскоши и блеска, но, как заметил современник, «весьма красиво убранный различными китайскими обоями». В комнатах с мраморными полами висело много зеркал.

Внимание современников, осматривавших летнюю резиденцию Петра в столице, привлекал не этот дворец, а примыкавший к нему парк. Он всегда пользовался особым попечением царя. Где бы Петр ни находился — в своем «Парадизе» или за его пределами, — он помнил о Летнем саде и давал распоряжения о его благоустройстве. То он вызывает в Петербург из Москвы фонтанных мастеров, то велит доставить «всяких цветов из Измайлова не по малу, а больше тех, кои пахнут», то требует присылки книги с описанием планировки Версальского парка. Будучи в Киеве в 1706 году, он отправляет в Петербург корни белых лилий и велит, чтобы их «огородник бережно укрывал». Послу в Голландии Куракину он поручает закупить две тысячи лип. Находясь в Польше, царь живо интересуется состоянием своего огорода — так тогда называли парки. «Росписи от вас никакой не бывало о садовых вещах; однакож мы здесь промышляем помалу».

Петр оставался верным своему обыкновению проникать в существо любого дела. Он изучает устройство лучшего в Европе Версальского парка и дает вполне профессиональные распоряжения, такие же подробные, как и при постройке кораблей или редутов. Денщику Кикину он пишет: «Нынешнюю осенью заранее присмотри несколько небольших дубовых, а лутче кленовых, дерев молодых, и, присмотря, окопать около оных землю кругом и не замать до заморозков, чтоб окопанную землю с корнем морозом укрепило, и тогда перевезти и посадить в проезжем месте, где еще роща не досажена»^[215].

Петр пестовал Летний сад до конца жизни и в конечном счете достиг того, к чему стремился, — его парк с искусно расчерченными дорожками, стриженными деревьями и кустарниками в форме кубов, пирамид и шаров, а также цветниками, многочисленными статуями, вазами, бюстами, фонтанами и прудами не уступал лучшим западно-европейским образцам.

Перед нами два описания Летнего сада, отделенные друг от друга десятилетием. По одному из них, относящемуся к 1711 году, Летний сад выглядел скромно: «Сад сам по себе довольно велик и хорошо разбит, но я не нашел в нем ничего особенно примечательного, за исключением нескольких мраморных статуй и бюстов, из которых в особенности хороши

изображающие короля польского Иоанна Собесского и его супругу, также королеву Христину шведскую и других». Уже в это время сад располагал фонтаном, небольшим зверинцем и оранжереей.

В 1720 году сад производил иное впечатление: «Сады красивы. Я слышал от самого царя, который сказал нам: «Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля». И в самом деле, сюда привезено морем из Венеции, Италии, Англии и Голландии множество статуй, колонн; даже целая беседка из алебастра и мрамора привезена из Венеции для сада, расположенного у самой реки, между каналами. Здесь множество замечательных вещей, беседок, галерей, насосов и удивительно красивых деревьев. Со стороны реки около сада подведена каменная стена; к реке ведут галереи, где можно сесть на ботик, галеру, яхту или буер, чтобы ехать на море или гулять по каналам и большой широкой реке». Современники восторгались тремя жемчужинами Летнего сада — гротом, статуей Афродиты и Готторпским глобусом.

Грот, законченный постройкой в 1721 году, считался образцом пышности и великолепия. Петр позаботился о том, чтобы блеск его затмил все, что ему доводилось видеть за границей. В конце 1716 года он отправляет указ губернаторам «для пробы раковин и камешков разноцветных всех рек, какие в каких реках явятся, с каждой губернии по пуду, привязав к ним ярлыки, светлейшему князю прислать немедленно».

Раковины доставляли также из Италии и Голландии. Стены и колонны были облицованы раковинами, разноцветными камешками и толченым стеклом. На перламутровом фоне вырисовывался громадный золоченый фонтан Нептуна.

Хлопотам Петра Летний сад обязан появлению гостя из античного мира — скульптуры Афродиты, или «Венуса», как ее называли в России, изваянной во II веке нашей эры. Скульптуру, найденную в Риме с отшибленной головой и без рук, купил Юрий Кологривов, направленный в Италию для надзора за русскими архитектурными учениками.

В марте 1719 года Кологривов доносил царю: «Купил статую мраморовую Венуса старинную и найдена с месяц. Как могу хоронюся от известного охотника, и скульптор, которому вверил починить ее, не разнит ничем против Флоренской славной (статуи Венеры Медичи, находящейся во Флоренции. — *Н. П.*), но еще лучше тем, что сия целая, а Флоренская изломана во многих местах». «Известным охотником», от которого «хоронился» Кологривов, был папа, наложивший запрет на вывоз из Рима античных памятников. Однако сохранить тайну приобретения царскому уполномоченному все же не удалось. Губернатор конфисковал статую, чем

привел Кологривова в такое отчаяние, что он заболел. Петр получил от него письмо: «Пусть я лучше умру, чем моими трудами им владеть».

Тревожные известия вынудили Петра отправить в помощь Кологривову опытного дипломата Савву Рагузинского. Тому после продолжительных переговоров удалось получить статую в обмен на мощи святой Бригитты, что находились в монастыре близ Ревеля.

Когда сделка состоялась, надо было в целости доставить приобретение в столицу России. Петр распорядился из Ливорно до Инсбрука везти скульптуру сухим путем, а оттуда Дунаем до Вены. В столицу Австрии он направляет письмо для своего посла: «А понеже оная статуя, как сам знаешь, и там славится, того для велите заранее сделать в Вене каретный станок на пружинах, на котором бы лучше можно было ее отправить вам до Кракова, чтоб ее не повредить чем, а от Кракова можно оную отправить паки водою».

Наконец статуя была благополучно доставлена в Петербург и водружена в галерею из 12 парных колонн, что стояли у входа в Летний сад. Петр очень дорожил «Венусом» и установил у ее подножия круглосуточный караул. Позже статуя была перенесена в Эрмитаж.

Однажды царь дал садовникам задание превратить Летний сад в такое место, где отдыхающие могли бы наряду с увеселением получать поучительные наставления. После долгих размышлений садовник предложил разложить на скамейках полезные книги, прикрыть их от непогоды навесами и тем предоставить возможность гуляющим читать их. Царь отклонил предложение и велел использовать в качестве «поучительного наставления» героев басен Эзопа^{216}.

Басни Эзопа импонировали Петру тем, что соединяли в себе глубокий смысл и шутку, иронию и серьезность. Сложные мысли и чувства Эзоп умел выражать остротой, каламбуром, всегда близко воспринимаемыми царем. Сам он в письмах тоже часто пользовался каламбурами.

Популярность в России басен Эзопа была велика. Этому способствовал и сам Петр, неоднократно повелевавший печатать басни. Другой формой популяризации Эзопа и героев его басен являлись скульптуры, и поныне украшающие Летний сад.

На лугу перед Летним дворцом находился деревянный павильон, в котором хранился Готторпский глобус. Он был изготовлен еще в 1664 году, а в 1713 году его подарил Петру герцог Голштинский. Это сооружение диаметром в 336 сантиметров давало представление о земной поверхности и небесной сфере. Снаружи на глобусе была изображена земная поверхность, а внутри его, где за круглым столом могли разместиться 10–

12 человек, зрители имели возможность наблюдать небо. Глобус имел водяной двигатель, вращавший его вокруг своей оси каждые 24 часа^[217].

Выше Летнего сада находились еще два здания, пользовавшиеся большой популярностью в новой столице. Одно из них — Кикины палаты — приобрело известность тем, что в нем размещалось два культурно-просветительных учреждения: первый в России музей и первая в стране публичная библиотека. Кикины палаты — двухэтажный дворец, конфискованный казной в 1718 году вслед за казнью владельца, Александра Кикина, причастного к делу царевича Алексея. Этот дом Петр велел приспособить под Кунсткамеру и библиотеку.

Царь хорошо знал экспонаты Кунсткамеры — он либо сам приобретал эти экспонаты за границей, либо по его указам их доставляли в столицу из различных уголков России. Поэтому царь считался лучшим гидом: он любил показывать экспонаты музея и рассказывать о них как иностранным послам, так и русским вельможам.

Первые экспонаты для музея Петр приобрел еще во время заграничного путешествия в 1697–1698 годах. Тогда он познакомился с двумя естествоиспытателями: анатомом Фредериком Рюйшем, прославившимся умением искусно бальзамировать трупы, и зоологом Левенгуком, который приобрел европейскую известность тем, что с помощью сконструированного им микроскопа открыл процесс перехода крови из артерий в вены.

Царь несколько раз осматривал в Амстердаме богатую анатомическую коллекцию Рюйша и даже помогал ему пополнить ее экспонатами из России. В 1701 году Рюйш благодарил Петра за присылку склянок с ящерицами и червяками и просил доставить каких-то червей с желтыми пятнами. Взамен он отправил в Россию препараты с диковинными зверюшками из Индии.

Приобретенные анатомические и зоологические экспонаты легли в основу Кунсткамеры. В дальнейшем прибыла сюда и анатомическая коллекция Рюйша, которую тот собирал 50 лет. Характерно, что Рюйш решил продать плоды долголетнего труда не кому-либо, а именно Петру, ибо считал, что коллекция будет находиться в руках человека, умеющего ценить редкости и способного сохранить их для потомков.

Сбор редкостей внутри страны тоже был связан с инициативой Петра. В 1717 году воронежскому губернатору было велено позаботиться о вылавливании птиц и диких зверьков. В дальнейшем Петр издает несколько указов с призывами к населению приносить все, что «зело старо и необыкновенно»: кости вымерших животных и птиц, предметы старины,

древние грамоты, рукописные и печатные книги, а также уродов^{218}.

Собирание монстров (уродов) и раритетов (редкостей) популяризировала газета «Ведомости». В ней, например, была напечатана заметка: «Из Малой России гетман господин Скоропадский прислал сюды в спирте двух монстров, одного мужеска и женска полов, в одном составе сросшиеся, да теленка с двумя головами».

Приток экспонатов увеличивался с каждым годом: из Выборга прислали овцу, у которой по сторонам по два глаза и два языка; из Тобольска было получено несколько барашков: у одного из них восемь ног, у другого три глаза, два туловища и шесть ног. В Нижнем Новгороде родился младенец с тремя ногами, а в Уфе — с двумя головами. Они тоже оказались экспонатами Кунсткамеры. Царь сам поставлял экспонаты в музей: из Дербента он распорядился доставить деревянное блюдо с серебряным ключом, преподнесенным русским войскам правителем завоеванного города, а также медное ядро, которым стреляли из крепости.

В Кунсткамере хранились также пушки старинного литья. Русскому послу в Голландии Борису Ивановичу Куракину царь дважды предписывал покупать в европейских странах старинные пушки русского производства, захваченные шведами в предшествующих войнах. Теперь Швеция решила продажей их пополнить оскудевшую казну. Удивляла щедрость Петра, обычно прижимистого, но в данном случае рекомендовавшего не скупиться при покупке музейных экспонатов. Куракину он писал: «Старайтесь их купить, а наипаче такие, которые гораздо стары, чтоб их не упустить в другие руки, и для того не жалейте денег»^{219}.

Петр воспользовался еще одним источником пополнения Кунсткамеры. Уже в XVII веке правительство снаряжало специальные экспедиции для поисков полезных ископаемых, главным образом благородных металлов, а также для описания вновь присоединенных к России земель. Петр расширил задачи подобных экспедиций. Важнейшая из них, под началом доктора Мессершмидта, была отправлена в 1720 году сроком на семь лет для обследования Сибири. Мессершмидту поручалось изучить географию страны, описать народы, ее населявшие, заняться изучением языков аборигенов и сбором памятников древностей.

Мессершмидт прислал для Кунсткамеры большое количество чучел птиц и животных Сибири, а также древние памятники живших там народов, коллекции по этнографии. В итоге собрание Кунсткамеры по богатству и разнообразию экспонатов уже к концу жизни Петра приобрело славу едва ли не лучшего в Европе.

В одной из комнат помещалось несколько тысяч анатомических препаратов по эмбриологии и анатомии человека, а также всевозможных мелких животных. В другой комнате были расставлены склянки с человеческими плодами от зародыша до зрелости, с различными монстрами, а также чучелами рыб.

Остальные комнаты предназначались для размещения чучел животных и птиц, а также этнографических и нумизматических экспонатов. Демонстрируемым предметам стремились придать выразительность путем их сочетания, иногда нелепого, но внешне эффектного. Сложными и замысловатыми композициями отличалась коллекция Рюйша: змея держит в зубах семинедельный человеческий плод: шестимесячный плод в гробу украшен венком из цветов, запах которых он будто бы вдыхает. Анатом проявлял также изобретательность при размещении внутренностей человека и показе больных органов^{220}.

На втором этаже Кикиных палат стояли шкафы, забитые книгами. Библиотека комплектовалась из разных источников при самом активном участии Петра. В основе ее лежала библиотека Аптекарской канцелярии, перевезенная из Москвы в Петербург в 1712 году и состоявшая преимущественно из медицинских книг. Позже библиотека пополнилась книжным собранием герцога Голштинского, подаренным Петру вместе с Готторпским глобусом. В состав библиотеки влилось также книжное собрание герцога Курляндского. Наконец, библиотека пополнялась за счет книг, конфискованных у опальных вельмож, а также вымороченных библиотек. В их числе библиотека царевича Алексея, барона Шафирова, умершего царского лекаря Арескина и др. Австрийский резидент Вебер записал еще в 1716 году о Кунсткамере: «По справедливости заставляет удивляться, каким образом такое громадное, драгоценное собрание могло быть составлено в столь короткое время». И тогда же о библиотеке: «Если будет продолжаться постоянное приращение и теперь уже драгоценной библиотеки, то в немного лет она станет наряду с важнейшими европейскими не по числу, но по достоинству находящихся в ней книг»^{221}. К 1725 году фонд библиотеки насчитывал около 11 тысяч томов. Это дало основание современнику отозваться о ней так: библиотека в Петербурге не уступала «никакой другой подбором и богатством превосходнейших книг»^{222}.

Кунсткамера и библиотека были в 1719 году открыты для свободного обозрения и пользования. Обоим учреждениям царь с самого их возникновения придавал просветительский характер. «Я хочу, — говорил

он, — чтобы люди смотрели и учились». Когда Павел Иванович Ягужинский предложил Петру установить плату за посещение Кунсткамеры и пользование библиотекой, как это делалось в странах Западной Европы, тот отклонил это предложение, заявив: «Я еще приказываю не только всякого пускать сюда даром, но если кто приедет с компаниею смотреть редкости, то и угощать их на мой счет чашкою кофе, рюмкою водки, либо чем-нибудь иным в самых этих комнатах». На угощение была отпущена значительная по тем временам сумма — 400 рублей в год^{223}.

Рядом с Кикиными палатами, на берегу Невы, на месте нынешнего въезда на Литейный мост, находилось второе по значению промышленное предприятие столицы — литейный двор. По размерам литейный двор намного уступал Адмиралтейству, но он, подобно Адмиралтейству, являлся комбинатом: главным в этом комбинате был цех, где происходило литье стволов медных пушек. Его обслуживали разнообразные вспомогательные мастерские: токарная, столярная, слесарная, лафетная и др. Литейный двор мог изготовить все необходимое для артиллерии: стволы пушек здесь же сверлили, рядом изготовляли колеса и лафеты, пушечные фитили и даже пушечную упряжку.

Петр иногда навещал литейный двор, причем в качестве не экскурсанта, а работника. В походном журнале царя, регистрировавшем каждый его выход, читаем следующую запись от 10 сентября 1715 года: «Его величество был в мыльне и кушал дома и был на Литейном дворе, вылили 6 мортир и 1 гаубицу».

На противоположном берегу Невы находилась Петропавловская крепость. К концу жизни Петра она уже приобрела современные очертания: стены и казематы были готовы, закончилась отделка массивных Петровских ворот. Обращало на себя внимание сооружение внутри крепости, видимое со всех точек строившегося города, — собор Петра и Павла. Это было главное монументальное здание столицы, ее архитектурный центр. Строительство его еще не было завершено, но выразительный силуэт колокольни с часами и грандиозным шпилем, покрытым медными позолоченными досками, уже сверкал на солнце. Царю хотелось, чтобы высота шпиля превосходила высоту самого грандиозного сооружения Московской Руси — колокольни Ивана Великого. Шпиль символизировал положение нового города в государстве.

Самые ранние описания крепости относятся к началу и концу второго десятилетия XVIII века и принадлежат шведу Эремфельду и ганноверскому резиденту Ф. Х. Веберу. Первый из них обнаружил внутри крепости четыре

ряда невысоких деревянных домов, покрытых дерном. Дом коменданта тоже был деревянным. «Посреди крепости проходит выведенный из реки канал с тем, чтобы люди в крепости не ощущали недостатка в воде». Вместо Петропавловского собора стояла деревянная «красивая русская церковь» с остроконечной башней и колоколом, ежечасно оповещавшим о времени.

Вебер сообщает о замене земляных укреплений каменными и кирпичными, которые начали строить в 1710 году. Оба мемуариста писали об огромной затрате человеческого труда в первые годы строительства крепости, в котором участвовало множество людей. «Хотя тогда, — читаем у Вебера, — для такого множества людей не имелось ни достаточного провианта, ни рабочего инвентаря — лопат, кирок, досок, тачек и тому подобного, не было даже ни хижин, ни домов, однако работа благодаря множеству людей продвигалась необычайно быстро. Особенного же удивления было достойно то, что, поскольку земли в этом низменном месте очень мало, ее приходилось приносить издалека по большей части в полах одежды, в тряпках или мешочках из старых рогож на плечах или в руках, так как тогда русские еще не знали тачек...» Подобным способом возвышали над уровнем Невы остров, подвергавшийся затоплению во время наводнения.

Современник, обозревавший крепость в начале 20-х годов, обратил внимание на некоторые достопримечательности, появившиеся уже после ее реконструкции: «Крепость занимает маленький остров напротив Сената и поскольку она расположена в середине, то может обстреливать весь город. Крепость представляет собой шестиугольник, укрепленный рavelинами. Все валы казематированы и вполне надежны. В крепости есть дома для офицеров и бараки для гарнизонных солдат, большой цейхгауз, склады; есть прекрасная большая церковь с очень высоким шпилем, на котором находятся куранты, играющие каждый день с 11 до 12 часов. В этой церкви имеется большая усыпальница, предназначенная для императорской фамилии. Верхи и все внутренние здания — кирпичные; войти в крепость можно лишь по «подъемному мосту, находящемуся напротив Сената». Роскошью поражали дома князя А. Д. Меншикова: два здания — «одно каменное, другое деревянное. Оба они построены в итальянской манере и украшены красивыми скульптурами... Неподалеку от домов князя стоят две ветряные лесопильни, которые снабжают крепость и город пилеными досками».

Набережная Невы на Васильевском острове еще только застраивалась. Стрелка острова должна была стать административным и торговым

центром столицы. Здесь начинали воздвигать стены знаменитого здания Двенадцати коллегий. Оно предназначалось для Сената, Синода и коллегий и имело простую и экономичную композицию, достигавшуюся многократным повторением отдельных трехэтажных зданий одинаковой архитектуры, объединенных в одно целое крышей. Над каждым зданием воздвигалась четырехскатная крыша с изломом над чердачным этажом. Это позволяло возводить сооружение длиной в 183 сажени по частям. Равенство размеров отдельных зданий, однотипность их внешнего оформления подчеркивали равенство между собой коллегий в системе созданных при Петре центральных государственных учреждений.

Каменный гостиный двор находился в лесах. Лишь новое трехэтажное здание Кунсткамеры частично освободилось от лесов, и строители занимались внутренней отделкой первого этажа.

Кунсткамера относилась к числу крупнейших сооружений столицы. Два его крыла посередине соединяла многоярусная башня, верхний этаж которой предназначался для размещения Готторпского глобуса.

Петр очень торопил строителей, но коллекции Кунсткамеры и библиотеки были перевезены из Кикиных палат в новое помещение только после его смерти. Особенно много хлопот доставил глобус. В подготовке к его перевозке участвовало свыше ста человек, в том числе 25 плотников, изготовлявших упаковку. Погруженный на специальную баржу, он был подвезен к Кунсткамере, где его блоками подняли на третий этаж и установили в центре круглого зала.

В черте столицы бросалась в глаза еще одна достопримечательность — порт. По Неве сновали юркие буера, а также барки, галеры, у причалов стояли под выгрузкой и погрузкой морские суда-великаны, на мачтах которых развевались английские, голландские, датские и французские флаги, а также флаги кораблей, прибывших из немецких земель. Вдоль правого берега Невы теснилось огромное количество барок, ожидавших разгрузки, другие барки, а их тоже насчитывались сотни, стояли на якорях либо подходили к городу.

В викториальные дни в воды Невы входили военные корабли, ярко расцвеченные флагами и фонарями. Балтийский флот, в создание которого царь вложил немало личного труда, был его гордостью. В 1724 году флот насчитывал 32 линейных корабля и свыше ста судов меньшего размера. Сухопутная страна, три десятилетия назад не имевшая ни одного военного корабля, превратилась в могучую морскую державу, располагавшую самым мощным флотом на Балтийском море. Флот надежно защищал морские рубежи России, в том числе и столицу империи.

Петербург стал главным портом России. Его торговые обороты в несколько раз превосходили обороты старого портового города на севере страны — Архангельска — и вновь присоединенных портовых городов на Балтике: Выборга, Ревеля, Риги. В 1724 году в Петербурге было зарегистрировано прибытие 180 иностранных кораблей, в то время как в Архангельске — около 50.

Петербург — окно в Европу. Сюда из отдаленных районов доставлялись товары для продажи за границу. Отсюда растекались по разным направлениям товары, привезенные из западноевропейских стран. Жизнь порта отражала экономическую жизнь России.

Какой груз везли барки в Петербург? Что заставляло штурманов иноземных кораблей осваивать маршрут к недавно возникшему городу на Неве?

Полупустынный край, в то время окружавший столицу, не мог обеспечить ее население продовольствием. Поэтому зерно, муку и крупы везли издалека, прежде всего из районов средней Волги, отчасти из Украины и Орловщины. Хотя хлеб и доставлялся по рекам, то есть самым дешевым путем, транспортные расходы поднимали цену на него в Петербурге в два-три раза по сравнению с закупочной. Сотни мелких речных судов доставляли хлеб в столицу поздним летом или осенью в таком количестве, чтобы его хватило на весь год.

Иностранные купцы везли в Россию шерстяные и шелковые изделия, краски, напитки, кофе, пряности, стекло и пр. В импорте, как видно из перечня товаров, преобладали предметы потребления знати. Зарубежные купцы покупали товары традиционного русского экспорта: пеньку, лен, кожи и сало. Их в большом количестве вывозили за границу еще в XVII столетии. Кожи и сало прибывали преимущественно из Среднего Поволжья, лен и пеньку поставляли Смоленщина, Украина, Псковщина.

К амбарам, что стояли рядом с причалом, пришвартовывались барки с железом демидовских заводов. Груз завершал здесь свой дальний путь, чтобы потом попасть в трюмы иностранных кораблей. Начинался он весной предшествующего года: едва освобождалась ото льда бурная Чусовая, что на Урале, как на пристанях становилось оживленно — шла погрузка железа, доставленного туда с заводов еще в зимние месяцы.

Далекая Сибирь манила людей привольной жизнью и богатыми пушными промыслами. Туда устремлялись все, кто хотел освободиться от крепостной неволи, барского произвола и истязаний. На восток шли с остановками, перебиваясь в суровые зимние месяцы каким-либо заработком, чтобы набраться сил, запастись сухарями и солониной. Тут

пришельцев ожидали приказчики Демидова, сулившие вольготную жизнь на заводах. Стоило, однако, пришельцам оказаться в цепких руках заводской администрации, как мечтам о свободе наступал конец — они попадали в заводскую неволю, от которой уже не было освобождения. Трудом таких работников, а также приписных к заводам крестьян Демидов построил на берегах небольших речек шесть доменных, железоделательных и медеплавильных предприятий. Второе по размерам промышленное хозяйство на Урале принадлежало государству.

Сначала железо шло на казенные нужды и продавалось внутри страны. Но по мере увеличения числа заводов появлялись излишки металла, которые казна и Демидов продавали за границу. В столицу ежегодно прибывали «железные» караваны. Сначала барки шли по Чусовой и Каме, а у Нижнего Новгорода караван разделялся на четыре части. Несколько барок сворачивало на юг, в низовые города: Самару, Царицын, Астрахань; другие барки разгружали тут же под Нижним, у стен Макарьевского монастыря, где летом ежегодно устраивалась знаменитая ярмарка. Третьи спешили попасть в воды Оки, чтобы поспеть к Москве до ледостава. Но большая часть груза следовала в Петербург.

На примере металлургии едва ли не ярче всего видны итоги промышленного развития России: в конце XVII века она ввозила высокосортное железо из Швеции, так как доменные печи старинного железоделательного района близ Тулы выдавали чугун такого низкого качества, что из него получалось лишь очень хрупкое железо. За четверть века выплавка чугуна увеличилась более чем в пять раз и в 1725 году достигла 800 тысяч пудов. Возникло два новых металлургических района. Один из них, Уральский, быстро приобрел на европейском рынке репутацию поставщика, превосходного в ковке железа. Другой, Олонецкий, поставлял менее качественное железо, но правительство тем не менее дорожило им из-за его близости к столице^{224}.

Налажена была и выплавка меди. Этот металл применялся тогда преимущественно на монетных дворах для чеканки денег, а также на литье колоколов. Производство меди в конце XVII века было столь ничтожным, что свои потребности страна удовлетворяла за счет импорта. Через четверть века Россия освободилась от ввоза этого металла.

Трюмы кораблей морских держав, помимо железа, загружались еще одним видом изделий русских мануфактур — полотном и парусиной. Полотно деревенских ткачей издавна пользовалось спросом в Европе. Теперь, кроме грубого деревенского полотна, стали вывозить скатерти, салфетки, простыни, а также парусину, употреблявшуюся для шитья

парусов.

Наблюдая разгрузку и погрузку иностранных кораблей летом 1725 года, можно было обнаружить любопытную деталь: товаров выгружалось значительно меньше, чем погружалось, и некоторые корабли приходили в Петербург, имея в трюмах лишь балласт. Отчасти это объяснялось тем, что Россия в промышленном развитии продвинулась вперед настолько, что возникшие мануфактуры полностью снабжали население необходимыми товарами. На мануфактурах производили шпалеры и краски, пуговицы и шелковую материю, игральные карты и иглы. Прекратился ввоз бумаги — ее в достаточном количестве изготавливали отечественные предприятия. Безраздельное господство изделий европейских мануфактур на внутреннем рынке России отошло в прошлое. К 1725 году в стране действовало около сотни разнообразных мануфактур, в то время как в конце XVII столетия их насчитывалось чуть больше десятка. Преобладание вывоза над ввозом обеспечивали не только построенные при Петре промышленные предприятия, но и утвержденный царем в 1724 году таможенный тариф.

Из всех отраслей хозяйственной деятельности Петр более всего ценил промышленность прежде всего потому, что она гарантировала экономическую независимость и обеспечивала активный торговый баланс, то есть превышение вывоза над ввозом. Выше отмечалось, что Петр щедро расточал льготы и привилегии купцам, построившим мануфактуры. Вершиной покровительственной политики правительства явился таможенный тариф. Размер пошлины на заграничные товары ставился в прямую зависимость от способности отечественных предприятий удовлетворить потребности внутреннего рынка: чем больше тех или иных товаров выпускали русские мануфактуры, тем более высокая пошлина взималась при ввозе таких же товаров из-за границы. Самая высокая пошлина в размере трех четвертей цены товара взималась с железа, парусины, шелковых тканей, табачных трубок, игл. Пошлина в половину цены взималась с полотна, бархата и т. д. Минимальной пошлиной в 20 и 10 процентов к цене облагались товары, не производившиеся в России. С товаров, вывозимых из России, в большинстве случаев взималась низкая пошлина.

Для русских купцов пошлина понижалась втрое, если они ввозили или вывозили товары на собственных судах.

Результаты применения нового тарифа сказались довольно быстро. В 1726 году, то есть через год после смерти Петра, вывоз товаров в два раза превышал ввоз.

Итак, значение Петербурга было многогранным. Это прежде всего

столица империи и резиденция царя. Петербург, кроме того, — крупнейший торговый порт страны, обслуживавший огромную периферию. Развивавшееся мануфактурное производство постепенно придавало городу промышленный облик.

Петербург — средоточие градостроительных новшеств, город монументальных сооружений светского назначения. В столице империи были открыты первые в России научно-просветительные учреждения, здесь же действовало первое в стране высшее специальное учебное заведение — Морская академия. В Петербурге была создана и Академия наук, являвшаяся тоже детищем Петра.

Мысль об организации академии Петр, как о том свидетельствуют документы, вынашивал довольно долго. В те времена, как, впрочем, и сейчас, слово «академия» имело два значения: под академией подразумевалось и высшее учебное заведение, и научно-исследовательское учреждение. Проектеры, русские и иностранные, в записках царю многократно предлагали организовать в России академии. Автор одного из таких проектов, Федор Салтыков, еще в 1714 году рекомендовал организовать академии в каждой губернии. Академии в представлении проектера должны были стать учебными заведениями для дворянских и купеческих детей в возрасте от 8 до 23 лет. Салтыков рассчитывал набрать в эти академии 18 тысяч студентов. Петр, читая такого рода почту, имел обыкновение ставить крестики против предложений, к которым он проявлял интерес. Против пункта об академиях царь поставил крестик, что свидетельствует о том, что он счел предложение достойным внимания^{225}.

На донесении другого проектера Петр в июне 1718 года написал: «Зделать академию. А ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет. Также начать переводить книги: юриспруденции и протчии к тому. Сие учинить сего году начала». Однако ни в 1718 году, ни в ближайшие годы выполнить это намерение Петру не удалось. Создание Академии наук затянулось отчасти из-за того, что Петр был занят более неотложными делами, отчасти вследствие трудностей привлечения для работы в ней иностранных ученых. Царь настаивал, чтобы в Петербургскую академию наук были приглашены не ученые вообще, а крупнейшие ученые Европы, однако те не отваживались ехать в далекую северную страну.

22 января 1724 года состоялось памятное для истории Академии наук заседание Сената. На нем присутствовали Петр и главнейшие вельможи: адмирал Апраксин, канцлер Головкин, князь Меншиков, генерал-прокурор Ягужинский и др. После четырехчасового обсуждения было принято два

важных решения. По поводу одного из них в книге протоколов Сената под 22 января читаем следующую запись: «На Академию на первое время занять Шафировский двор», то есть дом опального Шафирова, находившийся на набережной, где-то между нынешней Дворцовой площадью и Летним садом. Но этом же заседании Петр утвердил составленный по его заданию проект основания Академии наук, внесен в него несколько исправлений и дополнений. Проект отразил взгляды царя на задачи Академии. В проекте сказано: «невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу». Тем самым было высказано отрицательное отношение к практике организации подобных учреждений в западноевропейских государствах. Вызывалось это бедностью страны, необходимостью содержать Академию наук на средства казны. Своеобразие Петербургской академии состояло в том, что она призвана была объединить три учреждения, действовавшие в странах Западной Европы самостоятельно и независимо друг от друга, а именно — университет, под которым подразумевалось «собрание ученых людей», обязанных обучать юношей юриспруденции, медицине и философии; гимназию, готовившую учеников для прохождения курса в университете, и собственно академию, то есть «собрание ученых и искусных людей».

На содержание Академии наук Петр ассигновал значительную по тем временам сумму — около 25 тысяч рублей в год. Академикам он обещал выдавать «довольное жалование».

В течение 1724-го и большей части следующего года велись переговоры с иностранными учеными о приглашении их на службу в Петербургскую академию наук. Ее открытие произошло уже после смерти Петра — в августе 1725 года, когда состоялась первая конференция академиков^[226].

В конце 1718 года верхи столичного общества были извещены о введении еще одного новшества — ассамблей. Петр сам составил правила организации ассамблей и поведения на них гостей, установил очередность их созыва. Ассамблея, разъяснял царь, слово французское, оно значит некоторое число людей, собравшихся вместе или для своего увеселения, или для рассуждения и разговоров дружеских.

На ассамблеи приглашалось избранное общество; вместе с женами и детьми туда должны были являться высшие офицеры, вельможи, чиновники, корабельные мастера, знатные купцы, ученые. Начинались они в четыре-пять часов и продолжались до десяти вечера. Хозяева — устроители балов — освобождались от обязанности встречать и провожать гостей. Они должны были предоставить в их распоряжение помещение,

сладоcти, табак и трубки, напитки для утоления жажды и столы для игры в шашки и шахматы. Кстати, Петр любил шахматы и играл в них превосходно.

По замыслу царя, на ассамблеях должна была устанавливаться непринужденная обстановка, Петр придавал им значение школы светского воспитания. Каждый из гостей мог распоряжаться своей особой и временем в соответствии со своими вкусами и привязанностями: одних увлекали танцы, и они кружились, исполняя польский и англес; другие, склонясь над шахматным столиком, сосредоточенно размышляли об очередном ходе; третьи вели оживленную беседу, делились новостями; четвертые, наконец, могли выступать в роли слушателей или зрителей.

Однако то, ради чего учреждались ассамблеи, — непринужденность в общении, неподдельное веселье — было достигнуто далеко не сразу. На первых балах петровского времени царили удручающая скука, скованность, над гостями тяготела угроза вызвать чем-либо раздражение царя. Танцевали, словно отбывали неприятнейшую повинность, — с каменными от напряжения лицами и плохо повиновавшимися ногами. Беседы тоже не клеились — после кратковременного обмена новостями устанавливались тягостные паузы. Современник свидетельствовал: «Дамы всегда сидят отдельно от мужчин, так что с ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова; когда не танцуют — все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга». Несколько по-другому описывал ассамблеи П. Г. Брюс. На них «свободно допускались господа всех званий, русские и иностранцы, со своими женами и дочерьми. Это нововведение чрезвычайно понравилось дамам, поскольку освобождало их от суровых ограничений их жизни: им не разрешалось появляться в обществе. Посредством же ассамблей они учились и одеваться, и вести беседу»^{227}.

Царь часто присутствовал на ассамблеях, иногда он сам устраивал приемы в Летнем саду либо в своей загородной резиденции — Петергофе. Правилам этикета Петр обучал придворных с таким же усердием, как офицеров военному артикулу. Он составил инструкцию, которой должны были следовать приглашенные в Петергоф. Она примечательна как свидетельство того, какие элементарные правила поведения должен был Петр внушать своим придворным. Один из пунктов гласил: «Кому дана будет карта с номером постели, то тут спать имеет, не перенося постели, ниже другому дать, или от другой постели что дать». Или: «Не разувся, с сапогами или башмаками, не ложиться на постели»^{228}.

Балы открывали новую форму общения людей. Они полностью не

заменили пирушек, но все же потеснили их. Главное значение ассамблей состояло в том, что их введение по-дожило конец затворнической жизни столичных женщин. Из терема, закрытого для посторонних глаз, дамы вышли в свет.

Ассамблеи являлись не единственным местом, где верхи петербургского общества учились умению расточать улыбки, быть предупредительными. Светскими манерами дворянские дети, кроме того, овладевали в учебных заведениях. Широкой популярностью среди столичного населения пользовалось наставление для молодых людей под маловразумительным названием «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению». При Петре оно печаталось трижды. Автор этого произведения извлек из заграничных сочинений на эту тему все, что считал полезным русскому читателю.

«Юности честное зерцало» излагало правила поведения молодых людей в семье, в гостях, в общественных местах и на службе. Оно обучало юношей скромности, трудолюбию и послушанию, учтивости и благоразумию. На страницах сочинения можно прочесть следующие советы: «отца и мать в великой чести содержать», или: «у родителей речей перебивать не надлежит и ниже прекословить». Если отец позовет сына, то прилично было откликаться так: «чего изволите, государь, батюшка», или: «что мне прикажете, государь». Невежливыми почитались следующие ответы на зов родителя: «что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешь». В обобщенном виде почтительное отношение к родителям выражалось словами: «В доме ничего своим именем не повелевать, но именем отца или матери».

Юноши, оказавшиеся за пределами семьи, тоже получали соответствующее руководство. Они должны быть предупредительными к старшим, слушать их речь не перебивая, не проявлять назойливости. Осуждались как скупость, так и склонность к мотовству. Вот некоторые из рекомендаций: «Никто себя сам много не хвали и не унижай (не стыди. — *И. П.*) и не срами». Или: «Всегда недругов заочно, когда они не слышат, хвали, а в присутствии их почитай и в нужде их им служи, также и о умерших никакого зла не говори». «Не будь празден, от лени разум затмится, а тело становится дряхлым и тучным». «Умный придворный человек намерения своего и воли никому не объявляет, дабы не упредил его другой, который иногда к тому же охоту имеет». Еще один пункт этого рода, не нуждающийся в комментариях: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранные языки, дабы тем навыкнуть могли; а особливо, когда им что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки

дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать».

Любопытны рекомендации, касающиеся поведения в общественных местах и за столом. Здесь предусмотрены все мелочи, начиная от походки и осанки молодого человека до умения принимать еду: «Никто не имеет повеся голову и по-тупя глаза вниз по улице ходить, или на людей косо взглядывать, но прямо и не согнувшись ступать». Или: «Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, когда тебе пить, не утирай губ рукою, но полотенцем, и не пей, пока еще пищи не проглотил. Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом. Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой рот, когда зубы чистит, хлеба приложка к грудям не режь. Ешь, что пред тобою лежит, а инде не хватай.

Над ествою не чавкай как свинья и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже».

Заключительные страницы «Юности честного зерцала» содержат наставления для девиц. Если кавалер должен был обладать тремя добродетелями («смирн, приветлив и учтив»), то девице их надлежало иметь десятка два: страх перед Богом, смирение, трудолюбие, милосердие, стыдливость, бережливость, целомудрие, верность, молчаливость, чистоплотность и т. д. У девицы ценилось умение краснеть, что свидетельствовало о нравственной чистоте и целомудрии^{229}.

Наставление, изданное при Петре, служило учебником хорошего тона еще в течение многих десятилетий.

НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Петр чувствовал, что силы оставляют его. Он стал менее общительным, но более раздражительным, потускнел взгляд некогда живых глаз, пропала прежняя подвижность. О чем размышлял Петр, проводя часы в непривычном для себя уединении и часто в течение часов не изменяя позы? Быть может, и о том, кому передать дело, за которое он не жалел «живота своего».

Еще в 1722 году Петр опубликовал Устав о наследии престола. Этот акт отменял «недобрый обычай», по которому старший сын автоматически становился наследником престола. Отныне назначение наследника зависело от воли «правительствующего государя», причем рукой Петра сделано одно существенное дополнение: государь, назначив преемника, мог изменить свое решение, если обнаружит, что наследник не оправдывает надежд. Царь придавал этому акту огромное значение и принудил клятвенным обещанием всех высших сановников безоговорочно его выполнять.

Петр мог сам назначить себе преемника. Но выбор был узок и беден. К своему внуку, девятилетнему сыну царевича Алексея, царь питал противоречивые чувства: то он проявлял к нему нежность, обнаруживал в нем задатки незаурядных способностей, то выражал подозрительность, проистекавшую от опасения, что внук пойдет по стопам отца, а не деда. К двум своим дочерям Анне и Елизавете — Петр всегда относился ровно, трогательно любил их, но в его глазах они всегда оставались всего лишь дочерьми, но не преемницами дела, требовавшего опытной и твердой руки. Старшая из них, Анна, к тому же была объявлена невестой герцога Голштинского, а младшей, Елизавете, не исполнилось еще 15 лет.

Вполне вероятно, что царь остановил свой выбор на Екатерине, ибо только этим выбором можно объяснить намерение Петра провозгласить свою супругу императрицей и затеять пышную церемонию ее коронации. Вряд ли Петр обнаружил государственную мудрость у своего «друга сердешненького», как он называл Екатерину, но у нее, как ему казалось, было одно важное преимущество: его окружение было одновременно и ее окружением, и она, быть может, опираясь на это окружение, будет вести государственный корабль старым курсом.

Екатерина Алексеевна в качестве супруги императора носила титул императрицы, но Петр хотел поднести ей этот титул независимо от прав,

которые предоставляли ей брачные узы. Обосновывая ее права на этот титул, он обнародовал в 1723 году специальный манифест, в котором не скупился на похвальные слова и объявлял, что Екатерина была его постоянной помощницей и терпела лишения походной жизни. Справедливости ради заметим, что в распоряжении Петра находились крайне скудные данные, чтобы убедить читателя манифеста в активной государственной деятельности Екатерины. Пришлось ограничиться единственным конкретным примером — упоминанием об участии Екатерины в Прутском походе, а остальные ее заслуги скрыть за туманной фразой о том, что она ему была помощницей^{230}.

В феврале 1724 года Петр вместе с Екатериной отправился принимать курс лечения Марциальными водами, а в марте весь двор, сенаторы, генералитет, президенты коллегий, иностранные дипломаты по последнему снегу держали путь в Москву, чтобы участвовать в церемонии коронации. Она отличалась пышностью и торжественностью. Парадные кареты, оркестры, извлеченная из кладовых, давно не бывшая в употреблении посуда, фейерверки, специально изготовленная для императрицы корона стоимостью в полтора миллиона рублей, блеск мундиров... Мантию императрицы весом в сто пятьдесят фунтов несли четыре сановника, а шлейф ее платья — пять статс-дам.

В долгой и утомительной церемонии участвовал и Петр. На этот раз он вопреки обыкновению был одет в парадный костюм: голубого цвета кафтан, шитый серебром, красные шелковые чулки и шляпу с белым пером. Он сам возложил на императрицу корону, а на следующий день в качестве генерала находился среди поздравителей. Императрице было позволено совершить самостоятельный правительственный акт — пожаловать Петру Андреевичу Толстому графское достоинство^{231}.

Празднества расстроили здоровье Петра, и он в начале июня отправился на Угодские заводы Меллеров, где была обнаружена минеральная вода. Вдоль дороги — толпы изнуренных голодных людей, двигавшихся неизвестно куда в поисках хлеба. Население переживало тяжелые последствия недорода прошлого года, не утешали виды на урожай и в нынешнем году.

7 июня 1724 года Петр сообщает Екатерине: «Воды, слава Богу, действуют изрядно, а особенно урину гонят не меньше олонецких; только аппетит не такой, однакоже есть»^{232}. На заводе царь решил испробовать свое умение ковать железные полосы. Он изготовил несколько пудов железа, наложил на них клейма, справился о размере платы, выдаваемой

заводовладельцем за подобного рода работу, и тут же затребовал деньги. На них он купил себе башмаки. Этим приобретением он очень гордился, подчеркивая, что полезная вещь куплена на деньги, лично заработанные. Через неделю он закончил курс лечения и отправился в Петербург.

Очередной приступ болезни, казалось, должен был вынудить Петра воздержаться от привычного распорядка дня, умерить занятия делами, заставить более экономно расходовать силы. Но он не щадит себя и в конце августа присутствует на спуске фрегата, а затем вопреки предписанию врачей отправляется в продолжительное путешествие. Сначала он едет в Шлиссельбург на традиционные празднества, ежегодно отмечающиеся по случаю овладения этой крепостью, затем осматривает Олонецкие металлургические заводы (здесь он выковал три пуда железа), а оттуда через Новгород едет в Старую Руссу, древний центр солеварения. Не преминул он заглянуть и на Ладожский канал, начатый сооружением еще в 1718 году.

В бурных водах Ладожского озера гибло множество барок, доставлявших в новую столицу для нужд населения и вывоза за границу хлеб, пеньку, лен, железо, кожи. Цель постройки обводного канала — обеспечить безопасность водного пути. В его строительстве участвовало до 20 тысяч крестьян и горожан, согнанных со всей страны. Дело, однако, подвигалось медленно — за пять лет удалось прорыть только 12 верст. На этот раз осмотром работ Петр остался доволен. За год протяженность канала увеличилась на пять верст и в то же время сократилась стоимость строительных работ.

В Петербург царь возвратился в начале ноября больным. Здесь произошло событие, надо полагать, обострившее течение болезни.

9 ноября был арестован 30-летний щеголь Виллим Монс, брат Анны Монс, бывшей фаворитки царя. Монс занимал должность камергера Екатерины и одновременно заведовал ее вотчинной канцелярией. «Это арестование... — записал в своем дневнике Берхгольц, — тем более поразило всех своею неожиданностью, что он еще накануне вечером ужинал при дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревая и тени какой-нибудь немилости»^{233}.

В месяцы, предшествовавшие аресту Монса, между Петром и Екатериной сохранялись отношения взаимного уважения. Во всяком случае, в письмах, отправленных в июне — октябре, царь обращался к супруге с прежней нежностью: «Катеринушка, друг мой сердешненький, здравствуй!» Он приехал в Петербург 25 октября 1724 года в отсутствие Екатерины, на следующий день он пишет ей: «Только в палаты войдешь,

так бежать хочетца — все пусто без тебя».

Среди писем Екатерины к Петру за июнь — октябрь сохранилось только одно, датированное 30 июня. Обращается она к супругу почти с теми же нежными словами, что и он к ней: «Друг мой сердешнинкой, господин адмирал, здравствуй на множество лет!» Екатерина сообщает, как она отметила день тезоименитства супруга (30 июня), и заканчивает письмо словами: «Желаю в радости вас скорее видеть и остаюсь жена ваша Екатерина».

Но не прошло и недели, и палач отрубил Монсу голову. Суд, вынесший столь поспешный и суровый приговор, нашел Монса виновным в том, что он злоупотреблял доверием императрицы и за взятки добивался от нее милостей просителям. Обвиняли его и в сравнительно мелких по тем временам хищениях казны. Такова была официальная версия преступления. Однако молва связывала казнь Монса не с злоупотреблениями, а с его интимными отношениями с императрицей. Петр позволял себе нарушать супружескую верность, но не считал, что таким же правом могла пользоваться и Екатерина. Императрица была моложе своего супруга на 12 лет.

Современники рассказывают, что Екатерина, чье имя осталось незапятнанным, ибо не упоминалось в следственных документах, проявила необычайную выдержку и внешне не выказала никаких признаков печали в связи с казнью фаворита. Она пыталась ходатайствовать о пощаде, но Петр пришел в такую ярость, что на ее глазах разбил дорогое зеркало. «Вот прекраснейшее украшение моего дворца. Хочу — и уничтожу его!» Екатерина поняла, что гневные слова супруга содержат намек на ее собственную судьбу, но сдержанно спросила: «Разве от этого твой дворец стал лучше?» Петр все же подверг супругу тяжелому испытанию — он повез ее смотреть отрубленную голову Монса.

Отношения между супругами стали натянутыми. Вероятно, этим объясняется тот факт, что Петр не воспользовался им же установленным правом назначать себе преемника престола и не довел акт коронации Екатерины до логического конца.

Болезнь обострилась, и большую часть последних трех месяцев жизни Петр проводил в постели. В дни облегчения он вставал и выходил из помещения. В конце октября он участвовал в тушении пожара на Васильевском острове, а 5 ноября заглянул на свадьбу немецкого булочника, где провел несколько часов, наблюдая за танцами и иностранными свадебными обрядами. В том же ноябре царь участвует в обручении своей дочери Анны и герцога Голштинского. Празднества по

этому случаю продолжались две недели, иногда на них бывал и Петр. В декабре он тоже присутствовал на двух торжествах: 18-го отмечался день рождения младшей дочери Елизаветы, а два дня спустя он участвовал в избрании нового «князя-папы» вместо умершего Бутурлина.

Пересиливая боль, царь бодрился, составлял и редактировал указы и инструкции. В связи с делом Монса он 13 ноября издал указ, запрещающий обращаться к дворцовым служителям со всякого рода просьбами и выдавать им посулы. Указ грозил служителям, принимавшим челобитные, смертной казнью. За три недели до смерти Петр занимался составлением инструкции руководителю Камчатской экспедиции Витусу Берингу. Нартов, наблюдавший царя за этим занятием, рассказывает, что Петр спешил сочинить наставление такого важного предприятия и, будто предвидя скорую кончину свою, был весьма доволен тем, что завершил работу. После этого он вызвал адмирала Апраксина и сказал ему: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию». Камчатская экспедиция отправилась в путь после смерти Петра^[234].

Кризис в ходе болезни (уремии) начался в середине января. Скончался Петр 28 января 1725 года в страшных мучениях. Современник записал: от боли он сначала несколько дней непрерывно кричал, и тот крик далеко слышен был, а затем, ослабев, глухо стонал. Екатерина, провозглашенная в тот же день императрицей, оставила тело умершего супруга непогребенным на сорок дней и ежедневно дважды его оплакивала. «Придворные дивились, — заметил современник, — откуда столько слез берется у императрицы».

От тех скорбных дней осталось два изображения Петра. Одно из них известно под названием «восковой персоны». Скульптор Растрелли снял маску с лица умершего, в точности были измерены длина и толщина всех частей тела. Позже скульптор изготовил в натуральную величину фигуру Петра, сидящего на троне. Другое изображение — портрет Петра работы Ивана Никитина. Кисти художника принадлежат множество портретов современников, в том числе царя. Последний портрет Петра Никитин писал, когда тот лежал на смертном одре: он прикрыт по грудь желтоватой драпировкой и синей с горностаем мантией. Запоминается лицо покойного: кажется, что мудрый царь всего лишь прилег отдохнуть, чтобы через некоторое время возобновить свою кипучую деятельность. Складки на переносице и у рта и чуть приподнятые брови придают лицу выражение раздумья.

Похороны Петра состоялись 10 марта в Петропавловском соборе. Во время погребения Феофан Прокопович произнес знаменитое слово. Его можно уподобить реквиему — настолько впечатляет в нем и скорбь по поводу утраты, и гордость за содеянное умершим.

«Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!» Лаконичными фразами Феофан Прокопович подвел итоги правления Петра. Он оставил нас, сказал проповедник, но не нищих и убогих: «Безмерное богатство силы и славы при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагам страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славною, славная и быть не перестанет. Оставил нам духовные, гражданские и воинские исправления»^{235}.

ОБРАЗ ПЕТРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

1. ПЕТР — АНТИХРИСТ

Время преобразований, как и личность преобразователя, вызывали у современников далеко не одинаковую оценку. Панегирики, восхвалявшие деяния Петра, сосуществовали с противоположными, крайне негативными оценками царя-реформатора. Первые дошли до нас в письменных источниках — от правительственных указов до сочинений и трактатов, напечатанных по распоряжению правительства; их авторы принадлежали к числу образованнейших людей того времени. Хулители же новшеств были представлены различными слоями общества, проживавшими в боярских хоромах и убогих хижинах селянина, монашеской келье и стрелецкой избе.

Сочинения панегиристов отличались от сочинений хулителей не только содержанием, но и условиями возникновения: первые, как правило, являлись продуктом творческого вдохновения, вторые возникали в пыточных покоях, когда истязаемые говорили правду, иногда, не выдержав многократных пыток, давали показания, угодные следователям и тут же старательно регистрируемые канцеляристами. Сочинения панегиристов если не тотчас, то спустя десятилетия, печатались в типографиях, произносились с амвонов, легально и широко распространялись среди грамотного населения, в то время как пыточные речи, осуждавшие преобразования и их инициатора, хранились за семью печатями в учреждении политического сыска — Преображенском приказе — и были окружены строжайшей государственной тайной.

О том, что недовольство новшествами имело широкое распространение, свидетельствуют многочисленные покушения на жизнь Петра, заговоры против него, связанные с именами Цыклера и Соковнина, причастность к делу царевича Алексея такого представителя аристократической фамилии, как князь В. В. Долгорукий, выступление местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского, осудившего, в частности, безнаказанность фискалов за неправый донос.

Бремя преобразований с разной степенью тяжести ложилось на все слои общества — от боярина до последнего крестьянина и горожанина. Но последним, несомненно, приходилось тяжелее всего, ибо именно они должны были нести новые повинности и платить ранее неведомые налоги.

Наибольшее недовольство преобразованиями и преобразователем проявилось в трех слоях общества, которым новшества нанесли наибольший урон и которые подверглись наибольшему преследованию. К ним в первую очередь относятся стрельцы. После подавления стрелецкого бунта 1698 года четыре полка, в нем участвовавшие, подверглись суровым карам Петра. Площади Москвы были заполнены виселицами с повешенными стрельцами, а само стрелецкое войско подверглось «раскасованию», то есть ликвидации: часть стрельцов была влита в солдатские полки, а большую часть отправили на службу в окраинные города, где некогда привилегированное войско подверглось унижению и грабежу ненасытных воевод и алчных стрелецких полковников. Сколь беспросветным и несправедливым было недовольство стрельцов, свидетельствует бунт в Астрахани.

Второй прослойкой общества, в которой царил дух сопротивления реформам, было духовенство — как черное (монашество), так и белое (священники, диаконы и прочие «церковные люди»). Малообразованное (среди священников было немало неграмотных), подверженное суевериям, цепко державшееся за вековые традиции, воспитанное на неприязни к Западу, оно болезненно воспринимало все нововведения и, оказывая пассивное сопротивление преобразованиям, тлетворно влияло на паству. Отмена патриаршества задевала интересы прежде всего церковных иерархов, но и у монастырской братии были серьезные основания для недовольства церковной политикой Петра. В 1701 году была проведена частичная секуляризация церковных владений, что неблагоприятно сказалось на материальном положении черного духовенства, обязанного делиться своими доходами с государством: вместо бесконтрольного расходования поступавших от монастырских крестьян повинностей монахи должны были довольствоваться отпускаемыми на содержание каждого из них 10 рублями и 10 четвериками хлеба в год. В 1705 году эта норма была уменьшена вдвое.

Петр принудил духовенство, наравне с прочими сословиями, служить государству. Сначала это проявлялось в форме мобилизации в пользу государства значительной части материальных ресурсов монастырей и епархий, а после отмены секуляризации в 1721 году — в обязанности содержать уволенных от военной службы инвалидов, а также организации

при монастырях епархиальных училищ. На смену праздной жизни монахов пришли ранее невиданные заботы, сытый и обильный стол сменила скудная трапеза.

Третьей силой, активно выступавшей против преобразований и ненавидевшей царя, были старообрядцы. Они изначально выступали против всякого рода новшеств в церковном обиходе. Но при Петре новшества вышли далеко за пределы церковной обрядности, поскольку государство властно вторглось в хозяйственную, духовную, семейную жизнь подданных, навязывая им новые обычаи, новую одежду, новые повинности и т. п.

Государство с самого возникновения старообрядчества подвергало его преследованию и активно поддерживало официальную православную церковь. Старообрядцы отвечали на преследования бегством в недоступные для правительственной администрации глухие места, а также «горячи», во время которых гибли тысячи людей, видевших в самосожжении средство спасения от еретиков.

При Петре старообрядчество было легализовано. Хотя за отступничество от подлинной веры раскольники не подвергались преследованию, они должны были платить двойной налог (поэтому их называли двоеданцами) и облачаться в придуманную царем странную одежду, долженствующую вызывать у остального населения насмешку.

Заметим, что названные группы населения отчасти переплетались между собой: так, подавляющая часть стрельцов в силу своей оппозиционности к правительству придерживалась учения старообрядцев.

Всех хулителей Петра объединяла одна общая черта — отсутствие, если так можно выразиться, конструктивной идеи, очевидный консерватизм, цепляние за старину, протест против всякого рода новшеств. Объективно противники преобразований, к какому бы толку они ни относились, защищали косность, приверженность к традициям и старине, что обрекало страну на отставание, на неизменность обветшалых форм государственного устройства, структуры вооруженных сил, отсутствие светского образования.

Сразу же возникает вопрос, сознавали ли критики реформ последствия своих воззрений на дальнейшую судьбу страны, находили ли они в сближении с еретическим Западом, за которое ратовал царь, что-либо позитивное, полезное для страны и ее будущего? На поставленные вопросы мы должны дать отрицательные ответы — перед нами чистой воды фанатизм, полное отрицание рациональных начал, чувство обреченности, слепое отклонение всего нового только на том основании, что оно возникло

не на родной почве, а на Западе, пытающемся навязать православие свою еретическую скверну. После этих предварительных замечаний перейдем к изложению конкретных представлений об образе Петра Великого у противников преобразований.

Самое радикальное неприятие реформ и реформатора обнаруживаем в учении о приходе антихриста. По сути это учение не ново, оно возникло одновременно со старообрядчеством в середине XVII столетия и первоначально ассоциировалось с именем патриарха Никона. После смещения Никона с патриаршества учение об антихристе затихает, и импульс его распространению дает царствование Петра Великого с его пристрастием к Немецкой слободе, поездкой за границу, казнями стрельцов, приязнью к иноземцам, бритью бороды, внедрению в быт платья иноземного покроя и т. д. Находились смельчаки, открыто называвшие Петра антихристом и пророчившие близкую кончину мира.

Наиболее яркой личностью, проповедовавшей близкую кончину жития в грешном мире в связи с появлением антихриста в лице Петра I, был переписчик книг Григорий Талицкий. Ранее его ошибочно считали представителем старообрядчества, но теперь точно установлено, что он никакого отношения к этому движению не имел — его не интересовали такие фундаментальные для старообрядцев проблемы, как двухперстное или трехперстное знамение, трегубая аллилуйя и пр. Основы своих идей он изложил в тетрадке, где доказывал, что грехопадение людей выражалось в таких вводимых Петром новшествах, как перемена летосчисления, ношение немецкого платья, бритье бород и курение табака. Подобные новшества свидетельствуют о кончине мира, причем апокалипсис наступит при «осьмом» по счету царе, каким и являлся Петр I.

Самое опасное для правительства в тетрадке Талицкого состояло в запрете народу слушать антихриста-царя, платить подати и выполнять государственные повинности, а также в намерении свергнуть царя с престола. Сначала Талицкий читал свое сочинение знакомым, которые тут же соглашались с его взглядами, а затем решил напечатать его и «бросать в народ безденежно». Осуществить это намерение он не успел — 28 июня 1700 года певчий Федор Казанец донес в Преображенский приказ, что Талицкий говорит о государе «чего и слышать невозможно» и «режет неведомо какие доски, а вырезав, хочет печатать тетради, а напечатав, бросать в народ».

Руководитель Преображенского приказа князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский вполне оценил опасность распространения учения Талицкого и тут же велел взять его под караул. Но Талицкий, кем-то

предупрежденный о предстоящем аресте, успел скрыться. Он был пойман только в августе. Началось следствие, к которому Ромодановский привлек всех лиц, общавшихся с проповедником, в том числе князя И. И. Хованского и епископа Тамбовского Игнатия, лишенного епископского сана и признавшегося в том, что разделял взгляды обвиняемого. Главные обвиняемые, среди которых на первом месте стоял Талицкий и два его сообщника, были приговорены к самой мучительной казни — «копчению», то есть сожжению на костре^{236}.

Устрашающая расправа с Талицким и его единомышленниками не прекратила толков о Петре I как царе-антихристе, в особенности после дела царевича Алексея. В народе ходили слухи: «царь не прежний царь, а антихрист, приводил царевича в свое состояние и он его не послушался и за то его и убил». Идеи, близкие мыслям Талицкого, распространял безвестный автор сочинения, также вещавший о близкой кончине мира, о пришествии антихриста в лице Петра I. Говорилось здесь и о тяготах простого народа в связи с Северной войной, о том, что среди народа воцарилась «скорбь великая, плач, рыдания горькие и боязнь нестерпимая». Автор, видимо, принадлежал к старообрядцам, ибо осуждал иноземные обычаи, зарубежное платье, бритье бород и т. д.^{237} Исследователь П. С. Смирнов относит проповеди анонимного автора к 1710 году.

Горячим сторонником старообрядческого движения был духовник фаворита царя князя А. Д. Меншикова Лебедка. Он также разделял учение о пришедшем на землю антихристе: «Петр — антихрист. Он сына своего не пощадил, бил его и царевич не просто умер. Знамо, что де государь его убил, понеже он, царевич, в городе (крепости. — *Н. П.*) содержали».

Душевнобольной капитан Левин, которому разрешили постричься в монахи, в минуты просветления вещал: «Последнее время пришло... Ныне у нас не царь, а антихрист — заставляет нас, монахов, есть мясо и с женами жить...» Не ограничиваясь беседами с ближними, бывший капитан влез на базаре в Пензе на мясную лавку и кричал собравшемуся народу: «Послушайте, христиане, послушайте! Много лет я служил в армии у генерала майора Гавриила Семеновича Кропотова... Меня зовут Левин... Жил я в Петербурге, там монахи и всякие люди в посты едят мясо и меня есть заставили. А в Москву приехал царь Петр Алексеевич, он не царь Петр Алексеевич, а антихрист!» Посадский города Москвы Кузьма Андреев называл Петра не только «лукавым антихристом», но и причислял к нему господ всех, «которые при милости государевой антихристовыми слугами». Поп Борис из Терюшской слободы, что близ Симбирска, в 1723 году

называл Петра «антихристом, мучителем, христианским гонителем, часовенным разорителем, какой де он царь, что и в пост мясо ест, а нынешние де власти его не обличают»^{238}.

По иной версии, распространенной в Нижегородской губернии, крестьянин Петр Иванов утверждал, что «антихрист де ныне есть и стал быть с Рождества Христова тому ныне пятый год. Насел перед Рождеством Христовым с пятницы на субботу и живет ныне в Московском государстве, и сидит ныне на царстве».

Среди раскольников была распространена молва о печати антихристовой, которую якобы накладывали на всех, обращенных в веру антихриста. Поводом к молве послужило письмо Петра I к Я. Ф. Долгорукому, повелевавшее отправляемых на театр войны рекрутов не ковать в колодки, а ставить клеймо на левой руке в виде четырех точек, наколотых иглой и натертых порохом. В официальных документах этот знак назывался рекрутским пятном, а среди раскольников — «пятном антихриста»^{239}.

В подметном письме, сочиненном, надо полагать, представителем православного духовенства, рассказывалось, что немцы и немки «обольстили царя Петра Алексеевича в костельную веру» путем добавки в еду, питье и воздух нечистых духов, которые «царем де Петром трясут, в ноги вступят, ломают...».

О царе-антихристе говорили и крестьяне, правда, значительно реже. Крестьянин Старцев в 1703 году рассуждал: «Какой де это царь, он де антихрист, а не царь, царство свое покинул и знаетца с немцы и живет все в Немецкой слободе, в среду и в пятку ест мясо. Инова де антихриста не ждите, тот де он антихрист». А вот еще одна версия происхождения антихриста, тоже распространенная в крестьянской среде: «Государя де царя Петра Алексеевича и государя царевича на Москве нет, изведены, извели бояре, да немцы, вместо него царствует антихрист».

Еще одно громкое дело возникло в конце царствования императора и завершилось уже после его смерти. Связано оно с дьячком церкви Успения Пресвятой Богородицы Степаном Выморковым. Впрочем, его убеждения не отличались твердостью и постоянством — весь уклад его жизни, как и взгляды, подвергались резким колебаниям.

У дьячка, принадлежавшего к молодым людям, проявлявшим любознательность, и слывшего начетчиком, постепенно созрела мысль, что нынешний царь — антихрист. К этой мысли привели его разнообразные новшества, введенные царем, и прежде всего бранобритие.

Последнее он возненавидел в такой мере, что даже отказался от посещения церкви на том основании, что там присутствовали мужчины, обрившие бороды.

В 1722 году, преодолев многочисленные преграды, в частности указы, запрещавшие пострижение в монахи молодым людям, Выморков стал монахом Самуилом и оказался в окружении братии, которая, как он полагал, безоговорочно воспримет его убеждения, что страной правит царь-антихрист. Не разделявших его взгляды он причислял к слугам антихриста и даже написал обращенное к священнослужителям сочинение, в котором убеждал их, что они служат не законному монарху, а антихристу.

Надежды старца Самуила на то, что монастырская братия воспримет учение об антихристе, не оправдались, поскольку за православным исповедованием строго следили специально для этого назначенные инквизиторы. Тогда Выморков вместе со своим учеником решил уйти из монастыря, чтобы распространять учение об антихристе среди мирян. Первыми слушателями горячих проповедей Самуила стали монастырские крестьяне села Избердей. Успеха и здесь он не достиг и решил вернуться в Тамбов в лоно семьи, а затем в монастырь. Здесь он был подвергнут жестоким истязаниям за бегство, что дало ему повод вновь бежать из монастыря и вести бродячую жизнь, убеждая всех, что царь принял образ истинного пастыря, чтобы прельстить овец, а затем искоренить церковь Божию.

Странствуя по донским станицам, Самуил встретился с другим начетчиком, убедившим его в ложности представлений о Петре как антихристе. Впечатлительный Самуил воспринял мысли наставника и превратился в горячего сторонника преобразований. Он вернулся в монастырь и стал проповедовать, что Петр не антихрист, не подложный царь, а подлинный благочестивый монарх.

Спустя несколько месяцев Самуил оказывается в Москве, в Спасском монастыре, где должен был учиться. Здесь он в очередной раз меняет свои убеждения. Поводом послужили личные наблюдения над отнюдь не беспорочной жизнью братии в старой столице — пьянством, распутством, ханжеством; виной всего этого он считал реформы Петра, которого вновь зачислил в антихристы. В этой мысли его подкрепило замужество собственной супруги, что считалось великим грехом, в котором он тоже винил Петра. Раздраженный Самуил во время богослужения иступленно называл царя антихристом и разорителем монастырей.

Петра Великого уже не было в живых, когда Самуил написал сочинение «Проклятие во след ушедшему в ад антихристу». Монах

полагал, что козь антихриста нет в живых, то ему ничто не грозило, но ошибся. Его взяли под стражу и когда вели в тюрьму, он выкрикивал ругательные слова в адрес умершего.

Сенат распорядился подвергнуть проповедника жестоким пыткам — помимо 40 ударов кнутом, ему жгли спину веником — после чего он чистосердечно поведал о своих заблуждениях и написал повинную. Это, однако, не спасло его от сурового приговора: ему отрубили голову, которую затем заспиртовали, отправили в Тамбов и воткнули на кол для всеобщего обозрения.

К идее о царе-антихристе примыкала другая идея — о подмененном царе Петре. Нами ныне правит не подлинный царь Петр Алексеевич, родившийся от царского корня, говорили сторонники этой версии, а подмененный человек: по одной версии — бусурманин, по другой — еретик. Иона Кириловец, дьякон Чудова монастыря, распространял в 1702 году молву, за которую оказался в застенках Преображенского приказа: «Государь де не царь и не царского поколения, а немецкого... Когда были и у государыни царевны Натальи Кирилловны сряду дочери и тогда государь, царь Алексей Михайлович, на нее, царицу, разгневался: буде де ты мне сына не родишь, тогда де я тебя постригу. А тогда де она, государыня-царица была чревата. И когда де приспел час ей родить дщерь, и тогда она, государыня, убоясь его, государя, взяла на обмен из Немецкой слободы младенца мужеска полу, из Лефортова дворца...»

Молва о подмененном царе имела довольно широкое распространение, причем ее можно было услышать в отдаленных один от другого районах. В Нижегородской вотчине Л. К. Нарышкина крестьянин Ф. Васильев «великого государя учал бранить матерны да этак, какой де он царь, он де вор, крестопреступник, подменен из немцы, царство свое отдал боярам, а сам обусурманился и пошел по ветру с немцы, в среду и в пятницу и в посты сряду ест мясо. Пора де ево на копыя, для того де идут много к Москве донские казаки»^{240}.

Об этой же мысли, но с иными подробностями толковали бабы: «Какой де он царь! Родился от немки беззаконной, он замененный, и как царица Наталья Кирилловна стала отходить сего света и в то число ему говорила: «Ты де не сын мой, замененный». Он велит носить немецкое платье — знатно, что родился от немки». По другой версии царь был подменен во время своего путешествия за границу, после которого стали вводить новшества. Когда царь приехал «в Стекольное царство (Стокгольм. — Н. П.), которым правила девица, она ставила его на горячую сковороду и сняв с сковороды, велела его бросить в темницу». После того как бояре и

князя убедились, что он «томен» и доложили об этом девице, она велела: «Коли томен и вы его выньте». Петр возвратился на родину, и бояре решили поместить его в бочку, но об этой опасности предупредил царя стрелец и лег в его постель, «и бояре пришли и того стрельца с постели схватя и положи в тое бочку, бросили в море». В конечном счете подмененный царь, согласно сказке, погиб, а его место занял немец. Сказка завершается выводом: «Это не наш государь, немец, а наш царь в бочку закован, да в море пущен».

Крепостные крестьяне вневских вотчин тоже считали Петра подмененным, но при иных обстоятельствах: «Государь де не царского колена, немецкой породы, а великого государя скрали немцы у мамок, в малых летех, а вместо ево подменили инова. Немцы лукавы, лик под лик подводят». Посадский человек из села Лыскова, что близ Нижнего Новгорода, Ларион Зломан распространял свою версию подмены царя: «Какой де он государь, он де не государь, немчин. Государь де ездил в Стекольное, попал там в неволю, и ныне де он, государь, в неволе, в Стекольном, а вместо ево к Москве прислан немчин, а к тому де немчину и сестра приехала из немецкой земли и ныне она на Москве».

Все рассказы о царе — антихристе и о царе — подмененном немце отличаются крайней примитивностью, отсутствием аргументов в пользу той или иной версии. Они рассчитаны на фанатизм проповедников и их слушателей, но подоплека у них одна — это вопль народа темного, забитого, придавленного гнетом многочисленных налогов и повинностей. В большинстве сказаний отсутствуют какие-либо призывы, ничего не говорится о том, как выправить положение, в них лишь проявляется недовольство, облеченное в религиозную форму. Лишь в немногих высказываниях на первый план выдвинуты не религиозные, а социальные мотивы. Последние в большей мере проявлялись в неосторожных разговорах крестьян, приводивших их в застенки Преображенского приказа.

«Годы де ныне стали голодные, а подати с нас великие, а ныне пришел указ с нас же взять за ветчинное сало по рублю с двора. А промыслов у нас нет, Бог знает, неведома как стало и быть, чем заплатить. Да у нас же де взяты на Воронеж на вечное житье плотники и от того де в волости иные двory остались пусты...» «Годы де стали тугие, а в подводах только повертывайся. Какой де это царь, он де не царь — мироедец. Выел свое царство все, а если де долго не изведетца, и он де выест мирской и корень». Подобные разговоры велись в Московском, Тульском, Переславль-Рязанском, Тверском, Новгородском и других уездах. Крестьянин Никитин

говорил: «Какой он государь, царицу свою в ссылку сослал, а стрельцов всех перерубил, а ныне де стал и нас разорять, берет даточных», и бранил государя нецензурными словами. Изредка встречались рассуждения о том, что богатства страны, ее благополучие и военные успехи достигались трудом крестьян, оказавшихся обделенными царем: «Кабы де нас не было, так бы де и ево государя не было». Крестьянин Ф. Арметьев размышлял вслух: «Вот де я взял за дрова девять рублей, а денег у рук не видал, отдал в подати. Стали де подати тяжелы. Государь завоевал многие города, а крестьянам льготы нет»^{241}. Помещичий крестьянин делился мыслями с односельчанами: «Государь всю свою землю выпустишил, остались де только душой да телом... Государя де на Москве нет. Семь лет в плену, а на царстве сидит немчин. Вот де тысячи с четыре стрельцов порубил. Есть ли б де он был государь, стал ли б так свою землю пустошать». Крестьянка из подмосковной деревни тоже роптала на опустошение хозяйства: «Какой де он царь, он де их, крестьян, разорил з домами, мужей их побрал в солдаты, а нас де с детьми осиротил и заставил плакать век»^{242}. Иногда поступки и неразумные действия царя собеседники объясняли отсутствием у него ума: «Знать де у него, государя, ума нет, немец де жалует, а своих де разоряет».

На увеличение налогов жаловались и священники. Летом 1704 года поп Иван Никитин, имевший приход на Украине, жаловался собеседнику: «Бог де знает, что у нас в царстве стало. Украина де наша пропала вся от податей, такие де подати стали уму непостижны, а ныне де и до нашей братьи священников дошло. Почали де иметь с нас з бань, со пчел, с изб деньги, а до того де наши прадеды и отцы не знали и не слыхали». А все оттого, что царством правит антихрист.

Черное духовенство тоже выражало недовольство порядками управления монастырскими вотчинами, наступившими после 1701 года. Нижегородский митрополит Исая упрекал поручика Тютчева, прибывшего для расследования какого-то дела в его епархию: «Ты де овца, вам ли де овцам про нас пастырей разыскивать. Боярин де Иван Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви Божии, вотчины наши ведает, а ныне де у нас и данные и венечные деньги отнимает. И есть ли де те зборы у меня отнимут, и я де в своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое де мое архиерейство, что мое у меня отымают, как хотят. А я за свое умру, но не отдам».

Особый протест вызывало брадобритие и замена старорусской одежды западно-европейскими платьем и обувью. Эти новшества затрагивали интересы самой многочисленной прослойки населения, включавшей

армию, флот, чиновников, дворян, посадских людей, а также крестьян, въезжавших в город и выезжавших из него.

Русский человек легче расставался с длиннополым платьем, чем с бородой. Объяснялось это тем, что бороде придавалось религиозное значение. Патриарх Адриан в 90-е годы XVII века разослал две окружные грамоты, осуждавшие брадобритие, что свидетельствовало о том, что оно уже тогда стало проникать в быт верхних слоев общества. Борода объявлялась символом святости — Иисус Христос, все апостолы и канонизированные святые носили бороду, она дана мужчине Богом, «яко благолепие», которого была лишена женщина, существо несовершенное и подчиненное; жена, «зрящи мужа своего красоты и совершенства», заложенные в бороде, «да будет смиренна всему и покорна».

В первой окружной грамоте патриарх пытался убедить паству, не прибегая к угрозам. «Ужели вы считаете, — обращался он к православным, — красотой брить бороды и оставлять одни усы. Но так сотворены Богом не человек, а коты и псы. Ужели хотите уподобиться скотам бессмысленным или смешаться с еретиками, которые в такую глубину пали, что не только простые и благородные, но и монахи стригут бороды и усы и от того видятся подобны кификам или обезьянам». Грамота завершалась призывом к православным: «Не приемлете сего злодейского намерения, но гнушайтесь им как некою мерзостью».

Но первая грамота не дала желаемых результатов. Тогда патриарх повел более решительное наступление на брадобритие, не скупясь на резкие слова и угрозы. Какими только презрительными эпитетами патриарх не награждал брадобритие: мужчины, лишившиеся бороды, уподоблялись «женам блудовидным», бритье бороды объявлялось «гнусным делом», сбритые бороду отлучались от церкви, с ними запрещалось общаться, брадобритие объявлялось «безумством пребеззаконным». Грехом объявлялось пользование накладными волосами, то есть париками, использование для натирания лица различных мазей и «воней»^[243].

На второй день после возвращения Петра из-за границы, рано утром 26 августа 1698 года, в Преображенское прибыли бояре, чтобы поздравить царя с благополучным возвращением. Действия Петра привели их в состояние шока. Вопреки увещаниям патриарха о значении бороды царь самолично обрезал бороды сначала у генералиссимуса А. С. Шеина, а затем у князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского. Через несколько дней процедура повторилась: на этот раз бороды обрезал царский шут у всех явившихся на пир к Шеину.

В начале 1700 года последовало еще одно новшество: указ 4 января

велел всем боярам, дворянам, приказным, служилым людям в Москве и в городах «носить платье венгерское, кафтаны верхние длиною по подвязку, а исподнее короче верхних тем же подобием». В конце августа того же года в Москве были выставлены чучела, обряженные в платья нового образца. В 1701 году последовал новый указ, обязывавший не только городских жителей, но и деревенских, приезжавших в город, «носить платье немецкое, верхнее саксонское и французское, а исподние камзолы и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки немецкие, и ездить в немецких седлах; а женску полу всех чинов, также попадьям и дьяконицам, и церковных причетников и драгунским и солдатским и стрелецким женам и детям носить платье и шапки и кунтуши, а исподнее бостроги и юпки и башмаки немецкие». Старорусскую обувь и одежду запрещалось изготавливать и продавать, а с невыполнявших указ надлежало взыскивать штраф: с пеших по 13 алтын 2 деньги, а с конных — по 2 рубля^[244].

Английский инженер капитан Джон Перри оставил описание процедуры брадобрития и укорачивания национальной одежды и сообщил об отношении населения к новшествам: «Русские имели обыкновение наподобие древних патриархов носить длинную бороду, спускавшуюся по грудь; они гордились бородами, расчесывали их, приглаживали, заботились о красоте их и старались сохранить в целости каждый волосок.

Русские положительно питали некоторого рода религиозное уважение к своим бородам, тем более что это ставило различие между ними и иностранцами, а священники поддерживали их в этом обычае, приводя в пример то, что все благочестивые мужи в древности носили бороду, согласно тому, как на иконах изображают святых».

Будучи в Воронеже, Перри встретил уважаемого им плотника, шедшего из цирюльни, где его лишили бороды. Плотник заявил, что он несет обрезанную бороду с собою, спрячет ее и велит, когда умрет, чтобы бороду положили в гроб для того, чтобы он мог дать отчет о ней святому Николаю. Он добавил, что и остальные плотники поступят подобным же образом. Случалось и так, что царь иногда приказывал «вырвать бороду их с корнем и уничтожить их таким грубым способом, что вместе с волосами оторвется и кожа».

Значительно легче, чем с бородой, расставались с длиннополым платьем. Владельцы старорусской одежды становились «на колени у городских ворот, чтобы кафтан его обрезали в уровень с землею и окоротили на всю ту длину, которая окажется лишнею против его роста, когда он стоит таким образом на коленях. Подобным образом было окорочено несколько сотен кафтанов. Так как все это делалось добродушно,

то и вызывало веселость в народе и вскоре уничтожили обычай носить длинные кафтаны, в особенности в местностях, смежных с Москвой, и в других городах, где проезжал царь»^{245}.

Впрочем, как следует из показаний источников, укорачивание платья не всегда сопровождалось таким весельем, какое описывает Перри. Ропот против нововведений раздавался повсюду: в городах и монастырских кельях, в скитах старообрядцев и в стрелецких слободах, среди белого духовенства и на городских рынках. Неосторожные порицатели новшеств, осмеливавшиеся вслух выражать свое недовольство, попадали в застенки Преображенского приказа, где из них пытками и истязаниями выбивали признания, тут же заносившиеся канцеляристами на бумагу. Пыточные речи не всегда регистрировали истину; пытаемые, не выдерживая мук, возводили на себя напраслину, угодную следователям, но в целом они отражали дух недовольства и протеста против новшеств.

В 1704 году старец Симонова монастыря в Москве Захарий рассуждал: «Вот ныне затеяли бороды и усы брить, и прежде всего этого не бывало, какое это доброе? Вот ныне табак пьют». В Преображенском приказе отмечен диалог попа с дьяконом, происходивший в Олонецком уезде. Разговор начал дьячок: «На Москве ныне изволил государь летопись писать от Рождества Христова 1700 года, да платья носить венгерские». Священник подхватил: «Слышал я в Вологде, что и великого поста неделя убавлена и после Светлого Воскресения и Фоминой недели учнут по вся меж говенья в среды и пятки мясо и млеко ести во весь год». Дьячок ответил: «Как эти указы будут присланы к нам в погосты и будут люди по лесам жить и гореть, пойду и я с ними жить и гореть». Желание «жить и гореть» выразил и священник: «Возьми и меня с собою, знатно, что ныне житы к концу».

Поведение одного извetchика удивило даже выдавшего виды князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского: однажды к нему в Преображенский приказ караульные солдаты привели нижегородца Андрея Иванова, объявившего «слово и дело», с жалобой на самого царя. Суть его обвинения: «Государево дело за мною такое: пришел я извещать государю, что он разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое и табак велит тянуть». Иванов, конечно же, знал, какие его ждут испытания, но фанатизм преодолел все преграды и извetchик после многократных пыток умер в застенке^{246}.

Троицкий поп Никифор в 1700 году донес на священника того же прихода Викулу Федотова за то, что тот отказался причащать солдата

Парфенку Миронова на том основании, что солдат явился к нему бритым. Поп спросил: «Для чего бороду выбрил?» «Хорошо б де и его, Викулу спросил для того, что он, Парфенка, ему сын духовный; и ко кресту его в то число не пустил». После молебна вновь не пустил к кресту, бранил и выговаривал: «Для чего ты бороду бреешь?» Солдат отвечал: «Нам де ныне и государь не запрещает брить бороды», «и поп Викула называл его врагом и бусурманином».

Историки вправе сомневаться в успешности выполнения петровских указов о брадобритии и замене платья. Основание для скептицизма дают два, правда, косвенные свидетельства источников. В одном из них, анонимном, найденном в 1708 году и обращенном к царю, неизвестный автор упрекает бояр и их жен в несоблюдении названных указов: «Да они же бояре другому указу не послушны учинились: об русском платье. Как ты придешь к Москве и то при тебе ходят в немецком платье, а без тебя боярыни жены ходят в русском платье и по церквам ездят в телогреях, а поверх надевают юбки, а в церквах в одних телогреях стоят, а на головах носят не шапки польские, а неведомо какие дьявольские кимилавки, а все, ругаячи указ твой, государь, шапок и фонтанжев (головных уборов. — *Н. П.*) не носят, а буде на ком увидят шапку или фонтанж и они ругают и смеются и называют недобрými женами тех, кто ходит супротиву твоего указу». Изветчик перечислил жен, носивших русские платья, мужа всех принадлежали к ближайшему окружению царя: Алексей Салтыков, князь Петр Долгорукий, Иван Мусин-Пушкин и др. ^[247]

Чем руководствовался автор письма, когда не решился его подписать, — неведомо. Быть может, стремлением помочь царю ввести новшества или намерением уличить бояр, чем-то насоливших изветчику, но скорее всего опасностью оказаться на дыбе, ибо практика того времени прибегала к пыткам не только уличаемого в преступлении, но и самого доносчика.

Другим свидетельством отсутствия у подданных рвения неукоснительно выполнять царские указы о брадобритии и немецком платье следует считать их периодическое повторение с ужесточением мер наказания за невыполнение. Несохранившийся указ 1713 года запрещал во всех городах торговать русским платьем и сапогами. О существовании этого указа мы узнаем из закона, обнародованного 29 декабря 1714 года и подтверждавшего указ предшествующего года, причем за торговлю русским платьем и ношение бороды устанавливалось жестокое наказание, ссылка на каторгу и конфискация движимого и недвижимого имущества. Указ 1 сентября 1715 года запрещал продавать сапоги и башмаки, подбитые скобами и гвоздями, и тоже угрожал торговцам ссылкой на каторгу и

конфискацией имущества^{248}.

О серьезном недовольстве брадобритием и ношением иноземного платья свидетельствуют события в Астрахани в 1705–1706 годах. После подавления очередного стрельцкого бунта часть стрельцов была сослана в окраинные города, в том числе в Астрахань. В 1705 году здесь числилось не менее 3500 стрельцов и солдат, из которых в пяти стрельцких полках значилось 2500 человек.

Подлинной причиной бунта следует считать ухудшение материальных условий жизни стрельцов и утяжеление их службы. Опальные стрельцы подвергались безнаказанному грабежу со стороны воеводы, приказных служителей и полковников: их подвергали за малейшие провинности жестоким истязаниям, присваивали причитавшееся им жалованье, использовали их труд для личных нужд. Поводом же послужило жестокое исполнение воеводой царского указа о введении новшеств: специальные команды обрезали у встречных на улице бороды и укорачивали кафтаны, причем борода нередко не обрезалась, а вырывалась с кожей, что и переполнило чашу терпения стрельцов и солдат. Многочисленные источники в один голос называют причиной бунта вводимые новшества. За неделю до его начала договорились «меж собою о том, чтоб учинить бунт, воеводу и начальных людей побить и за веру и за правду постоять, и усов и бород не брить и немецкого платья не носить». В обращении к донским казакам от 31 июля 1705 года стрельцы призывали донцов присоединиться к их движению: «Ведомо мы вам чиним, что у нас в Астрахани учинилось за веру христианскую и за брадобритие и за немецкое платье и за табак. И что к церквам Божиим нас и наших жен и детей в русском старом платье не пускали, а которые в церковь пойдут и у тех, у нашего мужского и женского полу платье обрезывали и от церквей отлучали и выбивали вон и всякое ругательство нам и женам нашим и детям чинили и болванам кумирским велели поклоняться». В повинной челобитной Петру астраханцы ссылались на те же причины: по приказу воеводы «у мужска и женска полу русское платье обрезывали не по подобию и обнажали перед народом, и всякое ругательство над ними и женским и над девичьим полом чинили, и от церквей отбивали, и их били, и усы и бороды, ругаючи, обрезывали с мясом»^{249}.

Личность Петра и отношение к его преобразованиям находили отражение и в изобразительном искусстве. Позволим себе остановиться на единственной в своем роде народной сатире на царя, известной под названием «Мыши кота погрыбают». Как считают специалисты, она

появилась в старообрядческой среде. Из многочисленных намеков следует, что под котом подразумевался Петр I. Коту присвоен титул, отчасти пародирующий царский: «кот казанский, ум астраханский, разум сибирский»; кот был «знатный подливало и великий объедало» — намек на причастность царя к всепьянейшему и всешутейшему собору; одна из надписей утверждает, что кот находился в близких отношениях с чухнами и всем чухонским (чухонка — вдова Маланья — намек на Екатерину I); еще одна надпись утверждает, что «кот был нрава крутого» (по целому мышонку глотал); утверждение подкреплено и другим доказательством: около дровен идет множество сильно искалеченного им народа — у кого рыло отшиблено, кто поранен им, кто принужден на костылях брести.

Мыши собраны со всей России: с Татарии, Дона, Рязани, Москвы и т. д. Наконец, еще два признака, сближающих царя с котом: похороны происходят зимой, причем дровни везут шесть мышей — ровно столько лошадей везли гроб Петра; кот умер согласно надписи «в серый четверг» в шесто — пятое число. Петр действительно скончался 28 января 1725 года.

По замыслу художника сатира должна была отразить радость подданных в связи с кончиной царя-преобразователя, при котором мыши терпеливо сносили произвол кота.

2. ПАНЕГИРИСТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Было бы, однако, ошибкой полагать, что образ царя, запечатленный в пыточных речах, является адекватным отражением его личности и деяний в сознании народа. Оспаривать тезис, что преобразования, двигательной силой которых была изнурительная война, производились за счет жертв, понесенных народом, не приходится. Какая часть народа осуждала Петра, определить практически невозможно, как невозможно назвать процент населения, одобрявшего его нововведения. Одно можно сказать с уверенностью — вторых было значительно больше, чем первых. Народу, конечно же, импонировало, что бремя войны и повинностей вместе с ним тянул и царь — это он находился в пекле сражений, не жалея живота своего, это он одерживал блистательные победы над сильным неприятелем, это он странствовал по бездорожью России, а также в столицы западноевропейских дворов, чтобы возвести страну в ранг европейских государств, это он, наряду с другими кораблестроителями, работал топором, овладел в совершенстве кораблевождением и артиллерийским делом, фортификацией и градостроительством. Импонировали народу

простота царя, его неприхотливость, умение, напрягая волю, физические и нравственные силы, преодолевать препятствия.

Вот почему ни об одном монархе России народная молва не оставила такого количества рассказов, восхваляющих его, как о Петре Великом. Это уникальное явление легко объяснимо: ни один монарх и ни одна монархиня не отличались такой одаренностью, как Петр I, ни один представитель царствующей династии не нарушал традиций придворного быта так, как Петр: лица, занимавшие трон и до, и после него, все, как один, строго придерживались церемоний своего поведения от пробуждения до отхода ко сну, от обеденного стола до повседневных и торжественных выходов из дворца, от отношений с придворными до приема иностранных послов, от поведения в храме до поведения во время праздничных ходов и молебствий. Все эти церемонии, заимствованные из византийского обихода, ведут начало от Ивана III. Со временем они совершенствовались, сопровождались большей пышностью и торжественностью, подчеркивавшими неземное происхождение монарха и Богом данную ему власть над населением. Все подданные, начиная от боярина и кончая последним селянином и горожанином, являлись холопами царя, обязаны были оказывать ему внешнюю покорность и раболепие, падать ниц или гнуть спину при его появлении.

Время Петра Великого — время крутой ломки старых традиций, время европеизации России, когда византийский придворный быт сменялся европейским. Но дело не только в преобразованиях, совершенных Петром во всех сферах жизни общества. Дело еще и в характере царя, придававшем его поведению особый колорит. Если бы не особенности характера Петра, то, вероятно, простота придворного быта и отношений с окружающими была бы воспроизведена его преемниками. Этого, однако, не случилось — прежняя пышность и торжественность сохранились, но они приобрели вместо церковного светский характер, вместо восточной пышности европейскую чопорность.

Коротко особенность поведения Петра можно определить формулой: царя, как неземного существа, сменил земной человек, во многом напоминающий простого смертного. Было бы, однако, ошибкой интерпретировать эту формулу как отказ царской власти от атрибутов самодержавия и даже деспотизма. Законность совершала лишь робкие шаги, и Петр вопреки своим призывам неукоснительно соблюдать законы сам же нарушал их, подгоняя свой произвол под закон, как то, например, было в деле царевича Алексея, бывшей супруги Евдокии Лопухиной или фаворита Екатерины Алексеевны Билима Монса. Тем не менее многое в

поведении Петра удивляло современников, не только русских, но и иностранных, и оставило своей неординарностью, диковинностью зарубку в их памяти.

Разве не могло удивлять современников личное участие Петра в чине бомбардира в осаде Азова, а затем торжественное шествие войска по улицам Москвы, в котором рядовой бомбардир, ставший капитаном, возглавлял роту, шагая с протазаном на плече. Толпу любопытных, как было отмечено в своем месте, удивляло не столько это обстоятельство, сколько главнокомандующий Шеин, важно восседавший в роскошной карете, окруженный многочисленной свитой. Отца Петра, как только тот покидал покои дворца, сопровождали бояре в таком же парадном одеянии, как и у самого царя, а также эскорт стрельцов. Сын же не гнушался ездить в двуколке без свиты и охраны. Разве жители столицы могли наблюдать царя Алексея Михайловича за тушением пожара — а сын его отдавался этому занятию самоотверженно, подавая остальным пример борьбы с огнем.

Предшественники Петра не покидали родной страны. Конец затворничеству в границах государства положил Петр. Удивления достойно, что царь, отправляясь в 1697 году за границу, не возглавил великое посольство, а затерялся в его составе в качестве десятника волонтеров под именем Петра Михайлова. Но даже не это обескураживало современных наблюдателей: царь, приобретя экипировку простого плотника, с усердием трудился над сооружением корабля и наряду с прочими, обучавшимися корабельному мастерству, получил диплом, подтверждающий овладение навыками кораблестроителя.

Царь Иван Грозный, как известно, участвовал в осаде Казани и Ревеля. Царь Алексей Михайлович наведывался на театр военных действий во время изнурительной войны с Речью Посполитой за Украину. Но ни Грозный, ни отец Петра не подвергали свою жизнь риску, разбивая роскошные шатры вдали от сражения и осадных работ. Петр и здесь проявил себя новатором и во время двух решающих сражений Северной войны — у Лесной и Полтавы — находился в самой гуще боя, подвергая жизнь смертельной опасности. А разве не врезались в память современников парад войск победителей шведов под Полтавой и последовавший за ним невиданный по масштабности и зрелищности фейерверк?

Физический труд считался зазорным не только для царя, но и для его бояр. Петр игнорировал этот обычай и с полной самоотдачей и рвением овладевал разнообразными ремеслами от плотничьего и кузнечного до

ремесла хирурга и дантиста. Стремление все делать своими руками и тем убедить подданных, что он, царь, несет равную с ними физическую и умственную нагрузку и подвергается равной с ними опасности для жизни на поле брани, преследовало воспитательные цели, предоставляло моральное право требовать от подданных громадных жертв.

Петр, в отличие от своих предшественников и ближайших преемников, не ограничивал свои обязанности актом торжественного приема иностранных дипломатов, а вступал с ними в переговоры, минуя учреждения, ведавшие дипломатией. Так он вел себя во время создания Северного союза, а затем в годы своего второго путешествия за границу на исходе победоносного завершения войны со Швецией. Петр ввел множество новшеств в придворный быт и повседневную жизнь дворян, надо полагать, изумлявших современников. Не все из этих новшеств вызывали одобрение населения, но царь сурово и настойчиво внедрял их в жизнь.

Все сказанное выше нашло отражение в источниках официального происхождения: именных и сенатских указах, донесениях нижестоящих учреждений вышестоящим. Бесспорно, в них можно почерпнуть информацию о преобразованиях Петра, успехах и неудачах, постигших его на этом поприще, но они скупо раскрывают побудительные мотивы его поступков, его суждения по поводу происходивших событий и т. д. Наиболее полно отражают внешний облик Петра и особенно его образ в представлениях современников мемуары иностранцев и донесения иностранных дипломатов, а также два вида источников русского происхождения: анекдоты о Петре Великом и фольклорный материал.

Если дать им общую оценку, то надобно подчеркнуть их существенный недостаток — они отличаются крайним субъективизмом в оценке происходивших событий. Если говорить о донесениях иностранных дипломатов и их мемуарах, то здесь огромное влияние на описание событий и их оценку оказывали отношения между Россией и государством, которое представлял данный дипломат, доброжелательные или неприязненные отношения, сложившиеся между ним и русским царем, его нравственный облик и т. д.

Еще сложнее обстоит дело с анекдотами. Напомним, что в понятие «анекдот» в XVIII веке вкладывалось иное содержание, чем в наши дни. Под анекдотом подразумевался короткий рассказ о реально происходивших событиях, следовательно, анекдот это не выдумка, а быль. Из трех известных в настоящее время собраний анекдотов о Петре Великом только одно принадлежит современнику царя, его токарю Андрею

Константиновичу Нартову. В полном виде эти анекдоты были опубликованы в 1891 году под названием «Рассказы Нартова о Петре Великом». Считается, что Нартов закончил написание анекдотов в 1727 году, но они подверглись существенному редактированию его наследниками во второй половине XVIII века. Достаточно беглого знакомства с «Рассказами Нартова», чтобы убедиться в том, что язык рассказов относится не к петровскому, а к екатерининскому времени. Даже в том случае, если редактор от себя ничего не убавил и не прибавил, слова, вкладываемые в уста Петра, имеют мало общего с языком первой четверти XVIII века. Из этого вытекает, что изречения Петра и прочих героев «Рассказов» не имеют ничего общего с подлинными.

Что касается «Анекдотов» Я. Я. Штелина и И. И. Голикова, то они имеют другой изъян: ни Штелин, ни Голиков не являлись современниками Петра Великого и получали информацию из вторых или даже третьих уст. Штелин появился в России в 1735 году, а Голиков занялся собиранием анекдотов со второй половины XVIII века.

Общим для анекдотов о Петре является их панегирическое содержание. «Наш ирой», как называл Голиков царя, лишен пороков и щедро награжден всем набором добродетелей: он и трудолюбив, и справедлив, и отважен, он заботится о сырых и убогих, он остроумен, склонен к шуткам, снисходителен к человеческим недостаткам, милосерден к врагам, великодушен.

Тщетно искать в анекдотах описание кровавой бойни, устроенной царем взбунтовавшимся стрельцам. Читатель не обнаружит в них и рассказа о пытках сына в присутствии отца. Если иногда в анекдотах и встречаются упоминания о негативных свойствах характера царя, то их составители всегда оправдывают это поведение, например жестокость, крайней необходимостью.

Другой общей чертой анекдотов следует считать их назидательность — Петр действует так, а не иначе, с целью вызвать подражание его поступкам подданными. Наконец, анекдоты подчеркивают демократизм Петра, готовность выслушивать дельные советы не только вельмож, но и простых смертных. Отметим еще одну особенность — никто ни из предшественников, ни из преемников Петра Великого не удостоился такого количества анекдотов, как Петр. О Петре II, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне анекдоты практически отсутствуют, а действующими лицами анекдотов о Екатерине II являются вельможи, чиновники, деятельность которых связана с составлением законодательных актов.

Еще один вид источников о личности царя — это фольклорный

материал: молва, сказки, предания, повести. Он считается наименее достоверным, в большинстве своем не поддающимся проверке и, следовательно, реже всего используемым историками. Прочной достоверности эти рассказы лишает отсутствие привязанности к определенным событиям во времени и пространстве. Степень достоверности находится также в прямой зависимости от отдаленности во времени между возникновением сказки, молвы или предания и их регистрации письменными источниками. Фольклорный материал, например, в большинстве случаев регистрировался во второй половине XIX века, то есть отделен от времени возникновения жизнью нескольких поколений, каждое из которых вносило свои коррективы в представления о прошлом в зависимости от представлений о настоящем. Впрочем, для наших целей и этот вид источника представляет известный интерес.

Аналогичной оценке подлежат и песни петровского времени, собранные П. В. Киреевским и опубликованные в 1870 году, то есть спустя более 150 лет после их возникновения. Тем не менее они сохранили дух времени и то восприятие личности царя, в котором просматриваются как положительные, так и негативные свойства его натуры и оценки его действий. Песни возникали преимущественно в солдатской среде, но не исключено и их крестьянское, либо посадское происхождение.

К источникам официального происхождения примыкают сочинения, авторы которых занимали видные посты в правительственном механизме и прославляли деятельность Петра Великого. К ним относятся проповеди духовных лиц («Слова и речи» Феофана Прокоповича; «Полное собрание поучительных слов» Гавриила Бужинского; проповеди Стефана Яворского и др.), а также сочинения исторического плана: Феофана Прокоповича «История имп. Петра Великого от рождения до Полтавской баталии»; П. П. Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны». Все они носят ярко выраженный панегирический характер, прославляют деяния Петра Великого и подчеркивают его колоссальную роль во всех сферах жизни общества. Анализ их мы опускаем, отмечая лишь один бесспорный факт: они оказали влияние на формирование оценки деятельности Петра I его современниками и их потомками.

И хотя при жизни Петра был опубликован лишь единственный из перечисленных источников — сочинение П. П. Шафирова, а остальные удостоились напечатания только при Екатерине II, проповеди создавали атмосферу почитания императора, прославляли его личность, гиперболизировали его роль в истории России, внушали современникам мысль об исключительности Петра, приписывая все достижения его

кипучей энергии и необыкновенным талантам.

Источники частного происхождения, составленные не по заданию царя и правительственных инстанций, можно разделить на несколько видов. К первому из них мы относим свидетельства современников, отразивших ранний период царствования Петра: они описывают время воцарения Петра и связанный с ним стрелецкий бунт 1682 года. Совершенно очевидно, что роль 10-летнего Петра в этих событиях была номинальной, за его спиной действовали другие. Авторы, описывавшие бурные события конца апреля — середины мая, принадлежали к противоположным лагерям: Сильвестр Медведев смотрел на происходящее глазами Софьи и Милославских, а Андрей Артамонов, чей отец стал жертвой бунта, — глазами противников Софьи. Не умаляя общего значения обоих источников, мы должны отметить их ограниченную роль при раскрытии нашей темы, обозначенной в названии главы.

Записки Желябужского охватывают события, протекавшие в течение значительного отрезка времени — от кончины царя Федора Алексеевича до Полтавской баталии. Этот источник для нас не представляет интереса по другой причине — он напоминает дневниковые записки, выдержки из донесений, бесстрастное и лаконичное описание событий и поступков без их оценки, без выражения к ним отношения автора. Отсутствие эмоциональной окраски умаляет значение источника для раскрытия темы. Во многих случаях автор, например, сообщает об истязаниях должностных лиц, но умалчивает, справедливы ли они или, напротив, являются следствием произвола. Сухо сообщает он о взятии Азова, а на победу под Полтавой счел возможным откликнуться письмом Петра к сыну без описания участия в ней царя и общей оценки события в изнурительной Северной войне.

В этом плане наибольший интерес представляет «Краткое описание блаженных дел великого государя, императора Петра Великого, самодержца Всероссийского» новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина. Среди историков сочинение Крекшина справедливо пользуется репутацией не слишком достоверного источника; на него не принято ссылаться — в нем множество мифов, выдаваемых за подлинные события, изобретенные автором монологи и диалоги, которые не могли произносить действующие лица. Но для нашей темы указанный недостаток оборачивается достоинством — он отражает отношение автора к Петру.

Сразу же оговоримся, Крекшин откровенный панегирист Петра, причем в самом примитивном исполнении. Панегиристом Петра Великого

был, например, и И. И. Голиков, но он не умалчивал о негативных сторонах его деятельности, а пытался их оправдать стечением обстоятельств. У Крекшина подобный подход отсутствует. Правда, сочинение Крекшина обрывается на 1696 годе, то есть времени, когда Петр только начинал восхождение к вершине своей славы, но в заголовке это ограничение не оговорено, напротив, оно свидетельствует о намерении проследить его жизнь и деятельность до самой кончины. Это вытекает из обращения к читателю, в котором, в частности, можно обнаружить такие слова: «Петр кротким нравом воскресил Россию полумертвую, воздвиже сияющую, слабую в силе, малочувственную по имени своему сотвори камени подобную, возведя от тьмы ко свету, от незнания к знанию, от бесчестия к славе»^{250}. Совершенно очевидно, что подобный вывод можно сделать, опираясь не на 1696 год, а на конец царствования Петра. В дальнейшем Крекшин развивает и углубляет эту мысль: «Ты нас просвети и прослави славою, сотвори искусными в полезных знаниях, регуле, мужестве, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху нас последними, а ныне нарицают первыми... На что не взглянем, куда не обратимся — всюду труды и блаженные дела отца нашего, отца Великого».

Отметим близость цитированных выше фраз к оценкам, данным Шафировым в «Рассуждении о причинах Свейской войны» — сочинении, несомненно, известном Крекшину. Текстуальное сходство не обнаруживается, но Шафиров еще в 1717 году писал, что Петр народ «не только обучил, но и прославил», что «ныне никакое дело ниже в отдаленных краях европейских не чинится, к которому б или о его царского величества приязни и союзе не старались, или осторожности и опасности в противности от оного себе не имели...»^{251} и пр.

Если, однако, Шафиров придерживался исторических реалий и не позволял себе измышлений, то Крекшин не стеснялся сочинять разного рода мифы, направленные на прославление исключительных свойств натуры Петра. Он, например, начал свое сочинение с изложения мифа о зачатии Петра, предсказанном Симеоном Полоцким сразу же после брачной ночи: долженствующий родиться младенец «всех бывших в России (государей. — *Н. П.*) славою и в делах превзойдет». Неведомый блаженный сулил еще не родившемуся Петру необычайное будущее: он «будет владеть великим костылем, да и бояться его все будут!» Великий государь (Алексей Михайлович. — *Н. П.*) спросил: «Чем меня более будет?» Блаженный рек: «Пятьдесят три сажени высота; многим шире будет тебя». Уже в 4-летнем возрасте, сообщает Крекшин, Петр «желал

ведать военное учение; к прочим же ни к каким забавам и увеселениям не прилежал», при этом проявлял «природную военную храбрость». Описывая процедуру вручения царевича Никите Зотову для обучения, Крекшин вкладывает в уста матери Натальи Кирилловны велеречивую речь, обращенную к Зотову: «Известная о тебе, что ты жития благого, Божественное писание знаешь; вручаю тебе единокровного моего сына. Приими того и прилежи к научению Божественной мудрости и страху Божию и благочинному житию и писанию».

Крекшин сочинил версию, согласно которой царь Федор Алексеевич объявил, что его отец намеревался вручить царский скипетр Петру, «но юных ради лет нарече мя», то есть Федора Алексеевича. «Того и аз хощу нареци царем». Крекшин при этом не замечает противоречия: если бы Федор Алексеевич имел намерение «нареци царем» Петра, то почему он не оставил ни письменного, ни устного завещания. 10-летний Петр после избрания царем по Крекшину якобы произнес следующие слова: «Во исполнение закона спасение наше есть; всем долг же есть последовать закону; сим покорность свою венчает прежде, нежели он достойную получит мзду»^[252].

Описывая борьбу Петра и Софьи за власть, Крекшин, разумеется, симпатизирует Петру, обнаруживая в нем мудрые и зрелые поступки, в то время как действия царевны осуждает.

Мы не станем утомлять читателя описанием последующих действий, обильно оснащенных тяжелыми церковнославянскими оборотами, а сделаем общий вывод — Крекшин был первым и весьма неразборчивым в похвалах панегиристом Петра Великого.

Переходим к образу Петра в представлениях иностранцев. В зависимости от литературных дарований авторов, их проницательности и способности высветить побудительные мотивы поступков царя иностранных авторов можно разделить на две категории: одни из них уделяют преимущественное внимание описанию внешности Петра и бытовым подробностям; другие же пытаются осмыслить его поступки, выявить их побудительные мотивы.

Первая пространная запись о внешности Петра и его поведении относится, как мы уже говорили, к 1697 году, когда состоялась встреча царя с двумя курфюрстинами — Софьей Ганноверской и ее дочерью Софией Шарлоттой Бранденбургской. Мать и дочь оставили потомкам описание внешности русского царя, свои впечатления о его манерах и способностях. Они не могли быть глубокими прежде всего потому, что явились результатом не многократного общения с русским царем, а единственной

встречи с ним. Тем не менее они не лишены интереса.

Петр неуверенно чувствовал себя в дамском обществе, поэтому стоило большого труда уговорить его встретиться с курфюрстинами. Царь согласился при одном условии — чтобы за столом во время ужина присутствовали только члены семьи и не было придворных. В замок царь проник через черный ход, так как у парадного подъезда собралась толпа любопытных. Чувство скованности не покидало Петра и в первые минуты визита, описанного Софией Шарлоттой: «Моя матушка и я приветствовали его, а он заставил отвечать за себя г-на Лефорта, так как казался сконфуженным и закрывал лицо рукой, но мы его приручили, он сел за стол между матушкой и мной, и каждая из нас беседовала с ним попеременно. Он отвечал то сам, то через двух переводчиков, я уверяю вас, — обращалась младшая курфюрстина к тайному советнику Павлу Фуксу, — говорил очень впопад, и это по всем предметам, о которых с ним заговаривали... Что касается до его гримас, то я представляла себе их хуже, чем их нашла, и не в его власти справиться с некоторыми из них. Заметно также, что его не научили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность, он стал действовать, как дома, — позволил сначала войти кавалерам, затем велел своим людям запереть дверь, поставил около нее своего фаворита, которого он называет своей правой рукой, с приказанием никого не выпускать, велел принести большие стаканы и заставил каждого выпить их по три и по четыре зараз, давая понять, что делает это, чтобы оказать честь каждому...»

В отличие от курфюрстины-дочери, отразившей преимущественно внешнюю сторону событий, курфюрстина-мать оказалась более проникательной и попыталась проникнуть во внутренний мир Петра: «Мы, по правде, очень долго сидели за столом, но охотно остались бы за ним еще дольше, не испытывая ни на минуту скуки, потому что царь был в очень хорошем расположении духа и не переставал с нами разговаривать... он нам признался, что не очень ценит музыку. Я его спросила: любит ли он охоту? Он ответил, что отец его очень любил, но что у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и к фейерверкам. Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы».

В другом письме курфюрстина Ганноверская сообщила некоторые дополнительные сведения, заимствованные ею у своего амстердамского корреспондента: «Он сам работает над постройкой корабля; он знает в совершенстве 14 ремесел. Надо признать, что это необыкновенная личность... Это — государь одновременно и очень добрый, и очень злой, у

него характер — совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинства и бесконечно много природного ума»^{253}.

Внешность царя подробно описывал и итальянский певец Филиппо Балтари, живший в 1698 году в Москве: «Царь Петр Алексеевич был высокого роста, скорее худощавый, чем полный; волосы у него были густые, короткие, темнокаштанового цвета, глаза большие, черные, с длинными ресницами, рот хорошей формы, но нижняя губа немного испорчена; выражение лица прекрасное, с первого взгляда внушающее уважение. При его большом росте ноги мне показались очень тонкими, голова у него часто конвульсивно дергалась вправо»^{254}.

Личность русского царя, естественно, привлекала внимание иностранных дипломатов. Одним из первых сумел разглядеть в Петре выдающегося государственного деятеля английский посол Чарльз Витворт. Надо отдать ему должное: еще в 1705 году, то есть до заметных успехов Петра на военном и дипломатическом поприще, до начала важнейших реформ, он писал в своем донесении в Лондон: царь «с помощью собственного гения, почти без посторонней помощи к 1705 году достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей». «Я уже имел честь сообщать вам, — доносил Витворт, — как сильно царь любит корабельное дело. Он сам прекрасный мастер и еще в прошлом году собственноручно построил корабль, который по общим отзывам ничем не уступает прочим судам русского флота». Витворт отметил также введенные царем новшества, изменившие внешность русских людей, — бритье бороды и внедрение платья иноземного покроя. Свое суждение о преобразованиях Петра Витворт завершает так: «Царь совершил также много других великих реформ, чрезвычайно полезных стране. Хотя доброе дело еще не доведено до совершенства, надо удивляться, как много его величество сделал в короткое время, не вызвав никаких смут; это должно приписать единственно счастливым способностям государя, его любознательности и трудолюбию. Не взирая на неудовлетворительные стороны своего воспитания, он трудом и наблюдательностью приобрел почти универсальные познания».

Не оставил без внимания Витворт и рыцарские качества Петра. Общеизвестен факт возвращения плененному Реншильду шпаги, что означало высокую оценку царем храбрости шведского фельдмаршала под Полтавой. Но в литературе нам не доводилось встречать упоминаний еще

об одном факте, сообщенном в 1710 году Витвортом: «Шведские генералы пожаловались его величеству, будто русские власти допустили нескольких шведских рядовых до голодной смерти и даже не позаботились о погребении их. Царь в сильном гневе потребовал подвергнуть московского губернатора, одного из высших сановников, князя Гагарина, аресту в собственном доме, из-под которого князь с трудом освободился... вследствие ходатайства вдовствующей царицы и царевен»^{255}.

Датский посланник при русском дворе Юст Юль в течение двухлетнего пребывания в России (1709–1711) вел дневник, на основе которого позже составил «Записки». Дневниковые заметки дали посланнику возможность регистрировать каждодневные наблюдения за жизнью двора, а проницательность позволила ему раскрыть характер царя, его интересы, отношение с окружающими. Не ускользнули от внимания дипломата и некоторые бытовые подробности. Юст Юль подчеркнул простоту царя, его нелюбовь к церемониям, стремление своим поведением демонстрировать подданным необходимость соблюдения дисциплины.

Важно подчеркнуть, что описываемые дипломатом встречи с Петром происходили после сокрушительного разгрома шведов под Полтавой. Казалось бы, блистательные победы могли вскружить голову царя, но он оставался, как следует из текста, таким же доступным и простым.

Первая запись о Петре Юста Юля относится к 30 ноября 1709 года, когда состоялась его встреча с царем в Нарве: «Лишь только я с подобающим почтением представился царю, он спросил меня, однако, через посредство толмача, о здоровье моего всемилостивейшего короля, я отвечал ему надлежащим выражением благодарности. Далее он осведомился, не служил ли я во флоте, на что я ответил утвердительно. Вслед за этим он тотчас же сел за стол, пригласил меня сесть возле себя и тотчас же начал разговаривать со мною без толмача, так как сам говорил по-голландски настолько отчетливо, что я без труда мог его понимать; со своей стороны он понимал, что я ему отвечал. Царь немедля вступил со мной в такой дружеский разговор, что, казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет. Сейчас же было выпито за здоровье моего всемилостивейшего государя и короля...

При нем не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни какого-либо тайного советника, была только свита из 8 или 10 человек. Он равным образом не вез с собою никаких путевых принадлежностей — ни чем есть, в чем пить и на чем спать...

Царь очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но

весьма проницателен и умен. За обедом у обер-коменданта царь имел при себе меч, снятый в Полтавской битве с генерал-фельдмаршала Реншильда».

В записи под 15 декабря 1709 года дипломат описал участие царя в спуске построенного 50-пушечного корабля: «Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получал жалованье), распоряжался всем, участвовал вместе с другими в работах и, где нужно было, рубил топором, коим владел искуснее, нежели все прочие присутствующие там плотники... Достоинно замечания, что сделав все нужные распоряжения для поднятия форштевня, царь снял перед стоявшим тут генералом-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли, и только по получении утвердительного ответа снова надел ее, а затем принялся за свою работу. Такое почтение и послушание царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест шаутбенахт. Пожалуй, это может показаться смешным, но, по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здоровое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушны в отношении своего начальника. С верфи царь пошел в гости на вечер к одному из своих корабельных плотников».

Одна из записей содержит описание аудиенции у царя, состоявшейся в Преображенском 11 февраля 1711 года в «убогом» доме: «Как я вошел в комнату, смежную с царскою, граф Головкин вышел ко мне туда, встретил меня и ввел к царю. Не будучи еще готов, царь стоял полуодетый, в ночном колпаке, ибо о церемониях он не заботится и не придает им никакого значения или по меньшей мере делает вид, что не обращает на них внимания. Вообще в числе его придворных нет ни маршала, ни церемониймейстера, ни камер-юнкеров, и аудиенция моя скорее походила на простое посещение, нежели на аудиенцию. Царь сразу же, безо всякого обмена предварительных комплиментов, начал говорить о важных предметах и с участием вице-канцлера стал обсуждать государственные дела. При этом не соблюдая никакого порядка, мы то прохаживались взад и вперед по комнате, то стояли на месте, то садились».

Накануне аудиенции состоялась свадьба капитана царского флота норвежца Весселя, происходившая в доме Меншикова. «Маршалом на свадьбе был сам царь, а я, по русскому обычаю, посаженным отцом жениха. Царь охотно соглашался быть маршалом на свадьбах, чтоб не быть вынужденным подолгу сидеть на одном месте: вообще продолжительное занятие одним и тем же делом повергает его в состояние внутреннего беспокойства. В качестве маршала царь с маршальским жезлом в руке

лично явился за женихом и невестою и повел их венчаться...»

22 декабря 1710 года царь принимал датского дипломата в токарной мастерской: «Царь часто развлекается точением и, путешествуя, возит станок за собою. В этом мастерстве он не уступает искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры. При моем посещении он временами вставал из-за станка, прогуливался взад и вперед по комнате, подшучивал над стоящими кругом лицами и пил с ними, а также порою разговаривал то с тем, то с другим между прочим и о самых важных делах, о каковых удобнее всего разговаривать с царем именно при подобных случаях.

Когда же царь снова садился за станок, то принимался работать с таким усердием и вниманием, что не слышал, что ему говорят, и не отвечал, а с большим упорством продолжал свое дело, точно работал за деньги и этим трудом снискивал себе пропитание. В таких случаях все стоят кругом него и смотрят, как он работает. Всякий остается у него сколько хочет и уходит, когда кому вздумается, не прощаясь [{256}](#).

Автор «Точного известия о... крепости и городе Санкт Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях» до последнего времени был неизвестен, но Ю. Н. Беспятых установил, что сочинение это принадлежит нарвскому пастору Симону Дитриху Геркенсу. В «Описании», зарегистрировавшем город и его окрестности по состоянию на 1710 год, несколько страниц посвящено личности Петра.

Царь «высок ростом и хорошо сложен, с правильными и живыми чертами смугловатого лица, выдающего бодрую величественность и неустрашимость. Он не любит парика, у него кудрявые волосы и маленькие усы, очень ему идущие. Обыкновенно его величество видят в такой простой одежде, что тот, кто его не знает, ни за что бы не признал в нем столь великого монарха...

Следует, кроме того, признать, что его величество благочестив и от природы добр и милостив. Говорят также, будто его величество желал бы по-доброму реформировать и улучшить русское вероисповедание, как он уже для людей, переходящих в русскую веру, отменил в обряде крещения погружение в воду, прежде требуемое. Кроме того, он разрешил не соблюдать в своей армии принятые у русских долгие и строгие посты, во время которых им совсем нельзя есть мясо...

О его величестве нельзя также сказать, что он высокомерен или надменен, ибо он весьма милостив и дружелюбен с самым последним матросом и охотно с ним беседует. Мне довелось слышать рассказ, как его величество король Швеции однажды объявил, что намерен свергнуть с

престола его царское величество; узнав об этом, его царское величество разумно ответил: «Кичливость предшествует падению». И эти слова как нельзя лучше подтвердились спустя недолгое время при Полтаве...

Вода кажется ему истинной стихией, и его часто видят плавающим на яхте, буере или шлюпке и упражняющимся в плавании под парусами. В этом деле его едва ли превзойдет кто-либо, кроме господина вице-адмирала Корнелиуса Крюйса. Эта страсть настолько сильна, что его величество видят на воде и в дождь, и в снег, и в любую погоду, какой бы она ни была. Когда большая река Нева уже настолько замерзла, что лишь в одном месте, перед резиденцией его величества, оставалась еще сотня шагов чистой воды, он тем не менее плавал по ней под парусом на маленьком суденышке взад и вперед с обычным успехом...

Я заметил также, что моряки, имеющие до него какое-либо дело, должны были обращаться к нему не «ваше царское величество», а «господин шаутбенахт...»^{257}.

Иные свойства природы царя высветил ганноверский резидент Ф. Х. Вебер, свидетельство которого относится к 1719 году. В его записках читатель почерпнет сведения о распорядке дня Петра, его талантах, познаниях в науках и т. д. «Поскольку он побывал в Германии и многих других странах, — пишет Вебер, — то его нрав и внешность известны каждому. Но можно, впрочем, напомнить, что обычно он ходит в простом платье, не любит ни нарядов, ни чрезмерного числа слуг, большой противник бесполезной роскоши и праздности, напротив, благоволит к усердным в труде. Сам он не теряет понапрасну времени, а всегда занимается тем или иным делом. Обычно же, когда находится в новой резиденции в Петербурге, он в три-четыре часа утра присутствует в Тайном совете, затем посещает кораблестроительную верфь, распоряжается там работой и прикладывает собственную руку, так как знает это дело в тонкостях от малейшей малости до самого главного. В 9 или 10 часов он развлекается работой на токарном стане, изготавливая красивейшие вещи. Затем в 11 часов у него короткая трапеза, а послеполуденное время после краткого, по русскому обычаю, сна проводит также за осмотром строительства и иными подобными делами. Вечером же он делает визит или ужинает и, рано с этим покончив, ночью поживает.

Он большой любитель умозрительных, математических и механических наук и в этом не уступает никакому специалисту. Он не любит ни охоты, ни игры, ни иных подобных развлечений, а лишь серьезные дела и особенно людей, имеющих отношение к воде. В этой стихии он настолько неустрасим, что и тогда, когда в сильный шторм все

остальные уже прощаются с жизнью, он один полностью сохраняет мужество, обычно сам берется за руль, отдает необходимые распоряжения и тем посрамляет самых лучших моряков.

Из иностранных языков он хорошо знает немецкий, но лучше всего, кроме родного русского, говорит на голландском. При исполнении своих дел он проявляет очень острый ум, и если хорошо обдумал дело, быстро претворяет его в жизнь. В военных делах и упражнениях и на суше и на воде он весьма искушен, так как взял на себя труд пройти и действительно заслужить от мушкетера и барабанщика, а также от матроса, приказав даже за это выплачивать ему жалованье наряду с другими. Поэтому несомненно, что он, как государь, и без того наделенный от Бога значительными качествами, должен быть сведущ во всех делах и понимать самую их суть»^{258}.

Ценную информацию о Петре могли бы запечатлеть граф Г. Ф. Бассевич и камер-юнкер Ф. В. Берхгольц, находившиеся в свите герцога Голштинского Карла Фридриха, приглашенного царем в Россию в качестве жениха одной из своих дочерей и жившего в столице в 1721–1726 годах, но первый из них был озабочен прославлением собственной персоны и своего повелителя, а второму оказалось не под силу воссоздать образ Петра и он ограничился констатацией бытовых деталей жизни своего повелителя и русского двора. Тем не менее мы не вправе игнорировать их свидетельства даже в том случае, если они повторяют наблюдения других авторов или сообщают незначительные факты.

«Петр Великий, — писал Бассевич, — любил великолепие в празднествах; но частная его жизнь отличалась необыкновенной простотой: вилка и нож с деревянными черенками, халат и ночной колпак из посредственного полотна, одежда, пригодная для занятий плотничною и другими работами, в которых он часто упражнялся. Когда не было санного пути, он ездил по городу в одноколке, имея одного денщика рядом с собою, другого, следовавшего позади верхом»^{259}.

У Берхгольца, в отличие от Бассевича, отсутствует обобщенная характеристика царя. На многих страницах пространного дневника разбросаны отдельные наблюдения, касающиеся поведения Петра в различной обстановке: на свадебных торжествах, во время церковных и светских праздников, семейных торжеств, спуска кораблей и др.

Из отдельных зарисовок Берхгольца невозможно создать портрет выдающегося государственного деятеля, поскольку автор ограничивается сообщением бытовых подробностей, но все же детали представляют

известный интерес. Мы избавим читателя от необходимости знакомиться со всеми сведениями о Петре, внесенными в «Дневник», но некоторые отрывки все же приведем. Под 25 июня 1721 года Берхгольц описал устроенный Петром праздник в Летнем саду — деспотизм царя превратил веселье в тяжелое испытание: «Так как царь и царица также в это время отлучились, то нас стали уверять, что мы возвратимся домой не прежде следующего утра, потому что царь, по своему обыкновению, приказал садовым сторожам не выпускать никого без особого дозволения, а часовые, говорят, в подобных случаях бывают так аккуратны, что не пропускают решительно никого, от первого вельможи до последнего простолюдина. Поэтому знатнейшие господа и все дамы должны были оставаться там так же долго, как и мы. Все это бы ничего, если бы на беду вдруг не пошел проливной дождь, поставивший многих в большое затруднение».

Через день по случаю годовщины Полтавской виктории состоялась торжественная литургия на площади у Троицкой церкви: «Шагах в пятидесяти от алтаря стоял его величество царь в том самом одеянии, которое было на нем в день Полтавского сражения, то есть в зеленом кафтане с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая черная кожаная портупья. На ногах у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику как полковник гвардии, а левою придерживал под мышкой старую, очень простую шляпу».

27 июля 1721 года на Адмиралтейской верфи состоялся спуск корабля «Пантелеймон», которым руководил сам Петр: «...он повел нас на корабль, где с герцогом и со всею его свитою прополз под подмости у киля, чтобы показать, как корабль сделан внизу и чем облегчается спуск его на воду. Потом царь, один, еще раз обошел вокруг корабля и осмотрел, все ли приготовлено как нужно: его величество в таких случаях верит только собственным глазам...»

Под 3 января 1722 года Берхгольц описал обряд славения всешутейшим собором: «Князь-папа делается на это время одним из первых лиц; он является со всеми своими кардиналами в полном костюме и получает, как меня уверяли, подарки от всех, к кому приезжает, потому что получив от императора, всегда накануне, через одного из кардиналов, дает знать, у кого его величество будет славить. Государь присоединяется тогда к обществу князя-папы и носит, подобно прочим кардиналам, небольшой воротник, который в этот день, как мне рассказывали за верное, приказал занять у здешнего голландского пастора. Иногда он является и в полном кардинальском костюме, в длинной мантии, и общество увеличивается

всеми императорскими певчими, с которыми он почти везде сам поет славу новому году».

Зиму 1722 года царь провел в Москве, где продолжались празднества по случаю заключения Ништадтского мира. Берхгольц описал императорский дворец в Преображенском: «Мы немало удивились, когда, подъехав к дому императора, узнали от нашего кучера, что мы перед императорским дворцом; это старинный, маленький и плохой деревянный дом, за который, судя по его наружности и местоположению, нельзя дать и ста талеров. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простого человека, потому что в нем, по-видимому, нет и шести порядочных комнат, несмотря на то, что к нему недавно пристроен новый флигель для принцесс...»

18 марта 1722 года во дворце Меншикова отмечался день рождения супруги царя. «Его величество император, когда мы приехали, сидел с одним старым русским за шахматами, в которые, говорят, играет превосходно, как и большая часть русских вельмож».

В марте того же года Берхгольцу довелось быть свидетелем христосования царя. «Этот обычай, — замечает автор «Дневника», — тем приятен, что во всю светлую неделю можно целоваться со всеми женщинами, с которыми видишься. Сам император целуется с последним солдатом, если он при встрече с ним поднесет ему яйцо. Вообще его величество так преследуют поцелуями, что он почти ни на минуту не может избавиться от них. В первый день праздника он, говорят, удостоивает этой малости всех своих придворных служителей до последнего поваренка, и потому сегодня утром, как меня уверяли, в церкви так много целовался, что у него под конец от беспрестанного нагибания заболела шея и спина, и он принужден был удалиться; известно, что его величество очень высок ростом, почему только весьма немногие могли целоваться с ним так, чтобы он не нагибался...»^{260}

«В январе 1723 года купец Тамсен рассказывал нам, — записал Берхгольц, — что его величество был вчера у него и при этом случае по всем правилам и своими собственными инструментами выдернул зуб его долговязой голландской девке, потому что считает себя хорошим зубным врачом и всегда охотно беретя вырвать кому-нибудь зуб. Он за несколько дней перед тем услышав, что девка жалуется на зубную боль, обещал ей приехать сегодня и избавить ее от страдания...»

19 апреля 1723 года Петр присутствовал на торжестве по случаю дня рождения герцога Голштинского: «...так как его величество не ждали так рано, блюда являлись на стол одно за другим, по мере того, как были

готовы. Между тем он держался покамест холодного и кушал с тарелок приготовленное для него собственными его людьми, то есть бывшими тут же кухмистером и двумя русскими поварами, которые готовят ему кушанья, обыкновенно подаваемые за его обедом, как, например, какие-нибудь овощи, изрезанную маленькими кусочками жареную говядину с солеными огурцами, жареные утиные ножки, которые он всегда окунает в кислый соус, приправленный луком, молодую редиску и т. п. Впрочем, его величеству очень нравились и некоторые кушанья, изготовленные нашими поварами, в особенности те же, при которых много соуса и в которых нет сахара, потому что сахар в кушаньи он никогда не терпит...»

29 июня, день тезоименитства Петра, отмечаемый в Летнем саду. «В саду я с удивлением смотрел, — заметил камер-юнкер, — на иностранных корабельщиков, которые свободно могут являться на все празднества, назначаемые в саду, где имеют и свой особый стол; они сидели с императором, который поместился между ними, в своих шапках и шляпах на головах, и толковали с ним без всяких церемоний, потому что его величество с такими людьми обходится очень милостиво и с большим удовольствием пускается с ними в разговоры о мореплавании и торговле...»^{261}

Едва ли не самую обстоятельную характеристику царя и оценку его деяний дал французский посол Кампредон. Это обстоятельство, надо полагать, объясняется не столько проницательностью и наблюдательностью самого дипломата, сколько временем составления его отзыва о царе — он относится к 1724 году, то есть к концу царствования Петра, когда значение преобразований было оценить гораздо легче.

«На Петра, — рассуждал Кампредон в депеше от 5 января 1724 года, — которого большая часть европейских держав почти не хотела знать, не следует больше смотреть с прежней точки зрения. Ништадтский договор сделал его властелином двух лучших портов на Балтийском море. У него многочисленный военный флот, он каждый день увеличивает количество своих галер и внушает страх всем своим соседям». У него регулярная армия в 150 тысяч человек, у него Украина, представляющая «одну из лучших стран в мире по плодородию и превосходству климата». «В деле цивилизации своих народов он делает чудеса. Счастливое изменение в них постепенно становится заметнее с каждым годом, и надо думать, что через несколько лет молодежь обою пола... привыкнув к непохожему на дедовские обычаи образу жизни, будет предпочитать его тому варварству, в котором коснели отцы ее, и из самолюбия станет поддерживать то, чему

последние стараются противодействовать в силу привычки»^[262].

Самое последнее по времени известие о русском императоре, принадлежащее перу иностранца, относится к 1731 году — когда испанский посол герцог де Лириа отправил в Мадрид «Донесение о Московии». Оно было составлено шесть лет спустя после смерти Петра Великого; следовательно, посол черпал сведения о нем из рассказов современников. Автор поставил задачу подвести итоги царствования Петра и дать представление о личности, стоявшей во главе преобразовательных начинаний. Образованность, широта взгляда, способность анализировать, обобщать и сопоставлять события и факты позволили герцогу успешно справиться с поставленной задачей.

«Он начал править Российской империей, подверженной бесконечным восстаниям, в очень раннем возрасте, и на его жизнь много раз покушались», — с такого экскурса в прошлое начал «Донесение» де Лириа. «Он счастливо избежал всех западней, расставленных перед ним, только благодаря своему мужеству и осторожности! Он рассудил, что ему было бы полезно увидеть другие страны, чтобы познакомиться с их образом жизни, и побывал в Голландии, Англии, Германии и Польше, где, знакомясь со всем, увидел, что на его народ можно смотреть как на варварский в сравнении с другими европейскими народами, и уделил все свое внимание тому, чтобы его подданные путешествовали, послав их в большом количестве ко всем дворам, чтобы обучиться ремеслам, и призвав с разных сторон людей, опытных в производствах и науках. Русские войска не знали ни уставов, ни субординации, ни порядка и находились на том же уровне, что и у татар, так что, когда он хотел вести войну, его войска собирались и шли на поиски неприятеля, не соблюдая ни единого правила военного искусства. Петр поставил их на уровень немецких войск, сформировал полки, создал уставы и не без больших трудностей добился того, чтобы они пришли в нынешнее состояние, хотя, конечно, они и не являются лучшими по качеству войсками в Европе, не лучше всех обученными.

В Российской монархии не знали, что такое корабли, а он добился также создания военного флота, достаточно хорошего и достаточно упорядоченного, как показано будет ниже в соответствующем разделе».

Далее де Лириа сообщает о страсти царя к ремеслам, о его внешнеполитических успехах. «Он великолепно изучил все ремесла, а больше всего механические, и не имелось никакого военно-морского офицера во всей Европе, который лучше него знал бы свои обязанности, в особенности же в судостроении. Ни один генерал не знал военного дела лучше, чем этот великий монарх, благодаря чему он совершил столь

большие завоевания, что расширил свои владения на Севере и до Курляндии, завоевав затем провинции Ливонию, Эстонию, Ингрию, Карелию и часть Финляндии. В сторону Азии он продвинул свои завоевания далеко за Дербент, в Персии и на Каспийском море, на Понте Евксинском и до Азова». Завершается этот панегирик Петру оправданием той высокой цены, которая заплачена за преобразования; де Лириа считает царя человеком не жестоким, а, напротив, гуманным: «Бесчисленное количество людей, которые умерли от него в страшных муках, заставляют видеть в нем даже жестокого человека, но он не был таковым, а, напротив, был очень гуманным; но с таким варварским народом, который ежедневно злоумышлял против его усилий, необходимо быть жестоким. Он нежно любил иностранцев и всегда обращался с ними с наибольшей добротой, награждая их, когда они того заслуживали».

В отличие от прочих дипломатов и иностранцев-мемуаристов, де Лириа обнаружил в царе и недостатки и даже пороки: он «любил вино с излишествами, женщин же любил слишком грубо, не говоря уже о другом постыдном пороке, о котором скромность заставляет меня умолчать»^{263}. Что подразумевал де Лириа под «постыдным пороком», сказать трудно. Быть может, злопыхатели царя нашептали ему всякой всячины, быть может, имелось в виду насильственное замужних дам, но, может быть, это просто выдумка самого де Лириа.

Впрочем, в сочинениях иностранных дипломатов встречаются и полностью враждебные оценки деятельности Петра и результатов его преобразований. Так, секретарь прусского посольства И. Г. Фоккеродт в своих записках оценил все содеянное в России при Петре Великом не только как ничтожное, но и как вредное. Строительство Петербурга, например, он обосновывал не экономической целесообразностью, а лишь страстью царя к морю, причем само перенесение столицы из Москвы в Петербург считал «больше вредным, чем выгодным». Не одобрял Фоккеродт и отправку за границу волонтеров, большинство из которых возвращалось в Россию с теми же знаниями, «которые взяли их с собой». Фоккеродт, без особой мотивировки, отмечал ненависть населения к новым учреждениям, введенным Петром, и в конечном итоге предрекал гибель страны от сокращения численности населения, обусловленного детской смертностью и «любопытной болезнью», якобы распространенной среди простого народа.

Не вызывали у него симпатий и свойства природы царя: «У него не было ни малейшего вкуса к удовольствиям... Все его развлечения имели в себе что-то грубое и неприятное». Осуждал он и увлечение царя

кораблестроением, когда тот «проводил время в чертежах и вычислениях», запуская «и самые важные государственные дела»^{264}.

Как видим, одни и те же поступки и деяния Петра вызывали диаметрально противоположные оценки, продиктованные либо вкусами авторов депеш, либо политическими мотивами, желанием видеть Россию таким же немощным захолустьем Европы, какой она была в XVII веке.

Переходим к рассмотрению русских анекдотов о Петре. Возможны два подхода к их изучению: по составителям (А. К. Нартов, Я. Я. Штелин, И. И. Голиков) и по темам, то есть по тем свойствам натуры царя, которые раскрываются анекдотами. Мы избрали второй путь, позволяющий избежать повторений. В подавляющем большинстве случаев каждый из анекдотов является оригинальным сочинением, высвечивающим различные черты характера царя в различных жизненных ситуациях. Иногда, однако, составители излагают один сюжет, но рассматривают его под разными ракурсами, что дает основание видеть здесь не плагиат, а особенности использованных источников информации, когда одному из участников или свидетелей события запомнился один эпизод, а другому — другой. Удельный вес подобных повторений невелик: из 113 анекдотов Штелина и 139 рассказов Нартова совпадения обнаруживаются только в 19, часто сближается лишь тематика, а не содержание.

Лейтмотив собранных составителями анекдотов состоит в выявлении исключительных черт в натуре русского царя, его несхожести с прочими монархами. Ярче всех эту сторону поведения Петра выразил А. К. Нартов в первом же рассказе, которым открывается его сочинение: «Слыхал ли кто или читал ли кто в каких-либо преданиях, чтоб самодержец при вступлении своем на престол, оставя корону, скипетр и поруча правление царства ближним вельможам, предпринимал отдаленное странствование по чужим государствам единственно ради того, чтоб просветить, во-первых, себя науками и художествами, иметь свидание самоличное с прочими государями, устно с ними о взаимных пользах говорить, утвердить дружбу и согласие, познать правительства их, обозреть города, жилища, изведать положение мест и климатов, примечать нравы, обычаи и жизнь европейских народов, полезное от сего перенять, потом подобное водворить в отечество свое, преобразовать подданных и соделать себя достойным владельцем пространной монархии?»

Исключительно само зачатие Петра, о котором царю Алексею Михайловичу сообщили два звездочета на другой день после брачной ночи; они пророчили новорожденному славное будущее. Имеющий появиться на

свет младенец, предсказывал один из звездочетов, Симеон Полоцкий, «станет удивления достойным победителем», «победит мятежных своих соседей, учинит столь много славных дел, каковых ни один из предков его произвести не мог...». Он преодолет многие преграды, укротив возмущение, и произведет на суше и на море много «великих деяний», будет «истреблять злобных, но любить будет ревностных»^{265}.

Общеизвестно, что Петр не отличался ни богатырским телосложением, ни богатырской силой. Анекдоты же повествуют о необычайной физической силе царя. Один из анекдотов Нартова свел для соревнования в силе и ловкости двух монархов — Петра и короля Речи Посполитой Августа II, обладавшего необыкновенными физическими данными и имевшего прозвище «Сильный». «Известно, — рассказывает Нартов, — что Петр Великий и Август, король польский, имели силу телесную необычайную и превосходящую силу человеческую». Далее следует рассказ о том, как король и царь демонстрировали силу, сгибая в трубку стоявшие на столе одну за другой серебряные тарелки. Опасаясь остаться без посуды, монархи избрали иную форму демонстрации своих данных. Август одним махом отсек буйволу голову; Петр заявил о своем нежелании лишать жизни животное и попросил подбросить сверток сукна, который на лету разрубил кортиком пополам^{266}.

Идеальный монарх должен отличаться храбростью, отвагой, приводящими в трепет противников. Анекдоты не обделили Петра и этими свойствами природы, впрочем, вполне реальными. Один из анекдотов Штелина повествует о том, как Петр получил известие о том, что Цыклер и Соковнин, готовя на него покушение, собрались у Соковнина для обсуждения зловещего плана: поджечь дом и, когда царь, по своему обыкновению, прибудет для тушения пожара, окружить его и убить. Царь велел капитану с ротой прибыть в логово заговорщиков, чтобы их всех арестовать, но перепутал время их прихода. В результате Петр в течение получаса, пребывая в окружении врагов, проявил величайшую выдержку, не выказал страха за свою жизнь, вел с ними спокойный разговор, вплоть до появления роты с капитаном. В результате все заговорщики были схвачены.

Этот анекдот, видимо, был широко распространен среди современников и потомков, ибо его воспроизвел с некоторыми изменениями и И. И. Голиков: у Голикова Петр заходит к заговорщикам не нарочито, а случайно, называет улицу, где собрались заговорщики. Не дождавшись прибытия офицера, царь заявил, что уже согрелся, и стал

выходить из дома. «Они хотели было его провожать, но государь остановил их в дверях, которые затворил и припер». Анекдот Голикова дополнен объяснением причин заговора: введение царем новшеств, противных «старинному обыкновению, и преднамеренная посылка детей их в еретические земли»^{267}. Нартов приводит другой поступок царя, свидетельствующий о его отваге. 7 мая 1703 года Петр и Меншиков, располагая лишь 15 лодками каждый, под прикрытием тумана овладели штурмом двумя шведскими кораблями, вооруженными пушками. Это была дерзкая и смертельно опасная операция, ибо неприятельские корабли имели 24 пушки, а нападавшие — ни одной^{268}.

Идеальный монарх в представлении современников должен был обладать бережливостью, неприязнательностью в быту, довольствоваться скромной пищей и одеждой. Составителям анекдотов Петр предоставил обильный материал. Штелин, имевший обыкновение придавать своим анекдотам нравоучительный характер, один из них озаглавил так: «Петр Великий не любил никаких излишеств и великолепия». В нем он поведал, что царь «никакой пышности терпеть не мог, никогда не ездил в карете, а пользовался одноколкой, в которой умещалось едва два человека». Он не содержал камергеров, камер-юнкеров, а довольствовался услугами четырех — шести денщиков. Развивая тему, Штелин привел еще один анекдот о бережливости: даже летом царь носил шерстяные чулки^{269}. Скромность придворной жизни царского двора отметил и Нартов: «Петр Великий не любил никакой пышности, великолепия, многих прислужников». Нартову довелось побывать в каморке, где царь проживал, будучи волонтером: ему показывали «жилище сего монарха, постелю его, шкиперское платье, топор, чем плотничал, и прочие оставленные вещи».

Все составители анекдотов писали о неприязнательной пище царя: Нартов отмечал, что монарх не претендовал на изысканные блюда: «кислые щи, студени, каши, жареное с огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отменно жаловал лимбургский сыр». Рыбу царь не любил. Скромность царского меню отметил и Штелин: «шти, каши, студень, холодное жаркое с огурцами или соленым лимоном, лампреты, солонина, ветчина, лимбургский сыр; пред обедом пивал он по рюмке анисовой водки, а за столом квас и хорошее вино, но лучше всего еремитаж, иногда же рюмку-другую венгерского вина». В одном из анекдотов Нартов приводит рассуждения на этот счет самого Петра: во время поездки царя в Париж местный епископ в Бове приготовил роскошный обед, но Петр не остановился у епископа. Сопровождавшие

царя докладывали ему, что в другом месте такой изысканной трапезы не будет, на что он им ответил: «У вас только и на уме, чтоб пить да есть сладко. Для солдата был бы сухарь да вода; так он тем и доволен, а здесь можно найти белый хлеб и вино».

Едва ли не самыми интересными являются те страницы анекдотов, которые повествуют о монархе как о слуге государства. Здесь на первое место надлежит поставить анекдот Штелина «Петра Великого удивительная любовь к своему государству и отечеству». Нам довелось доказывать, что сюжет анекдота недостоверен, что он измышлен Штелиным, что в жизни ничего подобного не происходило. Однако в данном случае для нас важна не достоверность сюжета, а его идейная направленность, оценка в общественном сознании поведения царя, в сложной обстановке пожертвовавшего интересами семьи в пользу государства, его готовность отдать жизнь ради этих интересов. Ради благополучия государства царь отказывает сыну в праве наследовать престол, поскольку ему было известно, что все его преобразовательные усилия и понесенные ради них жертвы пойдут прахом, ибо наследник не разделяет взглядов отца на европеизацию страны. Петр якобы отправил письмо Сенату с берегов Прута, когда его армия оказалась в окружении превосходящих сил противника и царю грозила либо смерть, либо плен [{270}](#).

Свидетельства составителей анекдотов о прохождении Петром службы перекликаются с сообщениями иностранных наблюдателей. Нартов писал: «Петр Великий, начав службу в сухопутном войске (и во флоте) с нижних чинов, происходил в высшие степени существенными трудами, по заслугам и достоинству за баталии и осады, при которых присутствуя особою своею, бывал то подчиненным, то храбрым предводителем, в сильнейшем огне, с бесстрашием и с присутствием духа, здравого и решительного рассуждения, в опасных случаях против неприятелей, к подданным говоря так: «Победить или умереть славно!» Наконец, достигнув до чинов сухопутной армии до генерал-майорского, а во флоте до вице-адмиральского, получал и обыкновенное жалованье».

К сюжету о службе царя Нартов обращался неоднократно: то он подчеркивал строгое соблюдение царем субординации, то демонстрировал соблюдение дисциплины. Будучи в Архангельске, царь напросился к одному опытному амстердамскому мореплавателю на его корабль матросом и исправно выполнял обязанности последнего. «Монарх исполнял все его повеления скоропостижно, подавая сим пример прочим находившимся на корабле подчиненным, каким образом надлежит повиноваться командиру и

отправлять должность. Царь оформлял повышение чином через обращение с просьбой к князю-кесарю Ромодановскому. Так, чин вице-адмирала Петр испрашивал за Гангутскую победу «в образец прочим, что воинские достоинства получаютя единственно по заслугам, а не породю и счастием».

О продвижении по служебной лестнице царя за особые заслуги писал и Штелин: он «долгое время был барабанщиком, а потом двенадцать лет рядовым солдатом», не освобождал себя от тягот солдатской жизни, «подавая собою пример тем, которых он хотел привлечь к военной службе». Более того, согласно анекдоту Штелина царь отказался от чина вице-адмирала в пользу более заслуженного контр-адмирала. Составитель анекдота приводит рассуждения Петра: «Члены коллегии справедливо судили и правильно поступили. Есть ли бы они были столь подлы, чтоб от ласкательства (подхалимства. — *Н. П.*) предпочли меня моему товарищу, то бы конечно за то должныствовали ответственать»^{271}.

Служебное рвение царя прослеживается в его напряженном распорядке дня. Штелин сообщал: «Зимою вставал он обыкновенно в 4 часа поутру, принимал предложение дел, немного завтракал и в 6 часов выезжал в Адмиралтейство, Сенат и проч. Обеденный стол имел он 1 часу пополудни, потом в шлафроке своем успокаивался часа на два в своей постели. В 4 часа пополудни приказывал он к себе приносить те дела, которые отдавал поутру на исполнение». Распорядок дня царя, приведенный Штелиным, почти полностью совпадает с описанием его Нартовым: «Обыкновенно вставал его величество утром часу в пятом, с полчаса прохаживался по комнате, потом Макаров читал ему дела; после, позавтракав, выезжал в одноколке или верхом к работам или на строение, оттуда в Сенат или Адмиралтейство. В хорошую погоду хаживал пешком. Обедал в час пополудни. В десять часов пил одну чарку водки и заедал кренделем; после того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; в четыре часа после обеда отправлял паки разные дела; по окончании оных тачивал; потом либо выезжал к кому-либо в гости, или дома с ближними веселился».

Даже будучи прикованным к постели тяжелой болезнью, находясь в ожидании скорой кончины, Петр не забывал об обязанностях службы: в эти дни он сочинял инструкцию руководителям Камчатской экспедиции В. Берингу и А. Чирикову.

Цель своего поведения царь объяснил, будучи на Марциальных водах, придворному доктору Арескину: «Врачую тело свое водами, а подданных — примерами; и в том и в другом исцеление вижу медленное; все решит

время; на Бога полагаю надежду».

Особое место в анекдотах о Петре занимает его военная деятельность. И это неудивительно, ибо большую часть своего царствования он воевал. В анекдотах Петр постоянно выступал не в роли кровожадного хищника, готового прихватить все, что плохо лежало, а в роли защитника государственных интересов и благородного воина, относившегося по-рыцарски и с уважением к неприятелю, даже побежденному. В противнике он ценил мужество, преданность монарху. Лишь однажды он проявил несдержанность к коменданту нарвской крепости генералу Горну, во-первых, за дерзкий ответ на предложение гарнизону капитулировать, а во-вторых, за бесполезное сопротивление обреченного на сдачу гарнизона, бессмысленное пролитие крови. Воспаленный гневом царь нанес пощечину с опозданием сдавшемуся Горну, показав при этом окровавленную шпагу, которой он умирал разъяренных русских солдат. В остальных случаях анекдоты запечатлели великодушие и галантность царя. Петру доводилось терпеть и неудачи, но он не терял хладнокровия и упорно преодолевал все трудности на пути к победе.

В принципе царь отдавал предпочтение не войне, а миру, не разрушению, а созиданию. Нартов занес в «Рассказы» замечательные слова: «Какой тот великий герой, который воюет ради собственно только славы, а не для обороны Отечества, желая быть обладателем вселенной! Александр — не Юлий Цезарь. Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света; последовал его неудачный успех. Под последователями разумел государь Густава Адольфа и Карла XII».

У Нартова есть еще один анекдот на ту же тему: «Я к миру всегда был склонен, — говаривал царь, — но того неприятель слышать не хотел. Что Карл XII запутал упрямством, то распутывать силою и оружием, доколе мир решит сам Бог».

После разгрома шведов под Полтавой Петр дал обед, на который пригласил и побежденных генералов и произнес тост, свидетельствующий об уважении к побежденным и даже о чувстве благодарности им: «Я пью за здоровье моих учителей, которые меня воевать научили». И тут же рыцарский жест: «выхваляя мужество и храбрость Реншильда, пожаловал ему свою шпагу». Это не единственное заявление Петра о том, что он обучался военному искусству у шведов. «Я знаю, — говорил он задолго до Полтавы, — что шведы нас еще несколько раз побеждать будут; но, наконец, научимся сим побивать и мы»^{272}.

Проявлял царь уважение и к Карлу, хотя одновременно осуждал его. Узнав о его ранении накануне Полтавской битвы, он выразил сожаление.

«Жалею, — читаем в одном из анекдотов Нартова слова Петра, — что брат мой Карл, пролив много крови человеческой, льет ныне и собственную свою кровь для одной мечты быть владельцем чужих царств; но когда рассудительно не хочет владеть своим королевством, то может ли повелевать другими. Но при всем упорстве его, кровь его для меня драгоценна и я желал бы мир иметь с живым Карлом. Я, право, не хочу, чтобы пуля солдат моих укоротила жизнь его».

Мысль о судьбе «брата своего Карла» не оставила царя и после того, как отгремели последние выстрелы сражения. Еще накануне он «приказал паче всего щадить и спасти жизнь Карла XII, непримиримого неприятеля своего». Но получив известие, что на поле найдена королевская качалка, вдребезги разбитая, в которой носили раненого короля, он «сожалел чрезвычайно о судьбе его и беспокоился, полагая его убитым, повелел искать между убитыми».

Четырехлетнему пребыванию Карла XII в Бендерах, куда он бежал после поражения, посвятил несколько анекдотов Штелин. Сначала Петр, часто «говаривая о несчастном своем брате Карле, удивлялся непонятной его упорливости, соболезнавал о тесных его обстоятельствах, в которые он себя поверг необузданною своею гордостью и своенравием и сожалел о своем шведском Карле», но после получения известия о сражении с турками, оказавшими ему гостеприимство, царь произнес слова осуждения: «Теперь я вижу, что его Бог оставил, ибо он собственных своих друзей оскорбил». Наконец, в 1718 году, когда Петру сообщили о гибели Карла XII при Фридрихсгаме, «потекли из очей его слезы, а как он приметил, что оные по лицу его катятся, то отворотился от окружавших его и отер их платком; потом сказал смущенным голосом: «брат Карл, сколько я о тебе сожалею»^{273}.

В то же время Петр в анекдотах осуждает жестокости Карла XII. В особенности гнев царя вызвала суровая расправа Карла над своим министром Паткулем, выданным шведскому королю после заключения Альтранштадтского мира. «Август научился трусить у поляков, а Карл свиреп. Оба дадут ответ за Паткуля. Кто жесток, тот не герой. Паткуль не заслуживал такого тиранства. Его весь свет оправдывает».

Далеко не все события Северной войны нашли отражение в анекдотах. Тщетно искать в них реакции царя на овладение Шлиссельбургом, сражение при Калите, битву у Лесной, пленение шведской армии у Переволочны и др. А ведь Петр лично командовал войсками у Лесной, осаждал Шлиссельбург. Столь же непонятны умолчания анекдотов о таких важнейших внешнеполитических акциях, как Константинопольский,

Амстердамский и Петербургский договоры.

Анекдоты рассказывают о милосердии и щедрости Петра, причем каждый из авторов обнаруживает проявление этих черт в различных ситуациях. Нартов, например, приводит анекдот, похожий не на быль, а на легенду, о том, что Петр, представившийся проезжим офицером, наградил заботящуюся о своем отце дочь пятью рублями, а ее отца за хорошую службу — капитанским жалованьем и 500 рублями. Более похож на правду анекдот о том, как царь велел выдавать полковнику Карпову, «мужу заслуженному, но малоимущему», до самой его смерти полковничье жалованье и сверх того наградил 50 дворами крестьян.

Снисходительность проявил Петр и к денщикам, которые провинились в том, что ушли в ночное время из дворца на свидание к своим возлюбленным. Денщики ожидали сурового наказания, но его не последовало — царь всего лишь пригрозил: «Впредь уходить со двора без приказа моего никто не дерзнет, иначе преступника отворочаю так дубиной, что забудет по ночам гулять и забывать свою должность...» Милосердие царя вызвал поступок чьего-то сына, павшего к его ногам и просившего помиловать отца, приговоренного к смерти: «Со смертью его и смерть моя». Петр помиловал провинившегося, сказав: «Счастлив отец, имея такого сына»^{274}.

Умел Петр ценить преданность, таланты и благородство соратников и полководцев. В общей форме стремление царя воздать должное за усердие отметил Штелин в анекдоте под выразительным названием «Петра Великого признательность за верную службу»: «Ни один почти генерал и гражданский служитель не был оставлен без благотворения, хотя б он был иностранец или россиянин». Нартов подтвердил это конкретными примерами. О Б. П. Шереметеве Петр отзывался так: «Бориса Петровича нет уже, не будет скоро и нас. Храбрость и верная его служба не умрет и памятна будет в России навсегда».

Особую симпатию как царя, так и Нартова, вызывали храбрость и благородство генерала М. М. Голицына, водившего в атаку войска с трубкой во рту и наделенного высоким чувством благородного человека, способного ради интересов ближнего пожертвовать личным благополучием. Приведем этот рассказ полностью: «Генерал-майор князь Голицын, одержав над шведским генерал-майором Розеном под Добрым близ реки Напы знатную победу, спрошен был Петром Великим: «Скажи, чем тебя наградить?» На что он отвечал: «Всемиловитейший государь, простите князя Репнина», который впал незадолго перед сим в немилость государскую (был разжалован в рядовые за поражение под Головчиным в

июле 1708 года. — Н. Л.). «Как, — сказал государь, — разве ты забыл, что Репнин твой враг?» «Знаю, — говорил Голицын, — и для того вашего величества о помиловании его прошу». На сие Петр Великий отвечал: «Великодушие твое похвально, заслуга твоя достойна награды, я для тебя его прощаю». Но сверх того князю Голицыну пожалован орден апостола Андрея. Князь Голицын приобрел при сем случае сугубую славу как храбростью, так и великодушием, а государь показал, сколь умеет он воздавать подданному за его заслуги».

Второй раз Голицын отличился в 1720 году (Нартов ошибочно назвал дату 1719 год) при морском сражении у Гренгама. В анекдоте, посвященном этому событию, Нартов еще более рельефно отразил душевные свойства Голицына. Царь решил пожаловать генерала деревнями, но тот от них отказался и «получил вместо сего шпагу драгоценную и денежное награждение. Князь Голицын, получив от государя деньги, купил на оные шапки, коты и фуфайки и в жестокою зиму роздал их в походе бывшим с ним солдатам. Петр Великий, уведомясь о таком бескорыстии и человеколюбии, душевно был доволен; увидя князя Голицына и поцеловав его в лоб, сказал ему: «Прямой сын отечества; ты печешься более о здоровье моих солдат, чем о себе».

С похвалой Петр отзывался о князе Якове Федоровиче Долгоруком, осмеливавшемся резать правду-матку не только сенаторам, но и самому царю. «Князь Яков в Сенате прямой помощник; он судит дельно и мне не потакает, без красноречия режет прямо правду, несмотря на лицо». Князь Я. Ф. Долгорукий не запятнал своего имени ни казнокрадством, ни мздоимством, ни прочими неблаговидными поступками. Но как быть с А. Д. Меншиковым, которого природа наградила не только талантами полководца и администратора, но и страстью к стяжательству, порождавшей казнокрадство и вымогательство посулов? Обойти молчанием эту колоритную фигуру составители анекдотов, конечно же, не могли. Современников и потомков интересовал вопрос, как светлейшему князю удавалось долгое время сохранить фавор, чем объяснить благосклонность к нему царя, человека хотя и справедливого, но сурового, отправлявшего провинившихся на виселицу и эшафот. Почему Меншикову все сходило с рук? Приведем несколько анекдотов на этот счет.

Петр во время второго заграничного путешествия поручил обустройство Васильевского острова Меншикову. После возвращения из-за границы он вместе с принятым на русскую службу архитектором Леблонем осматривал плоды деятельности Меншикова. Царь согласился с мнением архитектора, что все надо переделывать, что потребует немалых затрат. «Ты

безграмотный, ни счеты, ни меры не знаешь!» — кричал разъяренный царь, затем «схватил Меншикова за грудь, потряс его столь сильно, что чуть было душа с него не выскочила, и вытолкнул потом вон». Все думали, продолжал Нартов, что Меншиков «через сию вину лишится милости, однако государь после, пришед в себя, кротко говорил: «Я виноват сам, да поздно; сие дело не Меншикова, он не строитель, а разоритель городов».

В другой раз царь в гневе грозил вернуть князя, выражаясь языком того времени, в первобытное состояние, то есть сделать продавцом пирожков. Гнев царя укротила его супруга, и все обошлось для него благополучно. Как-то во время очередной провинности князя и очередного заступничества за него Екатерины царь в сердцах произнес: «Ей, Меншиков в беззаконии зачат и во всех гресех родила мати его, а в плутовстве скончает живот свой. И если, Катенька, он не исправится, то быть ему без головы»^{275}.

В приведенных выше случаях Нартов объяснял безнаказанность Меншикова заступничеством Екатерины. Более основательные причины снисходительности царя привел Штелин. В одном из анекдотов он рассказал, что Сенат представил царю донесение с изложением всех проделок светлейшего, в том числе и его хищений из казны. Царь, выслушав обвинения, якобы произнес фразу, дающую основания для различных ее толкований: «Меншиков останется Меншиковым». Более четкий ответ Петра приводит Нартов: «Вина немалая, да прежние заслуги более». Правда, вина была уголовная, однако государь наказал его только денежным взысканием, а в токарной тайно при мне одном выколотил его дубиной и потом сказал: «Теперь в последний раз дубина; ей, впредь, Александра, берегись».

Широкий отклик у населения, прежде всего черного и белого духовенства, нашла церковная реформа Петра. Отмена патриаршества и частичная секуляризация церковных владений, стремление царя принудить духовенство служить государству вызвали глухой ропот. Открыто выступить против реформ духовенство, однако, не осмеливалось, опасаясь крутого на расправу царя. Царь же отвечал духовным взаимной неприязнью.

Ни один из анекдотов не освещает причастность духовенства к делу царевича Алексея, но косвенную вину за его бегство признает. «Когда б не монахиня (Евдокия Лопухина, первая супруга Петра. — *Н.* рассказывает Нартов, — и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое зло неслыханное». Он приводит и слова Петра: «Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы. Отец мой имел дело с одним бородачом, а я с тысячами».

Любопытные сведения об отношении царя к робким заявлениям церковных иерархов о необходимости восстановить патриаршество сообщил Нартов. Царь действовал решительно и бескомпромиссно: «вынув одной рукой из кармана к такому случаю приготовленный Духовный регламент и, отдав, сказал им грозно: «Вот вам духовный патриарх», а противомыслящим сему (выдернув другой рукой из ножен кортик и ударя оным по столу) вот булатный патриарх». Иную версию этого же события передает Штелин: когда иерархи потребовали восстановления патриаршества, Петр пришел «во гнев и, ударив себя в грудь, сказал: «Вот вам патриарх». Оба варианта имеют право на существование, но, зная нрав Петра, следует, на наш взгляд, отдать предпочтение версии Нартова.

Вполне логично и рассуждение Петра, переданное Нартовым, о судьбе доходов, получаемых с монастырских крестьян, и материальных условиях жизни монашествующих: «Монастырские с деревень доходы надлежит употреблять на богоугодные дела и в пользу государства, а не для тунеядцев. Старцу потребно пропитание и одежда, а архиерею — довольное содержание, чтоб ему было прилично. Наши монахи зажирели. Врата в небеси — вера, пост и молитва. Я очищу им путь к раю хлебом и водою, а не стерлядями и вином».

В связи с церковной реформой Нартов описывает несхожую жизнь двух иерархов: Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Явившись неожиданно поздним вечером к тому и другому, Петр застал Стефана Яворского за сочинением «Камня веры», а на столе вместо вина или водки нашел брусничную воду. Иную обстановку царь обнаружил у Феофана Прокоповича: уставленный всякими яствами стол, вино и гостей навеселе. Феофан Прокопович не растерялся и пригласил царя к застолью. Царю импонировал как аскетизм Стефана Яворского, так и жизнелюбие Феофана Прокоповича. Первому он на прощанье сказал: «Клевета язвит, днем хулит, но непорочность ясна и в ночи. Прощай, будь спокоен; невинность защищает Бог». С пониманием отнесся Петр и к тому, что узрел в покоях Феофана Прокоповича, и успокоил своего главного помощника по проведению церковной реформы словами: «У Стефана, как у монаха, а у Феофана, яко у архиерея, весело и проводить время не скучно».

Приведенные анекдоты не дают ни малейших оснований для сомнений относительно твердости царя в соблюдении веры. «Петр Великий был истинный богопочитатель веры христианской, — рассказывал Нартов, — и, подавая собою примеры того, говаривал о вольнодумцах и безбожниках так: «Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен». Штелин в одном

из анекдотов тоже подчеркнул «величайшее уважение» царя к Библии. Петр велел печатать ее в Амстердаме на «своем иждивении на русском и голландском языках»^{276}.

Ревность Петра к вере отметил в нескольких анекдотах и Штелин. Он писал, что «сей государь от младенчества своего имел основанием премудрости страх Господен и во всю жизнь свою пребыл в оном непоколебим... сколько он ненавидел разврат и суеверие, столько был равнодушен к прочему, касающемуся до особенных обрядов и различных отправлений публичных богослужений». Не придавая большого значения церковной обрядности, он в то же время, как свидетельствует Штелин, требовал от молящихся в церкви благоговения и усердной молитвы. Для соблюдения благочестия он определил в придворной Троицкой церкви и во многих других храмах специальных надзирателей, обязав их пресекать всякие разговоры во время церковной службы.

Составители анекдотов не оставили без внимания и заботу Петра о распространении просвещения и научных знаний. Правда, некоторые начинания царя в этой области оказались вне поля их зрения: учреждение цифирных и епархиальных школ, выпуск первой печатной газеты, совершенствование шрифта и другие не нашли отклика в анекдотах. Зато и Нартов, и Штелин приводят диалог царя с генерал-прокурором П. И. Ягужинским в связи с открытием Кунсткамеры.

Ягужинский предложил взимать плату за посещение музея и собранные деньги использовать на содержание штата и приобретение новых экспонатов. Петр, как мы помним, резко возразил на это.

У Нартова возражения Петра Ягужинскому выглядят так: «Павел Иванович, где твой ум? Ты судишь неправо; по-твоему — намерение мое было бы бесполезно. Я хочу, чтобы люди смотрели и учились. Надлежит охотников приучать, подчивать и угощать, а не деньги с них брать». Примерно такой же ответ царя Ягужинскому записал и Штелин: «Павел Иванович, ты глупо рассуждаешь! И предложение твое более бы воспрепятствовало, а не споспешествовало моему намерению, ибо кому была бы нужда в иностранных моих редкостях, и кто бы пожелал видеть мою Кунсткамеру, если б ему за то надлежало еще платить деньги? Но я при том еще приказываю, чтоб не токмо каждого безденежно впускать, но сверх того всегда, как ни соберется общество, угощать их на мой щет чашкою кофе, стаканом вина, рюмкой водки или другими напитками в самих Кунсткамерах». На этого рода расходы царь выделил 400 рублей в год. Впрочем, угощению подлежали только знатные экскурсанты.

Принцип отбора материалов для анекдотов предельно ясен:

панегиристы Петра избегали освещения тех поступков и черт характера царя, которые не вызывали у читателей умиления и не укладывались в панегирический тон повествований. Исключение составляют рассказы об отношении царя к женщинам, но и здесь требуется оговорка: они вызывают осуждение с современной нам точки зрения, ибо анекдоты повествуют о плотской любви, легко достававшейся царю. Однако в глазах современников царя любовные его похождения, называвшиеся в то время забавами (о которых более других рассказывает Нартов), победы над слабым полом почитались молодецкими поступками, заслуживающими подражания.

Нартов так описывал отношение царя к слабому полу: «При всех трудах и заботах государственных государь иногда любил побеседовать с красавицами, только не более получаса. Правда, любил его величество женский пол, однако ж страстью ни к какой женщине не прилеплялся и утешал любовный пламень скоро, говоря: «Солдату утопать в роскоши не надлежит; забывать службу ради женщины непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне; у неприятеля скорая может быть свобода, а у женщины оковы долговременны».

Он употреблял ту, которая ему встретилась и нравилась, но всегда с согласия ее и без принуждения. Впрочем, имел такие молодецкие ухватки и так приятно умел обходиться с женским полом, что редкая отказать бы ему могла. Видали мы сие не токмо дома, но и в чужих государствах, а особливо в Польше, когда он на такую охоту с Августом ездил».

Однажды, рассказывает Нартов, царю приглянулась белошвейка «приятного и красивого лица». Екатерина, узнав о существовавших между ними интимных связях, решила избавить супруга от неудобств и определила белошвейку камер-юнфером. Царь был расстроен и удивлен неожиданной встречей с возлюбленной в апартаментах Екатерины и тут же «вышел вон». Супруга удалила ее, после чего царь «сию девушку никогда к себе не призывал». Имел царь близкие отношения и с «одной молодой, рослой и пригожей девкой» в Саардаме, которая являлась «предметом его забавы» и стоила 50 червонцев, а также с актрисой Клосс в Лондоне, оставшейся недовольной низкой оплатой царем своих услуг. Впрочем царь, согласно анекдотам Штелина, был снисходителен и к плотским грехам других ^{277}.

Многие сюжеты личной жизни Петра и его государственной деятельности не отражены в анекдотах. Это касается событий и поступков царя, вызывавших резкое противодействие населения: среди

многочисленных анекдотов мы не обнаружим ни одного, освещавшего бунты в Астрахани и на Дону, нет анекдотов об измене Мазепы. Не заметили составители анекдотов и событий из семейной жизни царя, не лучшим образом его характеризующих: заточения в монастырь первой супруги Евдокии Лопухиной и нарушения ею монашеского обета, бегства царевича Алексея в Вену и Неаполь, а затем гибели его в застенках Петропавловской крепости, дела Монса, связанного с нарушением верности Екатерины и др.

Главный порок царя, его жестокость, проявившаяся в казни заговорщиков Цыклера и Соковнина, в массовых казнях стрельцов, в пытках в своем присутствии собственного сына, старательно замалчивается всеми составителями анекдотов. Среди них лишь Нартов бегло, в самой общей форме, писал о стрелецком бунте, но с такими отступлениями от истины и с таким рьяным стремлением оправдать царя, что пользоваться его свидетельством как источником для истории стрелецкого бунта совершенно невозможно. Нартов сообщает, что царю «на другой день представлены были... заговорщики мятежа, от которых, выслушав достоверную исповедь злого умысла, пред всеми вельможами и при многочисленном народе, и видя, что прежде при многократных бунтах стрельцам оказанные милосердия и прощения не помогают, беззакония же такие угрожают впредь вящею погибелью, предпринял до крайности ожесточенный монарх, по единогласному сынов отечества убеждению и по суду искоренив главных злодеев, извергов государства, а достальных разослать в отдаленнейшие места Сибири, Астрахани и Азова и ненавистное звание стрельцов уничтожить на вечные времена».

Приведенное описание не соответствует подлинному ходу событий, изложенному в начале книги: Нартов смягчает жестокость царя, не упоминает и о том, что Петр лично рубил головы стрельцам и принуждал делать это бояр.

Судя по анекдотам, Петра волновала его репутация за границей как царя деспотичного и жестокого. Основанием для такой догадки являются три анекдота: два принадлежат Нартову и изложены в форме монолога царя; третий — Штелину — в форме диалога Петра с Остерманом.

Узнав о том, что иностранцы «почитают его немилосердным», сообщает Нартов, Петр произносит следующие слова: «Я ведаю, почитают меня строгим государем и тираном. Ошибаются в том не знающие всех обстоятельств. Богу известны сердце и совесть моя, колико соболезнования имею о подданных и сколько блага желаю отечеству. Невежество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, с того самого времени,

когда полезность в государство вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии то суть тираны, а не я. Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов Отечества возвышаю и награждаю я, а о непокорных и зловерных исправляю по необходимости. Пускай злость сия вещает, но совесть моя чиста. Бог судья мой. Неправое разглагольствие в свете аки вихрь преходный».

В другом анекдоте Нартова Петр обращается к Я. В. Брюсу и А. И. Остерману, отправлявшимся на Аландский конгресс для переговоров о мире: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Аглицкая вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому — вы».

Согласно Штелину, царь спросил у Остермана, только что приехавшего из Стокгольма, «что все государства о нем заключают и говорят». Остерман ответил: «Все хорошее и много похвального». Царь возразил. Может, это и правда, но о монархах принято судить с лестью, а он, Петр, хочет знать, что о нем судят «с доброй и худой стороны». Последовал ответ: «Сказывают, что ваше величество долженствуете быть строгий государь, поступающий жестоко с своими подданными, употребляющий тотчас наказание и не знающий никакого прощения».

Царь парировал упрек, объяснив, что его считают «свирепым владетелем и тираном» люди, не знающие обстоятельств его царствования, не осведомленные о том, какие «препоны превосходным моим намерениям в пользу отечества» ему ставили, что и принуждало его поступать с ними со всей строгостью^[278].

Однозначно оценивать жестокость Петра было бы неправильно. Во-первых, нельзя опрокидывать современные представления о добродетелях, зле и доброте на то время, отличавшееся варварством и дикостью. Во-вторых, говоря о казнях стрельцов, надобно учитывать, что если бы те не были разгромлены под Новым Иерусалимом, то возвратившегося в Россию царя и его сторонников ожидала весьма печальная участь. В-третьих, и это самое важное, Петр безгранично верил в огромную роль государства в жизни общества: оно распоряжалось, наставляло, поучало, требовало от населения беспрекословного повиновения указам, исходящим от государства, которому дано знать, что полезно и что вредно обществу. Поэтому насилие, принуждение, жестокость являются неотъемлемой частью правления Петра. Ему принадлежит известная фраза о том, что его

подданные не возьмутся за дело, если к тому не будут приневолены. Пушкин эту особенность петровской эпохи выразил лаконично и точно: указы писаны кнутом. Наконец, в-четвертых, надлежит учитывать темперамент Петра, его вспыльчивость, готовность действовать сгоряча, не соразмеряя свой поступок с его результатами. В качестве примера можно привести анекдот Нартова о том, как Петр, узнав о продаже Шеиным офицерских должностей, вынул шпагу, чтобы на месте расправиться с генералиссимусом. С расвирепевшим царем не могли совладать ни Ромодановский, ни Зотов; вмешательство в свару Лефорту стоило тому раны. Успокоившись, царь обратился к Лефорту со словами, как нам представляется, выразительно характеризующими его нрав: «Прости, любезный друг, я виноват, я исправляю подданных своих, и не могу исправить еще самого себя: проклятая привычка, несчастное воспитание, которого по сию пору преодолеть не могу, хотя всячески стараюсь и помышляю о том». Наличие человеческих слабостей отмечал у Петра и Штелин. Царь, писал он, «весьма был склонен ко вспыльчивости и иногда в первом жару делал что-нибудь такое, о чем он после, рассуди сам, весьма раскаивался». Сказанным мы отнюдь не намерены оправдать жестокие поступки царя, а всего лишь хотим дать им объяснение. Но, например, эксгумацию останков Милославского и установку гроба под эшафотом казнимых Цыклера и Соковнина ничем оправдать нельзя — сценарий экзекуции был разработан царем заранее и хладнокровно претворен им в жизнь.

Если Нартов и Штелин записывали анекдоты, возникшие в придворной среде, а также имевшие хождение среди вельмож, то курский купец И. И. Голиков жил и действовал в иной социальной обстановке. Поэтому в анекдотах Голикова среди действующих лиц видное место занимают представители народа: солдаты, мастера, наемные работники. Это, однако, не исключает той же идейной направленности его анекдотов: царь, общаясь с простыми людьми, проявляет о них заботу, справедливость, простоту в общении и пр. Петр то пирует с плотниками «как старший из них без малейших чинов и не показывая вида величества», то проявляет трогательную заботу о заболевшем чахоткой сыне мастера, присланного на поселение из Серпухова в Петербург, то оставляет без наказания напившегося на Пасху до бесчувствия работника баржи.

Известны призывы царя блюсти законы, которые он называл «фортецией правды». Анекдоты подчеркивают готовность царя соблюдать законы даже в тех случаях, когда он вступал в конфликт с нетитулованными

подданными: царю довелось несколько раз выслушивать упреки гренадера в его неправосудии и когда выяснилось, что суд действительно ошибся, вынеся несправедливый приговор в пользу богатого соперника, претендовавшего на имение гренадера, велел Сенату разобраться. Оказалось, обер-секретарь Сената за взятку представил сенаторам дело в выгодном для взяткодателя свете. Справедливость восторжествовала: обер-секретарь понес наказание, а имение досталось гренадеру.

В другом анекдоте ответчиком выступил сам царь. Он выпросил на службу сына у одного купца, пообещав сделать его счастливым. Оказалось, сын попал в плен под Нарвой, что вызвало печаль отца, и тот подал челобитную царю с жалобой на него. Петр не принял челобитной, велел ее рассматривать Сенату. Сенат удовлетворил иск челобитчика, и царь вынужден был обменять пленника на нескольких шведских офицеров и сверх того наградить его деньгами. Готовность царя соблюдать закон перекликается со свидетельствами иностранцев о строгом соблюдении царем субординации на службе.

В то же время анекдоты Голикова передают доброжелательное отношение царя к лицам, почитавшим уставы и наставления: солдат, стоявший на карауле в крепости, не впускал царя в нее, сколько тот ни уговаривал его; непреклонным караульный остался и после того, как Петр объявил, что он царь и что ему надлежит известить пушечной пальбой и колокольным звоном рождение наследника. «А когда так, — смилостивился солдат, — что за нужда, пусть хоть расстреляют меня завтра. Поди и сегодня же обрадуй народ этой вестью». Петр настолько одобрил поведение часового, строго соблюдавшего устав, что велел его произвести в сержанты и наградить деньгами.

Царь высоко ценил ум и знания подданного. В подтверждение этого Голиков привел анекдот с характерным названием: «Государь награждает слугу достоинством морского офицера, а господина его определяет в матросы». Суть анекдота состоит в том, что прибывшего из-за границы волонтера из дворян Петр лично экзаменовал и заметил, что у экзаменовавшегося отсутствовали знания и он пользовался подсказками расторопного и любознательного слуги.

Ценил Петр и находчивость, остроумие лиц, с которыми ему доводилось общаться. Один из анекдотов Голикова («Опрокинутый поднос с рюмками на государя») повествует о происшествии, случившемся в Киево-Печерской лавре накануне Полтавской виктории: царь неосторожным движением руки вынудил монаха, державшего поднос с рюмками с вином, уронить его; в результате рюмки были разбиты, а кафтан

царя испорчен. Монах не растерялся и произнес фразу: «Тако, сокрушиши, великий государь, силы супостатов твоих!» Петр, улыбнувшись, ответил ему: «Дай Бог, чтобы пророчество твое сбылось». После разгрома шведов под Полтавой царь велел старца, опрокинувшего на него поднос, посвятить в архимандриты.

Об умении царя угадывать таланты повествуют анекдоты о карьере многих лиц из его окружения — Сердюкова, Шафирова и Ганнибала^{279}.

Коротко остановимся на характеристике царя в легендах, сказках, преданиях. Ничего принципиально нового фольклорный материал не содержит. В нем отражены уже отмеченные выше черты натуры Петра: его доброта, справедливость, демократичность, умение прислушиваться к советам умных людей и др. Сказки и легенды так же восхваляют царя и так же умалчивают о его пороках, как и свидетельства иностранцев и составителей анекдотов.

Самое главное отличие этого вида источника состоит в том, что он создавался не в придворных сферах, а в гуще народа: среди солдат, мастеровых, монахов, крестьян. Хотя фольклорный материал, как сообщалось выше, не привязан к определенным событиям, он называет те или иные географические наименования, что позволяет более или менее точно датировать событие, о котором повествуют сказка или предание.

Так, например, в одной из легенд сообщается, что штурму крепости предшествовало появление на ее стене женщины, спереди одетой в шелковое платье, а сзади в рогожу. Это одеяние давало знать осаждавшим, что тыл крепости слаб и что там надлежит сосредоточить силы атакующих.

О какой крепости идет речь? Известно, за время Северной войны Петр овладевал множеством крепостей. Упоминание Ладожского озера дает основание полагать, что описанный эпизод относится к осаде Нотебурга.

Известен факт утраты русскими войсками артиллерии под Нарвой в 1700 году. Новые пушки велено было лить из меди пришедших в негодность колоколов, свезенных со всей страны. Нартов повествует, что этот совет дал Петру Ф. Ю. Ромодановский. Поскольку операция охватила значительную территорию России, народная память сохранила разные варианты возникновения идеи и ее реализации.

Одна из легенд явно родилась на севере: из разговора царя с безвестным монахом Соловецкого монастыря явствует, что братия поначалу сопротивлялась изъятию колоколов, но царь убедил ее, сказав, что колокольный звон слышен лишь вблизи, а пушки «славу святых угодников соловецких распространят до самого Стекольного города». По другой версии совет лить пушки из колоколов дал худо одетый человек после того,

как царь налил ему две чарки вина. «Пьяница сей, — сообщает предание, — был пушечный мастер». По третьей версии советником царя выступил медник. Царь намеревался вылить пушки из собранных в стране медных пятак, а медник дал ему разумный совет: «Вы по колоколу с каждой церкви снимите, налейте пушек». «На что же тебе столько пушек? Пойду Ригу завоюю»^{280}.

Множество сказок и преданий отразили простоту царя, его демократичность. Распространено было даже предание, будто в прошлом Петр был кучером. Обыкновение же царя крестить новорожденных у рядовых гвардейцев трансформировалось в одно из преданий, согласно которому Петр крестил сына у «бедного-пребедного мужика». Не меньше легенд посвящено отношениям между царем и солдатами: то царь проявляет великодушие, освобождая новобранца от наказания за то, что тот, оставив пост, решил искупаться; то, напротив, наказывает солдата за расточительность при угощении его обедом, говоря при этом: «И для царя солдат не должен расточать копейки»; то удивляет иностранных монархов готовностью русского солдата выпрыгнуть из окна и насмерть разбиться, но выполнить повеление царя. Рассказывают сказки и о трогательной заботе царя о солдатском рационе и экипировке^{281}.

Больше всего сказок и анекдотов посвящено известному царскому шуту Балакиреву, причем Балакирев всякий раз представлен в них умным, находчивым и остроумным шутом, оставляющим в дураках вельмож и генералов, высмеивающим их тупость. Бояре же всякий раз наделены отрицательными свойствами — то они заговорщики против царя, то казнокрады, которых не грешно и обкрадывать.

Многие, но не все предания и сказки, имеют назидательную концовку. Одно из исключений составляет короткий рассказ об убийстве царем своего сына, виноватого в том, что он при сооружении корабля не так, как должно, тесал брус. Отец наказал сына ударом тяжелым предметом. И тот после этого прожил трое суток. Предание заканчивается словами, которые можно толковать по-разному — и как осуждение действий отца, и как одобрение их: «Государь великий, Петр Алексеевич, написал своей рукой: «Отцу только и наказание за сына — на трой сутки на овес на воду».

Последний по счету, но не по важности исторический источник петровского времени, освещающий интересующую нас тему — исторические песни, — роднит с преданиями и сказками происхождение: песни сменившие былинный эпос, родились в народной гуще. Но песни имеют два существенных отличия. Они отражают конкретные события,

привязаны ко времени и месту; другое отличие состоит в более глубоком и разностороннем освещении происходившего: песни отражали не только радостное, но и печальное, не только сочувствие вводимым новшествам, но и их осуждение, не только доблесть и отвагу, но и подлость и измену, не только успехи, но и неудачи. Именно поэтому исторические песни приобретают более важное значение для историка, чем сказки и предания. Хотя они менее ценны, чем документальные материалы, но обладают двумя достоинствами: они дополняют сухую информацию документов и регистрируют степень народного самосознания. К тому же документальный материал нацелен на будущее, в то время как исторические песни регистрировали прошедшее.

Вместе с тем тщетно искать в песнях внутри-и внешнеполитических сюжетов; в них не нашли отражение дипломатические акции и условия возникновения нормативных актов, а также явления культурной жизни, распространенные среди привилегированной части населения.

Не все песни петровского времени рисуют образ Петра, его кипучую деятельность, но все они непременно отражают дух бурной эпохи, напряженную ситуацию, в которой действовали герои и антигерои, Петр и его противники как внутри страны, так и за ее пределами. После этих предварительных замечаний переходим к содержанию исторических песен.

Событий, запечатленных народной памятью в песнях петровского времени, предостаточно: Азовские походы, стрелецкий бунт, важнейшие сражения Северной войны.

Главные действующие лица большинства песен — солдаты и драгуны, поскольку песни возникали преимущественно в солдатской среде. Но присутствуют в них и князья и бояре, выступавшие в роли глупых и трусливых людей, а также полководцы, разделявшиеся на удачливых и талантливых, которым сопутствовал успех, и на бездарных, губивших людей. Видное место песни отводят царю, человеку суровому, но справедливому, умеющему ценить отвагу, находчивость и беспощадному к изменникам и предателям. Не оставили песни без внимания и недругов царя, его смертельных врагов: Карла XII и его генералов, а также изменника Мазепу.

Едва ли не самым сложным для восприятия являются песни о стрелецком бунте. Оценка его неоднозначна: с одной стороны, песни уклоняются от объяснения причин бунта, ограничиваясь самыми общими суждениями: раньше царь стрельцов «много жаловал», а «ныне государь на нас прогневался и хочет стрельцов казнить-вешать». За что и почему? Песня отвечает: «за измену против царского величества», не уточняя, в чем

она состояла. В одной из песен стрельцы отправляют к царю атамана, наказав ему просить у царя милости, взамен обещая овладеть городом «без свинцу, без пороху, без его снаряда государева». Царь оказался непреклонным и ответил атаману: «Кого стану казнить, кого вешати. С тебя, атамана, голову рубить». В другой песне из того же цикла атаман заявляет царю: «Никто нейдет к тебе белу царю с повинною. Только я пришел к тебе с повинною, принес с собой топор и плаху. Речь говорит православный царь: да Бог простит тя за все вины, да и я прощу». Петр потребовал, чтобы к нему явились с просьбой о помиловании, но никто не пришел и тогда «царь осержился, приказал их всех казнить-вешать». В другой песне стрелецкий атаман не внял мольбам отца, матери и молодой жены покориться «самому царю» и ему отрубили «буйну голову, что по сами могучи плечи».

С отступлением от исторической истины песни повествуют о незадачливом герое неудавшихся Крымских походов князе В. В. Голицыне. Вины своей он не признавал и шел на казнь с «видом гордым», чем подчеркивал, «что и тут царю нет повинности». Симпатии авторов песни не на стороне «добра молодца, знатна барина», который имел «сердце каменное, молодецкое. Леденеет лишь да упорствует, на царя дышит злобой дерзкою, злобой дерзкою, богомерзкою».

Самый горячий отклик современников находим в песнях, посвященных Полтавской победе и измене Мазепы. Здесь и гордость за преславную викторию над надменным неприятелем, и гневное осуждение изменнического поступка Мазепы, совершившего предательство ради корыстных интересов:

Кто не слыхивал у нас такой славы?
Подымался король шведский даже до Полтавы.
Призывает он Мазепу себе на подпору,
Как бы вырыть под царем на погибель нору;
Веселятся и ликуют, чают — победили.
И не справившись с удачей, все распорядили.
Король шведский говорит: «Как я буду паном,
То устрою я Мазепу коронным гетманом».
А Мазепа возносился выше своей меры.
Был предатель государев, был предатель веры.
Но что вышло из их чванства? Не попали и в отчизну,
Потеряли цело войско, утекли в немчизну.
Виват Белый царь и воин, разумом богатый!

Виват храбры генералы! Виват и солдаты!

Песня о намерении шведского короля овладеть Полтавой близка к историческим реалиям: шведские генералы «к королю приходили, на словах к королю доносили:

Ох ты гой еси король наш яснейший,
Как нам сколько под Полтавой ни стояти,
А приступом Полтаву не взяти!

Король, однако, стоял на своем и обещал генералам взять «Полтаву мимоходом» и предоставить им множество благ, «великую выгоду»:

Распишу ли вам пространные кварталы
Да и в том же Московском государстве;
Ох я сам ли король, встану в Кремле-граде.
Я драбантов поставлю в Москворечье,
А квандронов поставлю по Мясницкой,
А драгунов поставлю по Неглинной,
А пехотные полки — по всей Москве.

Другие песни подчеркивали героизм солдат и офицеров:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью.
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами.
Воронена шведская пашня
Солдатскими головами.
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Смертельно раненный в одном из сражений полковник просит:

Отпишите потом братцы,
Чтобы знали, что я умер за отечество.

Песни о Мазепе, записанные П. В. Киреевским, создавались на Украине и однозначно враждебно отражали отношение народа к предателю. О Мазепе в них нет ни одного одобрительного слова и похвалы за переход в лагерь противника — Карла XII. В оценке современников он награжден такими эпитетами: «пес проклятый Мазепа», «проклятый Мазепа».

Ты гетман Мазепа,
Пан ты вероломный.
Злое начинаешь,
Сходишься со шведом.
На царя восточного
Ты руки поднимаешь.
Поднял силу многу.
Учинил тревогу...

В результате измены

Погубив же пес Мазепа
Невинные души,

под которыми подразумевались жертвы разгрома Батурина. Бесспорно негативная оценка Мазепы современником вызывает тем большее удивление, что современные его поклонники то ли не знают этих песен, то ли сознательно их игнорируют.

Цикл исторических песен времени Петра посвящен выступлениям казаков на Дону, причем их отличает существенная деталь, противоречащая подлинному развитию событий: народная память связывала это движение с именем не Кондратия Булавина, а Игнатия Некрасова: имя Булавина не упоминает ни одна из песен:

Тихий Дон до города до Черкасского
Возмутил его донской казак,
По имени и по отчеству
Игнатьюшка Иваныч,
По фамильице Некрасов.

Песня считала виновником бунта «графа Долгорукого, который «без указу то нас разорять стал», чем вынудил казаков пойти «к турецкому хану в подданство». Некрасов горевал на чужбине, куда его занесла «неволя царская».

Песни откликнулись и на два события семейной жизни царя: смерть царевича Алексея и ссылку в монастырь первой жены Петра, причем симпатии песни на стороне царицы, за которой царь «поехал в монастырь во Покровской, чтобы царица воротилась из ссылки, но игуменья ему отказала».

Песни оплакивают смерть самого царя. Заметим, что скорбь по поводу кончины Петра не связана с его деятельностью реформатора. В песнях незаметно, что речь идет о царе необыкновенном, энергичном, талантливом, обессмертившим свое имя громкими деяниями: если имя Петра I заменить именем Петра II, то содержание не потребует изменений:

Помер, помер наш батюшка, православный царь.
Помер он, переставился.
На кого ты, батюшка, обузушки покинул.
Как и первую обузушку — мать Россеюшку,
Как другую то обузушку — молодых солдат,
Как и третью то обузушку — белокаменны палаты?
Как и эти палаты стоят растворены,
В этих палатах золота гробница.
У этой гробницы стоят попы-патриархи.
Они служат и читают — память отпевают.

Впрочем, в многочисленных песнях, посвященных кончине Петра Великого, можно обнаружить скорбь, охватившую армию, и это естественно, ибо песни создавались в военной среде, точнее, в гвардии — детище Петра:

И ты встань-проснись, православный царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на свою армию.
Что все полки во строю стоят
И все полковники при своих полках,

Подполковники на своих местах.
Все майорушки на добрых конях.
Капитаны перед ротами,
Офицеры перед взводами,
А прапорщики под знаменами, —
Дожидают они полковничка,
Что полковничка Преображенского,
Капитана бомбардирского.

В другой песне, возникшей в годы царствования Анны Иоанновны, выражен взгляд на прошлое, сожаление о времени Петра, недовольство бироновщиной:

Из гробницы встань, русской белой царь!
Ты взгляни-ка, царь, радость гвардии,
Как полки твои во строю стоят,
Опустив на грудь свои головы!
Что не царь нами теперь властвует
И не русской князь отдает приказ,
А командует, потешается,
Злой тиран Бирон из немечины.
Встань, проснись, царь, наше солнышко,
Хоть одно слово псынам вымолви,
Прикажи весь сор метлой вымести
Из престольного града Питера.
Поведи ты нас в Прусски области,
Мы научим их уму-разуму^{282}.

Цитированная выше песня принадлежит к числу немногих, в которой можно обнаружить хвалебную оценку царя. Здесь он назван «нашим солнышком», а в песне о Полтавской победе «разумом богатым воином».

Подводя итоги, отметим самое существенное отличие в изображении современниками Петра Великого по сравнению с его предшественниками. Прежние государи выглядят людьми, лишенными человеческих качеств. Их иконописный образ выражался в поступках, не свойственных обычному человеку, они отличаются всем — начиная от одежды и кончая осанкой и поступью — все должно было внушить окружающим мысль о неземном,

божественном происхождении государя. Облик Петра был более реалистичным. Единственное, что осталось от иконописной традиции изображения монархов в предшествующее время, — это мифические рассказы Крекшина и Штелина о зачатии Петра и предсказании его необыкновенного будущего. В век господства рационализма подобные суждения выглядят анахронизмом.

И все же современники, писавшие о Петре, не освободились от традиции создания панегириков в адрес государя: царь хотя и выглядит земным существом, но практически лишен человеческих пороков. Меньше всего этот недостаток просматривается в донесениях иностранных дипломатов. В их записках имеется еще и то преимущество, что они имели возможность сравнить Петра Великого с монархами собственных стран и обнаружить штрихи, ускользавшие от наблюдений отечественных авторов.

Петр обладал подкупающей чертой, вызывавшей симпатии современников и потомков: он разделял тяготы народа — вместе с ним подвергал свою жизнь смертельной опасности во время сражений, переносил тяготы солдатской жизни в весеннее половодье и осеннюю слякоть, работал топором на верфях. Петр был единственным императором, запросто общавшимся с солдатами и матросами, корабельными мастерами и кузнецами, шкиперами-иноземцами и учеными с мировой известностью. Общительность и простоту царя донесли до нашего времени его современники в анекдотах и песнях, сказках и донесениях дипломатов. Короче и выразительнее, чем Пушкин, оценить Петра Великого невозможно: он «на троне был работник», держа в руках, добавим от себя, то скипетр, то топор, то меч, то перо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Историческое значение преобразований Петра^[2]

Историк, публицист, журналист, издатель, драматург, поэт и прозаик М. П. Погодин, с которым общалась вся литературная элита 20—70-х годов прошлого столетия (Пушкин, Тютчев, Островский, Толстой, Достоевский, Гоголь), был панегиристом Петра и высоко ценил его заслуги перед Отечеством.

Уже много десятилетий занимаясь временем Петра Великого, я не встречал более лаконичной, выразительной, емкой и доступной пониманию каждой характеристики этого государственного деятеля.

Приведу отрывки из статьи Погодина «Петр Великий», опубликованной в первом номере журнала «Московитянин» в 1841 году.

«Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 г. Петр велел считать годы от Рождества Христова. Петр Великий велел считать месяцы от января.

Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он; шерсть настрижена от овец, которых развел он.

Попадается на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний церковный.

Приносят газеты — Петр Великий их начал.

Вам нужно купить разные вещи — все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге.

За обедом от соленых сельдей до картофеля, который он указал сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить нам о Петре Великом.

После обеда вы едете в гости — это ассамблеи Петра Великого. Встречаете там дам — допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого.

Вы получаете чин — по Табели о рангах Петра Великого.

Мне надо подать жалобу — Петр Великий определил ей форму. Примут ее пред зеркалом Петра Великого. Рассудят по Генеральному регламенту.

Вы вздумаете путешествовать — по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо — Петр Великий поместил Россию в число европейских государств, и проч, и проч, и проч.».

Под этими тремя прочими как раз и скрываются главные итоги преобразовательной деятельности Петра.

Если перевести этот публицистический пассаж Погодина на язык историка, то надобно подчеркнуть первую и главную особенность преобразований Петра I, состоящую в том, что они носили всеобщий характер. Реформ в истории России, начиная со времен Грозного до революции 1917 года, проводилось немало, но они оказывали воздействие на одну-две-три сферы жизни государства. Особенность реформ Петра состояла в их обширности, в охвате своим влиянием всех сторон жизни каждого подданного и государства в целом: они внесли новшества в экономику страны, в социальную структуру общества, во внешнюю политику, в культурную жизнь, в быт населения, в систему управления государством, в строительство вооруженных сил. Эта широта новшеств позволила тому же Погодину, а вслед за ним Белинскому и Герцену назвать преобразования *революцией*. Погодин так и писал: первый император России был и первым ее революционером.

Вторая важная особенность, точнее, результат реформаторских начинаний Петра состоял в превращении мало кому известной Московии в Российскую империю. Становление Российской империи сопровождалось внедрением по крайней мере трех новшеств, позволивших России занять подобающее ей место среди государств Западной Европы. Прежде всего это создание военно-морского флота, обеспечившего ей первенствующее положение на Балтийском море. 24 линейных корабля бороздили воды Балтики и охраняли спокойную жизнь столицы империи — Петербурга.

В отличие от Азовского флота, корабли которого не сделали ни одного боевого выстрела и выполняли функцию сдерживания Османской империи от нападения на южные рубежи страны, грозную силу Балтийского флота в полной мере ощутили шведы, потерпевшие поражение на море у Ган гута и Гренгама. В итоге Россия превратилась в морскую державу. Ее население, в основном сосредоточенное в центральной части России, не знавшее вкуса морской воды, постепенно привыкало и к сооружению кораблей, и к выполнению матросских обязанностей. До Петра в России не было флота,

Петр справедливо считается его создателем.

Второе новшество выразилось в создании регулярной армии. Армия Русского государства XVII столетия состояла из двух родов войск — дворянского ополчения, созывавшегося на то время, когда южным и западным рубежам страны угрожали соседи: Речь Посполитая и Османская империя, и постоянного войска, выполнявшего в мирное время преимущественно полицейскую службу в столице и крупных городах, а в годы конфликтов отправляемого на театр военных действий. Боеспособность обоих родов войск была невысокой, прежде всего потому, что внимание дворянина было приковано к поместью, к организации в нем хозяйства и всякий отрыв от этих забот вызывал острое желание вернуться в усадьбу.

Весь этот слабо организованный военный механизм Петр реорганизовал в регулярную армию, то есть армию, располагавшую единой системой комплектования, едиными правилами обучения и снаряжения, единообразной структурой, вооружением и военной формой. Регулярная армия Петра формировалась в процессе затяжной и изнурительной Северной войны, прошла путь от поражения под Нарвой до славных побед у Лесной, Полтавы и Переволочим.

С появлением на свет Божий Российской империи связано третье новшество Петра — организация регулярной дипломатической службы. Дипломатическая практика Русского государства по XVII век включительно имела дело с отправкой за границу посольств. Русское государство не имело своих постоянных представительств при дворах стран Западной Европы. Отсутствовали постоянные представительства западноевропейских государств в Москве. В случае надобности правительство снаряжало в Париж и Лондон, Стокгольм и Варшаву посольства с конкретными поручениями военного, экономического либо политического характера. Последнее такое посольство, названное по численности состава и пребыванию в нем царя Великим, находилось за пределами страны 300 лет назад — в 1697–1698 годах. Равным образом и из-за границы в Москву приезжали посольства с разовыми поручениями, выполнив которые, иностранные дипломаты отбывали на родину. Исключение составляла Швеция, имевшая в Москве своего постоянного резидента.

Только со времен Петра Россия стала иметь постоянные представительства в Лондоне и Париже, Варшаве и Берлине, Вене и Стокгольме. Равным образом при царском дворе в Петербурге были аккредитованы посольства многих государств. Это означало приобретение

Россией статуса европейского государства. Это означало, с другой стороны, что внешняя политика стала приобретать значение системы, а не случайных, эпизодических связей.

Важнейшим итогом петровских преобразований являлась европеизация страны. Под европеизацией следует понимать не только и не столько обрезание бород и укорачивание национального платья, а обширный комплекс мер, нацеленных на повышение культурного уровня населения, на его цивилизованное поведение в обществе, на внедрение современных форм промышленного производства и т. д. и т. п.

Впрочем, значение бытовых новшеств тоже не следует преуменьшать. В распоряжении историков имеется дневник П. А. Толстого, предка Льва Николаевича, человека, столь же умного, как и коварного. В споре Софьи с Петром он держал сторону княжны и, чтобы искупить свою вину и завоевать доверие Петра, будучи уже зрелым человеком и имея внуков, добровольно отправился в Италию овладевать полюбившимся Петру военно-морским делом. Какие черты европейского быта удивляли путешественника, непременно отмечавшего их в дневнике при переезде из одного города в другой? Прежде всего европейский комфорт в гостиницах. Если будущий граф Толстой считал необходимым заносить в дневник то, что он спал на простынях, что обеденный стол был накрыт белой скатертью, что ему подавали вилки и ножи, что в номере было множество зеркал, это свидетельствовало о том, что на родине Толстого ничего этого не было: ели, используя пальцы, хлебали из общей миски, понятия не имели о простынях и вилках. Кстати, София Шарлотта Бранденбургская отмечала в 1697 году, что Петр не умел пользоваться вилок.

Но под европеизацией мы подразумеваем и распространение светского образования в форме Навигацкой школы, школ цифирных и гарнизонных в провинциальных городах, открытой в 1715 году Морской академии, в подготовке к открытию Академии наук.

В емкое понятие европеизации мы вкладываем создание современного административного аппарата, замену обветшалой и хаотичной приказной системы коллегиями, каждая из которых ведала точно очерченными функциями. Вместо архаичной Боярской думы, комплектовавшейся из родовитых людей, был учрежден Сенат: критерием для сенатора являлось не знатное происхождение, а способности, личные качества.

С появлением новых учреждений началось формирование в России бюрократии. Ее возникновение мы связываем с появлением уставов, наставлений, инструкций, определяющих унифицированные для всей страны функции каждого учреждения и персонала, его обслуживающего.

Создание бюрократии отнюдь не является абсолютным злом — без бюрократии не может существовать ни одно цивилизованное государство. Бюрократия не является злом, если ее деятельность находится под контролем общества. Но там, где нет подлинной свободы слова, где отсутствует над нею общественный контроль, там процветают казнокрадство, взяточничество, волокита, там бюрократия превращается в самодовлеющую силу, создающую благоприятные условия для разворовывания государственной и грабежа частной собственности подданных.

Петр знал об изъянах бюрократии и пытался преодолеть их доступными ему средствами: вместо общественного контроля он ввел практически бюрократический принцип надзора за деятельностью должностных лиц, поручив осуществлять его отдельным персонам — фискалам. Систему контроля венчал созданный царем институт прокуратуры: чиновник контролировал деятельность другого чиновника. Совершенно очевидно, что система контроля Петра Великого оказалась неэффективной, а пороки бюрократии — неуязвимыми.

К европеизации России мы относим и создание мануфактурного производства. Советская историография, сколь бесполезно, столь и старательно, вооружившись оптическими приборами, разыскивала внутренние предпосылки для перерастания мелкого товарного производства в мануфактуру. Положительные результаты не были достигнуты, ибо человечеству не свойственно повторно изобретать велосипед: готовые формы мануфактурного производства были перенесены из стран Западной Европы в Россию. Пересаженная на крепостную почву, мануфактура в России функционировала на крепостном труде, приобрела специфику, что, однако, не мешало ей процветать в металлургии, суконной и полотняной промышленности. В промышленном развитии Россия при Петре Великом достигла грандиозных успехов: в конце XVII столетия в стране функционировало 10–12 мануфактур только в области металлургии. К концу царствования Петра мануфактур насчитывалось около сотни, они внедрились в самые разные сферы промышленности. В начале 20-х годов XVIII века Россия превратилась в экспортера промышленных товаров: железа, меди и полотна.

В России петровского времени, а если посмотреть шире, то и в историческом процессе страны, взятом в целом, огромная, я бы сказал, решающая роль принадлежит государству. Это утверждение противоречит марксистско-ленинскому постулату о примате базиса над настройкой. Но если мы будем руководствоваться лишь марксистской догмой, то не сможем

объяснить многих важнейших явлений в истории России. Так, возникновение единого государства предполагает наличие экономической общности, наличие устойчивых торговых связей между регионами, существование между ними общественного разделения труда.

Тщательные поиски этих предпосылок не дали положительных результатов, тем не менее единое государство в XVI веке уже сложилось. Марксистская догма предполагает утверждение абсолютной монархии в обстановке равновесия сил между дворянством и буржуазией. Но в петровское время буржуазия в России отсутствовала, а абсолютизм оформился.

Обратимся к исторической конкретике. Зададим ряд вопросов и дадим на них ответы.

Кто закрепостил сословия и освободил их? Государство Уложением 1649 года, а затем Манифестами 1785 и 1861 годов.

Кто насаждал в России мануфактурное производство? Государство.

Кто учредил светские школы, Университет и Академию наук? Государство.

Кто положил основание цехам? Государство.

Кто выпускал первую печатную газету? Государство.

Особенно велика была роль государства при Петре. Государство вмешивалось в хозяйственную, семейную и духовную жизнь подданных: указы определяли, как надо сооружать печи, какой ширины надобно ткать полотно, как обрабатывать кожу, в каких гробах и где хоронить умерших, сколько раз посещать храмы и как вести себя в них. На все случаи частной жизни существовали указы. Многие из них составлялись самим Петром.

Несколько слов о личности царя.

Это была личность необыкновенная, таланты которой проявлялись в различных сферах жизни: военной, административной, хозяйственной, законодательной, культурной. Петр не только царствовал, но и управлял. В отличие от современника, шведского короля Карла XII Петр выступал не в роли разрушителя, а в роли созидателя. Обоснованием своих действий Петр считал тезис: царь — слуга государства, подданные — слуги царя. Служба царю была тяжелой, требовала от народа колоссального напряжения нравственных и физических сил. За новшества народ расплачивался новыми налогами, рекрутчиной, постоянной и подводной повинностями, распространением крепостнических порядков на новые слои населения.

Надо отдать должное Петру — он имел моральное право требовать от подданных безропотно и безотказно служить себе на том основании, что самолично нес тяжкое бремя слуги государства. Не жалея живота своего,

он во время сражений не отсиживался в обозе, а находился в самом пекле, о чем свидетельствуют простреленная пулей шляпа и пуля, застрявшая в седле.

Мыслимое ли дело, чтобы царь самолично работал топором? Не только отец Петра царь Алексей Михайлович считал, что его руки даны, чтобы освящать крестным знаменем подданных и давать их лобызать, но и бояре считали для себя зазорным заниматься физическим трудом. Петр, не получивший должного царскому сану образования и воспитания, постиг артиллерийское дело, был навигатором, законодателем, дипломатом, полководцем и флотоводцем, сам конструировал корабли и лично участвовал во всех стадиях их сооружения, работая топором. Мыслимое ли дело, чтобы царь покинул родную землю ради того, чтобы, наряду с другими волонтерами, обучаться кораблестроению и кораблевождению? Мыслимое ли дело, чтобы царь ездил в одноколке по улицам новой столицы без всякой охраны, в то время как каждый выход отца сопровождался восточной пышностью — бояре вели его под белы руки, вместе с ними шествовали церковные иерархи и сотни конных и пеших стрельцов. Все это не укладывалось в умах современников.

Петр любил делать все своими руками, в том числе и рубить головы стрельцам. Не царское дело выступать в роли палача, но таков был темперамент — вмешиваться в важные и второстепенные дела.

Негативным следствием петровских преобразований стал очередной виток в развитии крепостного права. Оно действовало растлевающим образом не только на крестьян, но и на дворян. Петр принуждал дворян служить в казармах и канцеляриях, проливать кровь на поле брани. Но после его смерти дворяне шаг за шагом освобождались от повинностей, превращались из служилого в земледельческое сословие. Живя плодами чужого труда, дворянство приучалось к лености, лишалось предприимчивости, стремления к овладению знаниями.

Особенно же пагубно крепостное право отражалось на крестьянстве, приучая его к рабскому повиновению, безропотности, лишая способности отличить свое от чужого. Веками формировавшийся менталитет русского человека дает о себе знать и в наши дни.

В заключение скажем о том, что не следует полагать, будто петровские преобразования не имели некоторых предпосылок в прошлом. О них образно сказал классик отечественной исторической науки С. М. Соловьев: «Народ собрался в дорогу; ждали вождя. Вождь появился. Этим вождем был Петр Великий, который, по выражению Пушкина, на троне был работником, своими усилиями на столетия определившим новый курс

истории России».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА ПЕРВОГО

- 1672, 30 мая — Рождение Петра I.
- 1676, 30 января — Смерть царя Алексея Михайловича.
- 1682, 15–17 мая — Восстание стрельцов в Москве.
- 1682, 26 мая — Провозглашение царями Ивана и Петра.
- 1682, 29 мая — Провозглашение царевны Софьи правительницей.
- 1682–1689 — Правление царевны Софьи.
- 1689, 27 января — Женидьба Петра на Евдокии Лопухиной.
- 1689, сентябрь — Низложение правительницы Софьи и заключение ее в Новодевичий монастырь.
- 1690, 18 февраля — Рождение царевича Алексея.
- 1694, сентябрь-октябрь — Кожуховские маневры.
- 1695 — Первый Азовский поход Петра I.
- 1696 — Второй Азовский поход Петра и овладение крепостью.
- 1697, 10 марта — Отъезд Петра с великим посольством в Западную Европу.
- 1698, апрель — июнь — Стрелецкое восстание и поражение стрельцов под Новым Иерусалимом.
- 1698, 25 августа — Возвращение Петра из-за границы.
- 1699, 30 января — Указ об учреждении в Москве ратуши.
- 1699, ноябрь — Заключение Петром союза с саксонским курфюрстом Августом II и датским королем Фридрихом IV против Швеции.
- 1699, 20 декабря — Указ о введении нового летосчисления и праздновании новолетия 1 января.
- 1700, 3 июля — Заключение Константинопольского мирного договора с Турцией.
- 1700, август — Начало Северной войны.
- 1700, октябрь — Смерть патриарха Андриана. Назначение рязанского митрополита Стефана Яворского местоблюстителем патриаршего престола.
- 1700, 19 ноября — Поражение русских войск под Нарвой.
- 1701, 14 января — Указ об организации навигацкой школы.
- 1701–1702 — Победы русских войск над шведами при Эрестфере и Гумельсгофе.

- 1702, 11 октября — Овладение русскими войсками Нотебургом.
- 1702, декабрь — Выход первой печатной газеты «Ведомости».
- 1703, 1 мая — Овладение русскими войсками Ниеншанцем.
- 1703, 7 мая — Первая морская победа Петра. Овладение двумя шведскими кораблями.
- 1703, 16 мая — Основание Петербурга.
- 1704 — Взятие русскими войсками Дерпта и Нарвы.
- 1705–1706 — Восстание в Астрахани.
- 1707–1708 — Восстание на Дону под предводительством К. Булавина.
- 1708, 28 сентября — Разгром Петром I шведского корпуса Левенгаупта у деревни Лесной.
- 1708–1710 — Областная реформа Петра.
- 1709, 27 июня — Разгром шведов под Полтавой.
- 1709, 30 июня — Пленение шведской армии у Переволочны.
- 1710, 29 января — Утверждение гражданской азбуки. Указ о печатании книг новым шрифтом.
- 1710 — Овладение русскими войсками Ригой, Ревелем, Выборгом, Кексгольмом и др.
- 1711, 22 февраля — Указ об учреждении Сената и фискалов.
- 1711, июль — Сражение у реки Прут. Заключение мирного договора с Турцией.
- 1712 — Бракосочетание Петра I с Екатериной Алексеевной.
- 1713 — Переезд двора и высших правительственных учреждений в Петербург.
- 1714, 23 марта — Указ о единонаследии.
- 1714, 27 июля — Победа русского флота над шведским у Гангута.
- 1715 — Основание Морской академии в Петербурге.
- 1716, 31 марта — Окончание работы Петра над «Уставом воинским».
- 1716, август — Назначение Петра командующим объединенным флотом России, Голландии, Дании и Англии.
- 1716–1717 — Экспедиция князя Бековича-Черкасского в Хиву.
- 1716–1717 — Второе путешествие Петра за границу.
- 1718, 3 февраля — Манифест о лишении царевича Алексея престола.
- 1718 — Начало строительства Ладожского обводного канала.
- 1718–1720 — Организация коллегий.
- 1719 — Открытие Кунсткамеры — первого в России музея.
- 1720, 13 января — Завершение работы над «Морским регламентом».
- 1720, 13 февраля — Указ об учреждении Главного магистрата.
- 1720, 28 февраля — Опубликование «Генерального регламента».

1721, 18 января — Указ о разрешении промышленникам покупать крестьян к мануфактурам.

1721, 25 января — Учреждение Синода. Обнародование регламента Духовной коллегии.

1721, 30 августа — Заключение Ништадтского мира со Швецией.

1721, 22 октября — Поднесение Сенатом Петру титула императора, Великого и Отца Отечества.

1722 — Реформа Сената. Учреждение генерал-прокуратуры.

1722, 24 января — «Табель о рангах».

1722–1724 — Проведение первой ревизии. Замена подворной подати подушной.

1722, 5 февраля — Устав о наследии престола.

1722–1723 — Каспийский поход Петра. Присоединение к России западного и южного побережья Каспийского моря.

1724, 28 января — Указ об учреждении Академии наук.

1724 — Введение покровительственного таможенного тарифа.

1724, 7 мая — Коронавание Екатерины Алексеевны императрицей.

1725, 28 января — Смерть Петра I.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Образ великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца. Неизвестный художник. Конец 70-х — начало 80-х гг. XVII в.

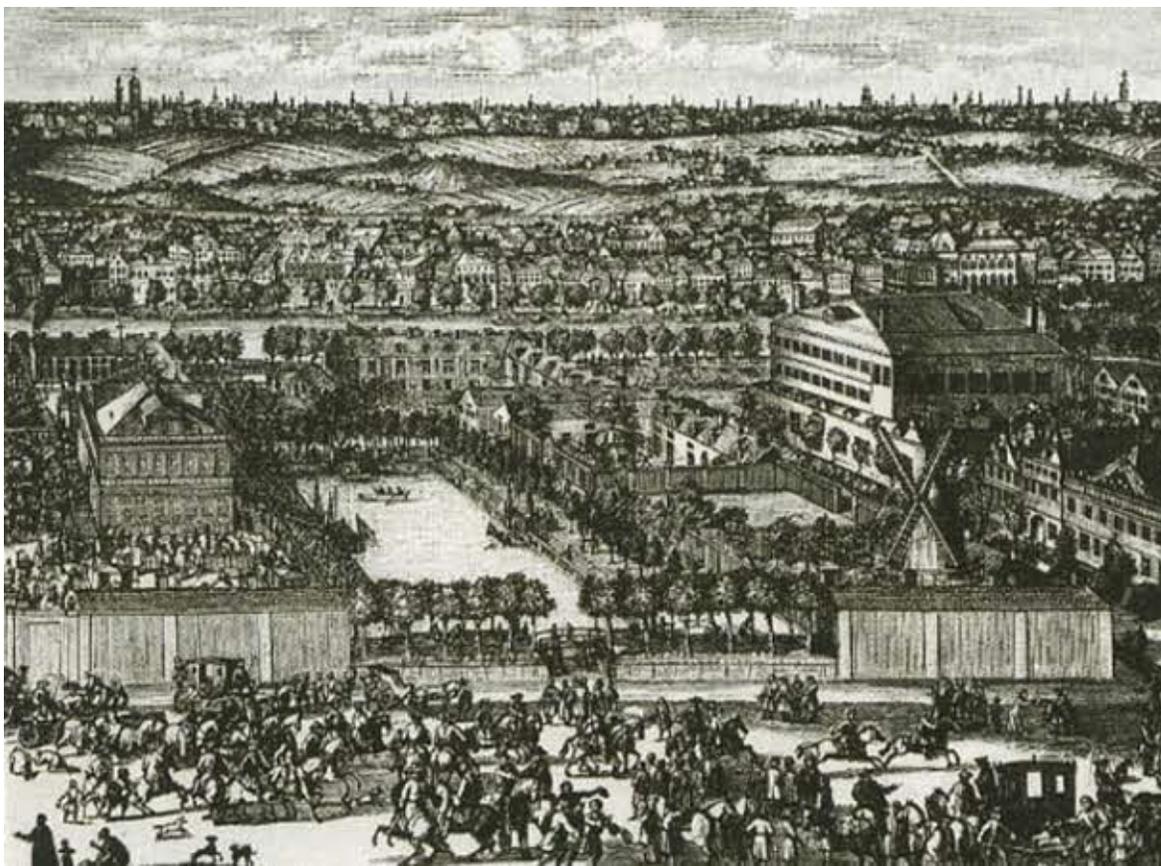
Царица Наталья Кирилловна, мать Петра I.

Неизвестный художник. Конец XVII — начало XVIII в.

Царь Федор Алексеевич.

Копия с портрета XVII в.

Немецкая слобода в Москве в начале XVIII в.

Благоверный царевич и великий князь Петр Алексеевич в возрасте шести лет.

Портрет из «Титулярника». 1618 г.

Цари и великие князья Иван (в профиль) и Петр Алексеевичи.

Гравюра Н. Лармессена. 1685 г.

Шапка алмазная царя Петра Алексеевича. 1680-е гг.

Медаль на восшествие на престол Петра I.

И. Г. Вехтер, С. Юдин. 1682 г.

Двойной трон царей Ивана и Петра Алексеевичей. 1680-е. гг.

Никита Моисеевич Зотов, учитель Петра I.

Неизвестный художник.

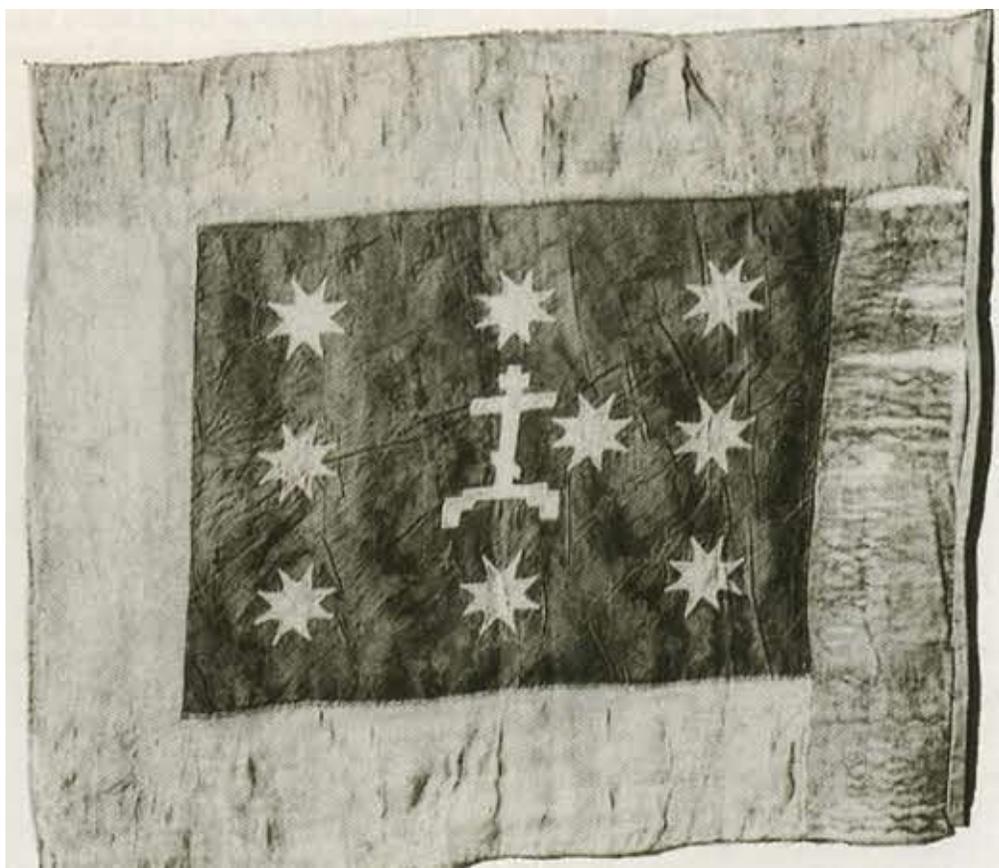

Франц Яковлевич Лефорт.

Гравюра П. Шенка. 1698 г.

Никита Зотов обучает Петра. Миниатюра из «Истории Петра Великого» П. Крекшина. Список первой половины XVIII в.

Знамя 9-й конной стрелецкой сотни. XVII в.

Царевна Софья Алексеевна.

Неизвестный художник. 1680-е гг.

Василий Васильевич Голицын.

Гравюра Л. Тарасевича. 1689 г.

Царица Евдокия Федоровна, первая жена Петра I.

Копия с оригинала первой четверти XVIII в.

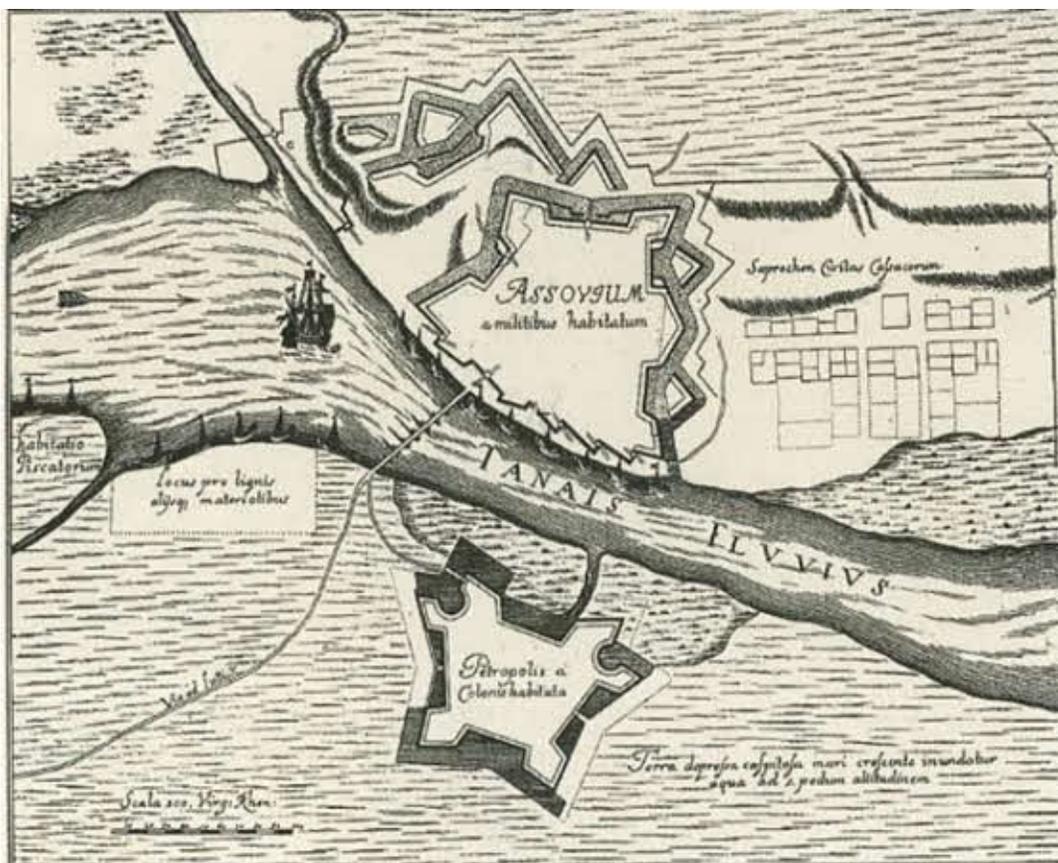
Царевич Алексей Петрович.

Гравюра П. Шенка с оригинала С. Гузна. 1703 г.

Вид города Воронежа и корабельной верфи.

Рисунок из книги де Брюина. 1714 г.

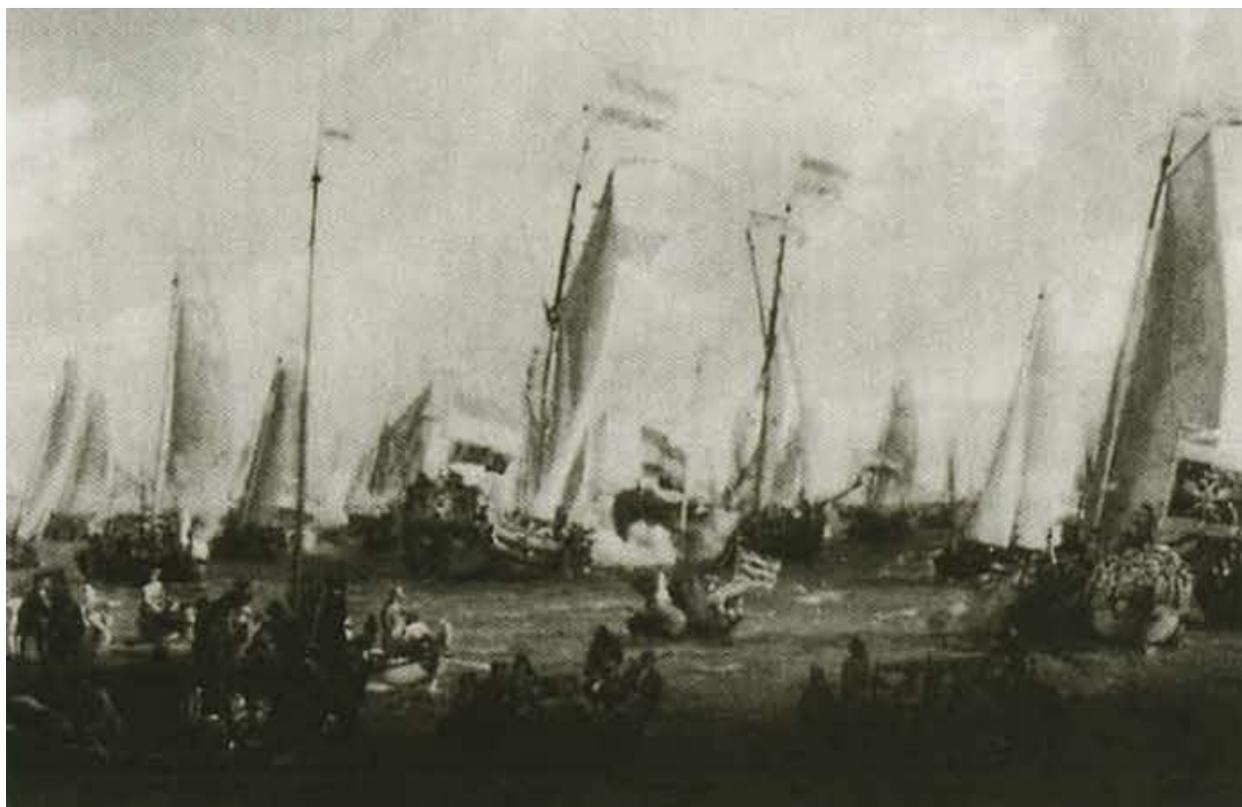
План укреплений города Азова.

Из книги И. Корба «Дневник путешествия в Московию 1698 и 1699 гг.».

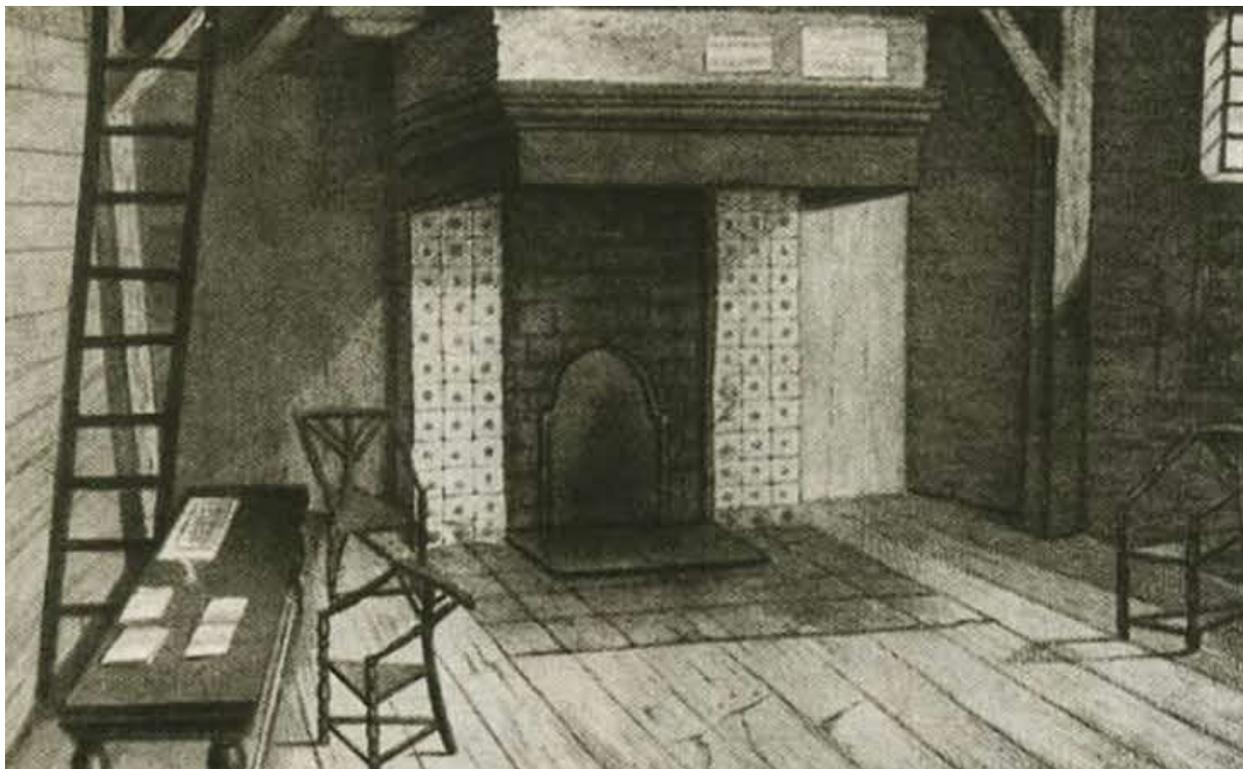
Взятие Азова в 1696 г.

С гравюры А. Шхонебека.

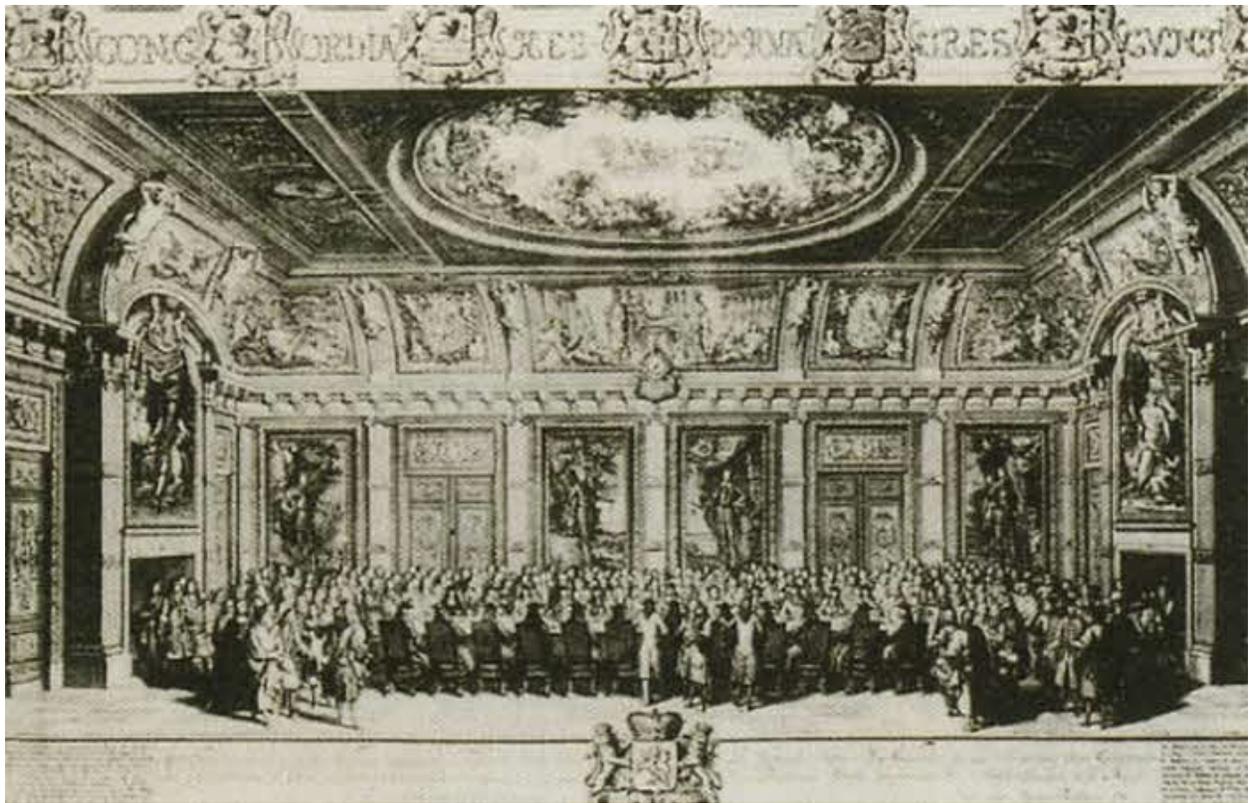

*Показательное сражение на реке Айе в честь Петра I. 1 сентября 1697
г.*

Неизвестный художник.

Внутренний вид домика в Саардаме, в котором жил Петр.

Встреча русского посольства в Гааге 3 октября 1697 г.

А. Сторк.

Князь Федор Юрьевич Ромодановский.

Неизвестный художник.

Жалованная грамота Ф. Ю. Ромодановскому. 1714 г.

Прием Великого посольства императором Леопольдом I. 1698 г.

Медаль на восстановление спокойствия в государстве после окончательного уничтожения стрельцов: «Величество твое везде ясно». О. Калашников, Т. Иванов, Л. Васильев. 1718 г.

Сражение со стрельцами у Нового Иерусалима.

Из книги И. Корба «Дневник путешествия в Московию».

Петр I. Гравюра П. Гунста с портрета работы Г. Кнеллера. 1697 г.

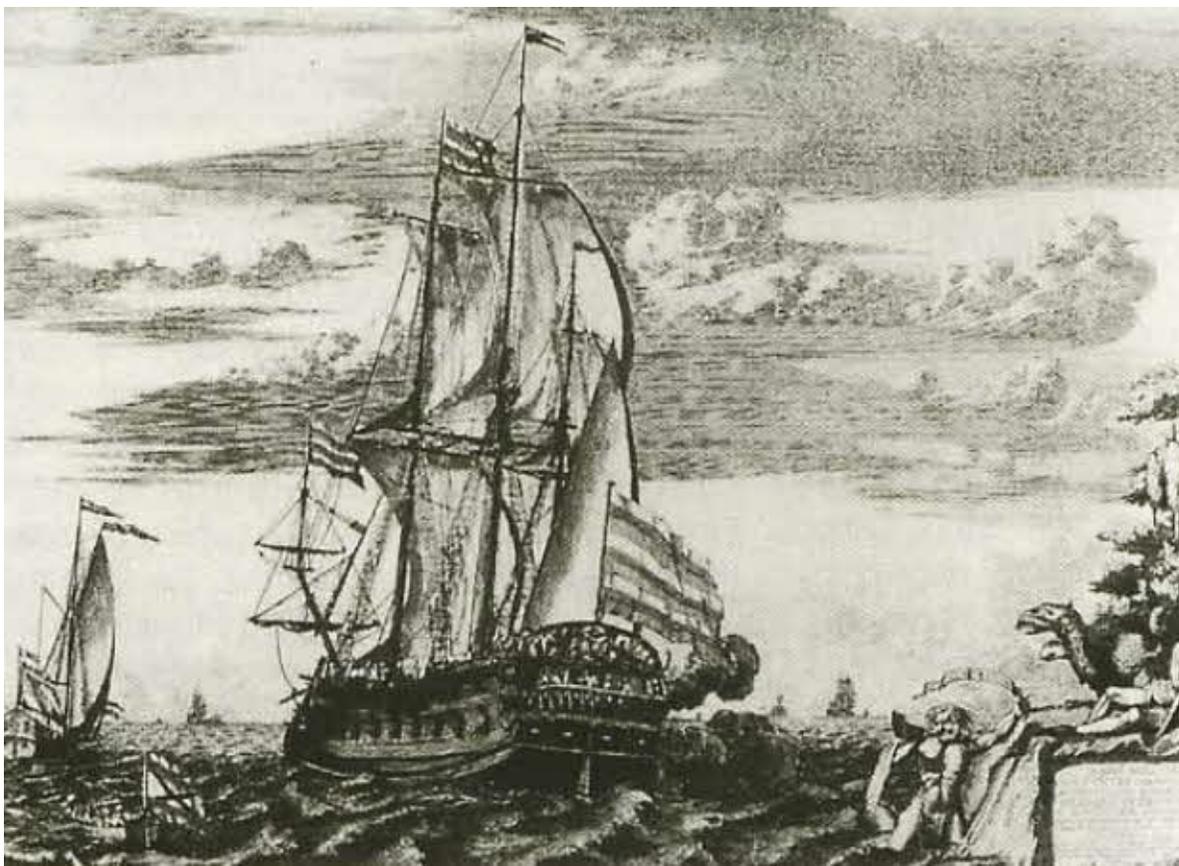
Золотой наперсный крест царя Петра Алексеевича.

Последняя четверть XVII в.

Парадное царское одеяние царя Петра Алексеевича.

1680—1690-е гг.

Корабль «Готопредистинапия».

А. Шхонебек. 1700–1701 гг.

Цари Иван и Петр Алексеевичи, царевич Алексей, патриарх Адриан и митрополит Варлаам Ясинский.

Гравюра из книги Ф. Г. Вебера «Преображенная Россия». 1721 г.

Петр

Август II, король Польский.

Карл XII, король Шведский.

Нарва. Гравюры XVII в.

Граф Борис Петрович Шереметев.

С гравюры Антипова. XVIII в.

Граф Федор Матвеевич Апраксин.

Копия с оригинала петровского времени.

Штурм русскими войсками шведской крепости Нотебург.

11 октября 1702 г. Гравюра А. Шхонебека. 1703 г.

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

Неизвестный художник. 1716–1720 гг.

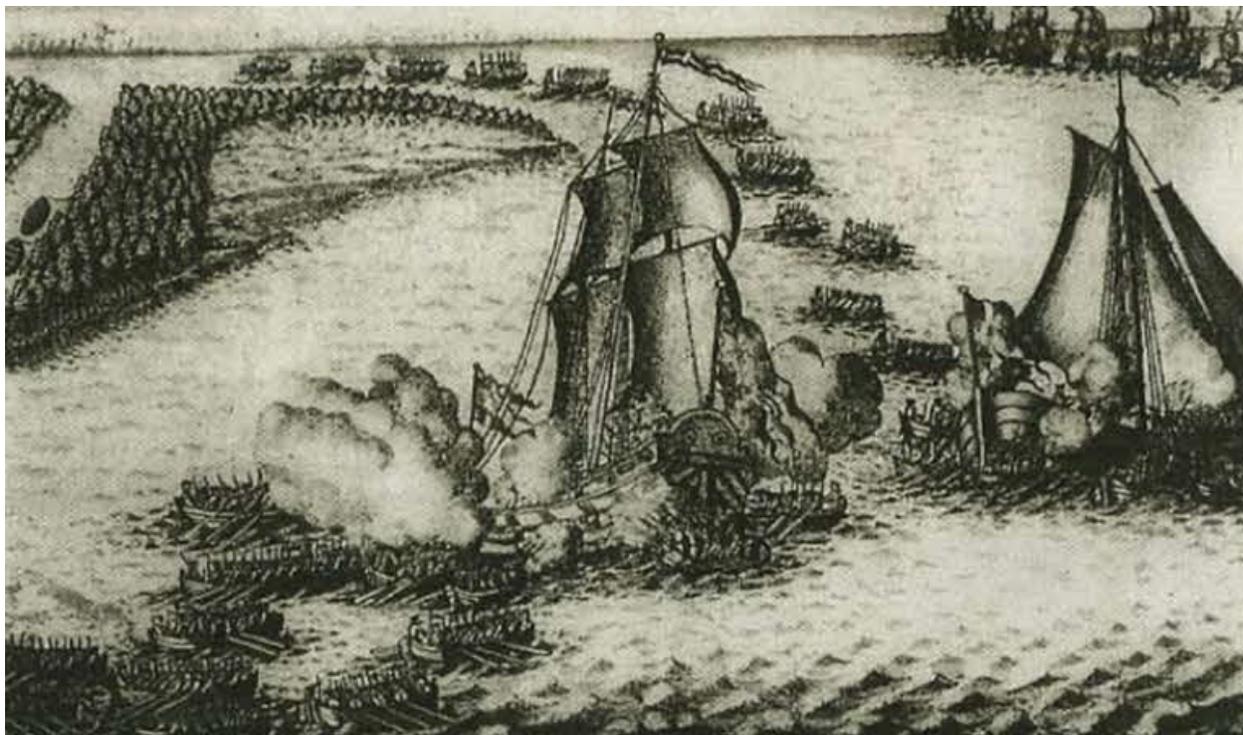

Летний дворец Петра I в Петербурге.

Архитекторы Д. Трезини и А. Шлютер.

*Медаль в память взятия двух шведских судов в устье Невы 7 мая 1703 г.
На лицевой стороне: нетрудное изображение Петра в доспехах и
надпись: «Царь Петр Алексиевич, вся Руси повелитель». На обороте:
русские лодки атакуют шведские парусные суда. Надпись: «Небываемое
бывает». Ф. Алексеев. 1703 г.*

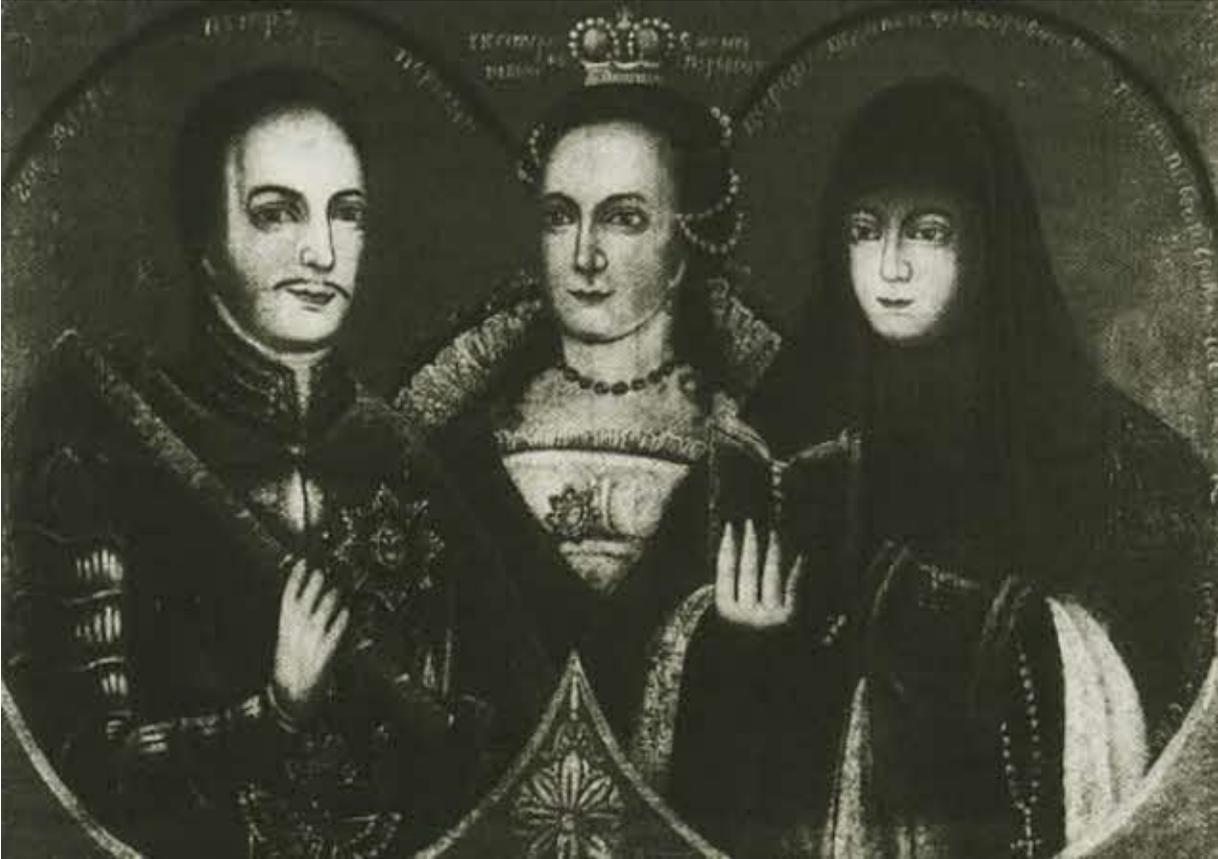

*Взятие двух шведских судов 7 мая 1703 г. при личном участии Петра.
Гравюра П. Пикара. Начало XVIII в.*

Императрица Екатерина Алексеевна.

Ж. М. Наттѣ. 1717 г.

*Царь Петр Алексеевич, его вторая жена Екатерина Алексеевна и его первая Жена Евдокия Федоровна Лопухина. Тройной портрет.
Неизвестный художник.*

Царевич Алексей Петрович.

И. Г. Таннауэр. Первая половина 1710-х гг.

Принцесса Шарлотта Христина София, супруга царевича Алексея Петровича.

И. Г. Таннауэр (?).

Парадная коляска Петра I.

Полтавская баталия 27 июня 1709 г.

А. Ф. Зубов, П. Пикар. 1715 г.

Серебряные наградные медали для рядовых солдат и унтер-офицеров за участие в Полтавском сражении.

Наградная золотая медаль для черногорцев в память Прутской кампании 1711 г.

Оттиск в серебре. Лицевая и оборотная стороны.

Петр I. Портрет на фоне моря с кораблями союзников — русских, датских, голландских и английских флотов. Л. Каравак. 1716 г.(?).

Граф Павел Иванович Ягужинский.

Неизвестный художник. 1766 г.

Петр Андреевич Толстой.

Таннауэр. 1719 г.

Барон Петр Павлович Шафиров.

С оригинала неизвестного художника первой четверти XVIII в.

Граф Гавриил Иванович Головкин.

И. Н. Никитин. 1720-е гг.

*Крест и лента ордена Святого Андрея Первозванного. Высшая награда
Российского государства, учрежденная Петром I в 1698 г.*

Морская баталия при Гангуте 27 июля 1714 г.

Гравюра А. Ф. Зубова. 1715 г.

Маска, снятая с лица живого Петра I.

Б. К. Растрелли. 1719 г.

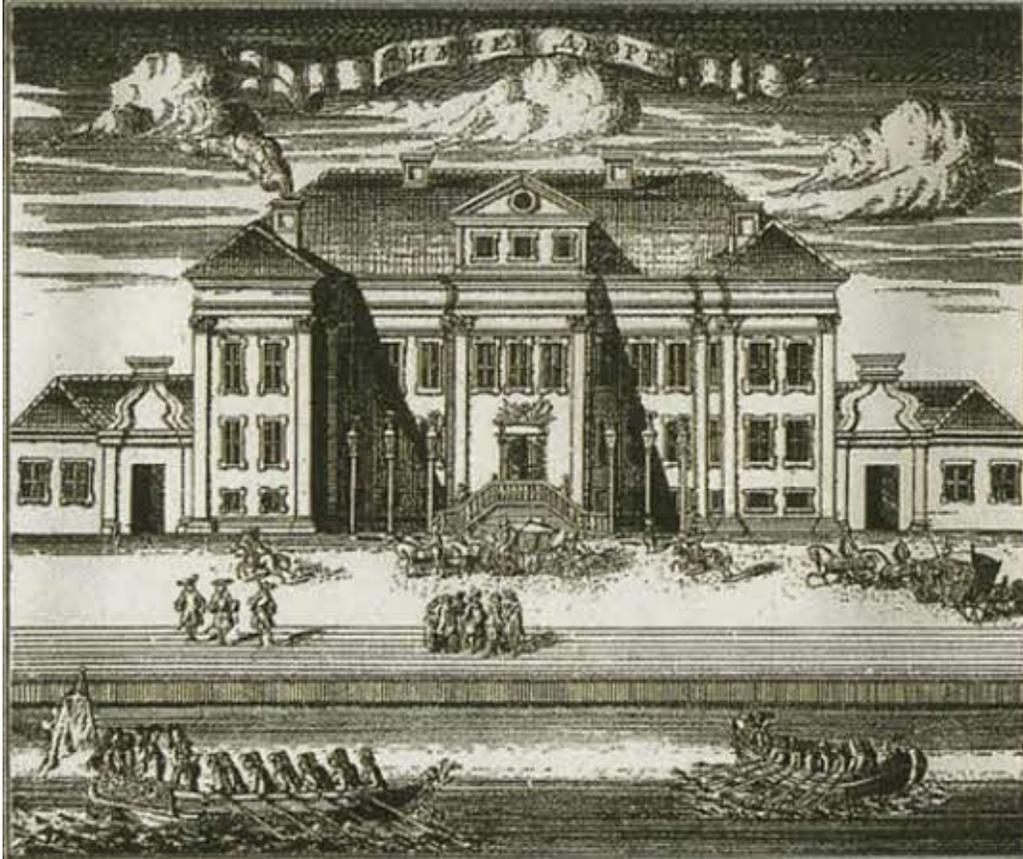
Морская баталия при Гренгаме 27 июля 1720 г.

Гравюра А. Ф. Зубова. 1721 г.

Портрет цесаревен Анны Петровны и Елизаветы Петровны.

Л. Каравакк. 1717 г.

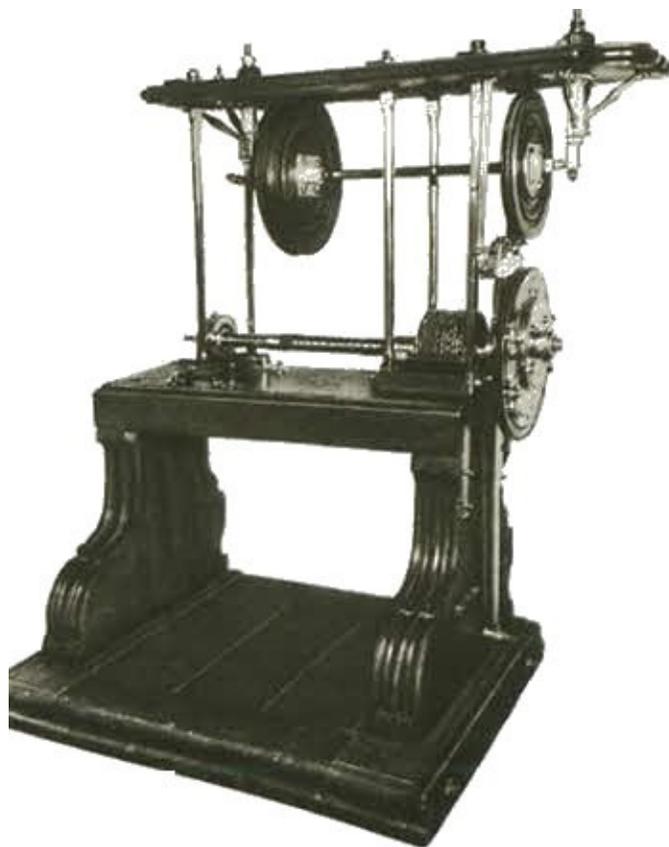

Зимний дворец Петра I в Санкт-Петербурге.

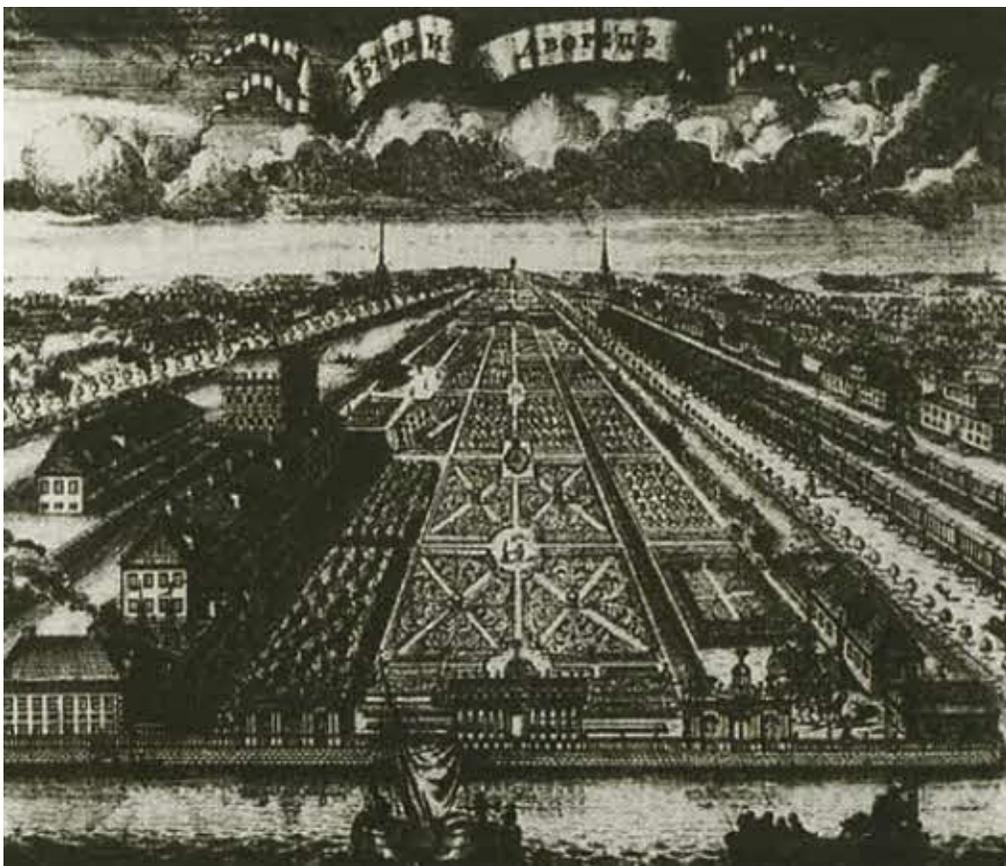
Архитекторы Д. Трезини и А. Шлютер. Гравюра А. Ф. Зубова. 1716 г.

Походная аптечка Петра I.

Токарный станок Петра I, изготовленный А. К. Нартовым.

Летний сад в Санкт-Петербурге. Гравюра А. Ф. Зубова. 1717 г.

Петр I на смертном ложе.

И. Н. Никитин. 1725 г.

Петропавловская крепость.

INFO

Павленко Н. И.

П 12 Петр I. — 4-е изд. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 428 [4] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей; Сер. биогр.; Вып. 850).

ISBN 5-235-02570-9

УДК [947+957]«16/17»(092)

ББК 63.3(2)46

Павленко Николай Иванович

ПЕТР I

Главный редактор издательства *А. В. Петров*

Редактор *А. Ю. Карпов*

Художественный редактор *А. Б. Романова*

Технический редактор *В. В. Пилкова*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 13.01.2003

Формат 84x108 ¹/₃₂-Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Гарнитура «Таймс». Усл печ. л. 22,68+1,68 вкл. Тираж 5000 экз.

Заказ 33043.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
103030, Москва, Сущевская ул., 21.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии:
103030, Москва, Сущевская ул., 21.

notes

Примечания

И все же более основательный анализ обстоятельств появления письма, сделанный автором в книге «Петр Великий», дает повод считать письмо фальшивкой, выдумкой Штелина*.

* Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 355–358.

В основу очерка положен доклад, прочитанный автором 18 ноября 1998 г. на конференции, посвященной 300-летию «Великого посольства».

comments

Комментарии

См.: Богословский М. М. Петр I. М., 1940. С. 14–17; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. Ч. 1. М., 1915. С. 190–194.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 17.

Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. I. СПб., 1890. С. 62, 63.

Цит. по: Богословский М. М. Указ. соч. С. 44.

Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М., 1962. С. 408, 409.

Цит. по: Погодин М. П. Семнадцать первых лет жизни имп. Петра Великого. 1672–1689. М., 1875. С. 103, 104.

Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. I. С. 56.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. I. СПб., 1884. С. 36, 37, 23, 24.

Там же. С. 860, 892, 969.

Письма и бумаги далее — (ПиБ). СПб., 1887. Т. I. С. 13, 14.

Там же. С. 18.

Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. I. С. 63.

Там же. С. 66.

Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 94.

Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. I. С. 65; Вебер Ф. Х. Записки // Русский архив. 1872. № 7. С. 1370.

Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
С. 184.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. VI. СПб., 1854. С. 347.

Там же. С. 51.

Там же. С. 54, 55, 52.

Там же. С. 71, 72, 74, 75, 77.

Там же. С. 95, 96.

Тетради старца Авраамия // Исторический архив. Т. VI. М.; Л., 1951. С. 144, 145.

Матвеев А. А. Записки // Записки русских людей. СПб., 1841. С. 65.

Пиб. Т. I. С. 144, 145.

Богословский М. М. Указ. соч. Т. II. М., 1941. С. 117, 118.

Ноомен Я. К. Записки пребывания Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. Киев, 1904. С. 24, 25.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 90.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. III. С. 92, 93; Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. I. С. 133.

Андреев А. И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий. М.; Л., 1947.
С. 71–73, 22–26.

Герасимова Ю. Ария для Петра Великого // Неделя. 1966. № 16.

Андреев А. И. Указ. соч. С. 88; Майков Л. Н. Указ. соч. С. 9.

Ноомен Я. К. Указ. соч. С. 28, 30.

ПиБ. Т. I. С. 251, 252.

Журнал или Поденная записка имп. Петра Великого. Ч. I. СПб., 1770.
С. 1, 2.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Кн. 2. СПб., 1863. С. 552; Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. IV. С. 282.

Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. СПб... 1906. С. 127, 128.

ПиБ. Т. I. С. 251.

Там же. С. 266.

Корб И. Г. Указ, соч. С. 82–84.

Восстание московских стрельцов 1698 г. М., 1980. С. 128.

Желябужский И. А. Записки//Записки русских людей. С. 58;
Богословский М. М. Указ. соч. Т. III. М., 1946. С. 118.

Корб И. Г. Указ. соч. С. 91, 94, 95.

ПиБ. Т. 1. С. 270.

Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864.
С. 311, 312.

Богословский М. М. Указ. соч. Т. III. С. 235–335.

ПиБ. Т. I. С. 380.

Там же. С. 386.

Журнал или Поденная записка... Ч. I. С. 19.

Там же. С. 25, 26.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VIII. М., 1993. С. 43.

ПИБ Т. I. С. 456, 474.

Там же. Т. II. СПб., 1889. С. 99–104.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 40, 41.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. 312.

ПиБ Т. I. С. 410, 411.

ПиБ Т. II. С. 99–109.

Там же. С. 92.

Там же. С. 158, 159.

Там же. С. 163.

Журнал или Поденная записка... Ч. I. С. 76.

ПиБ. Т. III. С. 162.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 44.

Там же. С. 48.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 44.

ПиБ. Т. III. С. 92, 93.

Там же. С. 124.

Пушкин А. С. Полное собр. соч. Т. IX. М., 1979. С. 92.

Ведомости времени Петра Великого. Вып. I. С. 3.

Желябужский И. А. Указ. соч. С. 95.

Сб. РИО. Т. 29. СПб., 1884. С. 60.

ПиБ. Т. III. С. 391.

Там же. С. 445.

Там же. С. 488, 451.

ПиБ. Т. IV. СПб., 1900. С. 43, 110.

Там же. С. 110.

Там же. С. 51, 52, 56, 60. Вып. 2. С. 589–591.

Там же. С. 113–115.

ПиБ. Т. VI. СПб., 1912. С. 98, 123.

Там же. С. 35.

ПиБ. Т. IV. С. 411–424.

ПиБ. Т. VI. С. 129.

Журнал или Поденная записка... Ч. I. С. 164, 165; Майков Л. Н. Указ. соч. С. 77.

Журнал или Поденная записка... Ч. I. С. 154.

Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М., 1988. С. 91, 92; ПиБ. Т. VIII. Вып. 2. М., 1951. С. 442; Вып. I. С. 15.

Там же. С. 110, 111.

Там же. С. 154, 167.

Журнал или Поденная записка. Ч. I. С. 182, 184.

ПиБ. Т. VIII. Вып. 2. С. 869, 865; Вып. I. С. 237–238.

Там же. Вып. I. С. 262, 268.

ПиБ. Т. IX. Вып. I. М., 1950. С. 12, 13; Вып. 2. С. 541.

ПиБ. Т. IX. Вып. I. С. 106; Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 43.

Глаголева А. П. Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением // Полтава. М., 1959. С. 140; Прокопович Феофан. История и мп. Петра Великого от рождения до Полтавской баталии. СПб., 1773. С. 195.

Тарле Е. В. Северная война. М., 1958. С. 161, 162

Там же. С. 208.

Там же. С. 225.

Там же. С. 226; Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 171, 172.

Там же. С. 258–276.

Журнал или Поденная записка... Ч. I. С. 240; ПиБ. Т. IX. Вып. I. С. 242, 243, 293; Вып. 2. С. 1014.

Прокопович Феофан. Слова и речи. Ч. 1. СПб., 1760. С. 22–24.

Юст Юль. Записки. М., 1910. С. 117–121.

Гельме И. А. Достоверное описание города Риги // Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 437, 438.

ПиБ. Т. Х. М., 1956. С. 361.

ПиБ. Т. XI. Вып. I. М., 1962. С. 9, 10, 12.

Там же. С. 103, 104, 123, 125.

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. VIII. М., 1993. С. 171.

ПиБ. Т. XI. Вып. I. С. 133, 139, 145.

Там же. С. 178, 285–287, 416, 547.

Юст Юль. Записки. С. 371.

ПиБ. Т. XI. Вып. I. С. 313, 319, 320.

Там же. С. 316.

Там же. С. 317, 383.

Юст Юль. Записки. С. 375.

ПиБ. Т. XI. Вып. 2. М., 1964. С. 12, 13.

Там же. Вып 1. С. 314.

ПиБ. Т. XII. Вып. 2., М., 1977. С. 36.

Русская старина. № 11. 1882. С, 295, 291.

ПиБ. Т. XII. Вып. 2. С. 31, 32, 38, 39, 59, 63–65;

Материалы для истории Гангутской операции. Вып. I. Ч. I. С. 54.

Сб. РИО. Т. 61. С. 255, 256.

Материалы для истории Гангутской операции. Вып. I. Ч. I. С. 25.

Журнал или Поденная записка... Ч. I. С. 439, 440; Письма русских государей и других особ царского семейства. Ч. 2. М., 1862. С. 37;

Походный журнал 1715 г. СПб., 1855. С. 39; Пекарский П. П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 156, 157.

ПСЗ. Т. V. С. 324–378; Епифанов П. П. Военский удар Петра Великого
// Петр Великий. М.; Л., 1947. С. 167, 168.

Походный журнал 1715 г. СПб., 1855. С. 39.

Ноомен Я. К. Записки. С. 72–78.

Письма русских государей... Ч. 2. С. 66.

Там же. С. 67.

Еженедельные прибавления к «Русскому инвалиду». 1865. № 5.

Погодин М. П. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. М., 1861. С. XIV, XV.

Погодин М. П. Царевич Алексей Петрович по свидетельствам, вновь открытым. М., 1860. С. 39.

Там же. С. 41. 42.

Погодин М. П. Собрание документов... С. 40; ЧОИДР. Кн. 3. М., 1861.
С. 36–42.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859. С. 346–348; Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 168, 172, 180.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 349, 350;

Там же. С. 462.

Там же. С. 359.

Там же. С. 388, 389.

Там же. С. 402–406, 411.

Русский архив. 1907. № 7. С. 313.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 444, 445.

Русский архив. 1907. № 7. С. 322.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 612.

Материалы для истории русского флота. Ч. I. СПб., 1865. С. 406.

Неплюев И. И. Записки. СПб., 1893. С. 102, 103.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 3. М., 1903. С. 60, 65; Ч. 4. С. 29.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 92; Штелин Я. Я. Указ соч. С. 101.

ΠСЗ. Т. V. С. 325.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 156; ПИБ. Т. II. С. 45.

ΠСЗ. Т. IV. С. 182; Т. VII. С. 227–230.

ΠСЗ. Т. V. С. 126.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 83, 84.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. С. 79, 80.

Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 42, 43.

ПСЗ. Т. V. С. 91–94, 84–86.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М.; Л., 1951. С. 94.

Юст Юль. Указ. соч. С. 269, 270.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 59.

Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 94, 259.

Там же. С. 208, 209, 225, 298.

«Ведомости» времени Петра Великого. Вып. 2. М., 1906. С. 270, 273, 276, 96.

Материалы для истории русского флота. Ч. 2. СПб., 1860. С. 512.

Павленко Н. И. Петр Великий. С. 420.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 43.

Голиков Н. И. Деяния Петра Великого. Т. 8. М., 1830. С. 242.

Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 156.

Берхгольц Ф. В. Указ. соч. Ч. I. С. 153.

Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран. М., 1978. С. 155.

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IX. М., 1993. С. 369.

Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 60.

Там же. С. 66.

Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 197.

ΠСЗ. Т. VII. С. 147.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 479;

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 71.

ПСЗ. Т. VI. С. 314–346; История СССР. Т. 3. М., 1967. С. 283.

ΠСЗ. Т. VI. С. 479.

Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 214.

Там же. С. 238–239.

Там же. С. 300–311.

ПСЗ. Т. VI. С. 486–493.

Там же. С. 656.

ΠСЗ. Т. VII. С. 216.

Воскресенский Н. А. Указ. соч. С. 151.

ΠСЗ. Т. VI. С. 388; Т. V. С. 185.

ПСЗ. Т. VII. С. 197, 198.

ΠСЗ. Т. V. С. 684, 685; Т. VI. С. 191.

ΠСЗ. Т. V. С. 588.

Пушкин А. С. Полное собр. соч. Т. IX. С. 287.

Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. I. С. 161–165.

Вебер Ф. Х. Записки // РА. 1872. № 6. 1 136.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. С. 273, 277.

Сб. РИО. Т. 5. СПб., 1875. С. 217, 218.

РГАДА. Ф. Сената. Кн. 300. Л. 1-371; Кн. 1888. Л. 525–688.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 3. М., 1903. С. 21.

ПИБ. Т. XI. Вып. 2. С. 17; Вып. I. С. 81, 82.

Голиков И. И. Деяния имп. Петра Великого. Т. 5. М., 1838. С. 261, 262;
Вебер Ф. Х. Записки. РА. 1872. № 6. С. 1073.

Луппов С. П. История застройки Петербурга. М.; Л., 1957. С. 23;
Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 162.

ΠСЗ. Т. IV. С. 778.

Русская старина. 1882. № 10. С. 37–41.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. I. С. 28.

Сб. РИО. Т. XI. СПб., 1873. С. 372.

РА. 1865. Изд. 2-е. Год третий. С. 273–275.

Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 120.

Русская старина. 1879. № 6. С. 274, 275.

Штелин Я. К. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. I. С. 307–309.

РА. 1872. № 6. С. 1148–1149; Берхгольц Ф. В. Указ. соч. Ч. I. С. 113.

ΠСЗ. Т. V. С. 542; Т. VI. С. 277.

Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. I. С. 24.

Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 15–47.

PA. 1872. № 7. C. 1419, 1420.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 343, 347.

Штелин Я. К. Указ. соч. Ч. I. С. 111–117.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в первой половине XVIII в. М., 1953. С. 54; Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 92, 103, 163.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ Петра Великого в записках современников. СПб., 1897. С. 35, 36.

Комков Г. Я., Левшин Б. В., Семенов Я. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. I. М., 1977. С. 21–23.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. I. С. 35, 70; Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 79.

РА. 1863. Изд. 2-е. М., 1866. С. 333, 334.

Юности честное зеркало, или Показания к житейскому обхождению.
СПб., 1723.

ПСЗ. Т. VII. С. 161, 162.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 4. С. 25, 42.

Письма русских государей и других особ царского семейства. Ч. 2. С. 143, 144.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 4. С. 72.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 99.

Прокопович Феофан. Слова и речи. Ч. 2. СПб., 1761. С. 127, 131.

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. VIII. М., 1993. С. 98, 99; Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 135–145, 158.

Семевский М. И. Слово и дело. СПб., 1884. С. 127–184.

PA. 1901. № 11. С. 279.

PA. 1873. № 10. C. 2073; № 11. C. 2297.

Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 140, 179.

Там же. С. 158.

Там же. С. 167, 172–174.

Устрялов Н. Г. История Петра Великого. Т. III. СПб., 1890. С. 193, 194;
Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. II. СПб., 1863. Приложение.
С. 61–72.

Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 126, 128.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. 2. СПб., 1863. С. 190.

Есипов Г. Указ. соч. С. 176.

ПІС. Т. V. № 2874, 2929.

Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 226; она же. Астраханское восстание. М., 1975. С. 79, 80.

Крекшин П. Н. Краткое описание блаженных дел Великого государя, самодержца Всероссийского // Записки русских людей. СПб., 1841. С. 3.

Там же. С. 4; Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 155.

Крекшин П. Н. Указ. соч. С. 11, 13, 20, 31.

Богословский М. М. Петр I. Т. I. М., 1948. С. 14–17.

Неделя. 1966. № 16.

Сб. РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 52–62, 115..

Юст Юль. Записки. С. 91, 98, 100, 101, 147, 149, 270.

Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
С. 66–68.

Там же. С. 126, 127.

Бассевич, граф. Записки о России. М., 1866. С. 135.

Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. I. М., 1902. С. 40, 44, 82; Ч. 3. М., 1903. С. 10, 28, 109, 114, 115.

Там же. Ч. 3. С. 11, 56, 98.

Сб. РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 144, 145.

Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом. СПб., 1892. С. 19, 27, 98, 99, 105 и др.

Штелин Я. К. Подлинные анекдоты Петра Великого. М., 1787. С. 516–518.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 20.

Штелин Я. К. Указ. соч. С. 24–33; Голиков и Штелин. Анекдоты о Петре Великом. Ч. I. М., 1846. С. 8–12.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 21, 22.

Штелин Я. Я. Указ. соч. С. 280, 420.

Штелин Я. Я. Указ, соч. С. 454, 455, 75–79; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 351–358.

Штелин Я. Я. Указ. соч. С. 122–126.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 81–83.

Штелин Я. Я. Указ. соч. С. 304.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 32–34, 36, 51.

Там же. С. 48, 49; col1_0 396–399.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 72–74, 49; Штелин Я. Я. Указ. соч. С. 408–411.

Майков Л. Н. Указ. соч. С. 50, 57, 96, 97.

Штелин Я. Я. Указ. соч. С. 367, 368.

Голиков и Штелин. Анекдоты о Петре Великом. С. 9—18, 22—26, 40—45.

Петр I. Предания, легенды, сказки и анекдоты. М., 1993. С. 25–27, 44.

Петр I. Предания... С. 33, 34, 47, 48, 51–53, 55, 62–73.

Русские исторические песни. Л., 1987. С. 188, 148, 199, 214, 212.